ISSN 0027-8238

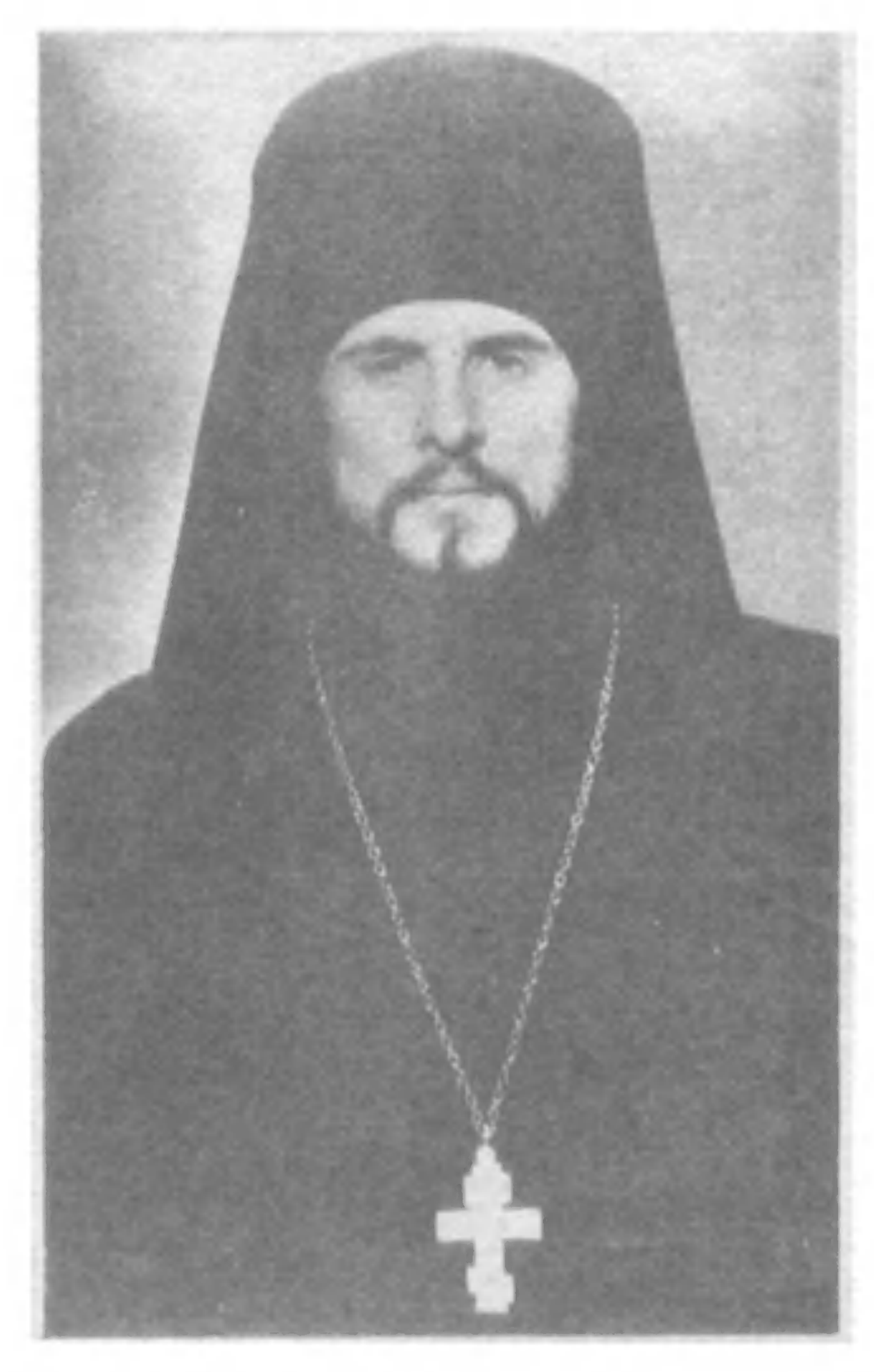
НАШ СОВРЕМЕННИК

Журнал писателей России

№4 1994

КРОВЬ НОВЫХ МУЧЕНИКОВ ТВОИХ ВЗЫВАЕТ К ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

Год назад в светлую ночь Святой Пасхи в Оптиной пустыне враги Православия совершили ритуальное убийство трех насельников возрожденного монастыря: иеромонаха Василия, иноков Трофима и Ферапонта.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ:
Союз писателей Российской Федерации
и трудовой коллектив редакции

№4 1994

ИЗДАТЕЛЬСКО-
ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПИСАТЕЛЕЙ

МОСКВА

Содержание

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная верстка М. Г. Акколаевой. Операторы М. Б. Терентьева, Ю. Г. Сотова.
Корректор С. А. Артамонова.

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 22. 10. 91 № 1222.

Адрес редакции: 103750, ГСП, Москва, Цветной бульвар, 30.
Телефоны: 200-24-24 (главная редакция); 200-23-88 (отдел прозы); 200-24-90 (отдел поэзии);
921-48-71 (отдел очерка и публицистики; отдел критики);
921-43-59 (секретариат); 200-23-05 (факс).

Сдано в набор 05.03.94. Подписано в печать 08.04.94. Формат 70 x 108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,5. Уч.-изд. л. 20,49.
Тираж 45 456 экз. Заказ 568.

ИПО писателей, 103750, Цветной бульвар, 30.
Ордена “Знак Почета” типография “Красная звезда”;

МАРИЯ АВВАКУМОВА

ПРОТИВ ГОСПОДА ВСЕ БЕСПОБЕДНО

СТИХОТВОРЕНИЕ НА ГОД СОБАКИ

Время — как семя порочное:
не вымрет и не живет,
вылезло на свет и корчится,
и человечиной рвет.

Время прикинется впадиной
между времен-высот
и вдруг выползает гадиной,
мерзостью нечистот.

Время (мы ль не уверились) —
в глотку живому кость.
И если сейчас мы озверились —
значит, воткнулась ость.

И человеко-собачество,
там, где пригрезился Бог,
плачет, скулит, калачиком
свертываясь у ног.

АВВАКУМОВА Мария Николаевна родилась в Архангельской области. Окончила Казанский университет. Занималась журналистикой, переводила на русский язык поэзию народов СССР. Автор нескольких книг стихотворений; рассказов в жанре фантастики. В "Нашем современнике" публикуется впервые. Член Союза писателей. Живет в Москве.

* * *

Вот кончились дни участья, —
как вышло — не худшие дни;
отныне подкову счастья
мы выковать сами должны.

Обрушились давние дружбы,
как холмики старых могил.
Ну что же, так, видимо, нужно
по замыслу вольных светил.

Так нужно! так нужно! так нужно! —
затверживаю урок,
как серафим, безоружна
и одинока, как Бог.

* * *

Я, что мог быть лучшей из поэм...

Николай Гумилев

I

Как мертвая Луна в двадцать девятый день,
так — этот день, так жизнь и все, что жизнью было.
Уж не стихи строчить, а жить смертельно лень:
все брошено, все бренно, все остыло.

Еще не ночь — а тьма. И крики из нее.
И только крики эти — не притворность.
Как расцвело у нас змеево ремесло —
ползучая, постыдная придворность.

Когда бы знать вчера... я сделалась ничем...
когда бы знать... А ведь и я могла бы
и "розой белой быть и лучшей из поэм".
Теперь ни дух святой, ни тень от старой швабры.

"Смирись: все это шлак, все выработка лет,
тысячелетья злого терриконы".
И я б смирилась, но — покруче прежней плеть,
подлей былых "гуманные" законы.

И уловляют нас, и казни предают.
А мы как будто ничего не замечаем.
...Летит по ночи крик (торчит Маринин крюк).
Иль сами бесы мы? Иль Дьявола венчаем?

15 сент. 93 г.

II

В ночь наваждений и тяжелых снов
был сон и мне... И был мой сон таков:
в туманной пелене осенних испарений
столичный стадион пространством прирастал;
он полем стал, потом степями стал
и в небо врос, не зная измерений.

Среди него, в скульптурной свалке, я
заметила российского вождя:
он — изваянье — повернулся, ждя...
и камень, точно пес, припал к ноге, урча...
Он сбрасывал с себя загробный саван гипса.
Он плотью облекал свой профиль секача.

Он был там не один, но главным был там он —
меж френчей и усов, и хромовых пиналищ.
Все ширился, как пасть Сатурна, стадион
уже и не людских и не земных игралищ.

Еще немного и — меня объемлет рой
огнепоклонниц, вопleниц валькирий*,
но — вспыхнул свет на миг, как будто кто пронес
благословенный золотой трикирий.

...Как хорошо, что сон. Как хорошо, что ночь
была всего лишь ночью наваждений.
Но если не пронес?.. и не пройдет обочь
ночь наших ужасов и чьих-то наслаждений?

16 сент. 93 г.

* * *

Какие-то люди... с какою-то темной любовью...
Бог с вами! да что же вам надо от нас?
Мы, россы, ведомые темной неспешною кровью,
без вас обойдемся на нашей земле без прикрас.

Что в помыслах ваших: найти развлеченье от скуки?..
подспудное зверство: кого бы замучить и вам?..
Идите себе!.. Я отвожу свои руки:
и вашу в свою не возьму, и свою не подам.

Такие ль вцеплялись в нее сипуны-вурдалаки,
такие ли птички желали ее щекотать,
да хватит об этом... Когда-то мы были варяги!
теперь — доходяги. И вот он бесчинствует — тать.

Какие-то люди у нас, с иноземной любовью.
Гляди: окружают заботой, идут по пятам.
Но я на лукавые зовы не дрогну и бровью.
И я их руки — не возьму. И свою —не подам.

РАСПРАВА

Это все не проходит бесследно,
не смывается первой волной:
это *мы* пролетали над бездной,
это в *нас* громыхнуло войной.

---

* Валькирии — уносящие души убитых (*прим. автора*).

Это люди ползли по асфальту,
а не злая барачная вошь.
Это в дьявольском мрачном азарте
нас приканчивала марадёжь.

Не забуду! — клялась, проклиная.
Не забуду!.. но вот, как в провал,
я оглядываюсь, пролетая
там, где нас президент убивал.

Оглянулась назад сквозь усилье,
будто в чью-то чужую Русь:
там — в крови — перебитые крылья,
там — дыхание черных марусь.

Но ничто не проходит бесследно.
И никто не прикончит основ.
Против Господа все беспобедно:
президенты... и ночи покров...

* * *

Народ — не скот. Но есть такие,
кто это нам охоч вмастить,
кто Крепость белую России
спешит в бидэ перекрестить,

кто нас вкруг пальца вечно водит,
кто про фашизм кричать горазд,
кто песню дружбы нам заводит,
а завтра с танков лупит в нас...

Кто он, бессовестный советчик,
закройщик нашей кутерьмы?
Я — не истец. Ты — не ответчик.
И то... подальше от тюрьмы.

* * *

Жил Александр Герцевич...

Осип Мандельштам

"Жил Александр Герцевич, еврейский музыкант".
Стихи свои наверчивал, как чистый бриллиант..
Теперь тебя услышали все наши молотки,
полны твоими книжками торговые лотки.

Что, Александр Герцевич, свобода хороша?
Особенно смертельные на танках антраша.
Мрет простолюдье глупое, доверчиво зело.
Все, Александр Сердцевич, заверчено давно.

Куда-то итальяночка, покуда снег хрустит,
на узеньких на саночках за Шубертом летит.
А нам — дорога старая... А на дворе темно.
На то и вышло, стало быть?
— Чего там? Все равно.

* * *

О чем я?.. Да о том, что и поэт,
доколе тьма египетская здесь, —
такая ж безответная овца,
с которой шерсть стригут (читаем: честь).

Напишешь об одном — уже, гляди,
куда-то пристрочили не туда.
А "Реквием", что прятали в груди...
он тоже нынче рушит города,
он тоже послужил рога крутить
инаким... кто не бойко в бездну шел.
Как тут не скажешь: "Благородней пить
до ризоположения под стол".

Нет ничего святого для акул.
Нет даже слова этого для них....
Он понял все. Он тяжело заснул —
мой старый друг, мой оскорбленный стих.

ФРАНКЕНШТЕЙН

Нет слова подлее, чем слово "свобода".
Припустишь и — носом в окоп,
в кровавый кисель затяжной непогоды...
Свобода — повапленный гроб.

Тьмы мира сего не она ль предводитель,
свобода-буза-лабуда?!
Она же — лукавый жестокий учитель
и проводник... в никуда.

"Свобода!.. свобода пос...ть с огорода" —
замечено без затей.
А кто это слопал бифштекс у народа? —
родитель чумы Франкенштейн.

А вы, вольнодумцы, Свободы поэты...
где голос ваш, хоть бы один? —
вы вздернуты, смяты, разбиты, раздеты...
воздеты на колья осин.

Над вами смеется какой-нибудь Хаим,
над вами смеется генсек,
над вами смеются бандюги окраин,
перепоганивши всех.

Призывы к свободе — подлог и проформа,
кабальнее всех кааб.
Но... неисканье свободы — позорно!
Когда понимаешь — что раб.

* * *

Я вспоминаю осеннее море
и твой добивающий взгляд.
Тяжелые мертвые брызги
меж морем и взглядом летят.

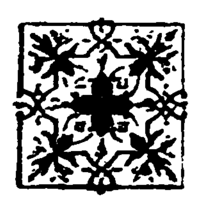
Умру без тебя, говорю я.
А ты говоришь: “Не умрешь...”
Зачем воровали, воркуя,
у времени древнюю ложь?

Я вспоминаю закатные перья,
полынные ветры с гольцов.
...Не умерла. Но теперь я
мертвее самих мертвецов.

* * *

Переболеет небо бурями
и — погляди, мой золотой,
меж багровищами и хмурями
мелькнет росточек золотой.

Не все, не все еще испытано
и сладкий мед не весь испит...
Меж поножовщиной и битвами
младенец примиренья спит.

ДЕРЖАВА

Публикацией документальной повести известного писателя Владимира Солоухина журнал открывает рубрику "Держава". В этой рубрике мы будем публиковать произведения, рассказывающие о славной и драматичной истории становления Государства Российского. Повесть В. Солоухина посвящена Хакасии — удивительно красивому и богатому в прошлом краю. Писатель выбрал один из самых трагических моментов в жизни края — начало 20-х годов нашего века, когда в Хакасию на подавление народного восстания, руководимого есаулом Соловьевым, был послан Аркадий Голиков, более известный под своим литературным псевдонимом Гайдар. Солоухин не скрывает того огромного ущерба, который нанесли хакасскому народу представители новой власти. Казалось бы, не слишком подходящее произведение для открытия "державной" рубрики. Но страшные испытания послереволюционного времени становятся тем фоном, на котором с особой отчетливостью выявляется животворная связь хакасского и русского народов. Писатель показывает, что хакасы нашли верных защитников в лице простых русских людей. Память о благородном заступничестве есаула Соловьева за хакасов до сих пор живет в народных песнях. В повествовании о частной, казалось бы, судьбе, о кратком, хотя и чрезвычайно насыщенном эпизоде русско-хакасских отношений писателю удалось без нажима и дидактики показать основу, на которой строилось Государство Российское. Эта основа — отзывчивость русского человека на чужую беду, стремление, не щадя себя, защитить малые народы. Именно так, жертвенно, не помышляя о выгодах, русские люди собирали края и народы в единую могучую Державу.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

СОЛЕНОЕ ОЗЕРО

Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы, и только теперь задача преодоления и подавления сопротивления окончена в своих главных чертах. Россия завоевана большевиками.

В. И. Ленин

Я не предал белое знамя...

А. Блок

— Говорят, ты собираешься написать книгу о Хакасии?
— Почему о Хакасии? О России...

Из телефонного разговора

Историческая справка:

"По распоряжению Петра I поручик Мизгирев с отрядом казаков в 1714 году прибыл в Минусинский уезд для охраны Соленого озера. Вначале были построены казарма и караульное помещение с северной стороны озера, а затем, спустя несколько лет, заселили и обосновали поселок Форпост. С течением ряда лет поручик Мизгирев был переведен в полевые части, а затем в генеральный штаб, где служил длительное время. В возрасте 68 лет в звании генерала при уходе в отставку вернулся в станицу Форпост в свой дом, где и доживал последние годы своей жизни".

Скажем от себя, что поселок со временем превратился в казачье село, причем на равных правах существовали и первое название "Форпост", и более позднее название села — Соленоозерное, пока историческое это место не стало называться совхозом "Буденновским". Простенько и со вкусом. Скажем сразу же, что казаки (а позднее русские крестьяне-переселенцы) легко уживались и даже смешивались путем браков с коренным населением этих мест — с минусинскими (абаканскими) татарами, за которыми теперь узаконилось название хакасов.

Более того, один из современных хакасов в разговоре со мной утверждал, что Петр I прислал отряд казаков по прошению местного населения, то есть хакасов (ну, может быть, богатых хакасов), которые видели, что соль, добываемая из озера, разворовывается.

Кстати, "Брокгауз и Эфрон": "Минусинское или Степное озеро — Енисейской губернии, Минусинского округа, находится в западной части округа, на западном склоне Чулымских гор в 5 верстах от правого берега реки Большого Июса и с. Соленоозерск. (Видимо, ошибка. Есть река Черный Июс и Белый Июс. Следовательно, речь идет не о Большом Июсе, а о Белом Июсе, на котором действительно стоит село Соленоозерное.)

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич родился в 1924 году в селе Олепино Владимирской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор многих книг прозы и сборников стихотворений. Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Член Союза писателей. Живет в Москве.

Документальная повесть публикуется в сокращенном виде.

Тот же словарь о минусинских татарах, называемых ныне хакасами:

"...тюркские племена, кочующие в Минусинском округе Енисейской губернии по обоим берегам Абакана, в углу образуемом с запада Кузнецкими горами, а с юга Саянским хребтом... занимаются скотоводством, земледелием и звероловством. Хотя все (они) христиане, но шаманы пользуются у них все еще большим уважением. Среди их поселений много каменных баб с монгольским типом... почитают их как своих предков, мажут им рот маслом и сметаной. По их представлениям на небе в большой юрте живет Бог, на земле летают духи огня, воды, горы и животных, а под землей живет черт Эрлик-хан, принимающий у себя шаманов и их последователей. При погребении умершего, с ним кладутся жизненные припасы, узда, седло и аркан. Шаманы поют свои молитвы ямбическими стихами и через каждые четыре стиха бьют в бубен от четырех до шестнадцати раз: бубны снабжены рисунком, изображающим вселенную, разделенную тремя чертами, т. е. землю, надзвездный мир и преисподнюю... Много пословиц, толкований снов, загадок, сказок и легенд. Из сказок многие сходны с русскими".

Отрывок из сказки, то бишь из эпической поэмы "Алтын Чюс" (нечто вроде хакасской Илиады), которую мне в свое время посчастливилось изложить по-русски:

Это было, когда начиналось начало,
Когда наша матерь-земля возникала.

Вершины, белея снегами, вздымались
И прочно стояли, и не колебались.

Ручьи водопадами ниспадали,
Ущелья и русла себе пробивали.

По гладким равнинам они разбегались,
В широкие реки они превращались.

Превращались они в полноводные реки.
Украшеньем земли становились навеки.

Среди черной земли создавая узоры,
По низким местам возникали озера.

Но черной недолго земля оставалась,
Повсюду трава из нее пробивалась.

Листвою зеленой и хвоей блистая,
Холмы одевала трава молодая.

Открылись для жизни широкие двери,
Цветами покрылись гранитные глыбы.

В тайге обитают различные звери.
В озерах и реках блаженствуют рыбы.

А степи привольные и зеленые
Стадами пасущимися заполнены.

Кони осторожные там пасутся,
Коровы там медленно бродят.

Овцы бесчисленные снуют,
Все они пищу себе находят.

А за просторами белого моря
Великое множество людей обитают.

Такое множество там народа,
Что даже жилья для всех не хватает.

Юрта юрты там боками касается,
Всю прибрежную землю они занимают,

Прохожие в тесноте толкаются,
Друг за друга одеждами задевают.

Локтями, боками или одеждами
Человек задевает за человека.

А посреди аала стоит белоснежная
Дворцовая юрта хана-бека.

Таково, значит, было представление древних хакасов об устройстве мира.

По географическим понятиям это место называлось Минусинской впадиной со своим благоприятнейшим микроклиматом и плодородными землями (все же это Сибирь, а растут абрикосы, и помидоры там вкуснее, чем где-либо), а по административному понятию это был Минусинский округ Енисейской губернии великой Российской Империи.

Населяли этот округ кроме переселенцев из европейской России, как уже знаем, минусинские татары, или, по-теперешнему, хакасы, красивый, свободолюбивый, трудолюбивый, своеобразный и, я бы сказал, яркий народ.

Кощунственно утверждать про небольшую народность, нацию, что ей повезло, если по крайней мере третью часть ее в ходе, как принято говорить, "становления советской власти" перестреляли, утопили в озерных прорубях, порубили шашками, ограбили, уморили голодом, растрясли как попало по окрестным землям, по белу свету.

Маленькое же везенье вот в чем. Нашелся в Минусинске богатый человек Мартьянов, который организовал, построил, оснастил экспонатами и подарил городу музей. Теперь его назвали бы краеведческим, но тогда не было еще этого номенклатурного словечка, а был это просто — музей.

И нашелся энтузиаст, фотограф, фотограф-художник, который при помощи неуклюжего ящикоподобного фотоаппарата (камеры) и при помощи стеклянных пластинок-негативов перефотографировал почти всех хакасов. Его звали Федоров, а расстреляли его большевики в 1918 году, когда свое миссионерское дело он уже сделал.

Пятьсот стеклянных пластинок-негативов, причем отличного качества, оставил он как наследство народу Хакасии. И все не простые, а групповые, семейные фотографии. Семья зажиточного хакаса, семья пастуха, семья купца, семья учителя, группа молодых хакасов, группа хакасок, хакаски в праздничных одеждах, хакаски в будничных одеждах, хакаски за приготовлением пищи... Пятьсот групповых либо семейных фотографий. В сущности это портрет целой нации, это, я бы сказал, эпопея, хакасиада, и хранится она в Минусинском музее и, по странности, до сих пор не издана в виде альбома либо альбомов.

С почти болезненным интересом вглядывался я в эти красивые, своеобразные, по-своему одухотворенные лица, зная уж теперь, что большинство этих людей было застрелено, зарублено, ограблено, уморено голодом, утоплено в прорубях Соленого либо Божьего Озера.

Поскучаем в пределах странички над конкретными цифровыми выкладками, относящимися к концу прошлого века, во всяком случае, к периоду "До"...

"В отношении земледелия и скотоводства Минусинский округ занимает первое место в губернии и избытками своими снабжает Енисейскую губернию и ее золотые прииски. В 1891 году под пашнями, паром и разделками находилось 233.000 десятин, засевалось яровой ржи 90.000 десятин, яровой пшеницы 60.000 десятин, овса 40.000 десятин. Затем шли озимая рожь, ячмень и греча. Покосов числилось 90.000 десятин. Собрано сена до 22 миллионов пудов. Хлеба собрано более 6 миллионов пудов.

Огородничество довольно значительно. Разводится много картофеля, капусты, луку, репы, огур-

цов, арбузов и дынь, которые сплавляются на плотах вниз по Енисею в Красноярск и Енисейск. Посевы льна и пеньки с каждым годом увеличиваются...

Скотоводство в цветущем состоянии... Лошадей числилось в 1895 г. до 186.500 голов, рогатого скота 102.460 голов, овец 350.000 штук, коз 11.120, свиней 26.340 штук. Коневодство развито в степных местностях, в особенности у инородцев и степных крестьян. Пчеловодство... до 18.000 ульев, дающих ежегодно до 2.500 пудов меду и до 500 пудов воску...

Рубка и сплав леса по Енисею, постройка барок, лодок, плотов составляют значительный промысел... Из мелких лесных промыслов смолокурение, выжигание угля, сбор коры для дубления кож, ореховый промысел, добывание лиственничной серы для жевания, столь распространенного среди женского населения сибиряков-старожилов и инородцев, занимают немало рук в притаежном населении... Кустарная промышленность ограничивается тканьем холста, плетением неводов и сетей, валянием войлоков и пим, шитьем тулупов... Звероловством занимаются инородцы и русские притаежных местностей... Предметом охоты преимущественно служат сохатые, изюбри, косули, кабарги, белки, рыси, медведи и изредка соболи... В селениях немало маслобоен для выделки масла из льняного и конопляного семени, кедровых орехов, подсолнухов и горчицы... ремесленников в округе состояло 1700 человек, из них плотников 413, кузнецов и слесарей 351... Золота в округе с 1837 по 1895 год добыто 2.100 пудов... В округе несколько ярмарок: в с. Каратуз — с оборотом в 17.000 рублей (разумеется, не по ценам 1993 года.— В. С.), в Абаканске — с оборотом в 60.000 рублей, в с. Соленоозерном — с оборотом в 35.000 рублей...

...Переселенческое движение с каждым годом возрастает; в последнее десятилетие переселилось из Европейской России по крайней мере 20.000 человек. В последние годы прилив вольных переселенцев достигает с лишком 3.000 человек в год..."

Все эти скупые цифры (а их можно найти гораздо больше) относятся к самому концу прошлого века, к девяностым годам. Как раз в эти годы отбывал трехгодичную ссылку в этих местах, в Шушенском, В. И. Ульянов, получая на пропитание в неделю одного барана и 8 рублей деньгами при стоимости коровы 5 рублей.

"...Зимой они катались на коньках по замерзшей реке. Владимир был опытным конькобежцем, засунув руки в карманы, он быстро скользил по льду и угнаться за ним было невозможно. Крупская героически пыталась догнать его, но спотыкалась и отставала. Теща однажды попробовала стать на коньки, но упала на спину. Все трое любили белизну сибирской зимы, чистый морозный воздух, умиротворенную тишину заснеженных лесов. "Это было, как жизнь в волшебном королевстве", — вспоминала Крупская"*. Никто не мог предполагать, разумеется, что усилиями и злой сатанинской волей безобидного ссыльного "волшебное королевство" через какие-нибудь 20 лет превратится в кровавый ад, а шушенские мужики будут трижды отправлять ходоков в Москву к Крупской. Теперь спросим сами себя: от хорошей ли жизни таскались мужики в Москву (как если бы раньше к царю) или от полного отчаяния? И ответим сами себе: от отчаяния. Они могли таскаться к Крупской в 1918 году, когда их начали грабить продотряды, могли таскаться и в 1929 году, когда их начали раскулачивать и физически уничтожать, а оставшихся силком загонять в колхозы.

...Хакасия как тема подбиралась ко мне постепенно. Впервые я услышал это слово — Хакасия — от моего соученика по Литературному институту, от Михаила Еремееевича Кильчичакова. Но конечно, тогда он (да и до конца) оставался Михаилом Кильчичаковым, а еще проще — Мишей. Он умер в прошлом году. Поехал на какой-то хакасский курорт ("Горячий ключ"), принял какую-то там радоновую, слишком активную ванну, и ночью остановилось сердце. А сорок лет назад мы вместе учились в Литературном институте, только он шел двумя курсами помоложе.

У него было хорошее чувство юмора. Я рассказал ему про одного старого китайца, жившего в Казахстане. Как он сидел на базаре и торговал мелкой рыбешкой, наложенной кучками.

— Почем рыбка?

Китаец смотрел умиленными слезящимися глазами и отвечал:

— Севели́, севели́ — пять рублей, не севели́ — три рубля.

То есть, если живая и шевелится... либо снулая и не шевелится... Миша превратил это в нашу "приватную" шутку. Позвонив мне из Абакана (либо из гостиницы в Москве) и услышав мой голос, он неизменно вместо "алло", здравствуй, привет, как живешь и так далее, сразу спрашивал:

— Севели́, севели́?

— Шевелимся понемножку.

---

* Из книги Роберта К. Мэсси "Николай и Александра".

Из более серьезных “пересечений” с Мишей надо отметить три.

Позвонили из Союза писателей:

— Требуется поездка в Монголию. Делегация из двух человек. Предлагаем поехать вам, а напарника выберите сами.

Я позвонил в Абакан:

— Севели́, севели́? Не хочешь слетать в Монголию?

Миша, конечно, захотел. Поездка как поездка, можно бы и не упоминать, но именно там, разговорившись, я согласился переложить на русский язык эпическую хакасскую поэму “Алтын Чюс”. Отрывочек из нее мы уже проходили на первых страницах книги.

Минусинская котловина с трех сторон — запада, юга и востока — огорожена таежными горами, горной тайгой. А в этом огороженном пространстве — степные сопки. Пологие сопки, покрытые степным травостоем. Чем-то былинным, величественным веет от этих сопок. Вот уж воистину эпический, сказочный ландшафт. Это сродни тому, как изображен Виктором Михайловичем Васнецовым богатырь на коне, остановившийся перед камнем с надписью: “Направо поедешь — коня потеряешь, прямо поедешь — голову потеряешь...”

Сказочность усугубляется и тем, что многие сопки, продолговатые возвышенности, уставлены своеобразными многочисленными стелами. Нет, это не архитектурные, не скульптурные изображения в строгом смысле этого слова, но это и не вполне дикие камни. Дикие-то они дикие, но все же грубо (но и со вкусом, но и с замыслом) обработаны. Они сколоты так, чтобы выглядеть длинными (высокими) и заостренными. Поскольку они все разные, то описать их невозможно. Высотой до трех, а то и до пяти метров, неправильной (но заостренной) формы, они стоят среди степной травы по округлым либо продолговатым пологим возвышенностям и невообразимо украшают хакасские сопки, хакасскую степь. На гребнях возвышенностей они стоят иногда рядом, иногда кругами. Они одновременно и дикие и смотрятся как произведение рук человеческих уже хотя бы потому, что поставлены человеком, поставлены в определенном порядке, а если и в беспорядке, то этот беспорядок все равно воспринимается как грандиозный замысел и — не будет слишком сильно сказано — как единое грандиозное произведение искусства.

По хакасской легенде, здесь сражались богатыри. Они кидали друг в друга с возвышенности на возвышенность, с сопки на сопку эти продолговатые заостренные камни, камни втыкались в землю, да так вот и торчат до сих пор.

На самом же деле это древние могилы, захоронения. На некоторых этих “стелах” сохранились высеченные знаки, изображения, письмена...

Камни простояли века и века. Они свидетели, они своеобразная книга. Конечно, некоторые из них упали, некоторые увезены куда-нибудь, кем-нибудь, но то, что осталось, создает величественный, сказочный ландшафт, от которого веет тайной, который навевает глубокие чувства и светлые мысли. Это Хакасия.

И вот надо чтобы, не было никакой тайны, надо все раскопать и расковырять. Ну, как же, интересно. Могильники, захоронения, археология. Подобно тому, как ребенок ломает красивую игрушку, чтобы посмотреть: а что там внутри?

Ужасное впечатление производят раскопанные, расковырянные захоронения. Словно гигантские свиньи прошли по степным былинным холмам, все взрыли в поисках корма. Но результаты раскопок не обильны и не богаты. Скифского золота тут нет. Останки костей (покойников сжигали), да иногда черепки. Чаще всего бараньи косточки, ребрышки, несколько бляшек от сбруи.

...Показал мне Миша Кильчичаков былинные хакасские пологие сопки с каменными стелами, показал привольные степные волнистые равнины, раскуроченные в “целинные” времена, а потом поехали мы в тайгу. Какая же Хакасия без тайги? Какая же тайга без быстрой речки? Какая же таежная речка без хариуса?

Тут в тайге симпатичная была речка, затененная черемуховыми деревьями, светлая, в меру быстрая, но с заводинками, с тихими бочажка́ми. У нас бы в похожей реке ловились бы пескарики (тоже, кто понимает, первоклассная рыбка), да голавлики, да ельцы. А тут, видишь ли — хариусы. Надо ли говорить, что по тому самому “закону подлости” ни одного хариуса мы не поймали. Но как это часто (если не всегда) бывает, хариусы откуда-то взя-

лись. Должно быть Мишины друзья, что живут на паске... Ну, там... сеточку с вечера в нужном месте... перестраховались, а за ночь и натыкалось в сеть десятка два-полтора.

Я всегда считал, что хариус рыба сиговая (хотя никогда до тех пор не видел этой рыбы), но оказалось, по-научному: "...семейство рыб, подотряд лососевидных". Ладно, пусть будет так. Серебристая, узкотелая, с розоватым нежным мясом, обитательница таежных сибирских рек. Хакасию и представить себе нельзя без хариуса. Его малосолили и держали бочками некогда в погребах, а теперь на балконах либо в гаражах, если немного, то и в холодильнике.

Уху мы варили на поляне возле белесой скалы (выход горной породы). Я думал (слышал где-то, когда-то), что по таежным законам в ведро ухи, уже в конце варки, суют горячую в красных угольках головешку. Зашипит — выбросят. А уха будет уже "с дымком", будет пахнуть таежным костром. И, говорят, хорошо пахнет! Но с нашей ухой такая процедура не годилась бы. Дело в том, что уха по-хакасски готовится со сметаной. Да, выливают в ведро кипящей ухи литровую (пол-литровую) банку сметаны и дают еще чуть-чуть покипеть. Редкий способ, а для меня редкостная находка. Дело в том, что вырос на супах, которые у нас назывались "белеными". Это в нашем крестьянском доме был самый повседневный рецепт моей матери Степаниды Ивановны. Не мясо же (особенно, если летом) варить. Да и где его взять? Курицу могли позволить себе зарезать одну-две в год. И вот — вегетарианский супчик. Картошка да морковка, без всякого мяса, пустовато. Но ложка сметаны в тарелку — и все меняется. Не надо ни мяса, никаких дополнений. Беленый суп. А тут беленой оказалась уха из хариусов! Никогда не ел такой вкусной ухи.

В пасечной избушке начали угомоняться на ночлег. Больше всего я боялся комаров. Столько я наслушался про таежного гнуса, про мошку, про то, как комары облепляют лицо многослойно (и если проведешь ладонями по лицу, все ладони в крови), что приготовился к самому худшему. И вот — комаров не было! Обкурили чем-нибудь пасечники свою избушку, или впрямь эта самая "Минусинская котловина" — особенное климатическое место, но в июне, в самом, пожалуй, комарином месяце, комаров не было. Спали на нарах. Такое широкое дощатое пространство, прочное, не шаткое, не скрипучее. Что-то постлано, чем-то дали укрыться. Спать. Но сон после ухи и после того, что было перед ухой, не шел. Сначала вспоминали институтские годы. Потом Миша рассказал, как однажды он пригласил в Хакасию одну московскую писательницу, тоже из наших институтских, и тоже показывал ей таежную часть Хакасии и как они затерялись в тайге (не заплутались, а затерялись) на целую неделю. "Хорошая была неделя,— заключил Миша.— Подарок судьбы".

Постепенно разговор перешел от институтской темы вообще на литературу и не помню уж как перешел на Гайдара. Впрочем, это логично. Ведь "Гайдар" хакасское слово, и я, возможно, спросил, почему у Аркадия Петровича Голикова хакасский псевдоним.

— Говорят, — спросил я, — что это слово означает не то "всадник, едущий впереди", не то "смотрящий вперед". Правда, что ли? И слово это не то бурятское, не то монгольское? Правда, что ли?

И Миша вдруг в этих таежно-пасечных условиях заговорил откровенно. Сначала робко (аккуратный, сдержанный он человек, лишнего, бывало, ничего не скажет), а тут — откровенно. А может быть, одна откровенность (о московской писательнице) как бы открыла "клапан" откровенности вообще.

—"Гайдар",— не торопясь, как обычно, говорил Миша, — слово чисто хакасское. Только правильно оно звучит не "Гайдар", а "Хайдар"; и означает оно не "вперед идущий" и не "вперед смотрящий", а просто "куда".

— Ну и почему же Голиков взял себе в псевдонимы хакасское слово "куда"?

— А его так хакасы называли. Кричали: "Прячьтесь! Бегите! Хайдар-Голик едет! Хайдар-Голик едет!" А прилепилось это словечко к нему потому, что он у всех спрашивал: "Хайдар?" То есть куда ехать? Он ведь других хакасских слов не знал. А искал он банду Соловьева. И самого Соловьева ему хотелось поймать. Его из Москвы специально прислали Соловьева ловить, а никто ему не говорил, где Соловьев прячется. Он подозревал, что хакасы знают, где Соловьев, знают, а не говорят. Вот он и спрашивал у каждого встречного и поперечного. "Хайдар?" Куда

ехать? Где искать? А ему не говорили. Один раз в бане запер шестнадцать человек хакасов. "Если к утру не скажете, где Соловьев, всех расстреляю". Не сказали. А может, и не знали, где Соловьев, тайга ведь большая. Утром он из бани по одному выпускал и каждого стрелял в затылок. Всех шестнадцать человек перестрелял. Своей рукой. А то еще, собрал население целого аила, ну, то есть целой деревни... Семьдесят шесть человек там было. Старухи и дети, все подряд. Выстроил их в одну шеренгу, поставил перед ними пулемет. "Не скажете, всех перекошу". Не сказали. Сел за пулемет и... всех... А то еще в Соленом озере, да в Божьем озере топил. В прорубь под лед запихивал. Тоже — многих. Тебе и сейчас эти озера покажут. Старожилы помнят...

— Да кто же такой Соловьев-то был?

— Банда соловьевская была. Значит, Соловьев — бандит.

— А почему не выдавали его? Боялись мести?

— Нет, своих он не трогал. У него в отряде... в банде то есть... девяносто процентов хакасов было, хоть сам он русский казак. Своих он не трогал... Даже песни про него сочиняли...

— Но если он своих не трогал, кого же он трогал?

— Тогда продразверстка был, хлеб у мужиков отбирали подчистую. Свозили в общественные амбары, на ссыпные пункты, увозили обозами. А он этот хлеб отбивал. Оставлял на прокормление отряда... то есть... банды. Остальное возвращал мужикам... Его три года ловили, даже Голикова прислали из Москвы. Но и он Соловьева не поймал, хоть и стал здесь Гайдаром.

Сон после ухи (и того, что перед ухой) сморил нас в конце концов, а утром мы к вечернему разговору уже не возвращались. Во-первых, почва, на которую упали Мишины семена, была, значит, не совсем готова, а во-вторых, Миша почувствовал, наверное, что сказал лишнее (ведь были еще не перестроечные, а всего лишь застойные времена).

Одним словом, оба мы сделали вид, что вчерашнего разговора не было. Во всяком случае, замысла во мне — все разузнать и рассказать людям — не вспыхнуло. Но... дрожжинка в сусло была уже брошена и процесс брожения возник. (А один мой приятель, художник, выражается в похожих случаях грубее, но, может быть, и точнее. О непривычной идее, которую надо привнести людям, он говорит так: "Важно человеку вошь в голову запустить. А потом она сама (идея) свое дело будет делать. То там зачешется, то там зачешется... И в конце концов человек поймет, как будто проснется".)

* * *

...На вольный, привольный, изобильный край (некоторые хозяйства имели до тысячи лошадей и до десяти тысяч овец) вдруг обрушилось чудовищное насилие. Насилие и в большом, и в малом, насилие беспардонное, непререкаемое, неслыханное и невиданное ни в какие времена.

Об этих местах, то есть о Минусинской котловине, то есть о Хакасии, написан роман. Его написал красноярский писатель Анатолий Чмыхало, и называется он "Отложенный выстрел". Поскольку главный герой романа и нашего очерка — одно и то же лицо, то я роман, естественно, прочитал и должен сказать, что его автор для семидесятых годов, когда роман писался, да со скидкой на отдаленность от московского, хотя бы некоторого "свободомыслия", довольно объективен и даже временами смел. Конечно, он не мог изменить советскую терминологию: "богатеи", "банда", "бандиты", равно как и официально-советскую оценку происходивших событий, но временами он поднимается все же почти что до объективности, то есть до правды.

В сценке насилия, которую я хочу тут из романа переписать, будет упомянут голод за Уралом, на Волге. Так вот, для не очень осведомленных читателей это требует пояснения. Подробнее (совсем подробно) об этом читайте в книге о В. И. Ленине "При свете дня", а сейчас, хотя бы — несколько необходимых слов, чтобы понять обстановку в стране того времени.

Большевикам, как явствует из ленинских слов, предпосланных эпиграфом к этой книге, удалось сравнительно легко захватить власть в России. "Россия завоевана большевиками". Труднее было эту власть удержать. На этот счет Лениным

была разработана чудовищная теория, сводившаяся к изъятию у населения всего хлеба, сосредоточению этого хлеба (и вообще всех продуктов) в своих руках и распределению этого потом по своему усмотрению и своим нормам. Вся страна была посажена на паек. В двух главных городах — Петрограде и Москве был инспирирован голод, чтобы под этим предлогом (борьба с голодом) отбирать хлеб у крестьян. Специальные заградотряды не пускали никого, кто пытался провезти хлеб в голодающие города. Все это называлось продовольственной политикой, а еще продразверсткой. Голод с людоедством и детоедством охватывал одну губернию за другой. Вот почему в отрывке из романа, который мы сейчас выпишем, как образчик беспардонного насилия упоминается голод за Уралом, на Волге.

"Прошла неделя, как Горохов (командир чоновского отряда, комбат.— В. С.) приехал в станицу Озерную, а он все не переставал удивляться здешним обычаям, а пуще того — отменному богатству казаков: бедняк имел здесь до десятка коней, по четыре-пять коров. Правда, по соседству с ним жила тетка Антонида, так у нее была всего одна коровенка, и ту, горемычную, не умела тетка обиходить: вовремя не кормила, не поила, ни разу не вынесла ей посыпанного отрубями и сдобренного вареной картошкой пойла. А все потому, что с детства привыкла жить как придется, по чужим дворам...

Что же до хозяйств зажиточных, то такое богатство и не снилось состоятельным помещикам центральных губерний России. Один Автамон владел многими сотнями и тысячами голов всякого скота.

(Станица Озерная — это, очевидно, беллетризованное или обобщенное название станицы Соленоозерной, или Форпоста, в которой родился главный герой нашего повествования, где он, кстати сказать, и погиб. Но об этом позже.)

Удивляло Дмитрия и то, что в станице совсем не занимались хлебопашеством. Хлеб осенью выменивался на коней в окрестных селах: по пятнадцати пудов за голову... (Значит, в окрестных селах занимались хлебопашеством, и успешно.— В. С.)

Повелось это издавна, еще с тех пор, когда красноярские казаки, основавшие станицу в вольной степи, считали для себя зазорным пахать и сеять, их уделом была одна пограничная служба. И кони у казаков были как на подбор — рослые, выносливые, хоть под седлом, хоть в упряжке. Сколько существует станица, а ей уже за двести лет, столько и идет по Сибири слава о ее добрых скакунах и рысаках. Говорят, здешний богач Кобеков поразил иностранных послов в Питере тройкой тонконогих серых коней с лебедиными шеями, подаренной им царю. Уйму золота, бриллиантов и жемчуга давали послы Кобекову, чтобы заполучить таких же красавцев для своих президентов и государей, да у Кобекова у самого денег полно — не ради денег, а ради великих царских милостей ехал он в северную столицу".

И вот на это-то, как говорится, "благоденственное и мирное житие" свалились откуда ни возьмись большевики, комиссары с их продразверсткой, беззастенчивыми грабежами, отрядами ЧОНа, с расстрелами на месте без следствия и суда.

"— Короче, берем. Ежели бык, так это сорок пудов мяса, понимаешь? — раздельно, словно взвешивая каждое слово, проговорил он.

Дмитрий все понимал: это была каждодневная работа председателя. Из волости мчались срочные запросы на продукты, нужно было с грехом пополам, со скандалом собирать по дворам мясо, хлеб (и не покупать ведь, а просто отбирать.— В. С.), искать подводы и отправлять обозы то в Ачинск, то в Красноярск. А тут еще иждивенцем сел на шею немалый отряд Горохова (ЧОН), который есть хотел досыта каждый день.

— Брать надо, — солидно подытожил Григорий. — А то кака советская власть? А никака.

...Автамон был из тех, кто во всем и любыми средствами пытался утвердить на земле свою правду... Продразверстка сперва привела Автамона в замешательство. Свои же станичные прямиком шли в его стада, без спроса считали скот. Заглядывали в амбары — искали солонину и шерсть, забирали овчины и конские шкуры...

...— Теперь, однако, показывай быка, — нетерпеливо запереступал ногами Григорий.

У Автамона отвалилась челюсть. Бык был источником и в то же время

живым символом его могущества в станице, отнять быка — значило отнять уважение у станичников. Это был удар, нацеленный в самое сердце, что прекрасно понимал не только он, а и те, кто пришел к нему.

— Само собой, мясо можно взять с тебя и овцами, — щадя самолюбие Автамона, сказал Григорий. — Но что за овцы теперь, об эту пору? Худоба одна, кожа да кости. Овцу осенью брать надо. А отчего же бык не в стаде?

— Ногу сбил.

— Прирезать — и точка! — взмахнул кулаком Григорий".

Невольно возникает вопрос: а по какому праву приходили вот так вооруженные люди на любой двор, в любой дом и творили насилие? Никаких ни прав, ни правил тут не было. Вспомним Ленина: "Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть".

Ленин же придумал, как бы для апелляции к общественному мнению и как бы для оправдания этого насилия и — следовательно — для самооправдания, наклеивание ярлыков как на отдельных людей, так и на целые группы, на целые слои населения.

Скажи "священник" — стрелять вроде бы не за что, а скажи "реакционный священник", "поп-черносотенец", и поп — готов. Одно дело — офицер, офицер русской армии, а другое дело — белогвардеец. Одно дело — богатый, зажиточный крестьянин, а другое дело — кулак, кулачество. Одно дело — просто богатый человек (или хозяйство в целом), а другое дело — богатей.

В сибирских селах (я очень этим интересовался), да и вообще в российских селах на каждые сто домов приходилось 3—5 бедных хозяйств, вроде этой бедолаги тетки Антониды, которая не умела обиходить одну-единственную коровенку. Достоверно известно из разных путеводителей, что в богатом (то есть нормальном) сибирском селе Шушенском на 267 дворов насчитывалось (цитируем путеводитель) "33 двора, хозяева которых вынуждены были работать по найму у своих более зажиточных односельчан". А ведь Шушенское находится именно вблизи Минусинска, о котором у нас идет речь. Как потом прояснилось (а теперь уж окончательно), политика большевиков, захвативших Россию, была направлена не на то, чтобы эти 33 бедных хозяйства поднять до уровня большинства, а чтобы большинство разорить и низвести до уровня этих бедняцких хозяйств. Фактически дело велось к разорению, обнищанию деревни, а через это к принудительному, почти бесплатному труду и в конце концов к "раскрестьяниванию" России, что теперь и произошло.

Придумали слова "богатей" и "кулак". Хотя во все времена у нормальных людей (народов) богатство должно считаться хорошим признаком. Все должны стремиться к богатству. Если это, конечно, не грабеж, не разбой на большой дороге, не махание кистенем в темном лесу. Но ведь и уже знакомый нам Автамон, сумевший разбогатеть и создать многосотенные табуны, стада и отары, он же не отнимал этот скот у своих сельчан. Вероятно, держал пастухов и платил им за эту работу (как впоследствии советская власть держала в колхозах доярок, механизаторов, свинарок, вообще всех сельскохозяйственных рабочих, платя им ничтожную зарплату по своему усмотрению. В батраков было превращено все российское крестьянство. В государственных батраков, но от этого батракам не легче). Кстати, отец Ивана Николаевича Соловьева, к которому постепенно, вроде дымящегося бикфордова шнура, подбирается наше повествование, да, отец Ивана Николаевича, казак из села Соленоозерного, был пастухом, пас чужой скот. Ведь надо же случиться такому казусу: во главе повстанческого отряда оказался не богатей, не бай, не кулак-мироед, а сын пастуха. Ну, правда, тоже — казак и хорунжий (младший офицер русской армии), и в отряде у него было до 90 процентов бедняков, мало того — инородцев, то есть хакасов. И даже начальником контрразведки отряда был хакас Астанаев.

Обращаемся опять к роману Чмыхало.

"Зимовка прошла трудно даже для привыкших жить в голоде и холоде бедняков, составлявших костяк банды. В феврале кончились скудные запасы муки и конины, ели конские шкуры и ремни, варили вонючие копыта. Охотиться Соловьев запрещал, чтобы не обнаружить расположение отряда (наконец-то "отряда", не банды.— В. С.) ни следом, ни выстрелом...

...К началу лета банда (не надолго появилось словечко "отряд".— В. С.) уже заявила о себе несколькими дерзкими налетами на маленькие подтаежные деревушки. Разогнав жидкие, плохо вооруженные отряды, бандиты сбивали замки с общественных амбаров (то есть с амбаров, где лежал хлеб, отнятый у крестьян продотрядами.— В. С.), грабили маслозаводы (конечно же, не принадлежавшие крестьянам и работавшие на молоке, отнятом у крестьян.— В. С.) и кооперативные лавки...

...Банда снова стала численно расти, пухнуть, как тесто на дрожжах поднялось, за счет многочисленной рудничной бедноты. Некоторые приходили к Соловьеву с женами, с детьми, порывая таким образом всякие связи со своим прежним домом. Радовались куску черного хлеба, обещали служить честно, себя не жалеть".

Продразверстка, вообще большевистское насилие чугунным бездушным катком прокатилось по всей стране, по всем деревням и селам, унося миллионы жизней, особенно детских, и повсюду это насилие вызывало противодействие. Повсюду вспыхивали восстания, ибо не хватало уж никакого терпения, повсюду этих повстанцев называли бандитами, а отряды бандами, повсюду этих повстанцев беспощадно уничтожали вместе с женщинами и детьми.

Масштабы сопротивления были разные. Ленин в своих людоедских приказах упоминает восстание в пяти пензенских волостях. Тамбовское восстание 1920—1921 годов охватило огромное пространство, и в нем под руководством Александра Степановича Антонова, истинного русского героя, участвовало до двухсот тысяч крестьян. И была брошена на голодных, обезумевших от голода и всяческого насилия мужиков регулярная армия во главе с Тухачевским. Километрах в восьми от нашего села (к вопросу о масштабах сопротивления) была деревенька Черная Гора. Там тоже взбунтовались мужики, но пришел отряд латышей, застрелили несколько человек, и стало тихо.

Владимир Галактионович Короленко, правдоискатель, правдолюбец, либерал, демократ (отбыл ссылку в Якутии во времена царского правительства), однако, не встал на сторону большевиков, а встал на сторону истязаемого народа. 13 ноября 1918 года он записал в своем дневнике (в Полтаве): "То, что большевизм преследует так ожесточенно независимое слово — глубоко знаменательно и симптоматично... Он говорит: только тот, кто прославит меня, имеет право на существование. Подчинитесь или погибнете".

Не покорились Краснов, Деникин, Дроздовский, Врангель, каппелевцы, Колчак... Не покорились те русские офицеры и рядовые чины Добровольческой армии, Белой Гвардии, которые дрались с подневольно мобилизованной и парализованной страхом перед чоновцами, перед немедленными расстрелами, перед заградотрядами за спиной, перед жуткой системой заложничества Красной Армией, руководимой беспощадными комиссарами.

Не будем разбирать причин, почему победила Красная, а не Белая армия (такую попытку я сделал в книге при "Свете дня"), но формула "подчинитесь или погибнете" осуществилась и здесь.

И вот, когда все уже затихло, оцепенело и омертвело, когда остатки врангелевской армии ушли за границу, а оставшиеся в Крыму были (около семидесяти тысяч) расстреляны или утоплены в Черном море с камнями, привязанными к ногам, когда армия Колчака откатилась на Дальний Восток, а оттуда (кто успел или кто хотел) вместе с тысячами гражданских беженцев тоже ушли в Китай, когда окончилась, короче говоря, гражданская война, один казак, хорунжий (унтер-офицер) из колчаковской армии, оказался непокорившимся. Его фигура привлекает к себе внимание, исполненное почти болезненного интереса, потому что на территории всей необъятной России это был фактически последний вооруженный очаг сопротивления бандитам, захватившим страну, и конечно, тотчас же объявившим бандитами непокорившегося унтер-офицера и казака, а также его отряд.

Действиям повстанческого отряда способствовали тайга, горы (таежные горы), отдаленность Минусинской котловины от больших городов (а тем более от центра страны), симпатии к повстанцам местного населения, коренного, "инородцев", хакасов, но, конечно, и личные качества человека, возглавившего отряд. Этот отряд он назвал именем Великого Князя, брата царя Михаила Александровича. На знамени он написал "За Веру, Царя и Отечество", ввел погоны, установил дисциплину.

Насилие, свалившееся на людей, было столь жестоким и, я бы сказал, тупым, что люди сопротивлялись ему как могли. Повстанческие отряды возникали повсюду на юге Енисейской губернии. Не исключено, что некоторые отряды (по 5—8—10 человек) действительно не прочь были погреть руки на всеобщем бедствии и пограбить. Называют атаманов Емандыкова, Кульбистеева, Родионова, братьев Кулаковых...

Но поскольку отряд Соловьева был самым крупным и популярным, то многие проделки мелких отрядов (в том числе и грабеж, и убийства) власти торопились приписать Соловьеву, в то время как ни бессмысленными убийствами, ни грабежом крестьян Соловьев не занимался. У него было настоящее, дисциплинированное войско, небольшое, конечно, однако достигавшее временами до 600, до 1000 человек.

Когда я листал архивы, на глаза мне попался приказ, от которого повеяло такой беспредельной тоской...

"П Р И К А З
по Ачинско-Минусинскому боевому району

РСФСР свободно и торжественно празднует Всемирный пролетарский праздник 1 мая.

Всем воинским частям, в том числе милицейскому составу к 12 часам построиться у братской могилы.

Всем совучреждениям и организациям к 12 часам со знаменами и плакатами прибыть к могиле, где и построиться по указанию нач. гарнизона т. Зубанова.

В 12 часов открывается митинг о значении праздника. Выступают докладчики, намеченные Волостным Комитетом Партии. По окончании устраивается демонстрация (шествие) по улицам села Ужур. Вечером будет поставлен спектакль местными силами.

Начальник боевого района *ПУДЧЕНКО*"

Хоть сейчас беги в отряд к Соловьеву!

По соседству с этим приказом можно было прочитать и другие.

"...Несмотря на все указанное, местное население продолжает относиться к ликвидации бандитизма и изъятию негодного элемента, творящих свое подлое дело... Необходимо ликвидировать бандитизм, необходимо изъять весь негодный элемент, ставящий преграды в мирном труде и нарушающий спокойствие мирной жизни... весь успех зависит от самих крестьян, от самого населения... Чем больше они будут оказывать помощь и содействовать отрядам в отношении подачи сведений о бандах и их движении, чем скорее эти сведения будут подаваться в действующие отряды и штабы, чем больше препятствий будет ставить население бандитам, тем скорее и вернее будет уничтожен бандитизм и изъят весь негодный элемент... Для более успешной и скорейшей ликвидации бандитизма и негодного элемента приказываю: всем вооруженным гражданам, вплоть до отдельных милиционеров, принять активные действия, работая совместно с действующими отрядами, не щадя ни своих сил, ни самой жизни, проявив к этому всю энергию и все свои способности.

Всем сельсоветам, волисполкомам, милиции взять на строгий учет подозрительный элемент, списки на таковой представить в оперштаб Ачинского района, а также дать сведения на тех, кто из числа граждан того или другого села, деревни, улуса ушел в банду".

Из протокола заседания Совета ЧОН.

Говорит т. П а к а л.

"Соловьев имеет симпатию от населения, так как все население видит, что Соловьев выдается за военного гения... мы упустили очень многое и дали этим завоевать симпатии от населения".

"Копьево.
Комэскадрона ШУМОВУ

Сообщаю для сведения, что в 7 часов вечера 26 июля банда под командованием Соловьева ограбила почтово-телеграфное отделение Горелка. Сломаны два аппарата, взято две винтовки, которые поломаны на дворе, взята вся секретная переписка, шифры, весы, канцпринадлежности, деньги, марки, срублен мачтовый столб. На берегу реки Чулым порублены провода. Связь с Минусинском потеряна. Из Минусинска через Батино и Горелку сего числа следует почта. Возможно попадет в руки бандитов. Необходимо принять возможные меры к охранению почты".

"Хакасского уезда
Улус Чарново
1 апреля 1924 г.

Делопроизводство ВИКА сожжено, сотрудники ограблены, население в панике. В пределах волости разгуливает банда Соловьева. По сведениям банда намерена снова посетить ВИК. Работать невозможно. Вторично просим о помощи, иначе будем вынуждены разбежаться кто куда".

Выразительная картинка.

Надо сказать, что в абаканском архиве ко мне отнеслись по-хорошему. Я сказал им, что меня интересует Иван Николаевич Соловьев и все, что с ним связано. Они, посовещавшись (тут же при мне, вслух), пришли к согласию, что все связанное с Соловьевым должно проходить по ЧОНу. Принесли мне несколько папок, выбранных наудачу, и я впервые понял, что такое провинциальный архив двадцатых годов. А главное, я понял, что воспользоваться этим архивом не смогу, а если проявить упорство, то нужно оставаться в Абакане по крайней мере на месяц. Донесения, приказанья, разные сведения были напечатаны на разрозненных бумажках слепым шрифтом (причем сторока налезала на строку), с пропуском букв, а то и целых слов. А написаны эти бумажки полуграмотными людьми, не имеющими малейшего представления не только об орфографии, но и грамматическом согласовании слов и фраз. Часа полтора-два я ломал глаза на этих слепых неудобочитаемых текстах и пришел в полное отчаяние. Единственное впечатление, которое я вынес из листания одной (пока что) папки, было следующее. Боже мой! В руках каких властей, каких людей оказался наш народ! Полуграмотные невежды вершили дела, арестовывали, казнили, творили насилия, отбирали хлеб и скот, сгоняли людей с обжитых мест, морили голодом, хватали заложниками, бесчинствовали, осуществляли диктатуру... Кого? Чью? По чьему приказанию?

Месяцами, даже и днями, даже и часами я сидеть в архивах не мог. Ломать глаза, разбирать чоновскую писанину (чертовщину) по буковкам... да и приехал-то я в Абакан всего на несколько дней... Было от чего прийти в отчаяние. Да надо бы еще заглянуть в Минусинск, да надо еще съездить в Соленоозерное на родину Соловьева (и на место его гибели).

И тут спустился, как говорили древние греки, "бог из машины". В театре "Сказка" был устроен московскому писателю литературный вечер. Кажется, даже с продажей билетов. Но заранее условились, что выручка пойдет абаканскому краеведческому музею. Все это устраивал Миша Хроленко, а меня подробности не касались. От меня требовалось только читать стихи да отвечать на вопросы. И вот после вечера подходят ко мне мужчина "в годах" и юная школьница. Оказалось, что это учитель истории в местной школе (№19) Борис Григорьевич Чунтонов и его ученица из девятого класса Соломатова Таня. Оказалось, что учитель уговорил свою ученицу написать реферат на какой-то там конкурс (и реферат получил-таки первую премию), а темой реферата они избрали: "Действия ЧОН (Части Особого Назначения) на территории Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии". На этом месте моя мать, покойная Степанида Ивановна воскликнула бы: "А ты говоришь, Бога нет!"

От девятиклассницы, даже и под руководством учителя-историка, трудно было бы ждать глубокой и объективной оценки событий (ведь надо преодолеть инерцию воспитания целых поколений, надо раскрепостить мозги), но школьница и ее руководитель оказались на правильном пути к истине.

Где-то Таня Соломатова вычитала — она указывает журнал "Современник" ("Наш Современник"?) №9 за 1992 год, статью Марины Белянчиковой, — что ее любимый писатель Гайдар (цитируем) "...по молодости лет и твердости убеждений отправил в 1922 году на тот свет сотни добровольно сдавшихся в плен (подчеркнуто в журнальном тексте.— В. С.) русских солдат и офицеров, нисколько не озаботившись... цивилизованностью методов: банальный расстрел..."

У Тани Соломатовой возникло желание узнать об этом побольше. Ну, насчет сотен расстрелянных Гайдаром ей уточнить не удалось и едва ли когда-нибудь удастся. Скорее всего речь идет о крымских расстрелах, либо кубанских, либо тамбовских, а ЧОН в таких случаях не оставлял не только каких-либо документов, но и никаких следов, но о Гайдаре кое-что Таня могла найти у себя в Хакасии.

Вступительную страничку к своему реферату Таня начинает так: "Из тем, предложенных мне учителем, я выбрала тему о действиях ЧОН (Частей Особого Назначения) на территории Ачинско-Минусинского уезда в 1920—24 годах. Живя в родном крае, нельзя не знать его историю. Без истории (то есть без прошлого)

нет ни настоящего, ни будущего. Сейчас взгляды на устройство бывшего советского государства меняются, выплывают наружу факты о жизни того времени. Что было белым, становится черным и наоборот... Мне непременно захотелось понять действия Гайдара и его отрядов, узнать о людях, с которыми они воевали. Кто они? Почему создали банду? И банда ли это? Какие у них были цели? И я занялась поисками отгадок... В архивных документах было множество синтаксических и орфографических ошибок, слабых оттисков печатной машинки, там же встречались пробелы, где приходилось догадываться по смыслу текста... Документы были ветхими и заставляли тратить на них много времени, прибегать к увеличительным стеклам... Мы погружались в мир семидесятилетней давности. Все было интересно, хотя многое и непонятно. Мы впервые работали с истинно историческими документами. Все казалось главным, важным, иногда даже ошеломляющим.

В Хакасском республиканском архиве проработали 4 тома (12 дел) — около 900 страниц.

Приступили к работе с архивом г. Минусинска, г. Ачинска, так как оперативно-боевые действия охватывали Ачинский и Минусинский уезды Енисейской губернии и юго-восточную часть Томской губернии, район Кузнецка (ныне Новокузнецка), где в 60—70 верстах от него в тайге была зимовка отряда Соловьева".

Нельзя сказать, что девятиклассница Таня уяснила для себя (а значит, и для нас) истинную роль Аркадия Голикова во время его пребывания в Хакасии, да это и нельзя уяснить по архивам. Там ведь не обозначено, где и кого он застрелил. Там только общие сведения: "Принял командование батальоном", "отправился на поиски". Более того, в Абаканском архиве вообще нет упоминаний о Голикове. Я даже удивился и высказал свое удивление хранительнице фондов. Она, потупив глаза, проговорила, как если бы не относящееся к делу: "Вы не первый москвич листаете эти архивы..."

В Минусинском и Ачинском архивах о Голикове упоминается. Но вот что странно: в романе Анатолия Чмыхало о Соловьеве ни разу не упомянут Аркадий Голиков, как будто его тут и не было. Я думал, что поскольку — беллетристика, то он скрыт под другой фамилией, но нет в романе ни одного действующего лица, ни одного персонажа, в прототипы которому напрашивался бы чоновец, присланный из Москвы.

И вообще Таня Соломатова сделала упор в своем реферате не на выявление роли Голикова в попытках ликвидировать Соловьева, а пытается показать моральный облик чоновских отрядов. Ну что же, и это полезно. Кроме того, как бы ни были отрывочны, полуграмотны, противоречивы и разрознены архивные сведения, выписанные Таней Соломатовой при помощи "увеличительных стекол" (очевидно, через лупу читала Таня архивы), все же они воссоздают обстановку и, я бы сказал, дух того времени, хотя и не воссоздают последовательности хода событий, не выстраивают события в один ряд, приводящий в конце концов к гибели Ивана Николаевича. Тамошние жители прозвали его "Императором тайги". Это что-нибудь значит, даже если в этом прозвании более от желаемого, нежели от действительного.

Поскольку архивные сведения не выстроены юным, начинающим историком в последовательное повествование, поскольку читающие эту повесть едва ли в ближайшее время попадут в архивы, то мы осмелимся фрагментарно и вразброс (чтобы не переписывать весь Танин реферат) дать представление о чоновских документах, сохраняя их орфографию и все грамматические особенности. Тем более что к реферату Тани Соломатовой, откуда мы черпали архивные строки, добавились многие архивные страницы, добытые нами самостоятельно из архивных фондов Ачинска. Если Таня выбрала строки, говорящие о состоянии чоновских отрядов, то нас более интересовало состояние и положение крестьян в тех местах, нас интересовали причины возникновения множества повстанческих отрядов, которые появлялись и чаще всего лопались как мыльные пузыри, пока все это повстанческое движение не откристаллизовалось в большой и боеспособный отряд Ивана Николаевича Соловьева, личность которого уже тогда была окружена ореолом славы, но и теперь для нас должна казаться героической и даже легендарной.

Со страниц архивов встает обстановка чудовищного насилия и беспардонного издевательства над мирными крестьянами, которая (обстановка) не могла не приве-

сти к стихийному повсеместному возмущению, против которого советская власть не имела никаких других средств, кроме еще большего и уже кровавого насилия.

"Информационно-инструкторский отдел управления ачинского горуездного исполкома Бюллетень №5 от 27 по 29 января 1921 года. *(Секретно)*

Ястребовская волость. Из доклада инструктора Петрова. Волисполком данной волости работает слабо... Не проводится пролетарская линия. В деревне Лода́новка осенью крестьянами зарезаны все породистые быки на мясо для собственного употребления и в результате чего на весну скот остался без приплода...

Покровская волость. Из доклада инструктора Петрова. Инструктор вторично отмечает факт недовольства крестьян поведением и работой продотрядов, благодаря которым коммунистические ячейки Таловская, Великокняжеская, Теманенская подали заявления о выходе из партии, мотивируя свой выход непосильным наложением властью разверсток, дерзким и вызывающим поведением продотрядом. В волости начинают появляться заболевания брюшным тифом...

Кизильская волость. Из донесения инструктора Кауракова.

Из улуса Божье-Озерского скрылись неизвестно куда пять человек, подозревавшиеся в участии белой банды. Причем трое из них были мужчины и две женщины. Розыски производятся.

Корниловская волость. Хлебная и фуражная разверстки производятся по волости с посевной площади. Пополнение ссыпных пунктов идет слабо ввиду неимения хлеба у жителей. Наблюдается ропот со стороны крестьян на вызывающее поведение агента Губпродкома...

Чернореченская волость. Из телеграммы волвоенкома Степанова. Председатель волисполкома Круглов расхищает народный хлеб и прочие продукты. (Видимо, хлеб, ссыпанный в общественные амбары, раздает голодным крестьянам.— В. С.)

Для выяснения упомянутого и ликвидации его послан инструктор политотдела Степанов.

Кольцовская волость. Настроение населения ввиду неполучения предметов первой необходимости в связи с наступлением осени, а так же ввиду обложения слишком большими количествами разных разверсток — негодующее.

Балахтинская волость. Относительно общего настроения населения инструктор в своем докладе говорит: крестьяне сильно ропщут на власть. Причины — конфискация кож и учет овчин. Крестьяне остаются буквально разутыми и раздетыми и отчасти вследствии этого категорически отказываются вывозить государственные грузы. (То есть награбленное у тех же крестьян. — В. С.) Все это вместе взятое тормозит выполнение хлебной разверстки. (То есть изъятие у крестьян последних остатков хлеба.— В. С.)

Балахтинский сельсовет категорически заявил, что без подворного обследования не может произвести раскладку разверстки на граждан. Да и вообще как мы можем делать разверстку без согласия населения — слова председателя сельсовета (председатель — идеалист! — В. С.). Инструктор находит необходимым изолировать некоторые группы лиц как определенных сторонников кулачества и противников разверстки".

Еще раз можно обратить внимание на значение и роль вовремя прикленного ярлыка. Ведь только что мы прочитали, что крестьяне остаются буквально разутыми и раздетыми в результате разверстки. Причем же здесь "сторонники кулачества"? Но скажи "противники разверстки" — это одно. А скажи "сторонники кулачества"— и это уже другое.

Если "сторонники кулачества", то читаем.

"*Назаровский район.* Тов. Костянов принимал деятельное участие в ликвидации восстания и выдержал несколько боев. После занятия Сере́жа было приступлено к немедленной конфискации хлеба...

Подсосенская волость. 1 ноября тов. Костянов был командирован в село Подсосенское для организации выгрузки хлеба и производства обысков. Бежавших с бандитами местных сельчан очень много. При обысках было отобрано до 30 подвод кожевенного и другого товара... Общие черты Сере́жского восстания таковы: опросом одного пленного установлено, что правильной подготовки восстания не было, только накануне восстания на одной из заимок бывшим партизаном Александром Дубским были организованы 50 бывших унтер-офицеров...

Петровская волость. Петровский волисполком рапортом на имя Увоенкома доносит, что 11 ноября через Петровскую волость проходили белые банды в количестве 150 человек...

Тюльковская волость. Настроение волости очень плохое. Причины — местный неурожай и кулацкая антисоветская агитация. Коньком кулацкой пропаганды является разверстка (а при чем же тут кулаки? — В. С.). Недостаток продуктов первой необходимости, например, крестьянские детишки не могут посещать свои школы из-за отсутствия одежды и обуви (кулаки виноваты? — В. С.). При таких условиях агитационная работа инструкторов наталкивается на серьезные трудности и имеет скоропреходящее влияние. Тюльковский военный комиссариат доносит, что 19-го сего ноября деревня Коханово подверглась нападению банды белых. Бандой захвачены и убиты один милиционер и два продагента... Пытались расстрелять гр. Марьясова, но оставили живым... В Крюковом к банде присоединился один местный житель... В Платиновой к банде присоединился один местный. В дер. Ильтиновой произошел бой между бандой и отрядом Перевалова. Захвачено четыре бандита-казака и расстреляны...

Корниловская волость. Население в момент появления белых банд относилось к советской власти отрицательно. Выполнение разверсток прекратилось...

Павловская волость... Особенно скверно настроена беднота, перед которой после выполнения разверстки встает призрак голода. Запасов хлеба нет. Тревожат крестьян и вопросы предстоящих

посева и осеменения. Большое недовольство и ропот крестьян вызывают конфискации хлеба агентом Райпродкомом Елизаровым, довыдача премирования за выполнение разверстки. Нетактичное поведение продотряда в целом и хулиганские выходки отдельных красноармейцев..."

"ПРОТОКОЛ №32
заседания Исполнительного комитета Ачинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
11.06.1918 г.

Под председательством тов. Саросека, при секретаре тов. Яхимовиче, присутствовали тов. председателя Поляк, секретарь Бадрин, члены: Слободчиков, Филиппов, Корнилов, Антипин, Вахрушев, Бекетов, Гамберг, Игнатьев, Забегин, С. Игнатьев, Школьников, Сергеев, Потехин, Булатов, Леонович, Клюпов, Филатов, — рассмотрели нижеследующие вопросы:

1. Об отношении исполкома к вооруженным выступлениям и нападениям со стороны белогвардейцев и разбойничьих банд на представителей и работников Совдепа.

Принимая во внимание неоднократное нападение контрреволюционных разбойничьих банд и посягательство на жизнь представителей советской власти, — Постановили: "За смерть одного советского работника, павшего от рук контрреволюционера и разбойничьих банд, будут расстреливаться все заложники, находящиеся в руках советской власти. Все пойманные с оружием, не имеющие на то разрешения, будут объявлены вне закона. Во избежание недоразумений в отношении объявляемых вне закона граждан подтверждается прежнее постановление о регистрации и немедленной сдаче оружия..."

Из доклада отдела управления Ачинского уписколкома
о деятельности с 24 ноября 1921 г. по 20 ноября 1922 г.
Раздел "Экономическая жизнь".

"По данным из волостей уезда видно, что таковые после выполнения продналога обнищали, крестьяне бедняки находятся в стадии голода. Посевная кампания прошла далеко не отвечающе заданиям посевной площади — приблизительная площадь засева понизится против задания до 45%. Эта доля незасева относится на крестьян. Волисполкомы, а равно и сельсоветы всего уезда последнее время впали в зону невыносимо тяжелого положения, вследствие отказа отдачи средств для поддержания таковых, много поступает заявлений с мотивом об изыскании средств для содержания состава служащих волисполкомов и сельсоветов, где указывают, что случаи неизыскания их повлекут за собой, а спад волисполкомов — здесь приходится прибегать ко всякого рода обещаниям до выяснения положения о них. Есть случаи оставления волисполкома сотрудниками в Жуковской волости, такое же положение ждет и многие другие волисполкомы, не говоря уже о сельсоветах, которые под страхом суда еще пока держатся. Выход из этого положения, хотя и есть, но он резко отразится тяжелым бременем на бедняках — этот выход заключается в допуске к обязанностям кулачества сельских и волостных советов.

Зафиксирован случай голодовки крестьян в с. Ельникове этой же волости, где голодает 75 семейств в 486 душ. Голодная масса крестьян, не находя средств к существованию, вынуждена питаться мясом, добывающимся из остатка их скота, наблюдается, что многие крестьяне этой местности питаются мясом павших животных от бескормицы.

По сведениям, поступавшим из уезда, видно, что земледельческие оружия у крестьян уезда пришли в полную негодность. Несмотря на часто производимый ремонт, который тяжело отражается на крестьянах в смысле платы продуктов первой необходимости, к положительному результату не приводит. Продуктивность работы падает, есть основание полагать, как видно из многих документов, что крестьяне своими истрепанными плугами превращают полосу посева в искажение, чем не достигается известной потребности почвы подпарка, для урожая, забивается все положительно травой. Причиной этому то, что корни трав и растений не подрезаются иступившимися плугами, а выдергиваются полностью с всего корня, вследствие чего они пожирают и действуют разрушающе на урожай.

Заметно наблюдается отсутствие мелких предметов в хозяйстве как то: кос, серпов, молотков, бабков для оттягивания остроты кос, гвоздей и, наконец, шильное и втулочное железа, все перечисленные предметы безусловно привлекут за собой следующие недостатки:

1. Отсутствие кос лишит крестьян производить своевременно полную потребность сенокошения, последствием чего может быть обречение скота на голодовку.

2. Отсутствие серпов сократит продуктивность успешного хода работы по сбору хлебов.

3. Молотки и бабки и не так важны, но тем не менее здесь может быть сокращение усиленности в работе и притом может получиться быстрое уничтожение кос, ибо таковые из-за отсутствия бабок правятся песчаными брусками.

4. Отсутствие шильного и втулочного железа грозит остановлением крестьянского транспорта, ибо старый шинный накат за 4 года износился, а употреблять транспорт в нескованном виде по условиям настойчивого материала и плохих дорог говорит за полную невозможность.

На местных рынках перечисленных предметов не имеется, и крестьяне не просят изыскания их".

В такой-то обстановке, с одной стороны, полного бесправия, а с другой стороны, беспощадности без малейшего послабления (не говоря уж о сочувствии), и возникло вдруг имя Соловьева как народного заступника, защитника, борца за справедливость, а в некоторых случаях даже и мстителя. Хотя надо сказать, что из всех атаманов и предводителей (ну там, Пугачев, Разин) Соловьев был самым гуманным и справедливым, я бы даже сказал, цивилизованным.

"Сводка по отделу управления Ачинского Уисполкома.

ОСНОВАНИЕ: циркуляр НКВД №23. *Секретно.*

...Общеполитическое положение уезда за апрель таково: в районе Кизыльской волости, заселенной исключительно инородцами, оперирует банда казака Соловьева, исключительная конная, хорошо вооруженная, имели даже аппараты Шоша, насчитывавшая первоначальное ядро человек в 70, постепенно увеличилась приблизительно в два раза за счет присоединения местных инородцев. Борьба с бандой очень затруднительна, вследствие местных природных условий, представляет из себя горную цепь, сплошь покрытую таежным лесом, трудно доступную, кроме того, банда пользуется большими симпатиями среди населения, что в союзе с малодоступностью места операции банды... (два слова нет возможности прочитать) делает ее почти неуловимой. К ликвидации банд приняты все возможные меры, а именно: достигнуто соглашение о совместных действиях с отрядами Минусинского уезда (на который так же распространяется влияние банды), ввиду малопригодности пехотных частей для борьбы с быстро передвигающимся противником приступлено к формированию кавалерийского отряда за счет местных средств, обеспечение конным составом проводится путем временной мобилизации лошадей, по миновании надобности возвращаем их прежним владельцам. Кроме того, приняты чисто моральные меры противодействия бандам — выпущено воззвание к инородцам как элементу, пополняющему банды, с гарантиями неприкосновенности личности и имущества рядовых бандитов в случае сдачи ими оружия и добровольной явки в распоряжение властей. Командированы специальные агитаторы из инородцев — членов РКП.

Настроение населения по всему уезду нужно признать неудовлетворительным — одной из главнейших современных причин понижения настроения является недостаточное снабжение населения, истощенного разверстками, семенным хлебом или не отвечающее местным условиям распоряжение имеющимися запасами семян. Есть недоразумения на почве забронирования семян, как продовольственного хлеба".

Из архива ЧОН (Ачинский филиал ГАКК).

"Соловьев Иван Николаевич, 32 года, жена, 2 детей и отец в банде. Примерно 1894 года рождения.

Отец 60 лет, завхоз банды.

Начальник штаба — Макаров Алексей Кузьмич, полковник царской армии. Адъютант — Королев Владимир Иванович, 28 лет, прапорщик, имеет образование агронома. Носит форму с погонами прапорщика, погоны желтого цвета.

Завразведкой — Астанаев Сильверст Яковлевич, 26 лет, из инородцев улуса Чарков, Синявинской волости, малограмотный. (Очевидно, агентурная ошибка. По другим сведениям, полученным, в частности, в личной беседе с его правнуком Василием Сергеевичем Астанаевым, Сильверст Яковлевич учился в Томском университете.)

Каптенармус — Талкин Прокопий, инородец, 40 лет, из улуса Сарала, Кизылской волости.

Комвзвода 1. Кульбестеев Константин Григорьевич, 28 лет, из улуса Сарала, инородец.

Комвзвода 2. Кулаков Дмитрий, 27 лет, инородец.

Щепачев Павел — старший пулеметчик, казак, 30 лет, из улуса Теплая речка Кизыльской волости.

Создан суд чести. Имеется молитва "Спаси Господи люди твоя и сохрани достояние твое..." Существует ежедневная вечерняя перекличка, группирующая банду.

Банда именуется "Горно-конный партизанский отряд им. Великого Князя Михаила Александровича".

Все вооружены винтовками, шашками, револьверами, имеется артиллерия. Обмундирование одинаковое, добротное, хорошее. В банде имеют все большую сознательность, на почве этого распоряжения выполняются беспрекословно и сознательно... В банде имеется книга приказов, например:

1. Назначить начальником разведкоманды Емандыкова Николая с 15.05.22.
2. Каптенармусом назначить Кулакова Аркадия, помощником — Пономарева.
3. Категорически запретить самовольные обыски у населения.

СОЛОВЬЕВ".

Ачинский филиал ГАКК
Ф. 1697, оп. 3, д. 18, л. 193
из архива ЧОН

"Банда Соловьева.

Соловьев Иван Николаевич, из крестьян Форпоста, в банде с 1920 г. Состав банды с 1 июля по 1 августа до 40 человек. С 1 августа по 8 октября — 420 человек.

Именной список первоначального состава:

1. Соловьев Николай 2. Михайлов Прокопий 3. Родионов Илья 4. Кульбегеров Дмитрий 5. Татороков Осип 6. Топоков Борис 7. Коков Михаил 8. Коков Иван 9. Сергеев Кирилл 10. Кулаков Андрей 11. Редькин Федор 12. Кроков Иван 13. Иноземцев Григорий 14. Самойлов Петр 15. Самойлов Павел 16. Яновский Прокопий 17. Коконов Иван 18. Додонков Николай 19. Кильбистеев Николай 20. Кончаер Илья 21. Хрошкась Иван 22. Доврягин Илья 23. Ульчугачев Яков 24. Болохчин Петр 25. Рудаков Леонтий 26. Ульянов Иван 27. Салошожиков Петр 28. Попов Андрей 29. Рудаков Леонтий 30. Арыштаев Петр".

То есть из тридцати поименованных — 12 так называемых инородцев, хакасов, и это-то больше всего бесило советскую власть.

Ачинский филиал ГАКК
Ф. 1697, оп. 3, д. 18, л. 194

"КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ

Советская власть вступила на новый путь борьбы с белой партизанщиной, стремясь запугать партизан в бессильной злобе. Власть хватает и расстреливает родственников партизан. Мы вообще всегда считали власть жидов и коммунистов смелой и бессильной. Мы всегда были уверены в том, что эта власть кроме обмана и жестокости, кроме крови ничего не в силах дать населению, но все-таки полагали, что правительство состояло из людей нормальных, что власть принадлежит хотя и жестоким, но умственно здоровым. Теперь этого сказать нельзя, разве на самом деле допустимо, чтобы люди умственно здоровые стали делать то, что делает теперешняя власть. Разве вообще допустимо, чтобы психически нормальному человеку пришла в голову мысль требовать ответа за действия взрослых — человека малолетнего. Конечно нет. Власть арестовывает партизанских родственников от семилетнего возраста. Да разве придет когда-нибудь мысль нормальному человеку наказывать семилетнего ребенка за действия сорокалетнего дяди, конечно же нет. Но власть не только наказывает, власть убивает, уничтожает и не того человека, который делает по ее мнению зло, а другого, который этому злу не причастен. Может ли быть более дикое распоряжение чем то, которое делается Советской властью.

Граждане, вы теперь видите, что вами управляют идиоты и сумасшедшие, что ваша жизнь находится в руках бешеных людей, что над каждым из вас висит опасность быть уничтоженным и в любой момент, ибо, если наша очередь пришла сегодня, то ваша может прийти завтра. Чтобы спастись вам от неминуемой гибели, необходимо браться за винтовки и примыкать к нам, Братья, так как только в этом случае уйдете от преследования Советских деятелей, которые обрушатся тогда на невинных ваших соседей. Мы, белые партизаны, относимся к пролитию крови отрицательно, несмотря на соблазн отомстить Советской власти, не считаем себя вправе идти по ее пути. За сумасбродство и кровожадность родителей мы не можем поднимать оружие против детей коммунистов, мы же будем направлять нашу борьбу против самих коммунистов, не только расстреливать их как своих политических врагов, но как врагов России, как врагов своего народа.

Есаул СОЛОВЬЕВ

1922 год".

Ачинский филиал ГАКК
Ф. 1697, оп. 3, д. 18, л. 196

"П Р Е Д У П Р Е Ж Д Е Н И Е

Советская власть стремится восстановить все население против белых партизан, стремится доказать, что партизаны наносят вред населению. Власть стремится во чтобы то ни стало вооружить главным образом инородцев, их, вооруженных, поднять на борьбу с партизанами, создавая везде сельские отряды самообороны. Коммунисты, пролившие море крови, желают теперь укрываться за мирного жителя и избежать кары, которую от народа они заслужили.

Партизаны борются за народ, за народные интересы, они требуют уничтожения расстрела, уничтожения разверстки, прекращения грабежа, учиненного коммунистами. Поэтому кто поднимет руку против партизан, вооружатся против народа, а поэтому предупреждаю всех вооруженных самоохранников, буду рассматривать как вооруженную борьбу коммунистов и с ними буду поступать так же, как и с коммунистами.

СОЛОВЬЕВ

Ачинский филиал ГАКК*
Ф. 1697, оп. 3, д. 18, л. 195

"ВОЗЗВАНИЕ К КРАСНОАРМЕЙЦАМ

22 мая 1922 года

Граждане красноармейцы, обращаюсь к вам, бросьте коммунистов, красноармейские ряды, идите в партизанские отряды. Вы забудете то, что вам говорят ваши командиры, что если попадете в руки партизан, вас будут мучить и убивать. Нет, граждане солдаты, это было испытано вашими коммунистами, которые служили в отряде Мешкова и обращались с жителями варварски. В июне 1921 года 6 человек из отряда Мешкова поступили в партизанский отряд, не было нанесено оскорбления даже словом.

---

* Нам придется цитировать немало еще архивных документов. Ради экономии места в книге и дабы не отвлекать читательского внимания от сути дела, мы не будем указывать выходные данные в каждом отдельном случае. Однако заверяем читателя, что для каждой строки из архива у нас есть выходные данные.

Еще раз обращаюсь к вам, при встрече партизан не вооружаться и не стрелять. За добровольную сдачу я гарантирую жизнь. Мною дан приказ по моим отрядам: добровольно сдавшимся красноармейцам не чинить насилия.

СОЛОВЬЕВ".

"ПРИКАЗ
командира вооруженными силами Ачинского и Минусинского районов Белова.

...Если будет убит советский работник, отвечают все граждане деревни, для чего вводится круговая порука..."

"...Председателем чрезвычайной тройки по суду над заложниками, как пособниками белобандитов, назначить Червекова, членами Кузнецова и Гордынского".

Из приказа от 27 августа 1922 года

"Начальнику
3 района Ачинского уезда
Голикову

Я, Антипов, обязуюсь выдать в кратчайший срок банды Соловьева и Каренина, а также дать всевозможную информацию по банде. В противном случае я буду отвечать по строгости закона, к чему и подписуюсь. Антипов".

Так впервые в чоновских документах появляется фамилия Голикова.

"ПРИКАЗ
по шестому отряду от 24 марта 1922 года.

Прибывшего в мое распоряжение штаб ЧОНгуба Енисейского 19 марта сего года товарища Голикова зачислить в списки отряда на все виды довольствия с вышеуказанного числа, с назначением на должность комбата вверенного мне отряда. Тов. Касьянову командование батальоном сдать и прибыть в мое распоряжение.
ОСНОВАНИЕ: личное приказание Команчонгуба.

Командир отряда КУДРЯВЦЕВ".

Из официальных документов штаба ЧОН Сибири:
"Бандитизм в означенном районе отличается от бандитизма прочих районов Сибири своеобразной смесью уголовного и политического характера (элемента). Полевые части для борьбы с ним мало пригодны. Бандитизм на территории Сибири, благодаря многим, чисто сибирским условиям имеет глубокие корни. Только организованность ЧОН, только практика в их неразрывной борьбе с наследством колчаковщины, давала и дает положительные результаты.

ГОЛИКОВ".

"Ачинско-Минусинскому
боевому району
село Ужур.
16 июля 1923 года.

Колоссальная воспитательная работа проделана в Красной Армии за 5 с половиной лет ее существования. Но наблюдаются явления, в результате которых прихожу к заключению, что некоторыми лицами комсостава ЧОН губернии до сих пор не только не усвоены элементарнейшие понятия о воспитанности, но даже не освоена и необходимость уважения личности подчиненного... Такой ношей в полной мере является очень недавно прибывший в мое распоряжение из штаба ЧОН Сибири, до того времени совершенно неизвестного мне товарища Никитина.

Он, получив непроверенные сведения о появлении в улусе Ороштаев двух бандитов, с четырьмя бойцами под своей личной командой отправился в улус, вместо того чтобы выполнять свою задачу по проверке сведений о бандитах, хотя для этого, конечно, не было никаких оснований командиру эскадрона ехать самому с отрядом. В улусеОраштаев и Иткуль занялся сбором продовольствия для бойцов инородцев эскадрона, а попутно с этим арьяна (самогона) уже лично для себя и для своего победоносного отряда. В результате этого похода явилось следующее: бандитами тов. Никитин поинтересоваться забыл, а вместо того, напившись, очевидно, до полной потери сознания и приличного

состояния, назвав населению себя Соловьевым, а своих бойцов бандитами, стал заниматься вымогательством продовольствия и самогонки, угрожая оружием и даже применяя его, угрожал расстрелами и проч. Дав волю своему пьяному разгулу, тов. Никитин позволил себе ударить кулаком по лицу бывшего бойца тов. Шанданова, боевые заслуги которого отмечены: представлением его к награждению именным оружием. Наконец, очевидно совершенно потеряв человеческий облик, с наганом в руке предъявил жене одного сельчанина улуса такое требование, которое мог предъявить лишь дикарь, совершенно лишенный понятия о чести".

"Агентурными данными установлено, что банда Соловьева и Кулакова объединились и оперируют вместе, имеют четыре пулемета, вооружены трехлинейными винтовками и большим запасом патронов. Обмундированы хорошо. Со слов населения банда возит знамя: "За Веру, Царя и Отечество", называют себя отрядом имени Великого Князя Михаила Александровича. Главарь банды носит погоны полковника. Обращаются друг к другу: "Господин такой-то".

На этом месте автор реферата, девятиклассница Таня не удержалась от комментария.

"За Веру, Царя и Отечество" — был лозунг Белой Армии. Почему у Красной Армии не было такого лозунга? Да, в Красной Армии были другие принципы. Но к Отечеству должно быть одинаковое отношение. Как писал Фонвизин: "Ты должен посвятить Отечеству свой век, коль хочешь быть ты честный человек..."

Из донесения: "Соловьев с тремя бандитами 6 апреля прибыл в село Покровское (Чебаки), 90 верст южнее села Ужур и присутствовал на районном съезде Советов (!!!), откуда несмотря на принятые меры к захвату, пользуясь темнотой и содействием некоторых лиц, участников съезда, скрылся... Истребительный отряд в 12 сабель ведет поиски Соловьева в районе села Покровское".

Таня Соломатова комментирует: "Атаман ускользнул из-под самого носа. Но это было бы невозможно без поддержки местного населения, которое укрывало бандитов, информировало о передвижении наших отрядов, о мероприятиях Советской власти. Значит: "банду" поддерживали многие? Да и было ли это бандой, а люди, входившие в нее, бандитами? В этом я начала сомневаться".

Ну, что же, можно сказать: молодец Таня Соломатова.

Этот поступок Соловьева — тайное присутствие на районном съезде Советов — был назван наглостью. А по-моему, это — храбрость и доблесть. Если только не озорство.

"Со штабом батальона в составе 4-х человек и одним пулеметом и четырьмя пулеметчиками перейти в свой район и подчинить себе отряды: Курорт Шира, командира роты Виттенберга — 36 штыков и 1 пулемет, Соленоозерное, командира 11 роты тов. Скуратова — 39 штыков, деревня Сон, командира роты тов. Шевелева — 16 штыков, село Покровское, командира взвода кавэскадрона тов. Бердина — 23 сабли и старшины кавэскадрона тов. Недорезова — 15 сабель...

Всем означенным отрядам перейти в непосредственное подчинение комбата Голикова. Комбату Голикову все оперативные донесения о ходе ликвидации банды представлять непосредственно в штаб ЧОН Енисейской губернии.

Помсводотряда-6 КУДРЯВЦЕВ".

"Дать предписание Голикову с отрядом 40 человек, включая отряд Измаилова, выступить в тайгу по следам бандитов. Командиру Недорезову перейти в Божье озеро до прибытия комбата. Комроты Шмаргину вести разведку на Костино до прибытия Измаилова.

2.4.22 КУДРЯВЦЕВ".

"Тов. Кудрявцев! Дня через два мне необходимо уйти в тайгу для обследования тайных дорог по Ничкургопу, так как по замеченным мною приметам отсюда недавно ушли бандиты шайки Соловьева (частного характера) и мне надо лишь 2—3 дня, пока точно ознакомлюсь с дальнейшими действиями с их стороны, а потому прошу временно (дня на 3) усилить отряд и передать ему человек 10 пехоты и кавалерии... Отмечаю, что место пребывания бандитов по всем соображениям 120—125 верст в глубь тайги от конечного пункта санной, таежной дороги... (неразб.) делают невозможными... двигаться дальше нормальным путем. Очень прошу — снимите какие-нибудь никчемные гарнизоны, дабы мне можно было полностью обследовать таежные дороги, а потому 3 апреля жду приказаний по существу моего сообщения. После чего ухожу с отрядом Измайлова в тайгу, самостоятельно возлагая на себя ответственность за принятые меры.

Комбат ГОЛИКОВ".

"5 апреля 22 года в 6 утра с отрядом в 41 штык выезжаю в разведку к верховью реки Ничкуфюр для обследования таежных дорог и для нахождения следов местопребывания банды.

ГОЛИКОВ".

"Только что получил ваше указание от 2 апреля, как раз вовремя, так как я сейчас уезжаю. Коротко отвечаю по пунктам.

1. В палатке, что в двух верстах по левую сторону правой дороги села Простокишино, найдены две обоймы, 10 стреляных патронов и полотенце.

2. Сведение о появлении банды в Простокишино получены от председателя сельсовета. В 5 часов утра по истечении 7 часов со времени ухода в тайгу.

3. Банда была в деревне пешая. По выходе оттуда встала на спрятанные в лесу лыжи.

4. Взято 9 лошадей, 10 пудов муки и тряпье.

5. Так как я являюсь начальником только своего отряда в 40 человек и действую с таковым полностью, то заместителя оставлять считаю лишним. Приказы, полученные за время отсутствия, сводки, буду посылать непосредственно вам к указанным срокам.

6. Разведка агентурного характера была выслана под управлением простокишенского председателя в составе 5 человек. В настоящее время вернулась. О результатах будет доложено после личной проверки.

7. Количество, время выступления и направление моего отряда указываю.

8. Снег по тайге по пути к банде 1,5 аршина (по грудь). Сейчас выступаю. Всего хорошего.

Комбат ГОЛИКОВ".

С нарочным послана еще одна записка Кудрявцеву.

"1. Дорога от села Дума до места, обозначенного двумя крестиками, равна 20 верстам, ведет между гор и редкой тайги. По масштабу не совпадает, так как идет изгибами, а помечена прямой.

2. Место, помеченное двумя крестиками, означает стоянку бандитов. Отсюда идут лыжные следы, но с трудом проехать на лошади можно. Дорога сразу же идет стиснутая густою, но мелкою тайгой. Удобно для засад. Равна 8 верстам.

3. Место, отмеченное двумя крестами — место стоянки бандитов. Всякая дорога обрывается, а в гору идет только лыжный след, могущий выдержать не более 3-х человек. Под большим количеством, даже идущим на дистанции — оседает пластом. На месте появляются обрывки и разное тряпье.

4. На 1,5 версты видна кровь заколотых лошадей. Путь следования бандитов, по данным разведки, идет до горы Березовой и сразу поворачивает на северо-запад. Глубина снега — 1 аршин. Далее идет покат, непригодный для постоянной остановки.

Приложение: последняя около верховья истока Юзика, но не особенно далеко. По дорогам еще некоторое время можно пройти на лыжах, приблизительно еще дней 10. Пешим порядком абсолютно невозможно, особенно к вечеру.

Командир батальона ГОЛИКОВ".

"Докладываю, что 5 апреля 1922 года в 12 часов я прибыл в село Божье-Озерное.

Сообщаю следующее: в 6 часов утра 4 апреля 1922 года я выступил с 40 человеками и пулеметом. Ехали по дороге, ведущей от Б. Озера в тайгу. Продвинувшись 20 верст до места первой стоянки бандитов, санный путь окончился. Оставив пулемет и 14 человек, в 12 часов двинулся с 26 человеками дальше.

Пройдя 8 верст до второй стоянки бандитов добрались, на которой валялись обрывки всяких вещей, ящики из-под патронов и тряпье. Очевидно отбиралось, что с собой брать. Еще 1 версту далее — кровь лошадей. Далее всякая возможность идти окончилась из-за глубокого снега. Причем сообщаю, что по утоптанной лыжне вполне можно пройти двум человекам. Под большим количеством снег оседает пластами. Замечателен тоже тот факт, что кто-то из деревни имеет с ними связь. Так как вплоть до самого места 2-й стоянки виден след лошади и легких санок, каковой ведет потом обратно. Вернувшись часам к 6 к месту стоянки пулемета, я продвинулся вверх по реке Ничкурюп на простокишинскую тропу, которая постепенно перешла в дорогу. В 9 часов прибыл в Простокишино, откуда была послана разведка из 3-х местных крестьян и одного спутника, которые вернулись к 12 часам утра и доложили о пути своего следования на 15 верст, который отмечен на прилагаемой карте. Причем донесено, что на протяжении всех 15 верст бандиты гнали с собой лошадей, несмотря на то, что совершенно вязли в снегу и падали. Отсюда вывод: во-первых, что лошади нужны им живыми, не для закола. Во-вторых, все-таки гарантируется постоянное их местопребывание не слишком далеко, о чем и довожу до вашего сведения. Прилагаемая карта относительной точности".

Продолжаем выписывать из реферата Тани все, что касается Голикова. 14 апреля 1922 года ему доносят: "13 апреля в 22 часа в улусе Секта была банда Соловьева в числе 10 человек (по сведениям крестьян). Взято 6 лошадей и 15 пудов муки, 30 фунтов табаку. Скрылись в неизвестном направлении. На остальном участке без перемен".

"Вскоре Голикову поступило сообщение о дерзком нападении бандитов на рудник "Богомдарованный". Сейчас это рудник "Коммунар" Ширинского района республики Хакасия.

Голиков посылает на рудник отряд и вскоре получает донесение: "Ввиду возрастания банды до 60—70 человек, а также прихода продуктов на рудник банда имеет целью вторично захватить его. Имея в распоряжении 20 штыков, считаю отряд малообеспеченным, а потому прошу усилить его до 40 человек, дабы не дать банде возможность захватить хлеб и не дать имеющийся отряд в жертву бандитам.

Хлеб в числе 253 пуда для рудника находится в Яловой, который должен следовать немедленно с отрядом, и отряд должен быть больше, чем банда. По сведениям граждан, банда соединилась вместе в один отряд: Соловьев, Кулаков, Родионов — и хочет во что бы то ни стало напасть на обоз с хлебом, который пойдет на рудник. Банда группируется в улусах: Токапов, Трошкин, Алешин, а также можно ожидать и до рудника. Я с отрядом послан как по охране рудника, так и с грузом. Опять нужно выделить из района рудника. А здесь бросить тоже нельзя. Ввиду того обстоятельства и посылаю нарочного и жду вашего распоряжения, как поступить. Как доставить хлеб, который обязательно должен быть на руднике. Если дело замедлится, то здесь критически безвыходное положение без хлеба. А главное сгруппировать отряд и напасть на банду".

"Банда" на хлебный обоз не напала. Соловьев, видимо, понимал, что на руднике голодают, хотя и отряд Соловьева жил впроголодь.

Таня Соломатова приводит воспоминание Аграфены Александровны Кожуховской (у которой, кстати сказать, квартировал Голиков): "Я хорошо помню, как боролись с бандой Соловьева. Соловьев родился в нашей деревне, сам крестьянин. Поэтому он никогда не убивал и не грабил наших жителей".

ПРИКАЗ
командующего Ачинско-Минусинского боевого района
20 янв. 1923 года, село Ужур.

"Из представленного мне дознания видно, что командир истреботряда Комкаввзвода Ачинского ОН тов. Соколов 7 января 1923 года будучи в пьяном виде во время игры в карты в деревне Копьево, выстрелами из револьвера "наган" ранил в плечо трубача вверенного ему взвода, а также и себя в средний палец на левой руке. Мне же донес, что он, Соколов, и трубач Логинов получили ранение в бою с бандой. Тов. Соколова от занимаемой им должности отстраняю, арестовываю и предаю суду Реввоентрибунала".

"При объезде мною вверенного мне района, я вынужден констатировать, что во всех истреботрядах дисциплина отсутствует, внутренний распорядок больше чем плох, бойцы постоянно увольняются в отпуски, ничем не оправдываемые, а часто самовольно отлучаются.

В устранение указанного приказываю:

Командирам всех истреботрядов в кратчайший срок внедрить в истреботрядах твердый порядок и суровую дисциплину... предваряю, что в случае установления мною указанного при следующих объездах района я буду применять самые решительные меры, вплоть до арестов и преданий суду Реввоентрибунала".

"Ввиду невыполнения поставленных мною задач по истреблению банды Родионова и остатков банды Соловьева, вследствие: постоянного пьянства, безалаберности действий, ничем не вызванных разъездов по делам личного свойства, полного дедисциплинирования отряда во всех отношениях и совершения целого ряда других преступлений по должности, Комистреботряда 1 тов. Овчинникова от должности отстраняю".

ПРИКАЗ
Ачинско-Минусинскому боевому району
от 4 мая 1923 г. из села Ужур.

"1. Последнее время банда Соловьева проявила активные действия. В особенности в районе западного участка, которая в большинстве случаев действует тремя группами одновременно, группы от 8 до 15 человек. Общий состав банды 25 человек, мужчин, в большинстве случаев — инородцев. Банда Родионова с настоящего времени в большинстве своего состава, как видно, находится на границе Томской губернии и Ачинского уезда, исключая 12 человек под командованием Чихачева, которые вышли и появились в районе озера Учум и Салбат.

2. Ранее изданный приказ от 11 апреля сего года, в котором говорится о необходимости как можно быстрее поставить агентурную работу с целью уничтожения бандитского движения и местонахождения банд, как видно из всего, не выполняется, и командиры действующих частей слишком мало уделяют внимания этому и если навербовали работников, то не весьма опытно и умело, а посему приказываю:

3. По дошедшим до меня сведениям выясняется, что некоторые командиры действующих частей за непослушание бойцов применяют к таковым рукоприкладство и мордобитие. Считаю такое явление при каких бы то ни было обстоятельствах недопустимым и вследствие сего напоминаю, что за подобные явления по отношению того или иного командира приму самые решительные меры.

Командующий Ачинско-Минусинского района ВОЛКОВ.

Начоперштаба ЗУБАНОВ".

"Лыжный взвод истребгруппы в составе 45 бойцов при трех пулеметах "Шоша" под общей командой 12 эскадрона тов. Шумова с 23 декабря 1923 г. по 3 января 1924 г. производил поиски банды

в юго-западном направлении от Покровского (Чебаки). Поиски результатов не принесли и взвод 3 января возвратился в Покровск".

Заметим, что все, что происходило в цитируемых документах, начиная с середины 1923 года, происходило уже после отъезда комбата Голикова, которому некоторые его биографы приписывают разгром соловьевского отряда. Да и неясно, что нужно было понимать под разгромом этого отряда. Ведь он на зиму убывал до минимума, а весной опять умножался. Пока целыми и свободными оставались сам Иван Николаевич Соловьев, его начальник штаба, полковник царской армии Макаров, его заместитель Чихачев, его начальник контрразведки Астанаев и его адъютант, отряд надо было считать существующим. Правда, в последний год своего существования Соловьев проявлял меньшую активность, нежели вначале, но это отнюдь не потому, что его в 1922 году и в начале 1923 года "напугал" Голиков, а совсем по иным причинам, над которыми мы своевременно задумаемся.

Но сначала надо задуматься над тем, с какой стати, зачем и почему появился в Хакасии Голиков Аркадий Петрович, восемнадцати лет от роду, прослуживший до этого четыре года в ЧОНе, в Частях Особого Назначения. За какие такие заслуги уже в 16, в 17 лет ему доверяли командовать полком (чоновским, разумеется), а и в Хакасию он приехал с предписанием получить назначение не ниже командира батальона (разумеется, чоновского).

В Советском Энциклопедическом словаре (однотомном) дается такая справка: "Части Особого Назначения (ЧОН). Военно-партийные отряды в 1919—25 годах при заводских ячейках, райкомах, горкомах, губкомах партии для помощи Советским органам в борьбе с контрреволюцией".

Коротко и не очень внятно. В десятитомной Малой Советской энциклопедии тоже очень краткая справка: "ЧОН. Были созданы в Советской России в годы гражданской войны для борьбы против контрреволюции. Формировались из комсомольцев и коммунистов. В 1921 году ЦК РКП(б) утвердило положение о ЧОН. Общее руководство осуществлялось ЦК РКП(б), обкомами и губкомами. ЧОН сыграли значительную роль в защите завоеваний Соц. революции. С переходом к мирному строительству ЧОН в 1924 году были расформированы".

Тоже не густо и тоже не очень внятно. Что значит — отряды при заводских ячейках, если это полки и батальоны? "Части"! А каждый мало-мальски сведущий в военном деле человек знает различие между, скажем. воинским подразделением (взвод, рота, даже и батальон) и воинской частью.

Значит, "Части Особого Назначения". В чем же состояла эта особенность? Вспомним по аналогии "СЛОН". Соловецкий Лагерь Особого Назначения. Или дом инженера Ипатьева в Екатеринбурге, "Дом Особого Назначения". Словечко "ОСОБОГО" на языке большевиков того времени означало только одно: уничтожение, истребление, смерть. ЧОН, как написано в словаре, были созданы для борьбы против контрреволюции. Но разве ЧК, центральная на Лубянке, разве все районные, городские, губернские ЧК ("Чрезвычайки", как их тогда называли), ЧК, в которых даже были лотки, желоба для стока крови, как, например, по свидетельству Н. Я. Мандельштам, это было в киевской "Чрезвычайке", разве они не боролись против "контрреволюции"? Разве сама Красная Армия, возглавляемая красными (кровавыми) комиссарами, не боролась против контрреволюции? Разве не было к тому же вооруженных продотрядов, милиции, наконец? Зачем же еще Части Особого Назначения? Дело в том, что в словарной справочке, где говорится: "при заводских ячейках, райкомах, губкомах и пр.", не сказано главного: "При воинских частях в действующей Красной Армии". А точнее всего — при тогдашнем правительстве, при Совнаркоме и ВЦИКе, при Свердлове и Троцком.

Троцкий, придумавший и создавший Части Особого Назначения, так откровенно формулирует смысл их создания: "Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока... гордые, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади".

Яснее всех энциклопедических словарей!

Части Особого Назначения не брали городов, не штурмовали Перекопа, не обороняли каких бы то ни было объектов, они находились позади воюющей армии. И были у них две главные задачи: они не позволяли (по мере возможности)

Красной Армии отступать (так называемые "заградотряды"), а главное — они расстреливали. Расстреливали дезертиров, расстреливали взятых в плен, расстреливали заложников. Одним словом, расстреливали безоружных людей.

Ушла из Крыма армия Врангеля, но десятки тысяч солдат и офицеров не захотели покинуть родную землю, тем более что Фрунзе в разбрасываемых листовках обещал тем, кто останется, жизнь и свободу. Остались. Крым был передан в руки Бела Куна и Землячки (Розалии Самойловны Залкинд), Бела Кун и Землячка стали приглашать в Крым Льва Давидовича Троцкого. Лев Давидович ответил: "Я тогда приеду в Крым, когда на его территории не останется ни одного белогвардейца". Руководителями Крыма это было воспринято не как намек, а как приказ. Началось бессмысленное кровавое уничтожение всех сложивших оружие и оставшихся на родной русской земле русских людей. Цифры называются разные, кто говорит семь, кто говорит тридцать, а кто говорит семьдесят тысяч. Но даже если и семь, тоже немало. И семь тысяч перестрелять — это работа. Тем более что Землячка изрекла: "Жалко на них тратить патроны, топить их в море". И привязывали камень к ногам, и долго еще потом через чистую морскую воду были видны рядами вертикально стоящие мертвецы. Но не могли же эту работу выполнить два человека — Бела Кун и Землячка. Нельзя было бы привлечь к этому строевые, боевые части. Фрунзе на это не пошел бы. Кто же это все делал? ЧОН. Части Особого Назначения.

Вот уж действительно — Особое, так Особое!

Или издал Свердлов декрет "О расказачивании России". То есть об истреблении донских и кубанских казаков. И окружены были области Войска Донского и Кубанское казачество, и жгли станицы и расстреливали за одну ночь все население той или иной станицы вместе с детьми и женщинами. Две недели длилось это бесчинство. Кто же это все делал? Не строевые, не полевые, не боевые части Красной Армии. Это делали Части Особого Назначения. Сокращенно — ЧОН.

(Что касается чоновца А. П. Голикова, то в его послужном списке действия по расказачиванию Кубани записаны скромной фразой: "Комиссар отряда курсантов, усмирявших кубанских казаков. Август 1919 года".)

Россия, хотя уже и смертельно раненная, полурастерзанная, все еще агонизировала. Не успели отгреметь залпы расстрелителей на Дону и Кубани, восстало крестьянство в Тамбовской губернии. Не выдержали грабежа, продразверстки, продотрядов, голода, доводившего до людоедства и детоедства, — восстали. В Тамбовском восстании участвовало около двухсот тысяч человек, а возглавил его тридцатичетырехлетний Александр Степанович Антонов. По ленинской практике обозвали его эсером, а все восстание — кулацко-эсеровским. Вы представьте себе — 200.000 кулаков и одновременно эсеров!

Против тамбовских мужиков двинули регулярную армию под командованием Тухачевского. Но так как главным средством борьбы с восставшими была система заложничества, то Тухачевский не мог обойтись без Частей Особого Назначения. Делалось так. Ушел мужчина из семьи к Антонову, арестовывалась вся его семья. Ушло из деревни к Антонову несколько мужчин, арестовывалась (а то и просто сжигалась) вся деревня. А ведь заложников надо потом расстреливать. Как же тут обойтись без ЧОНа? К Тухачевскому послали Аркадия Голикова. У голиковского биографа об этом написано: "...разговор с Тухачевским вышел короткий. Михаил Николаевич сказал, что пригласил его (Голикова) поближе познакомиться, что хотя мятеж как таковой в целом ликвидирован, работы все равно еще много..." Ну, к такой работе Голикову, несмотря на молодость лет, было уже не привыкать.

С. П. Мельгунов в своей страшной по содержанию книге "Красный террор в России" пишет на стр. 29: "Брали сотнями заложниц крестьянских жен вместе с детьми... приказ оперштаба Тамбовской ЧК 1 сентября 1920 года объявлял: "Провести к семьям восставших (подчеркнуто мной.— В. С.) беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество".

Как проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют официальные сообщения, печатавшиеся в тамбовских "Известиях":

"5 сентября сожжено 5 сел; 7 сентября расстреляно более 250 крестьян... (а расстреливал ЧОН, то есть и тов. Голиков в том числе.— В. С.)...

...расстреливали и детей и родителей. И мы найдем засвидетельствованные факты, когда расстреливали детей в присутствии родителей и родителей в присутствии детей".

Один из биографов Голикова, Гольдин об этом пишет: "Партия послала на Тамбовщину лучших своих сынов, лучшие части, лучших командиров, военачальников, политработников. И среди них был командир 58 стрелкового полка Аркадий Голиков".

А надо было бы написать: "Против лучших и несчастнейших сынов России, не вынесших большевистского насилия и решивших лучше погибнуть стоя, чем жить и пресмыкаться в чудовищном рабстве, партия послала самых отъявленных убийц и негодяев, имеющих уже большой опыт в деле истребления коренного населения России..." Далее все по тексту.

Могут сказать: "Мало ли что Голиков служил в ЧОНе. Может, он вовсе и не расстреливал". Но такое предположение невероятно. Если солдат служит в похоронной команде, то закапывать трупы убитых — это его повседневная работа. Для фронтовой медсестры повседневная работа — перевязывать раненых. Для хирурга в медсанбате — делать операции, для артиллериста — стрелять из пушки, для танкиста — водить танк, а для чоновца — расстреливать безоружных людей. Пленных, заложников либо приговоренных к расстрелу Ревтрибуналом. Части Особого Назначения. Не может пожарник не тушить пожара, моряк не плавать на корабле, кавалерист не ездить верхом на лошади, повар не готовить пищу, а чоновец не расстреливать. Такова уж его специальность.

До сих пор многие не перестают удивляться, как это так, семнадцатилетний мальчишка, вдруг — командир полка! За что, за какие такие заслуги? За чоновские заслуги, уважаемые сограждане, за чоновские. А заслуги у чоновца могли быть одни, опять-таки — чоновские.

У меня осталось в памяти вычитанное где-то, но осталось уже в обрывках, в частности, никак не могу вспомнить, о какой школе там велась речь. Суть же этой своеобразной притчи в том, что некий юноша учился в каком-то предосудительном учебном заведении. Скажем, в узко-целенаправленной партийной школе..., или, скажем, в инквизиторской школе, или (ближе к нашей действительности) в школе лагерных конвоиров, или просто на палача. И вот, оправдываясь, он говорит:

— Не один я там учился, нас там было много молодых людей...

— Да. Но зачем ты был первым учеником?

Иногда мне самому кажется неправдоподобным: как это четырнадцатилетний мальчик, ученик Арзамасского реального училища, оказался вдруг чоновцем? Как это Наталья Аркадьевна, мать Аркаши, сама упросила знакомого Ефима Осиповича Ефимова взять мальчика в отряд. Что это — сверхреволюционная сознательность? Жертвенность во имя революции? Или за этим что-то стоит? У меня есть догадка, доказать которую, разумеется, невозможно, но возможны косвенные рассуждения на эту тему.

Не так давно мой коллега Борис Николаевич Камов, автор двух больших замечательных очерков о смерти Колчака и о смерти адмирала Щасного, но также и автор апологетической — в духе соцреализма — книги о Гайдаре, выступил с новой публикацией об Аркадии Петровиче. Этой публикации он предпослал следующие слова: "Уже более двух лет в российской печати появляются статьи, в которых А. П. Гайдара обвиняют в организации и осуществлении массовых репрессий в годы гражданской войны... Между тем в этих публикациях не приведено ни единого документа, подтверждающего обвинения".

Дальше Борис Камов начинает рассказывать о Гайдаре 30-х годов и о том, как Аркадий Петрович несколько раз звонил наркому Ежову, пытаясь выручить свою бывшую жену Лию Соломянскую. Но это все равно, как если бы стали обвинять, скажем, Буденного в том, что он много зарубил шашкой людей, а в опровержение этого рассказали бы, что в тридцатые годы Семен Михайлович "курировал" племенное коневодство в СССР. Ну да, курировал. А в 20-е годы рубил шашкой людей. А насчет документирования... Вот вы, дорогой коллега, пишете об Иване Николаевиче Соловьеве, что он молодой хакаске, уличив ее в агентурной деятельности в пользу ЧОНа (Голикова), лично саблей отрубал по одному пальцы на

руке. Ну и как же вы, Борис Николаевич, собираетесь документировать эту клевету на Ивана Соловьева? В духе и образе Голикова расстреливать, но вовсе не в духе и не в образе Соловьева обрубать пальцы юной хакаске.

Но вернемся к нашим косвенным рассуждениям, к нашим недокументированным предположениям о том, почему мать Аркаши Голикова, в четырнадцатилетнем возрасте, собственноручно отдала его в руки ЧОНа, в отряд своего знакомого Ефима Осиповича Ефимова.

Будучи мальчишкой лет двенадцати, Аркаша Голиков обзавелся огнестрельным оружием. Конечно, какой мальчишка не мечтает о револьвере, а тем более о маузере. А. Гольдин в своей книге о Голикове пишет:

"Он мечтал иметь свое оружие, настоящее, с патронами, чтобы и стреляло по-настоящему. И нужно оно было ему не для игр, не для того, чтобы похвастаться перед товарищами, а совсем, совсем для другого..." (подчеркнуто мной.— В. С.)

И дальше: "Купить револьвер в то время в Арзамасе, на базарной толкучке было нетрудно. А может быть, он приобрел его у раненого, находившегося на излечении в госпитале, или просто получил в подарок от кого-нибудь из раненых, потихоньку от госпитального начальства пронесших оружие в палату. Как бы то ни было, а у Аркадия появился револьвер".

Тему продолжает другой биограф Голикова, уже знакомый нам Борис Камов.

"В сентябре семнадцатого возобновились занятия в реальном... еще летом (то есть, значит, летом семнадцатого, то есть, значит, в тринадцатилетнем возрасте.— В. С.) он раздобыл себе небольшой маузер с двумя обоймами. Оружие привозили и продавали солдаты, "Нижегородский листок" печатал объявления: "Продается малодержаный револьвер с коробкой патронов". И он носил короткоствольный плоский маузер в кармане брюк.

И однажды (он дежурил в классе и, выгнав всех в коридор, распахнул окно) вошел с тремя ребятами из школьного комитета Федька и потребовал сдать револьвер.

— Какой еще револьвер? — прикинулся было он.

— Не запирайся, пожалуйста! Я знаю, что ты всегда носишь маузер с собой. И сейчас он у тебя в правом кармане. Сдай лучше добровольно или мы вызовем милицию...

Он рванулся к двери — Федька преградил дорогу. Он ударил Федьку — на него навалились остальные. Кто-то пытался выдернуть из кармана его руку, которой он крепко держал рукоятку маузера. "Отберут... Сейчас отберут", — пронеслось в голове.

И тогда, взвизгнув, выхватил маузер, большим пальцем вздернул предохранитель и нажал спуск...

Четыре пары рук мгновенно разжались, он успел увидеть "будто ватные лица" и желтую плитку каменного пола, разбитую выстрелом... То был его первый выстрел". (Б. Камов. "Обыкновенная биография", стр. 38—39.)

Первый ли? — спросим мы. Маловероятно, что 12—13-летний мальчик с определенной тягой к оружию (а как потом выяснилось — и к убийству), носил много дней в кармане боевой маузер и не попытался из него стрелять. Так сказать, опробовать его в деле.

В этом контексте зловеще звучит фраза, вычитанная Б.Камовым в дневнике Аркадия Петровича. Вообще-то Гайдар вел дневник, зашифровывая свои записи. Так, когда его мучили повторяющиеся сны, он отмечал: "Сны по схеме №1" или "по схеме №2". И вдруг оголенная, однозначная фраза: "Снились люди, убитые мною в детстве". Свидетельство, как говорится, из первых рук.

И возникает в мучительных снах, в кошмарах тема трех молодых прекрасных женщин, трех сестер-арзамасок. Если бы одна, было бы понятнее и проще. Мало ли? Ну влюбился подросток в русскую красавицу, если даже и старше его, и была недоступна, недосягаема и осталась светлой памятью на всю остальную жизнь. Но почему — три? И почему они приходили потом к взрослому чоновцу не светлой сказкой, а тяжелым кошмаром? Ведь именно в связи с памятью об этих трех загадочных сестрах он однажды обронил: "Если бы можно было возвратиться назад и начать сначала..."

Документировать, как того требует Б. Камов, невозможно, но подсказывает

интуиция: уж не хлопнул ли их юный р-революционер? Ведь, небось, сестры-то были дворянки или, во всяком случае, интеллигентки.

И что значит: "Снились люди, убитые мною в детстве"? В каком детстве? Видимо, догадываясь о кровавых проделках отпрыска или даже зная о них, мать и упросила своего знакомого взять Аркашу поскорее в отряд (чоновский отряд). С чоновца, если даже что-нибудь и открылось бы — взятки гладки. И потом, было ясно, что отряд из Арзамаса скоро уйдет. Для Голикова было: чем скорее, тем лучше.

В отряде А. Голиков с четырнадцати лет. Действительно, отряд вскоре перевели в Москву. И потом были курсы в Киеве, а потом начались боевые "чоновские" дела. Но про эти дела, если даже и приходилось стрелять (а разумеется, приходилось), уже Аркадий не мог сказать "люди, убитые мною в детстве". Нет, запись в дневнике была про людей, убитых, пока Аркаша не был еще в чоновском отряде в должности адъютанта Ефимова. И надо полагать, в адъютантском либо в курсантском положении у Аркадия меньше болела бы совесть при убийстве людей, нежели за год-другой перед этим, когда он тайно носил в кармане заряженный маузер.

Много в обрисовке облика Аркадия Петровича дают воспоминания его друга — журналиста, писателя Бориса Германовича Закса.

Борис Германович, находящийся сейчас в США, долгие годы работал в журнале "Новый мир", когда главным редактором там был Твардовский. Но в 1932 году он работал в газете "Хабаровская правда" вместе с А. П. Гайдаром.

Свои воспоминания Борис Германович опубликовал в альманахе "Минувшее" в №5 (Атениум, 1988, Париж. Стр. 382—390. "Еще раз о письме Гайдара").

Речь идет о письме Аркадия Гайдара писателю Р. Фраерману, в котором Гайдар жалуется на свою привычку говорить людям неправду.

Для того чтобы понять характер письма, выпишем несколько мест.

Здравствуй, Рува!

Я живу в лечебнице Сокольники. Здоровье мое хорошее... Одна беда — тревожит меня мысль — зачем я так изоврался... Казалось нет никаких причин, оправдывающих это постоянное и мучительное вранье, с которым я разговариваю с людьми... образовалась привычка врать от начала до конца и борьба с этой привычкой у меня идет упорная и тяжелая, но победить ее я не могу... Иногда я хожу совсем близко около правды, иногда — вот-вот — и веселая простая она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня — берегись! Не говори! А то пропадешь! Не говори! А то пропадешь! И сразу незаметно свернешь, закружишь, рассыплешься и долго потом рябит у самого в глазах — эк, мол, ты куда, подлец, заехал! Химик!

Нет у меня ничего плохого — в этом смысле, чтобы это шло против людей. И какой бы мне суд не был, я буду отпираться — верней отказываться и защищаться, но знаю, что это бесполезно, потому что тогда подумают — раз человек что-то скрывает — значит совесть у него не чиста, и что-то на уме плохое.

А это не то! Похожее, но не то! Рувок!..

Опубликовал это письмо Н. Стахов. И вот давний друг А. Гайдара, известный журналист Борис Германович Закс, работавший многие годы в журнале "Новый мир", вступает в мягкую полемику с публикатором на страницах того же альманаха "Минувшее".

"...Начну по порядку с письма, как такового. Публикатор не учитывает его специфику. А ведь это — письмо из психиатрической клиники. Отвлечься от этой его особенности означает исказить картину. Получится простое обычное письмо. Один писатель пишет другому, здоровый здоровому, равный равному. А на самом деле это не так. Пишет пациент из психиатрической больницы "на волю". Неизвестно в какой мере излеченный, на какой стадии выхода из кризиса находящийся. Н. Стахов, правда, упоминает о "тяжелом нервном расстройстве", которым Гайдар страдал еще с гражданской войны. (Значит, "тяжелым нервным расстройством" Аркадий Петрович страдал с 14—16-летнего возраста, ибо он с 1904 года рождения. То есть, значит, начало "тяжелого нервного расстройства" приходится на годы основной службы Аркадия Петровича Голикова в ЧОНе.— В. С.)

Продолжаем текст Б. Г. Закса. "Но что за этим стоит, он (Н. Стахов) не раскрывает. А речь идет о самом настоящем психическом заболевании, регулярно приводившем Гайдара в соответствующие лечебные заведения. Не так-то долго

он пробыл на Дальнем Востоке, меньше года, но за это время дважды побывал в психиатричке. Я-тому свидетель и расскажу оба случая подробнее.

Мне пришлось за мою долгую жизнь иметь дело со многими алкоголиками — запойными, хроническими и прочими. Гайдар был иным. он зачастую бывал "готов" еще до первой рюмки. Он рассказывал, что детально обследовавшие его врачи вывели такое заключение: алкоголь — только ключ, открывающий дверь уже разбушевавшимся внутри силам. Конечно, верить Гайдару на слово — дело опасное, но этот его рассказ отвечает тому, что я видел собственными глазами.

Однажды мы (Е. И. Титов и я), жившие в одной редакционной квартире с Гайдаром, начали замечать в его поведении что-то неладное, какие-то тревожные симптомы... Мы знали о его болезни и принялись уговаривать, пока не поздно, обратиться в больницу. Наконец, после долгого сопротивления, он согласился. Втроем мы отправились на поиск психлечебницы. С трудом добрались. В вестибюле Гайдар сразу опустился на ступеньки и мы стали ждать врача. Вдруг по лестничной площадке верхнего этажа пронеслась завернутая в развевающуюся простыню фигура некоего бедуина, а за ним, топая сапожищами, два ражих держиморды — санитара. И тотчас раздался грохот и дикий вопль — это уже не видимый нами "бедуин" сорвался вниз с лестницы. А еще минуты через две те же санитары протопали обратно с носилками, на которых лежал он, окровавленный и стонущий... Гайдар искоса глянул на нас и сказал: "Хорошие у меня товарищи, куда привели".

Пришел врач. Принял нас сухо. Выслушал, посмотрел на Гайдара и взять в больницу отказался. Он, видимо, не привык, чтобы к нему являлись добровольно и не набедокурив, а потому не признал Гайдара больным. Дорога обратно далась еще труднее. Гайдар еле передвигал ноги. У меня было время, я работал в ночной редакции, но Титову пора было сдавать в набор телеграммы, и он ушел вперед, оставив нас вдвоем. Едва Титов ушел, Гайдар начал нападать на него. Бессвязно, заплетающимся языком он обвинял Титова в том, что тот будто бы сказал: "Лучше бы вы со славой погибли в бою"...

"Вот... поповский сынок... небось, нарочно себе ногу навозными вилами проколол.. Я воевал, а он отсиживался... А теперь упрекать смеет..." (Титов сильно хромал).

Он производил полное впечатление пьяного, хотя не пил ни капли. Но еще не дойдя до дому, мы встретили несколько знакомых и, несмотря на мои возражения, они увели Гайдара к себе. Вернулся он в дым пьяным и с первых слов объявил, что убьет Титова. "Где он?" Тому, что Титов еще не приходил из редакции, он не поверил и отправился на поиски. Вошел в титовскую комнату — никого. Тогда он, взяв стул за спинку, принялся ножками выбивать в окнах одно стекло за другим, перевернул вверх ногами кровати, стол, стулья. Потом вышел в коридор и повернул к нашей комнате.

Смеркалось, света не было (хабаровская электростанция то и дело отключала ток). Дом наш стоял в глубине двора, позади сада, и я метался от Гайдара к воротам, чтобы подкараулить и предупредить Титова. В коридоре, ощупывая стены, стоял Гайдар с большой боржомной бутылкой в руке. "Где Титов? Я его убью!" — повторял он. Я начал его урезонивать, он невнятно ответил: "Уйди. У меня сейчас рука тяжелая". И тут же выбил бутылкой маленькое окошко, глядевшее из нашей комнаты в коридор. Пройдя в нашу комнату, повторил ту же процедуру: перевернул обе кровати и прочее... Позади нашего дома во флигеле жил Зайцев — секретарь ПП (кто нынче помнит, что значили эти две страшные буквы?), то есть Полномочного Представительства ОГПУ по Дальневосточному краю. Услышав шум, он выскочил на крылечко флигеля и заорал: "Что это тут происходит?.." И в тот же миг — ну прямо как в кино — непредсказуемая хабаровская электростанция дала ток и перед Зайцевым предстал в окне ярко освещенный Гайдар с поднятым кверху стулом. Потом они сидели в саду за столом и обменивались военными воспоминаниями... Потом Гайдар ушел в дом. Я сказал Зайцеву, что напрасно он пустил Гайдара одного. Сам-то я уйти со своего поста не мог, чтобы не упустить Титова. "Это прекрасный парень, — воскликнул Зайцев в ответ. — Я за него ручаюсь. Мы, старые чекисты, умеем разбираться в людях". Тут раздался звон стекла — Гайдар добивал уцелевшее окно — и знаток людей проворно побежал в дом.

В этом случае ярость Гайдара была направлена вовне — на другого человека.

Но видал я и иную ситуацию — когда эксцессы его гнева были направлены на него самого.

Я был молод, ничего подобного отроду не видывал и та страшная ночь произвела на меня ужасающее впечатление.

Гайдар резался. Лезвием безопасной бритвы. У него отнимали одно лезвие, но стоило отвернуться, и он уже резался другим. Попросился в уборную, заперся, не отвечает. Взломали дверь, а он опять — режется, где только раздобыл лезвие. Увезли его в бессознательном состоянии, все полы в квартире были залиты свернувшейся в крупные сгустки кровью... Я думал, он не выживет...

При этом не похоже было, что он стремится покончить с собой, он не пытался нанести себе смертельную рану, просто устраивал своего рода "шахсей-вахсей". Позже, уже в Москве, мне случалось видеть его в трусах. Вся грудь и руки ниже плеч были сплошь — один к одному — покрыты огромными шрамами. Ясно было, он резался не один раз...

...Я увлекся и растянул свои мемуарные возражения. Но эти детали, по крайней мере, дают представление о том, кто послал письмо из Сокольников Рувиму Фраерману.

...Но вернемся к письму. Конечно, можно его толковать как угодно, можно зачислить Гайдара в некие инакомыслящие. Но он таким никогда не был, и никаких политических иллюзий ни в тексте, ни под текстом его письма к Фраерману я не вижу. Не вижу, чтобы речь шла о лжи в литературных произведениях. Зато в быту, в личных отношениях, в редакционно-издательских связях Гайдар был, мягко говоря, фантазером. И рассказы его нельзя было запросто брать на веру.

О чем бы речь ни шла, у него на все были разные варианты. В том числе и в собственной биографии. Ни одного эпизода он не повторял одинаково. Происхождение своего псевдонима всякий раз объяснял по-другому. Даже для исключения из партии у него была не одна версия... В воспоминаниях я воспроизвел его рассказ о том, что его при демобилизации принимал сам Фрунзе. Прошло много лет, нашлись дневниковые записи Гайдара, и выяснилось, что принимал какой-то Данилов, чин третьестепенный... Не эту ли свою особенность он имел в виду в письме к Фраерману.

Ведь письмо отличается надрывным, истерическим тоном... перед нами гиперболизированное самообвинение, самобичевание, столь характерное для маниакально-депрессивных состояний...

...Как Гайдар относился к тому, что принято объединять словом 37 год? Неясно. Я никогда не слыхал от него ни единого словечка осуждения. Хуже того, из глубин памяти всплыл некогда в ужасе загнанный на самое дно эпизод: об аресте Сергея Третьякова Гайдар рассказывал со смехом. Какие-то подробности ареста показались ему смешными. Жестокие, бесчеловечные... Вспоминать тяжело...

Вообще я думаю, что у человека, который сам расстреливал, отношение к террору 37 года не могло быть адекватно нормальному...

...Террор не родился в тридцатые. Гайдар еще в Гражданскую войну насмотрелся всякого. Ведь дисциплина в Красной армии держалась на расстрелах. А Гайдар еще мальчишкой служил в ЧОНе. Думаю, что категория справедливости еще тогда перестала его интересовать. Только — целесообразность. И не знаю, считал ли он террор нецелесообразным".

...Теперь у нас есть некоторое представление о Хакасии вообще, о том благоденствии, которое царило там до прихода к власти большевиков, о насилии и ограблении населения продкомиссарами и повсеместном сопротивлении этому грабежу и о том, что это повсеместное сопротивление откристаллизовалось в боевой Горно-Партизанский отряд под командованием Ивана Николаевича Соловьева и что в этом отряде гораздо более половины личного состава были хакасы, хотя сам Соловьев был казак, родившийся в селе Форпост. Это село, как, может быть, помним, образовалось из поселения там нескольких казаков, посланных Петром Первым для охраны соли, добываемой из Соленого Озера. Сначала поселение называлось Форпост, потом стало называться Соленоозерным, а теперь превратилось в имени Буденного.

Соловьев воевал против большевиков в армии Колчака. После того как красные победили, он возвратился в родные места, на реку Белый Июс, в пойму этой реки, в сопки, украшенные подтаежными березовыми колками, ярко светящимися, особенно осенью. Свои места Иван Николаевич беззаветно любил. И как ни уговаривали его потом, когда у него уже был отряд, уйти в Монголию и дальше в Китай, куда ушли остатки колчаковской армии, он никуда не захотел уходить из родных мест.

В армии Колчака он был то ли урядником, то ли хорунжим (я плохо разбираюсь в казачьих званиях, особенно в переводе их на общеармейские), но свои воззвания и приказы он подписывал: есаул Соловьев. Не думаю, что это было самозванством. Не надо осуждать его и за то, что он позволил себе, будучи командиром боевого отряда, носить погоны полковника русской армии. Ведь начальником штаба в его отряде был именно форменный и законный царский полковник Алексей Кузьмич Макаров. Негоже было бы полковнику ходить под началом у есаула.

Романист Анатолий Чмыхало так представляет нам героя своего романа:

"Поджарый среднего роста, Иван был подвижным, ловким. Он смело выходил в круг бороться с дюжими казаками и, на удивление всей станице, неизменно побеждал своих соперников точной подсечкой, кидая их наземь через колено. И тогда яро клокотала, захлебываясь от дикого восторга, охочая до зрелищ станица. Чтобы, случаем, не опозориться, с Иваном предпочитали не связываться... А уж и было похвал, когда, вернувшись целехоньким с фронта, он вместе с однополчанином Гришкой Носковым показывал на радостях настоящую казачью джигитовку. За станицу, за ее каменистый верхний край, выходивший на пригорок к кладбищу... люди хлынули по улицам торопливыми толпами и невозможно было пробиться к выбитому копытами кругу, по которому на сыромятных вожжах ходили, свирепо кося налитыми кровью глазами, лучшие в станице скакуны. Тогда на мухортом дончаке автомана Пословина, гордом и злом, как зверь, Иван проделал такое, чего отродясь не видывали казаки и даже не могли себе представить. В петроградском цирке, говорят, где собраны лучшие наездники со всего света, и то не всегда показывали этот смертельный номер: на полном галопе человек кошкою прыгал с коня и колесом летел вкруговую, а потом, будто подброшенный стальной пружиной, легко взмывал в седло, чуть ухватив рукой смоляную конскую гриву. Даже старики, много видевшие на своем веку, которых, казалось бы, уже ничем нельзя удивить, и те невольно приседали и ахали от возбуждения:

— Хват, якорь его, хват!

— Каналья!

— Ахфицером Ванюшке быть!"

Тогда еще не могли вообразить станичники, что быть Ванюшке не просто офицером, но командиром Горно-Партизанского, не покорившегося чуждой и жестокой власти, отряда и что ждет его иная известность, иная судьба, иная слава. Это ничего, что пока в Хакасии более сорока наименований (школ, библиотек, пионерлагерей, улиц, колхозов, клубов), связанных с именем Гайдара, а с именем Соловьева только Соловьевские горы в тайге да еще Соловьевский "Поднебесный зуб" — скала в тайге, где располагался его отряд, это все — ничего. Все еще встанет на свои места, и Россия (если только она возродится из затоптанности, изуродованности, исковерканности, обездуховленности) вспомнит еще и почтит должным образом своего верного сына, своего героя.

По существующей укоренившейся версии, Иван Николаевич после поражения Колчака возвратился в родные места с намерением заниматься мирным трудом хлебопашца либо завести себе пару добрых рабочих коней и заняться извозом. Но неожиданно его (как бывшего колчаковца) арестовали и увезли в Ачинск. Из тюрьмы он бежал, что уже менее вероятно, и вновь вернулся домой. Но он понимал, что как беглому арестанту ему покоя уже не видать, и поэтому волей-неволей пришлось скрываться в тайге. Очень удобная версия для тех, кто хотел бы, чтобы в соловьевском движении не было политического оттенка. Но это тоже нигде не документировано. В беллетристическом тексте романа "Отложенный выстрел" приведен такой разговор Соловьева и царского офицера Макарова. Ему Макарова представила девушка Сима:

"— Это Макаров, бывший офицер...

— Почему бывший, — дернул шрамом Макаров, — я настоящий... И что же вы теперь намереваетесь делать? Как жить?.. Вы будете жить в одиночку?.. А если попытать счастье вдвоем? Простите, ваш чин?

— Старший урядник.

— Значит, казак. Послушайте-ка вы меня, господин старший урядник... Ничто нам теперь не поможет. У нас нет войска. Наша армия под натиском превосходящих сил ушла в китайские земли, в Монголию. Через Иркутск туда не пробиться... Ну так как прикажете жить?

— В Монголию навострились?.. Ждали там нас!

— Браво! Вы мне нравитесь, урядник.

— Чего ворошить минулое. Нету казачьего войска, нету и урядника... Все пошло к хренам!

— Монголия не курорт. Я еду с самыми честными патриотическими намерениями. Для борьбы с большевиками! Вам ясно?

— Бейтесь с ними тут".

Это заговорил уже настоящий Иван Соловьев, независимо от того, был ли он беглым арестантом или был просто несмирившимся, неподчинившимся, непокорившимся офицером русского казачьего войска.

К вопросу о фальсификации. Яркий пример ее мы выписали ранее, когда восставшие, измученные русские крестьяне были названы бандитами, а их кровавые усмирители — лучшими сынами партии, лучшими командирами, военачальниками, политработниками.

В те годы даже искреннейший, честнейший поэт России Сергей Есенин не избежал всеобщего заблуждения и гипноза. И в то время, когда по личным распоряжениям Ульянова (Ленина) уничтожались миллионы людей, начиная с царской семьи и кончая голодными мужиками, в то время, когда уже в начале 1918 года Ленин писал о необходимости "очистки земли российской от всяких вредных насекомых" (статья "Как организовать соревнование"), а под насекомыми подразумевались люди, не желающие работать на новую власть, на большевиков, и таких людей было 90% от населения России, в то время, когда Владимир Ильич давал недвусмысленные четкие указания: "назначать своих начальников и расстреливать колеблющихся никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты", в то время, когда сельские дороги были усеяны трупами умерших с голоду, в то время, когда отдавались личные указания Ленина: "провести беспощадный террор", "чем больше мы успеем их расстрелять, тем лучше", в это самое время, точнее, об этом самом "человеке" Сергей Есенин писал: "Одно в убийстве он любил, перепелиную охоту". Нет, я не хочу сказать, что Есенин видел в Ленине кровавого убийцу, палача, а писал о нем, как о добреньком, смиренном дедушке с двухстволкой в руках. Нет. Пропаганда всех видов, находящаяся в руках захвативших страну, сумела создать этот образ добродушного интеллигента и создала его настолько убедительно, что в него поверил даже русский поэт с очень чуткой душой и с очень ранимым сердцем. Выдавать черное за белое, кровавое за белоснежное, короче говоря — зло за добро, ложь за правду — это лучше всего умела делать большевистская пропаганда, благо у нее не было оппонентов. Оппоненты были либо все уничтожены, либо боялись пикнуть.

А между тем приказы Владимира Ильича вовсе не похожи на перепелиную охоту.

Например, телеграмма Троцкому от 10 сентября 1918 года. "Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани, особенно, если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце".

Телеграмма в Реввоенсовет Кавказского фронта 28 февраля 1920 года. "Смилге и Орджоникидзе. Нам дозарезу нужна нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы..."

Уже после заключения мирных договоров с Эстонией и Латвией Ленин приказывал: "На плечах Балаховича перейти где-либо границу на 1 версту и повесить там 100—1000 их чиновников и богачей." Или вторая записка: "Прекрасный

план. Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом "зеленых" (мы потом на них и свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов и помещиков. Премия: 100. 000 руб. за повешенного".

Не правда ли, какая веселая перепелиная охота!

Вот еще одна фальсификация образца уже 1990 года в "Литературной газете" в статье "Искупление", в статье о Соловьеве и о Гайдаре. Весь обзац выглядит так: "Традиционные методы борьбы с "белыми партизанами" ничего не давали. Для поиска новых путей ликвидации Соловьева, который держал в напряжении и разорил громадную Енисейскую губернию с ее хлебом, скотом и золотоносными рудниками, в Ачинско-Минусинский район и был направлен Аркадий Голиков. Главные надежды возлагались на его дар командира (отозван из Академии!) и тамбовский опыт".

Это надо разобрать по крайней мере по трем косточкам.

Во-первых, биографу Аркадия Голикова лучше, чем кому-либо должно быть известно, что никогда Голиков в академии не учился и, следовательно, отозвать его из академии было бы невозможно. Сразу же после того, как он откупался в крови тамбовских крестьян, его командировали в Башкирию. 10 сентября 1921 года по штабу войск Приуральского военного округа был издан приказ за №11, во втором параграфе которого написано:

"Прибывший из штаба ЧОН республики бывший командующий войсками 5-го боевого участка армии по подавлению восстания в Тамбовской губернии тов. Голиков Аркадий Петрович назначается командиром отдельного батальона особого назначения Башкирской республики с 10 сентября".

Если кто поинтересуется у башкирских старожилов (а уже передалось и следующим поколениям), то услышит, как приехавший в Башкирию Голиков со своим сослуживцем-чоновцем с двух тачанок из пулеметов расстреляли толпу непокорных башкир в несколько сот человек.

После этого злодеяния Голиков вскоре (нечего стало делать в Башкирии) переводится в Сибирь, в Красноярск, а конкретнее — в район Ачинска и Минусинска, в район действия Горно-Партизанского отряда Соловьева.

Вот только непонятно, как мог Соловьев держать в напряжении, а тем более разорить "громадную Енисейскую губернию с ее хлебом и золотоносными рудниками"?

Енисейская губерния была действительно громадна по территории и сказочно богата. Ну и как бы Соловьев со своим отрядом, численность которого колебалась от пятидесяти до пятисот человек и место действия которого не выходило за радиус в сто километров, мог ограбить целую губернию с ее хлебом, скотом и золотоносными рудниками? Куда же он девал бы награбленные тысячи пудов хлеба, тысячи лошадей и сотни тысяч овец? Закапывал в землю? Топил в Енисее? Чепуха. Эта масштабность деятельности Соловьева понадобилась, видимо, биографу Голикова, дабы придать побольше значимости своему персонажу.

На самом деле у Соловьева в пределах одного-двух уездов, а вернее, двух-трех десятков деревень была одна задача — помешать продотрядам, разверстке грабить крестьян. Да, продотряды отбирали у крестьян последнее пропитание, свозили его на ссыпные пункты, в общественные амбары, и, пока еще не успели отправить обозами на железнодорожные станции, случалось, отряд Соловьева опустошал ссыпные пункты и раздавал хлеб обратно крестьянам. Если же хлеб или мясо забитого скота отправлялось уже обозами на железнодорожные станции, Соловьев нападал и на обозы. Впрочем, комиссары продразверстки, большевики, не очень-то и заботились об отправке продовольствия, отнятого у крестьян: им важно было отнять это продовольствие, оставить население голодным и холодным, то есть, по их мнению, более беспомощным и покорным.

Так кто же "держал в напряжении и разорил громадную Енисейскую губернию с ее хлебом и скотом"? — продотряды, насчитывающие тысячи продкомиссаров и продагентов, рыскавших по всем деревням и держащих их всех под контролем, или небольшой отряд Соловьева, прятавшийся в тайге?

И если Соловьев "держал в напряжении и разорял", то почему же он пользовался неизменным сочувствием, симпатиями и поддержкой местного населения, и не только русских крестьян, но хакасов, называемых тогда инородцами? И почему же тогда в многочисленных секретных сводках, информациях, уже при-

водимых нами в достаточном количестве, то и дело читаем: "Отношение населения к Соввласти заметно ухудшилось на почве недостатка семян и отказа в выдаче семенного хлеба", "крестьянство относится к власти РКП с недоверием и даже враждебно". Неужели крестьяне не смогли разобраться: кто их грабит — Соловьев или советская власть?

Одно правильно было в том абзаце о Голикове, который мы "разобрали" по косточкам, что "главные надежды возлагались на его... тамбовский опыт".

Но вообще-то говоря, для меня остается загадкой — зачем и почему восемнадцатилетнего расстреливателя командировали в Сибирь?

Енисейские, Ачинские, Минусинские пространства с их волостями: Аскизской, Усть-Абаканской, Усть-Фыркальской, Знаменской, Таштынской, Новомихайловской, Бейской, Шушенской, Кызыльской, Ужурской, Шарыповской и другими — были напичканы чоновскими отрядами, подчинявшимися центру ЧОНа в городе Красноярске. Количество чоновцев в регионе исчислялось не сотнями, а тысячами. Что же мог прибавить к этому один восемнадцатилетний чоновец, пусть даже и с кубанским, пусть даже и с тамбовским опытом?

Было бы понятнее, если бы его прислали сюда с его 58-м полком, было бы понятнее, если бы Красноярский совет ЧОН сделал запрос в центр: пришлите, мол, нам какого-нибудь Наполеона или Цезаря, который бы "пришел, увидел и победил". А то молодой (по летам) чоновец свалился на Красноярский ЧОН как снег на голову с расплывчатым предписанием дать ему должность не ниже командира батальона. Чтобы дать ему такую должность, пришлось освободить от командования батальоном некоего Касьянова. Предписание центра хочешь не хочешь, а приходится выполнять.

Надо сказать, что обстановку молодой комбат оценил сразу и правильно. Он писал: "Большая часть местного населения поддерживает Соловьева, легенда о неуловимости Соловьева и его людей имеет под собой серьезное основание... всякие оперативные приемы, пахнущие стратегическим духом, здесь не приведут ни к чему"...

Но, с другой стороны, не привел ни к чему, как увидим, и весь кубанско-тамбовский опыт, накопленный чоновцем за предыдущие годы.

Ясно одно: красноярские чоновские власти запроса в центр о присылке к ним подкрепления не делали. А центр не мог в тонкости знать положение дел в Красноярском регионе. Значит, либо Голиков сам просился туда, где пока еще можно было пострелять (порасстреливать), либо, поскольку все на бывшей российской земле уже поутихло, придавленное железобетонной плитой большевистской диктатуры, то не знали, куда бы пристроить воинственного чоновца (или как от него избавиться?), и воспользовались тем, что вот еще... Соловьев... и хакасы его поддерживают и надобно их хорошенько проучить... А время начало потихоньку меняться. Нэп. Ленин уже в Горках в полном маразме, с разжиженным мозгом. Свердлова уже нет. Троцкий уже не главнокомандующий. ЧОН как таковой себя уже исчерпал. Есть ОГПУ (а потом НКВД), а Голикову хочется еще пострелять... Соловьев в этом случае был просто находкой.

В Ачинско-Минусинский район (чтобы не употреблять словечко "регион") Голиков приехал с полным набором "тамбовских" средств. И главное среди них было — заложничество. Его взбесило, конечно, то, что никто не сочувствует, не содействует ему, как представителю новой власти, и что он оказался обложенным вокруг, словно ватой, недоброжелательностью, враждой, немотой... Нет, то есть, в быту хозяйка дома Аграфена Александровна, подавая ему ежедневно мясо, говорила: "Ешь, Аркаша, мяса у нас много" (теперь бы поискать мяса в крестьянских домах), но насчет Соловьева: "Я училась с ним вместе, хороший парень. И чего он в бандиты записался..."

Жители тех мест не просто симпатизировали Соловьеву, они в глубине души гордились им, втайне злорадствовали, что Соловьев для чоновцев, вообще для советской власти недосягаем. "Руки коротки". И радовались каждому успеху Ивана Николаевича со своим отрядом.

Очутившись в Минусинском крае, в частности в селе Соленоозерном, Голиков почувствовал, что вокруг него глухая стена.

Соловьев находил общий язык с любым хакасским мальчишкой, знал о каждом шаге, о каждом шевелении мизинца Голикова, Голиков же о Соловьеве не

знал ничего. А если и шел в тайге по его следам, то видел лишь лошадиный помет, коробки из-под патронов, лыжню, которая в конце концов обрывалась и никуда не вела. Голиков оказался во враждебной среде. И это его в конце концов взбесило. А средство было одно, испытанное, чоновское, троцкистско-человеконенавистническое средство — заложничество. Биограф Голикова в одном месте пишет: "Для меня, биографа А. П. Гайдара, самое удручающее в этой истории, что пленных в штабе второго боевого района (т. е. в штабе Голикова.— **В. С.**) били. Нагайка употреблялась, — подтверждал Голиков, — при допросах бандитов, при наличии улик. Но по тем временам это считалось естественным... Командиры ЧОНа имели полномочия брать в заложники семьи соловьевцев "со всеми вытекающими отсюда последствиями..."

Последствия вытекали одни и те же: вытекала кровь из заложников. Все время употребляется слово "пленные". Но какие могли быть пленные, если не было открытых боев? Если не было соприкосновений голиковского батальона с Горно-партизанским отрядом? А если и были соприкосновения (стычки) у других отрядов с чоновцами и если были пленные, то расстрел их был в порядке вещей.

"В деревне Ильтиковой произошел бой между бандой и отрядом тов. Перевалова. Захвачено четыре бандита казака и расстреляны".

Обыденный эпизод. И никто Перевалову не ставил в вину, что он расстрелял четверых пленных.

А ведь официально — биографическая версия, по которой А. П. Голиков был в конце концов привлечен к суровой ответственности, состоит в том, что он самовольно расстрелял четверых пленных, а не отправил их в штаб. Эта версия с легкой руки советских биографов Гайдара перешла в другие "восноминания". Борис Закс, к воспоминаниям которого мы уже прибегали, тоже поверил в эту версию.

"Один молодой "гайдаровед" нашел документы, подтвердившие такую, слышанную мной от него причину: за расстрел пленных. Нет, тут дело было не в гуманизме или отсутствии оного, а в нарушении прямого приказа — если попадут в руки пленные, доставить в штаб для допроса. Потом бы их, может, все равно расстреляли, но вина Гайдара была в том, что он расстрелял не допросив".

Скажу от себя — наивная розовенькая версия, не дающая правильного представления о характере действий чоновского отряда в те времена.

Другое дело — заложники, то есть мирные жители деревень и улусов. Голиков хватал десяток-полтора жителей того или иного улуса, предпочтительнее женщин среднего возраста, и объявлял: "Если не скажете, где скрывается Соловьев, утром всех расстреляю". И на самом деле расстреливал. Вспомним, как мне рассказывал Миша Кильчичаков о шестнадцати заложниках, просидевших ночь в бане. Утром Голиков выпускал их по одному и стрелял в затылок. Или как он объявил одному аилу: "Если не скажете, где скрывается Соловьев, расстреляю весь аил". И действительно выстроил всех, и женщин и стариков и детей, в одну линейку и всех перекосил из пулемета. По одной версии 86 человек, по другой — 134.

А еще рассказывают эпизод, как он на глазах у бабушки застрелил ее внука, молодого хакаса. Бабушка потом со стены соскабливала мозги внука, чтобы похоронить вместе с телом.

А еще рассказывают, как он в одном аиле трупами расстрелянных доверху набил деревенский колодец.

Возможно, что после донской, кубанской, крымской, кавказской, тамбовской мясорубок эти меры казались чоновцу — в порядке вещей. Возможно, он удивлялся даже, что его осуждают за эти меры.

12 февраля 1991 года в хакасской газете "Ленин чолы" (должно быть, "Ленинское знамя") была опубликована статья Г. Итпекова. По-хакасски я не читаю и запросил перевод этой статьи. Но, оказывается, ее прочитала студентка Абаканского педагогического института Сазаканова Нина. Прочитала и, в свою очередь, написала о своих впечатлениях. Цитируем Нину Сазаканову.

В своей статье Г. Итпеков пишет о недопустимом отношении А. П. Гайдара к ни в чем не повинным хакасам. Так и называется статья "Гайдар — Хайдар. О двух лицах одного человека". Об этом раньше никто не говорил, лишь меж собой, возможно очевидцы со своими близкими, делились этим... действительно рано

или поздно все со дна всплывает на поверхность. Да, снег должен весной растаять, как бы он хорошо ни скрывал всю грязь, делая все одинаково белым.

Г. Итпеков размышляет, как же тепёрь нам относиться к известному Аркадию Петровичу: как к Гайдару или как к Голикову, который в сердцах наших предков навсегда остался Голиковым - убийцей... У меня в сознании это никак не совмещается: автор милых детских произведений и командир отряда ЧОНа, который безжалостно обращался с невинными людьми, просто-напросто топил их в пруду. Кто-то скажет, что все это выдумки, но есть аргументы, от которых не уйдешь".

(Только не в пруду, милая Нина Сазаканова, а в Соленом Озере и Божьем Озере, запихивая людей живыми в прорубь под лед.— В. С.)

"Он призывал бороться с лазутчиками, — продолжает студентка третьего курса пединститута,— распознавать их. Ненавидел и жестоко наказывал тех, кто был связан с бандой и помогал ей.

Мне думается, что Аркадий Петрович в лазутчиках подозревал ни в чем не повинных, отсюда и идет расправа с теми людьми".

Статья в газете "Ленин чолы" за 12 февраля 1991 года.

("Ленин чолы" — областная национальная газета на хакасском языке, официальный орган Хакасской автономной области. Сегодня орган республики Хакасия в составе России. Выходит под названием "Хакас чир!").

Под рубрикой "ЖИЗНЕННЫЕ ДОРОГИ"

Гайдар — Хайдар?

(два лица одного человека)

В январе 1946 года, когда у меня заболели глаза, меня отпустили из военно-пехотного училища. Вернувшись, немного жил в улусе Осхоль. Однажды мне в руки попал портрет Гайдара, хорошо нарисованный. Я его, чтобы лучше видно было, перерисовал на большой лист ватмана. Затем показал оба рисунка матери. Спрашиваю: "Я правильно перерисовал? Похожи ли рисунки?" Мать, увидев, вздрогнула, посмотрела вверх и говорит: "Этот человек сильно на Архашку Коликова похож". Я сразу поинтересовался, откуда мама знает Гайдара, почему его хорошо не зная, называешь так нехорошо: Аркашка? (Когда она говорила фамилию Коликов, я даже не понял о ком). После моих вопросов услышал следующий рассказ: Мы, мама, старшие братья Агафон и Осип в улусе Хулюлыг Хайа жили. Агафон председателем волостного Совета был. А Осип помогал в делах Совета.

Тяжелое время было. Красные с белыми начали драться. Сегодня в аил белые придут, начинают всякое-такое, скот резать и прочее. Завтра это же проделывают, и еще хуже, красные.

Плохо было людям, особенно Агафону Федоровичу. В это время в деревню чоновцы пришли. А их начальника к нам Агафон привел, чтобы жил у нас. Он сильно молодой был. Имя Аркадий. Но почему-то его все в деревне Архашкой звали. Так мама познакомилась с Голиковым. Они оказались ровесниками. Мама, Татьяна Федоровна (по-хакасски Тарус), гостю-начальнику чистила одежду и мыла грязные сапоги, а когда не было в доме бабушки, еще и очень хорошо кормила его. Тарус в то время не знала еще по-русски хорошо. Поэтому общение было в основном с помощью жестикуляции рук. Иногда, когда забудет фамилию и несколько слов по-русски, смеялась и говорила: "Архашка, хайдар?" А он в ответ откликался как на фамилию, даже нравилось ему больше, просил его называть так.

В это время перед чоновцами поставили задачу непременно поймать и уничтожить Соловьева.

Поглядев на портрет, мать что-то еще хотела сказать, но, сглотнув, промолчала. А ее спросил еще, почему Голиков Аркадий людей, лошадей, скот пасущих расстрелял, всех уничтожить хотел, но не застал всех. Правда ли это? У нас хакасы отдали часть скота белым, как не отдать людям с ружьями и вооруженным. Он их, правда, допрашивал, говорит, помогали белым. Без суда сам расстреливал, шашками рубил и под лед сам их трупы прятал. Без вины хороших людей стрелял-рубил, под лед свою вину спрятать хотел, не смог. Совсем не по-людски вел себя Архашка.

В Биригчуле, когда я там жил, в это время отмечала страна А. Гайдару 80 лет. В эти дни я написал письмо Гайдару Т. А. Сыну написал про случай с портретом и с матерью, и как хакасское слово Хайдар (куда ты) родилось и превратилось в Гайдар. Не знал адрес, написал в Союз писателей СССР.

Немного позже пришел ответ. Тимур поблагодарил меня за сведения об отце (я не написал об его расстрелах и убийствах, кого и сколько он без суда и следствия уничтожил людей). Но он не поверил в хакасское происхождение фамилии Гайдар. Тимур написал, что он мало знает о днях пребывания отца в Хакасии. Дал совет найти журнал "Знамя" за 1984 или 1985 год. Вот там написано о жизни отца и о появлении фамилии.

Дать ответ я хотел Т. А. Гайдару и посоветовался с Алексеем Васильевичем Янгуловым, он когда-то работал с братом матери в волсовете. Когда я закончил вопрос, старик вскочил, еле отплевался и побагровел от ярости. "Этот черт (айна, в смысле нечеловеческое существо — перевод) сколько невинных хакасских, русских людей сгубил. Сколько сам расстрелял, порубил шашкой, под лед запихал с солдатами и сам, невинных от себя под лед".

Много Алексей Васильевич рассказывал о нем и ни разу не назвал Гайдара человеком и именем человека, не имею права, говорит, называть, не человек он, хуже черта. Он поведал о воспоминании,

пришедшем в голову, — рассказ чекиста, бывшего с заданием в соловьевском отряде, Михаила Чарочкина (имя отца Михаила не помню уже). Соловьев, когда узнал о Голикове, о том, что тот расстреливал без суда и следствия хакасов и первый раз спускал под лед, "Теперь, — сказал Соловьев, — хакасы все ко мне в отряд придут, больше никто не поверит чоновцам". Да и правда, многие солдаты красные убежали и хакасы тоже к Соловьеву, любили его, спасались от смерти.

В шестидесятые годы у меня умер зять. Приехал я на сорок дней в улус Поос Шарыповского района, в улус, где я родился. Немного позже пошел половить рыбу на наше озеро и позвал с собой Семена Епифановича Тюндештеева. Когда мы сидели на помосте из фанеры, он нахмурился и говорит: "Гриша, а может, мы сейчас сидим на костях наших людей, убитых Голиковым, хакасских людей. Ведь и в это наше озеро, народ говорит, под лед сам лично пихал почти живых людей еще. Много, очень много, шибко много. Я, как и другие односельчане, давно здесь не ловлю рыбу и никто не ест рыбу этого озера. Хоть и хорошая она, жирная". Много в это время узнал об отце Тимура, но не стал писать сыну о делах отца. Ведь по нашим законам за дела отца не должен сын нести ответственность. Вот таким был и такими делами прославился красный командир Аркадий Голиков. И теперь не знаю, почему в Орджоникидзевском районе деревню надо мне называть Гайдаровск, присвоили имя его. Проклятое имя дали деревне. Надо по-хорошему этой деревне настоящее, людское имя старое вернуть.

Да, я очень думаю седой своей головою, что детский писатель А. Гайдар известен миллионам детей с хорошей стороны. Его книги знают во многих странах мира. Они учат детей быть хорошими, учат добру и справедливости. Эти книги и я много имея перечитываю. Думаю, правда, автор хорошо пишет о детях. Да и много времени уже прошло с тех пор. Но думаю, что Гайдар — писатель и Голиков — красный командир это два разных человека. Один людей справедливости и добру учит. Другой этим людям шею резал, души вынимал — без людских похорон уничтожал (можно перевести как душегуб, не только тело, но и душу уничтожал). Страшно не быть погребенным, душа вечно будет тревожить, беспокоить родственников.

Изо дня в день умирают люди, знающие плохие дела Гайдара, нечеловеческие дела Голикова. Эти дела и события будут знать лишь те люди, кому отцы их рассказывали. Да и мы скоро уйдем в другой мир — старики и старухи. Как я сейчас. Нам тоже уже мало дней осталось на этом свете. Поэтому от сердца и головы седой мысли идут здесь высказанные. Людям расскажу и там буду, в другом мире рассказывать.

Григорий ИТПЕКОВ.

Переведено с хакасского в сентябре 1993 года.

От переводчика: Перевод калькированный, то есть не литературно-обработанный, почти слово в слово. При переводе чувствуется, что статья была подвергнута серьезному редактированию, которое не смогло до конца сгладить углы даже с точки зрения 1991 года. Хотя некоторые понятия стали расплывчатыми и разорваниыми. Но боль и основные мысли человека сохранились. Возможно, убраны цифры убитых лично Гайдаром, как не имеющие документального подтверждения. Автор ныне жив, не боится, со слов знающих его, репрессий со стороны российских властей — перед небом в любом виде предстану честным.

Еще один документ попал нам в руки.

Георгий Федорович Топанов, известный хакасский писатель, пишущий как на хакасском, так и на русском языках. Ныне пенсионер, проживает в городе Абакане. Нижеприведенная статья хранится в литературном фонде ХакНИИЯЛИ, написана в январе 1991 года. Разослана по очереди в 4 (четыре) местные, в том числе на хакасском языке, газеты и 2 (две) краевые, также в журналы, как республиканские (местные), так и региональные. Отовсюду пришел вежливый, понятный ему, но без объяснений, отказ, "извините, пока напечатать не имеем возможности, поймите правильно".

ЖИЗНЬ МОЯ, ЖИЗНЬ МОЕЙ РОДИНЫ

Начну с самого начала. Первые впечатления детства печальные, трагические, потому и теперь они вспыхивают яркими картинками, что заставляет меня и сейчас закрывать глаза, чтобы не видеть.

Ранним весенним утром 1922 года в наш аал Тогыр Чул, что прилепился к отрогам Кузнецкого Ала-Тау, въехало пятеро вооруженных всадников. Остановившись на дороге, они позвали моего отца, стоявшего у калитки. Я играл в соседнем дворе. Побежал на шум. Кричал один из всадников на моего отца. Это был высокий, совсем молодой парень. На голове папаха, очень нам знакомая по фото и картинкам времен гражданской войны. Она была сдвинута набок. Таким мне запомнился легендарный герой, "всадник, скачущий впереди", красный командир Аркадий Голиков-Гайдар. Он размахивал нагайкой. Потом он выхватил маузер, выстрелил. Отец упал. Раздался еще один выстрел. Всадники тут же развернулись, ускакали по дороге. Помню, я присел около отца, смотрел на его окровавленное лицо. Вот и все, что помню об отце. Потом говорили, что наша бабушка собирала мозги своего сына в деревянную чашку...

Поскольку современные биографы Гайдара (Голикова) прямо-таки тоскуют по документированности поступков Голикова-чоновца, представим еще не-

сколько если не документов, скрепленных печатью (таких документов чоновцы после себя не оставляли), то свидетельских показаний. Вот краткое содержание радиопередачи "Ачбан Салгачы" (перевод с хакасского). Передача прошла 20 октября 1993 г. от 7 ч. 38 мин. до 7 ч. 56 мин. Пленка хранится в архиве радио. Диктор И. Шоева. Редактор А. Кызыгашев. Говорит **Е. Г. Саможиков:**

— Видел сам. Моего родственника, 12 лет, который играл железным шомполом, увидел Голиков. "Что это такое? Где взял? Ты, наверное, связной?"

Мальчик ничего не мог ответить. Наверное, он даже не знал, что такое — связной. В ярости Голиков шашкой зарубил мальца.

Топанов:

— Он не только маленьких, но и стариков не любил, убивал. Рубил и в воду приказывал кидать, кровь всегда в озере красная была. А. Н. Мохов — из улуса Мохов на Уйбате. Ночевал у них русский солдат. Утром Голиков зашел, увидел его, сказал "предатель", и мать и солдата застрелил из нагана.

А. К. Килижекова:

— Нам говорят, что Соловьев бандит, а Голиков герой. Для хакасов Голиков настоящим бандитом был, а Соловьев нет.

И. П. Янгулов:

— Я видел Соловьева, сам в форме, с шашкой и наганом. Он разговаривал с Итеменевым Н., Янгуловым Н. — эти люди не были солдатами. Соловьев ушел. Голиков пришел. Этих двух почитаемых людей расстреляли без суда и следствия, как пособников бандитов.

А. Н. Янгулова:

— У нас в Сарале было собрание. Трофим Янгулов сказал, ваш Голиков весь хакасский народ уничтожить хотел. Его в милицию увели — 10 лет тюрьмы дали.

А. Т. Тайдонова:

— Мой отец Конураков — он не был бандитом, его убили за то, что правду говорил о Голикове.

И. В. Аргудаев из улуса От Коль:

— У Голикова приказ был, я знаю от матери, если в семье даже один сочувствовал Соловьеву, Голиков всю семью вырезал. Например, озеро Большое... каждый день и ночь люди, красные люди, ученые люди, русские люди к шее хакасов камни привязывали, пули-свинец берегли, живых в прорубь пихали. Весной сотни трупов — людей, обезображенных рыбой, всплывало. У нас хакасы до сих пор в озере рыбу не ловят, не кушают. Говорят, на человеческом мясе жир нагуляла. Голиков хакасов Шарыповского района, Ужурского района всех перерезал, даже сейчас их там больше не живет.

А. К. Килижекова:

— Мать говорила, почему хакасы Соловьева любили. Ночью Голиков с отрядом много хакасов привел к озеру. Камни привязал, на лед положил. Но спустить под лед сил не хватило у красных. Устали.

Соловьев пришел. Голиков бежал. Соловьев сестер-братьев позвал, говорит хакасам, я вам брат, забирайте, лечите своих родственников. Поэтому люди добро такое вечно помнят*.

А. Кызыгашев:

— В 1922 году в улусе Арбаты подручный Голикова, красный командир Лыткин в доме собрал "собрание" из людей, было всех 30 человек от 5 до 35 лет. Красный отряд стрелял и рубил, пьянел от крови. Пихали в колодец. Набили трупами не один, а почти все колодцы. Лишь один из 30 спасся — живой, но говорить отказывается. Прокляли люди Лыткина. Да еще ставят его рядом с Голиковым. Это два друга.

Еще фрагменты, отрывки, строки, абзацы.

---

* Сергей Михайлович Тодышев обогатил этот эпизод чудовищной подробностью. Оказывается, чоновцы оставили связанных хакасов на льду до утра не потому, что устали, а потому, что это было накануне дня рождения А. Голикова. Вот он и хотел ознаменовать этот день истреблением десятков людей. Однако ночью налетел Соловьев и освободил полуживых заложников.

"Обзор деятельности Советских учреждений с января по 1 августа 1920 года.

Стр. 9. 1 июля 1920 года организован Губподотдел принудительных работ.

Стр. 10. Сразу же при установлении Советской власти в 1920 году организуется Красноярский концентрационный лагерь и концлагерь в г. Ачинске. Заключенные подразделялись на три категории: 1. Злостные. 2. Незлостные. 3. Надежные.

Стр. 11. Концлагеря в состоянии удовлетворить 1/3 требуемых работ.

Стр. 20. В отделе юстиции создан карательный подотдел.

ПРИКАЗ №24-К
от 3 октября 1922 года.

Ввиду безвыходного положения с продуктами заложникам брать муку не менее, чем на два месяца. Родственникам заложников обеспечивать мукой и продовольствием. Ввиду необеспечения или кормежки заложников предоставлять материалы на них в чрезвычайную тройку для принятия самых решительных мер по законам военного времени и карать".

Приказ
от 27 сентября 1921 года

...Все бандиты объявляются вне закона и подлежат уничтожению. Бежавших в лес и не явившихся с повинной бандитов арестовывать и имущество обязательно конфисковывать.

Подписано:
предгубчека ЛЕПСИС
ком. всеми вооруженными силами
нач. див. Тергучев.

ПРИКАЗ №8
от 20 марта 1922 года

§2
...Пусть знают все, что Советская власть карает беспощадно.

§3
Пособников и родственников бандитов без суда и следствия передавать ревтрибуналу.

Подписано: МИЛЬШТЕЙН.

ПРИКАЗ №14-К
от 21 августа 1922 года

§2
Для устрашения объявить населению и сообщить фамилии заложников для широкого распространения фактов взятия из семей бандитов и инородцев. Обязательно давать письменные объявления по селам о факте расстрела заложников.

Подписано:
Ком. вооруженными силами
Ачминбойрайона КАКОУЛИН
и зам. комчон губернии
ЛАШКЕВИЧ.

Пункт 5.
Установить немедленно учет всех ушедших в банды и если таковые окажутся, то военное командование совместно с местными Советами производят аресты заложников, конфискуют имущество и распределяют по беднейшим.

замкомчонгуб КАКОУЛИН.

Там же, л. 48
Не вести переговоров с инородцами о заложниках, а карать беспощадно по всем строгостям Советского закона и принимать самые решительные меры.

Телеграфное сообщение секретаря Минускомпарт.
т. МУХИНА
4 марта 1922 г.

Из доклада начальника Иркутского управления войск Всеобуча
от 30 апреля 1921 г.

"...Инородцы качинские и кызыльские являются в прямом случае виновниками бандитизма. Они все государственные преступники. В целом инородцев (качинский народ) вышестоящие органы предложили: первое, полностью вырезать, второе, выслать из пределов Енисейской губернии...

...В виду того, что данные инородцы не помогают ликвидировать банду Соловьева, начальнику особого отдела Ковригину дана команда о выполнении приказа осуществить навсегда выселение всех инородцев из пределов Енисейской губернии.

Ачинский филиал ГААК. Ф. 1697, оп. 3, д. №-16, л. 18.

Созданы при крупных селах лагеря заложников. В лагере в селе Подкаменная инородцев, заложников было — 127. Расстреляно — 19, осталось — 108, в основном женщины и дети.

Л. 7.

В лагере заложников 108 человек (в селе Ужур) 27 августа 1922 г. (чрезвычайная тройка по ликвидации бандитизма Червяков, Кузнецов, Городинский), расстреляно в первой группе 19 человек, во второй — 37. Всего было 160 человек.

Передана записка из партизанского отряда Родионова:

"Если вы расстреляете семьи партизан, я Родионов перевешаю ваших красноармейцев на березах. 17.10.22."

Л. 16.

Разговор по телефону председателя чрезвычайной тройки с секретарем Енгубкома т. Чеплиным: работа чрезвычайной тройки принимает характер затяжной в смысле заложничества, из 98 заложников (в основном инородки с детьми) расстреляно за три месяца 37 человек.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА №-014/К
от 21 августа 1922 года.

"Напоминание об обязательном объявлении населению района о расстреле заложников.

§1.

За нападение на гарнизон Туима банды Соловьева и убийство ими красноармейца, на руднике Юлия расстрелять заложников:

1. Аешину Александру (26 лет);
2. Тоброву Евдокию (24 года);
3. Тоброву Марию (17 лет);

За убийство в с. Ужур зампродкомиссара т. Эхиль расстрелять заложников:

1. Рыжикова А. (10 лет);
2. Рыжикову П. (13 лет);
3. Фугель Феклу (15 лет);
4. Монакова В. (20 лет);
5. Байдурова Матвея (9 лет);

§2.

Для широкого распространения в объявлении населению сообщить только фамилии заложников.

Подписано:
ком. вооруженными силами Ачминбойрайона
и замкомчонгуб
КАКОУЛИН.

Там же, л. 9.

За убийство командира бандой Кулакова по решению чрезвычайной тройки расстрелять:

1. Тайдокову Анну (18 лет);
2. Кидиекову Марию (15 лет);
3. Кокову Т. (11 лет);

Подписано:
КАКОУЛИН.

Ф. 16, оп. 1, д. 96, л. 1—4.

Список граждан, осужденных за восстание в Сереже 1—5 ноября 1920 года. Всего — 185 человек.

Приговорено к расстрелу — 76 человек (из них 5 белогвардейцев), в основном безграмотные, малограмотные; к 20 годам — 45 человек; к 10-ти годам — 54 человека; к 5 годам — 10 человек;

Конфисковано имущество из 125 хозяйств, в среднем из хозяйства 1 жер., 1 корова, 1 теленок, 2 овцы, 2 саней, 1 телега, хомут 2, одеяло 2, 1 плуг, 2 бороны.

Там же, л. 40.

Конфискация на основании "Декрета о реквизициях и конфискациях" Совета нар. комиссаров. Кремль, Москва. 16 апреля 1920 года.

Подписано:
ЛЕНИН,
БОНЧ-БРУЕВИЧ.

Там же, №-49.

Конфисковано из села Сереж: ржи 6 236 п., пшеницы — 5 516 п., овса — 3 176 п., ячмень — 67 п., горох 10 п., муки — 1 025 п., масло — 19 п.,.18 ф., сало — 11 п., 31 ф., яиц — 1 490 шт., мед 24 п., 25 ф., табак — 9 п., коров дойных — 81 шт., нетелей — 25 шт., быков — 14, свин — 11, овец — 62, лошадей — 197, жеребят 8 шт., кур — 33, гусей — 15 шт., уток — 1,32 куля, 173 матраса, ситец — 137 м., холста — 403 м., шубы ям. — 57, дождев. 41, пальто женские 74, брюки — 94, платья — 64, рубах — 38, кож. сп. — 494, кон. кожа — 22, соб. кожи — 57, сырые кожи — 101, сыр. л. к. 63, овчин 238, хомут — 276, седел — 196, узда — 200, дуг — 154, перетяжек — 115, вож. — 146, муж. сан. 49, фузел — 20, громофон — 3, 1 невод, тес — 316 шт., ножовки — 22, инструмент столярн. 5 шт., слесарн. — 2, мед. — 1, вилы — 3, топоры — 31, рамы, зеркала, ножницы — 9, бритвы — 4, полотенец 254, подушки — 11, скатерти — 40, мясо — 30 п., коробы, серебро — 15 изделий, золото — 46 изделий (кольца, серьги, самовары, цепочки), дождевик, ножи.

Все село Сереж богатое, но есть бедняки и середняки. Восстание поддержало все население. Подавлено оно только с помощью артиллерии и частей Красной Армии, полностью окруживших село. Повстанцы дрались до последнего. Кончились патроны, дрались палками и вилами. Растерялись и потерпели поражение (л. 107).

С. 23.

Ликвидация имущества церквей. Драгметалл в финотдел, медь в Совнархоз, другие материалы в Собез, масло и продукты питания в Губпродком.

С. 24.

Губернком, Ликвидационная комиссия: земли монастырей в Губернии отобрано 9 506 454 каз. дес., капиталла деньгами — 1 981 098 р. 89 коп., проч. бумаг 457 445 р. 54 коп., в сберкассах 111 587 р., дензнаками — 348 461 р., всего — 2 898 592 р. 43 коп., передано в Госбанк по Ачинскому уезду 21 515 р. 80 коп. (дензнак.), по Минусинскому уезду — 19 481 р. 80 коп. (дензнак.) Общий доход не считая земли от ликвидации церковного имущества исчисляется десятками млн. рублей.

С. 29.

Созданы карательные учреждения: 1. Общие места лишения свободы. 2. редарматорий (17—20 лет). 3. земледельческие колонии. 4. карательно-лечебные учреждения, психиатрические больницы, тюрьмы и изоляторы.

* * *

Эти песни, исполняемые под чатхан, записаны в глубинке Ширинского района у кызыльцев. Их нужно считать уникальными. Они сохранились благодаря записям и обработке Бориса Кокова и его жены Марии, по-хакасски Хызан-иней. Все они до сих пор традиционно запрещены. Мы имеем, кроме буквальных, как бы подстрочных переводов Каркея Нербышева, эти песни и на хакасском языке (в русской транскрипции), но здесь, в сокращенной публикации, хотим ограничиться собственной, в меру художественно-поэтической обработкой их. Каркей Нербышев жалеет, что именно при переводе песни на другой язык или при прочтении ее глазами нельзя передать боль и стон народа, которые полноценно звучат только при исполнении песни и только на том языке, на котором она родилась. Действительно, разве мы получили бы полное представление о любой русской песне, если бы не слышали, как ее поют, а просто читали бы слова. Не говоря уж о переводах.

* * *

Шесть дорог меня вдаль ведут,
Как найду я дорогу свою?
Шесть напевов во мне живут,
На каком я песню спою?

Тяжело коню под седлом,
Кто облегчит ношу коня?
Соловьев покинул свой дом,
Он спасет, защитит меня.

Семь извилин на долгом пути,
По какому из них мне идти?
Соловьев мне брат и отец,
Я теперь у него — боец.

Разве самый плохой из коней
Тот, что мне подарил отец?

Из сражающихся людей
Разве самый плохой я боец?

Если бы не белела гора,
Откуда бы светлые реки текли?
Если бы не было Соловьева — орла,
На что бы надеяться мы могли?

* * *

Белогорье сияет своей белизной,
Не загрязнит его чужая нога.
Соловьев не хакас, но он с нами душой,
Чистой, как эти снега.

Никогда не растаять в горах снегам,
А в реке не иссякнет вода.
Соловьев не хакас, но хакасам, нам,
Не изменит он никогда.

* * *

Вдали белеющий тасхыл
Вершиной светлой знаменит.
Пусть Соловьев и русским был,
Он моему народу мил.

Вдали синеющий тасхыл
Вершиной синей знаменит.
Пусть Соловьев погиб, убит,
Своей душой он с нами был.

Высоко стоит белогорье
Соловьева гнездо, орла.
Русский, с нами делил он горе
И душа его с нами была.

Буйный Июс за спиной у нас,
Земля отцов за спиной у нас.
Мы покинули мирный родной очаг,
Разорил его лютый враг.

Но винтовки меткие у нас за спиной,
Каждый патрон — береги.
Мы в родной тайге,
Соловьев, с тобой
Прячемся, как враги.

Но ружье в руке, а пуля в стволе,
И сабля острая на боку.
С бесчинствующими на родной земле
Не сражаться я не могу.

* * *

Наш Июс, большую реку,
Что в зеленых лугах течет,
Я, пожалуй, переплыть не смогу,
Но народ ее переплывет.

Что ни день, то за смертью смерть,
Грабят нас за бандитом бандит.
Победить их мне не суметь,
Но народ их всех победит.

Комиссары ограбили нас,
Кровь течет, как река Июс.
Но пока Соловьев за нас,
Я бандитов тех не боюсь.

* * *

Белыми цветами земля цвела,
Трава по лугам, как шелк, была.
Песнями наполнялась моя страна,
Плачем и стоном она полна.
От тебя весь стон,
От тебя весь плач,
Голиков-палач.

Тихим ветром дышала страна матерей,
Журчала реками наша страна.
Полной чашей была страна матерей,
В крови и пепле лежит она.
Опустошил ты землю красивую нашу,
Кровью ты залил ее,
Аркашка.

Направо, налево ты стреляешь и рубишь,
Мой добрый народ беспощадно ты губишь.
Отольются тебе наш стон и плач,
Голиков-палач.
Отольются тебе все слезы наши,
Будь ты проклят, палач,
Аркашка.

Стар и млад убиты тобой, убиты,
Под корень ты рубишь, хакасов, нас,
Не похоронены мы, не зарыты.
Но наступит отмщенья час.
Долетят до тебя проклятья наши
Носитель черной души,
Аркашка!

* * *

О, мой конь гнедой,что меня носил,
Где же ты и где же твое седло?
Час последний мой наступил,
На расстрел ведут за село.

Где же ты, Соловьев, в золотом седле,
За тобой я как за стеной.
Больше мне не жить на земле,
Где же ты и твой конь золотой?

Где же острая шашка твоя,
Где винтовка твоя, командир?
Расстреляли вчера тебя,
И остался я в мире один.

Но придет это время, придет,
Среди наших белых берез.
Отомстит хакасский народ
За море крови, за море слез.

* * *

Сокол крепкогрудый, ветра побеждающий,
Бурана не побоится.
Соловьев, народ защищающий,
До последнего будет биться.

Положили меня на озерном льду,
Около проруби положили меня.
В чем спасенье свое теперь найду?
С камнем в воду бросят меня.

Затолкают меня под лед,
И никто меня не спасет.
В этот миг последний жизни моей
Налетел на врагов Соловьев.
Разметал кровавых он палачей
Разметал их, как воробьев.

Стал ты мне, Соловьев, роднее отца
Буду верен тебе до конца.

* * *

Романо-беллетристическая версия действий Голикова по ликвидации отряда Соловьева такова. В конце концов Голиков тайно завербовал себе на службу молодую хакаску Настю Кукарцеву. Ее отец, как только установилась в Хакасии власть большевиков, сразу же вступил в партию и даже стоял во главе комячейки. Когда пришли колчаковцы, они секретаря комячейки (естественно) ликвидировали и будто бы вместе с женой, и дочка Настя будто бы это видела. Поэтому она воспылала ненавистью ко всякому белому движению, поэтому она пошла якобы на службу к Голикову против Соловьева. Ну, что же, довольно правдоподобно. Никто не мог бы заподозрить молодую хакаску в пособничестве чоновцам, вообще большевикам, и она в конце концов разведала, где находится в тайге база Соловьевского отряда, а именно на горе "Поднебесный зуб". Таким образом, Голиков теперь уже знал, где располагается Горно-Партизанский отряд имени Великого Князя Михаила Александровича. Только это ему и было нужно. Непонятно, правда, зачем он эту Настю шесть раз посылал в "ставку" Соловьева, пока соловьевцы ее не заподозрили и не повесили на березе, пока Соловьев И. Н. лично саблей по одному не отрубил ей все пальцы. Но это уж такая "липа", в которую здравомыслящий человек поверить не может. Соловьев даже задержанных случайно милиционеров отпускал живыми (правда, обезоруживая), и вовсе не в образе Соловьева, носящего погоны царского полковника и начинающего день с молебствия, истязать молодую хакаску.

Как бы то ни было, по романо-беллетристической версии, Голиков, узнав, где располагается отряд Соловьева, штурмовал гору "Поднебесный зуб", разгромил отряд Соловьева, и этот штурм считается концом всего дела. Советский фильм-боевик обо всем этом, исполненный чудовищного вранья и фальсификации, так и называется "Конец императора тайги". Особенно удивляют последние кадры фильма. Соловьев (уже почему-то не в тайге, не на "Поднебесном зубе", а в степи) почему-то в полном одиночестве уходит (почему-то пешком) от Голикова, и Голиков прицеливается, чтобы поразить Соловьева в спину, но в это время из ранца — короба на спине Соловьева выглядывает резвая белокурая девочка, и

командир чоновского отряда, спроецированный создателями фильма на будущего детского писателя Гайдара, опускает винтовку и дает возможность командиру Соловьеву уйти.

Создатели фильма-липы вынуждены были оставить Соловьева в живых, ибо его отряд существовал после штурма "Поднебесного зуба" (если вообще этот штурм не выдумка) еще полтора года, когда Голикова уже и не было в Хакасии.

На самом же деле штурм "Поднебесного зуба" (если он был, а на сомнение наводит то, что ни в одном "чоновском" документе он не упоминается), кончился для Голикова ничем. Капкан щелкнул впустую. Постреляли с обеих сторон, и отряд Соловьева, не будучи окруженным, ушел дальше в тайгу.

Между тем в "чоновский" центр в Красноярске пошли на Голикова бесчисленные жалобы на его кровавые действия. Жалоб этих было так много и они были так доказательны и настойчивы, что красноярские власти решили вызвать восемнадцатилетнего комбата с "тамбовским опытом" и во всем разобраться. Телеграммы три или четыре Голиков оставил без ответа. Наверное, ему казалось странным, что его действия представителями советской власти могут оцениваться как предосудительные. Однако в конце концов он вынужден был подчиниться и явился в Красноярск.

Нет стенограмм разбирательства этого дела, но есть заключение по делу № 274. В этом заключении командующий ЧОН губернии В. Какоулин написал: "Мое впечатление: Голиков по идеологии неуравновешенный мальчишка, совершивший, пользуясь своим служебным положением, целый ряд преступлений".

Были, оказывается, проверочные комиссии. Так вот, председатель одной из проверочных комиссий, а именно т. Виттенберг, потребовал для Голикова суда и высшей меры наказания, то есть расстрела.

Биографы Голикова утверждают, что суд не состоялся. Научный сотрудник Института Истории Хакасии Сергей Михайлович Тодышев уверял меня, что суд был и что Голикова приговорили к расстрелу, но что Тухачевский (поделец Голикова по тамбовским кровопролитиям), находясь с то время на высоте государственного положения, спас своего бывшего подчиненного, отозвав его из Красноярска в Москву "для лечения". И то и другое правдоподобно, ибо к этому времени всем стало ясно, что Голикова нужно лечить. Что он не просто убийца (все чоновцы — убийцы), но что он убийца — псих, что он убийца — маньяк.

Воспоминания Бориса Германовича Закса (приведенные нами выше) о последующих годах жизни Голикова, ставшего с 1926 года уже Гайдаром, подтверждают это предположение. Но все-таки, сколько нужно было натворить, чтобы содрогнулось даже губернское чоновское начальство! Несомненно, сыграло роль и следующее немаловажное обстоятельство. В Тамбовской губернии истребляли русских мужиков (женщин, детей), но вокруг жили тоже русские люди, и истребители тоже считались — русские. В Хакасии же действия Голикова были направлены главным образом на "инородцев", на нацменьшинство. Тем самым эти действия как бы забивали клин между хакасами и русскими, ибо советская власть (сколько бы ни кричали об интернационализме) воспринималась всюду в стране, как власть русская. До сих пор еще талдычат на Западе: "Русские танки в Афганистане", "русские танки на улицах Будапешта", "Козырев — русский министр иностранных дел"... Тогда не исключено, что Голикова надо было наказать, дабы успокоить возмущение нацменьшинства (но тем не менее коренного населения Хакасии). Тогда не исключено, что для этого успокоения вынесли Голикову суровый приговор, а потом вместо расстрела тихонько отправили его на лечение в Москву. Чоновец чоновцу глаз не выклюет. Но из партии его все-таки исключили. А это по тем временам — не мало. И ни за что, за какие-нибудь мелочи едва ли вынесли бы такое решение. Хотя биографы и утверждают, что он ни разу с просьбой восстановить его в партии не обращался, что со стороны Голикова благоразумно, ибо при новом разбирательстве дела опять всплыли бы его "деяния" в Хакасии, но существует фольклор, что все-таки Голиков писал в ЦК с просьбой о реабилитации, на что Иосиф Виссарионович с присущим ему лаконизмом и ставя последнюю точку на "деле" сказал: "Мы-то его может быть и простили бы. Но простят ли его хакасы". А потом десятки разных школ, пионерских отрядов, пионерских лагерей, кинотеатров, улиц, домов культуры назвали именем Аркадия Гайдара, да так и зовут до сих пор.

Иван Николаевич Соловьев не бегал бегом (хотя бы и от Голикова), он ездил верхом на коне темно-золотой масти, которого купил за пять золотых царских рублей у одного своего станичника. Но активность его отряда начала затухать вовсе не по вине молодого комбата Голикова.

Вся эта история с поисками соловьевского отряда смешна и наивна. Соловьев особенно и не прятался. На той самой горе среди тайги, каменный пик которой прозывался "Поднебесным зубом", и вовсе не на камнях, а на нормальной травянистой земле были построены в нужном количестве избы, амбары, бараки, в которых жили члены отряда и многие семьи. Земляки Соловьева и жители других деревень и улусов знали, где располагается отряд, но чоновцы не лезли в глубь тайги, понимая, что уничтожить отряд все равно не удастся, а если и удалось бы, то только во много раз превосходящими силами. Чоновцы ограничивали деятельность отряда в тех случаях, если отдельные группы соловьевцев выходили для действия из тайги в подтаежные деревни. Тут могли быть и стычки. Но группы Соловьева выходили всегда внезапно, всегда в таких местах, где чоновцев было мало либо не было совсем. Уже говорилось, что разведка Соловьева под руководством Астанаева работала безупрёчно. Но дело в том, что активность отряда к началу 1924 года стала затухать сама собой. Тому было несколько причин. Во-первых, чоновцы стали посылать против Соловьева отряды, в которых было много соловьевских одностаничников. Своих односельчан Иван Николаевич убивать не мог. Однако чтобы понять главную причину "сворачивания" его борьбы, надо подумать над тем, какова была первоначальная или, скажем, основная цель Ивана Николаевича. Да, у него было полное неприятие советской власти. У его единомышленников в отряде — тоже. Да, он не мог равнодушно смотреть, как продотряды, осуществляя продразверстку, беспардонно грабят крестьян, отбирая у них хлеб, скот, шерсть, кожи, овчины, пеньку, валенки... все, что окажется под рукой. Он по мере возможности мешал этому грабежу. Он создал у себя в отряде в недоступной горной тайге микро-Россию, чтобы не дышать бескислородным воздухом советской действительности с портретами вождей, с первомайскими речами и шествиями, с леденящим душу большевистским климатом. Конечно, там в тайге у него была тоже неполноценная Россия. Она была без привольных пастбищ, без обильных урожаев, без шумных ярмарок, без ярких престольных праздников, без сенокосов, без девичьих посиделок, без хороводов, без казачьих плясок, без мирной — короче говоря — российской жизни. Но все же это была микро-Россия, хранящая в своей изолированности остатки, оттенки когда-то всеобщего климата великой Империи. Не думаю, чтобы он надеялся на расширение своего движения, на то, что оно охватит всю Енисейскую губернию, а тем более всю Сибирь, а тем более всю Россию. Конечно, 25 процентов населения Минусинской котловины будет уничтожено через четыре года во время коллективизации. Конечно, еще 40 — 45 процентов мужского населения будет уничтожено в середине 30-х годов, конечно, если бы все эти люди, которые считали, что над ними пока "не каплет", если бы они, предвидя свою погибель в самом скором времени, примкнули к Соловьеву, движение его было бы более мощным, но во-первых, они не примкнули, ограничиваясь пассивным сочувствием Соловьеву. Все по тексту Виталия Васильевича Шульгина: "...пока режут одну группу, другая не пошевельнется, в полной уверенности, что до нее "не дойдет". А когда дойдет — уже поздно". Но я думаю, что если бы к Соловьеву примкнули тысячи и десятки тысяч, все равно ничего бы не вышло. Вокруг было уже огромное государство, основанное на чудовищном и беспрекословном насилии ("подчинитесь или погибнете!"). Если не вышло у Колчака с целой армией, если не вышло у Антонова с 200.000 восставших, если не вышло у Деникина и Врангеля, как же могло бы выйти у Соловьева с его Горно-Партизанским отрядом? На что же он уповал? Во-первых, он мог ни на что не уповать, но просто не хотел подчиниться и служить большевистскому режиму. "Что будет, то и будет, но на первомайскую демонстрацию, под красный флаг — не хочу!" Но вернее всего, он надеялся или даже верил, что не может быть, чтобы ничего не произошло, не изменилось в стране. Он надеялся, что новая власть, бесчеловечная власть насилия и террора рухнет. Он надеялся, что изменения произойдут в Москве, в центре, и тогда все вернется на добрые старые пути, и он спокойно и свободно возвратится в свое Соленоозерное к мирному труду. Или придет русская армия из Китая... Или... что-нибудь да

случится. Не может же быть вечным этот бесчеловечный людоедский режим. Но время шло, а ничего не менялось. К 1924 году стало ясно, что надеяться больше не на что. А тут еще подоспел нэп, обманный маневр большевиков, в который тем не менее многие поверили. Нэп действительно привнес оживление во все виды деятельности населения, его действительно можно было принять за шаг назад к прежней России. Не последнее дело, наверное, и то, что за четыре года можно было устать скитаться по тайге, все время настороже, все время в опасности, все время рискуя, все время в нечеловеческих, в общем-то, "дискомфортных" условиях. Так или иначе, но Соловьев приостановил активные действия своего отряда и начал искать пути переговоров с властями. Тут можно обратиться к строкам из подлинных архивных документов того времени. Конечно, все они под грифом "секретно" и "совершенно секретно", но теперь рассекречены.

"Разговор по прямому проводу Усть-Абаканск — Чебаки члена Уревкома Алмакаева с предуревкома Итыгиным (своеобразие грамматики и лексики по возможности сохраняем).

Итыгин: 31 марта я лично вел переговоры с бандитом Соловьевым. Он сдал часть оружия, дал подписку о ликвидации банды и что желает перейти к мирному труду. С ним было 4 бандита, все они заявили, что подчиняются советской власти... Соловьев (неразб)... остальных бандитов и с приходом их обещал сдать оружие, отказался от звания командира партизанского отряда и мы срезали бандитам погоны и нашивки, головные уборы. Расстались друзьями".

"ТЕЛЕГРАММА Красноярска.

Данными начтачотуба Томской 5 апреля боеотрядом ЧОН Кузнецкого уезда верховьях реки Средней Терси 90 верст северо-восточнее Кузнецка в двух бараках обнаружена стоянка банды Соловьева тчк. Результате гранатного боя захвачены дв.тчк. отец Соловьева, девять женщин в том числе мать Соловьева, четверо детей тчк. Бараки продовольствия сожжены.

Начтачотуб ВОЛКОПЕЛОВ

(Словечко "начтачотуб", взятое из какого-то птичьего языка, я расшифровать не могу и оставляю его на совести того времени, как, впрочем, и гранатный бой с безоружными женщинами и детьми. — В. С.)

ПРОТОКОЛ №4
Заседания Совета ЧОН Хакасского уезда.

(Надо сказать, что здесь какая-то путаница с датами протокола, хранящимся в архиве. Датирован 15 мая 1924 года, в то время как известна дата добровольной сдачи и смерти Ивана Николаевича Соловьева — 4 апреля 1924 года, тем не менее приводим текст протокола.— В. С.)

Присутствуют следующие т-т. Укомчон Хакасского тов. Заруднев, пред. Ревкома Хакасского Етыгин, от Укома Р.К.П. (б) Томилов, Уполномоченный ГПУ по Хакасскому уезду Пакап, ответственный секретарь Р.К.П. С. М. Игнатьев

Заседание открыто 15/V 1924 г. в 9 часов утра.

Повестка дня:

1. Информационный доклад о положении боевого района и дальнейший план борьбы с бандитизмом.
2. Общее положение и устройство эскадрона.
3. Текущие дела.

Слушали: Укамчон Хакасского тов. Заруднев указал на то, что прибыв в боевой (отряд) район, где пришлось вести переговоры с Соловьевым, начатые тов. Шинковым и подчеркнул, что никакого отношения к переговорам не имел, так как в командование не вступил, но пришлось это сделать по просьбе тов. Шинкова. Так же указал, что переговоры велись незаконно, с этой целью выдали временное сроком до 15 мая удостоверение, Соловьев сдал девять винтовок.

Дальше тов. Заруднев указывает, что дальнейшая ликвидация бандитизма возложена на него, указал, что получена телеграмма от Совчонгуба за №0053. Зачитывает телеграмму, в которой Совчонгуб обращается к гражданину Соловьеву перейти к мирному труду, так же указал, что телеграммой Комчонгуба истребительный отряд сокращен до 15 бойцов исходя из местных условий. Дальше зачитывает ответ Соловьева на телеграмму Совчонгуба. Тов. Заруднев указывает, что хотя Соловьев и считает, что он сдался, но все-таки он разъезжает на конях с оружием. Указывает, что истребительным отрядом никаких оперативных действий пока не ведется. Ответ Соловьева мною дан в губернию, но ответа пока еще не получено. Зачитывает протокол общего собрания граждан д. Озерной.

Слово т. Пакал: Тов. Пакал указал, что мною получена телеграмма от комбата 19.0.Н. Ачинского т. Шинкова, в которой говорится, что банда ликвидирована и дальнейшая ликвидация дела ГПУ. Дальше т. Пакал указывает, что в настоящее время Соловьев имеет симпатию от населения, так как все население видит, что Соловьева выдают за военного гения, указывает: что мы не должны считать,

что банда ликвидирована, мы дошли до очень низкости, просим каких-то десять человек. Указал, что наше командование борясь против врагов сильных, но здесь пришли просить каких-то десять человек. Дальше отмечает, что Соловьев живет, ничего не думает, разъезжается где ему заблагорассудится. Заметил что дипломатия — это хорошо, но не нужно забывать, что Соловьев, как мы видим, еще не взят. Сдача девяти винтовок, это ему ничего не значит, полагаю, что у него оружия хватит. Высказывается, что необходимо принять меры по ликвидации для этой цели возложить на определенное лицо, так отметил, что оставление 15 бойцов боевой способности не представляют. Отметил, что держать отряд на местных средствах у населения невозможно. Отмечает, что Чихачев свободно разъезжает. Необходимо создать отряд и ликвидировать Чихачева, дабы не получилось сепаративных выступления, каковые имели место в районе Аскыского Райока в конце марта и первых числах апреля.

Слово т. Игнатьева: Каковой указал на переговоры с Соловьевым. Указал, что из разговоров с бойцом коммунаром, каковой так же присутствовал на переговорах, я заключил, что Соловьев, идя на всякие уловки, стараясь больше отстоять себе вооружение и тем обеспечить себе свободный разгул. Отметил то, что ведя переговоры с Соловьевым, мы здесь как уездные власти не были информированы, на каких условиях сдается Соловьев нам тоже неизвестно, не знали и того, что Соловьеву дали пять винтовок. Этим не гарантируется, что через месяц отряд Соловьева будет 25 бойцов. Указывает, что Соловьев считается, что сдался, но отряд Чихачева, каковой все время был у Соловьева, свободно разгуливает, и если во время не примутся меры, то пожалуй, банда снова разгуляется. Указывает, что необходимо раз навсегда покончить и договориться с губернией на этот счет и сказать свое веское слово и начать оперативные действия. Отметил, что мы допустили очень многое и дали этим завоевать симпатию от населения.

Слово тов. Етыгина: Который говорит, что мне уже два раза пришлось вести переговоры с Соловьевым. Первый раз я вел переговоры в 1921 г. В то время мною было достигнуто соглашение, но тут помешали воинские части, когда Соловьев послал мне письмо со своим партизаном и этого посыльного наши части перехватили и убили. Второй раз это в Чебаках, на этот счет я имел определенную договоренность с Предгубисполкомом и секретарем Губкома, приехал на место, начал переговоры, но эти переговоры были сорваны Комчонгубом, так как последний по прямому проводу сказал, взять Соловьева живым. Но, конечно, взять живым не пришлось, Соловьев бежал, но на другой день я получил сведения, что вышла вся банда, но уже было поздно, этим мы проиграли многое.

Тов. Етыгин вносит предложение распустить отряд и оставить лишь несколько и добавляет, что необходимо выделить пять человек коммунаров и послать на работу на рудник. Сарала с заданием доставить голову Соловьева.

Слово т. Томилова: Указывает, что все хорошо, но вот что плохо, что у нас кто хочет, тот и ведет переговоры. Во-первых мы направили Соловьева на правильное русло, и с другой стороны давали ему повод. Мы сегодня должны сказать, что губерния все время нам мешает. Дальше отмечает, что Соловьева крупной единицей считать нельзя, необходимо его изловить. Приводит пример: ведя переговоры с Соловьевым подготовить отряд и покончить с ним.

Тов. Етыгин: Указывает, что указанный пример уже был, но никаких результатов не достиг, ибо у Соловьева в распоряжении людей больше, он без охраны не остается.

Слово т. Пакал: Зачитывает телеграмму от комбата Шинкова следующего содержания: Банда Соловьева под давлением и после переговоров сдала девять винтовок, одну шашку и гранату, перешел к мирному положению, перешел в полном смысле в распоряжение Совчонгуба. Я действия прекратил и оставил истреботряд 20 штыков. Соловьев намерен устроиться в Кисельской волости. Взаимоотношения к населению Соловьев о дальнейшем усиляет агенсеть, учитывает переход на мирную жизнь. Комбат 19 Шинков.

Слово т. Заруднева: Заключительное слово т. Зарудневу, который указал, что не так виновата губерния, как некоторые товарищи, как пример т. т. Сенокосов и Шинков, обещали ликвидировать банду в короткий срок, уезжают, не достигнув никаких результатов. Указывает на небоеспособность отряда Сенокосова продовольствием удовлетворены лишь на 20 суток. На приведенный пример т. Томилова говорит, что ведя переговоры одновременно действовать отрядом полагаю невозможно, ибо это очень трудно, ведя переговоры, Соловьев одновременно выставляет наблюдателя, который следит за движением отряда. Отметил, что никаких активных действий ни каким образом вести нельзя.

Постановили:

1. Считать банду Соловьева не ликвидированной.
2. Телеграмму комбата тов. Шинкова считать ложной, которая ввела командование губернии в заблуждение.
3. Дальнейшую ликвидацию поручить тов. Зарудневу, для чего поручить Уполномоченному ГПУ по хакасскому уезду совместо с Укомчоном разработать секретный план борьбы, отнюдь не допускать открытой вооруженной борьбы.
4. Расформировать имеющийся истреботряд, а вновь сформировать в количестве 10 бойцов, из более боеспособных бойцов. На содержание вновь сформированного отряда, довольствия лошадей просить Ревком отпустить 50 рублей червонных..."

Когда я думаю, как был убит Иван Николаевич Соловьев, возникают ассоциации, сопоставления. Дело тут не в масштабе личности либо злодеяния, но в "почерке", в схеме, в "сюжетном ходе", как выразился Борис Камов в своей большой и обстоятельной статье о гибели Колчака. Статья была опубликована в газете "Совершенно секретно" (№8 за 1992 год). Вот отрывок из этой статьи.

"Под предлогом того, что в Иркутске обнаружены тайные склады оружия (что соответствовало действительности), а на улицах будто бы разбрасывают листовки с портретом Колчака (что выглядело малоправдоподобным), ревком

принял постановление №27 от 6 февраля о расстреле верховного правителя и премьер-министра его правительства. Поздно вечером председатель ревкома вручил бумагу коменданту города для немедленного исполнения. Но ни комендант, ни ревком не знали, что на самом деле они исполняют тайный приговор, который единовластно вынесло верховному правителю России одно совершенно штатское лицо. Лицу было 49 лет. Оно имело юридическое образование, свободно изъяснялось на нескольких языках и о себе сообщало, что зарабатывает на пропитание журналистикой. Лицо носило костюм-тройку и имело привычку засовывать большие пальцы рук в проймы жилета, на манер провинциальных портных. Получив сообщение, что арестован адмирал Колчак, а также сведения, что Красная Армия со дня на день войдет в Иркутск, "журналист" в костюмной тройке направил (через т. Склянского. — В. С.) в Реввоенсовет 5 армии телеграмму: "Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска, пришлите строго официальную телеграмму, с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так (то есть казнили адмирала) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Беретесь ли сделать архинадежно?" Это был не только приказ, но и тщательно продуманный сценарий. Телеграмма раскрывала механизм тайных террористических операций Ленина. Долго считалось, например, что царская семья была расстреляна по инициативе и недомыслию руководителей Екатеринбурга. Если бы не сохранилась телеграмма Ленина в Иркутск, можно было бы то же самое думать о руководителях Иркутска. На самом деле здесь был использован уже апробированный "сюжетный ход": приказ отдает Москва, а моральная ответственность за его противозаконность возлагается на "местные власти". В обоих случаях один и тот же почерк. Одно и то же коварство замысла. Один и тот же страх моральной ответственности. Телеграмма Ленина свидетельствовала, что с первой минуты ареста адмирал был обречен на быструю и, вероятно, даже тайную смерть. Ленину долгий суд над Колчаком был не нужен".

Точно так же не нужен был советской власти и суд над Иваном Николаевичем Соловьевым. Как мы уже знаем, Соловьев пользовался симпатиями местного населения. Судить его открытым судом значило возбудить в людях все чувства доброжелательства, сочувствия, жалости, в конце концов, к отважному, доблестному русскому офицеру, командиру Горно-Партизанского отряда имени Великого Князя Михаила Александровича, а вместе с тем возбудить чувство осуждения, если не ненависти к новой власти и к новым порядкам. Кроме того, на суде ведь Соловьев будет говорить, а люди будут слушать и ведь неизвестно что, какую правду о новой власти будет говорить подсудимый и каково это будет слушать судьям. Хоть и ежься, а слушай, перебивай, а слушай, затыкай рот, а слушай. Уж лучше сразу заткнуть ему рот. Нет, положительно не нужен был советской власти суд над Иваном Николаевичем Соловьевым. Спектакль был разыгран по заранее подготовленному сценарию, и главным в этом спектакле были обман, коварство, жестокость и подлость. Масштаб другой, но точно так же, как в случае с царской семьей свалили все на местные екатеринбургские власти, а в случае с Колчаком на местные иркутские власти, так и тут надо было найти на кого свалить. Разыграно было так. По предварительной договоренности, Иван Николаевич должен был встретиться один на один с начальником Красноярского ЧОНа Заруднева. Заруднев должен был передать Соловьеву документ на право мирной жизни и мирного хозяйствования на земле. И хотя Соловьев приехал в станицу в сопровождении своего заместителя Чихачева и своего адъютанта, но эти двое — по договоренности — остались в стороне, чтобы Соловьев мог встретиться с Зарудневым один на один. Заруднев был пешим, а Соловьев на своем коне золотой масти. Соловьев протянул руку Зарудневу, а тот, вместо рукопожатия, Соловьева с коня сдернул. Тотчас трое-четверо прятавшихся поблизости налетели на Соловьева, скрутили, связали его и отнесли в баню, где и положили на пол. Чихачев и адъютант почуяли неладное, но их немедленно застрелили. Дальше официальная версия такова. Часовой около бани, услышав выстрелы, испугался, что Соловьева освободят (а Соловьев к этому времени будто бы сумел развязаться), и часовой Соловьева застрелил. Но все это шито белыми нитками и не более (по-современно-молодежному говоря) чем пудренье мозгов и вешанье лапши на уши. Пуля вошла Соловьеву в череп сбоку, чуть выше уха. Спрашивается, если бы Соловьев

действительно развязался (а значит, и вскочил бы на ноги), куда бы попала пуля? В грудь, в живот, куда угодно, только не в череп сбоку, над ухом. Ясно, что часовой стрелял в связанного и лежащего на боку Соловьева. Ясно, что ему заранее было приказано Соловьева застрелить. Всех троих, то есть самого Соловьева, его заместителя Чихачева и его адъютанта, закопали около ограды сельского кладбища. Сельчане обиходили могилу и даже успели поставить крест. Но через три дня приехали из Красноярска чоновцы и труп Соловьева увезли, якобы для опознания. Где они его закопали, никому неизвестно.

А я уже чисто лирически думаю: кто же стал ездить на коне Соловьева золотой масти? Как тут не вспомнить современный эстрадный шлягер:

Есаул, есаул, что ж ты предал коня,
пристрелить отказалась рука.
Есаул, есаул, что ж ты предал меня,
я чужого несу ездока.

Итак, дата его смерти — 4 апреля 1924 года. А если бы кто из русских людей нашего поколения или в будущем захотел бы помянуть Ивана Николаевича, то день именин его мы не знаем, поскольку не знаем дня рождения. Ведь "Иоаннов" в году отмечается несколько. Иоанн Златоуст, Иоанн Предтеча, Иоанн Лиственник... Я бы предложил чтить Ивана Николаевича в день Ивана-Воина. Этот день православная церковь отмечает 12 августа по новому стилю (30 июля — по старому).

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

ПЕРЕЖИТЬ МОРОЗЫ

* * *

Нужно как-то пережить
эти страшные морозы —
и еще сильней любить
ненаглядные березы.

За селом среди травы
тлеют красные саранки,
на просторах синевы
тучки — вечные беглянки.

В роще — песня соловья
о земной красе — России,
и, конечно, жизнь моя,
наши встречи золотые.

* * *

Издерган временем, расхристан,
спешу в окрестную тайгу,
а над тропинкою росистой
несется звонкое "Ку-ку!"

Таежное простое счастье,
шумит столетняя сосна:
я вслушиваюсь — жизнь прекрасна,
я вглядываюсь — даль ясна.

* * *

И снова Русь горит в огне
на дальнем приграничье.
Из мглы кромешной на коне
выносится опричник.

Пищаль — на взводе,
пика — встречь,
в густой крови попона,
и поднимаются, как смерч,
над головой знамена.

А Кремль от схватки далеко,
там небо не багрово...
Шумя волнами широко,
власть заседает снова.

Лицом спесива, духом зла,
во взгляде — ни слезинки,
на верх ползла, на праздник шла,
а вышло — на поминки.

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1954 году в поселке Жатай республики Саха (Якутия). Автор книг стихотворений "Откровение чувств", "Жажда добра", а также книг публицистики "Слово о русском поле" и "Чтоб земля давала больше". В "Нашем современнике" публикуется впервые. Живет в городе Ленске.

* * *

Гляжу назад — и сердце плачет:
о Родина, о Русь, о Мать,
а ведь могли совсем иначе
мы перед Господом предстать.

Кто виноват? Вопрос не новый,
но если он важней всего,
пускай душа отыщет слово,
чтобы ответить на него.

И все-таки большого прока
от этих поисков не жди:
народ ослеп, его дорога
то ль впереди, то ль позади.

Отмеченная доброй славой,
она с печалью роковой
давно налево и направо
полынной заросла травой.

* * *

Ты пойми, я жить хочу в России,
той, незабываемой, где свет
от берез исходит бело-синий
или сине-белый тыщи лет.

Где луга, и поле Куликово,
и Москва — заветная река,
где впервые открывалось слово,
пушкинская вечная строка.

А еще там храмы и соборы
осиянных славою времен,
и души надежда и опора —
колокольный восходящий звон.

* * *

Ну что ж, я прошлым становлюсь,
былых не чувствую волнений,
то падаю, то вновь кружусь
по небесам своих сомнений.

А Родина? — как жизнь, одна!
И свет ее, крылат и ярок,
сильнее от того огня,
что зажигаю ей в подарок.

Ужель мы вместе отгорим
и канем в звездное пространство,
как Рим второй, как третий Рим,
погибший от непостоянства?

О Боже мой, я говорю
так глупо и бесчеловечно!
Придет пора — и я сгорю,
а Родина пребудет вечно.

Лишь тихо-тихо, как во сне,
в моих глазах погаснет лето...
Другой придет на смену мне
и загорится ради света.

* * *

Деревня, свет очей, привет!
Мы не видались тыщу лет,
и вот я здесь —прими с душою
не для гармошки и гульбы,
и ранних ходок по грибы,
хоть и они нужны порою.

Прими на утренних лугах,
ты помнишь, как в моих руках
коса свет-пламенем горела:
ночь опускалась над землей,
а я работал, как чумной,
вершил стога свои умело.

Не подведу тебя, о нет!
И если тем, что я — поэт,
тебя смущаю я невольно,
могу на празднике труда
стихи забросить навсегда,
как это мне ни будет больно.

Лукавлю? Точно! Ибо мне
в краю моем, в моей стране
поэзия — как мать родная.
Ну, значит, принимай, как есть,
иначе все равно я здесь
умру, прощенья ожидая.

МОСКВА

Москва, ты мне вчера открылась
во всей холодной наготе.
Какая мгла и чья бескрылость
тебя распяли на кресте?

Я — русский, но по чьей-то воле
я здесь не более чем гость,
и чувство восходящей боли
сжимает душу, тешит злость.

Страшусь не прошлого — страшнее
удавка нынешних измен.
Ты не зарыта, но в траншее,
боюсь, тебе не встать с колен.

...Да! Было горько, было больно,
но проходили времена —
и ты опять цвела раздольно,
Столица. Родина. Весна.

* * *

Меня уже не вычеркнуть из жизни.
Так просто: смерть —
и больше ничего.
Я одинок, мне холодно в Отчизне,

но это — крест! И я несу его.
И славы нет, но нету и бесславья,
потом, потом польются, как ручей,
одни — словами вечного признанья,
другие — отрицаньем до корней.

Угаснет день. Повсюду тучи, тучи
стеной обступят все, как есть, края.
И вдруг — огонь,
звенящий и летучий.
Что это будет — утро? вечер?.. Я!

СУДЬБА

"Стихи не должны быть длинными,
максимум — десять строк!" —
брат по богемной линии
спорный давал урок.

Где он теперь, неистовый,
в далях каких пропал?
Верным, последним выстрелом
пулю в себя вогнал!

Только о нем не плачется
даже и пьяным в дым:
время бесстрастной мачехой
молча летит над ним.

* * *

Мне нынче нет и сорока,
еще крепка моя рука
и взгляд острей копья.
Седины? Тоже нету их,
как у товарищей моих,
а боль у них — моя.

Далекая, не прячь глаза,
я знаю, в них стоит гроза
за то, что разлюбил.
Но как, скажи, любить того,
кто для себя лишь одного
гнездо надежды свил?

А дети — крылья за спиной —
и поднимают над землей
меня за кругом круг.
Мое дыхание — для них:
и новый труд, и новый стих,
и сердца каждый стук.

А смерть? Я думаю о ней
и в хрупкой тишине ночей,
и в половодье дня.
Когда придет, я не скажу,
и без отчаянья дышу,
рассветней нет меня.

Грядущего живой оплот,
жив я надеждою, что вот
настанет день, когда
мечту, что передал отец,
под славный подведу венец,
под лучшие года.

Судьба плоха ли, хороша —
но не скопил я ни гроша,
не в этом жизнь суть.
В печальной нашей стороне,
быть может, вспомнят обо мне...
Потом, когда-нибудь.

* * *

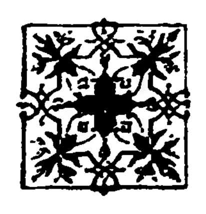
В первый раз я не прячу души,
говорю все, как есть, напрямую.
Топь. Болото. Поют камыши.
Места гиблого не миную.

Знаю, недругом буду бит,
ненаглядной любимой брошен,
только я не смогу забыть
милый взгляд и платок в горошек.

Люди, люди! Я вас люблю, —
ветры осени, тише вейте, —
вы не верьте в тоску мою,
а вот в радость мою поверьте.

Ничего не возьму взамен —
ни похвал, ни цветов, ни денег,
ибо знаю, что в судный день
это все уйдет за бесценок.

Вы живете — и счастлив я,
как, наверно, никто на свете.
А стихи — это боль моя...
И за них я один в ответе.

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

РАСКОЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Крестный путь

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

"Посему кто плачет о грехах своих, тот в слезах своих приносит Богу, как благоприятную жертву, пот своего сердца и кровь своей души".

Блаженный Августин

Чутко, вполглаза спит-почивает Москва, как лисовин под разлатой еловой выскетью, придавленной снегами; как прежде стереглась татарина немилостивого, так нынче пуще того бережется змия седьмиглавого, зовомого антихристом; сказывают знатливые, де, уже вылупился, окаянный, из яйца, снесенного бабой-жидовкой, заматерел, в кипящих серах окунулся с головою, чтоб напитаться смрадом, и рожки бодливые выметал над чешуйчатым лбом, и железные клыки отточил о камень-аспид, и ныне лишь последнее чугунное перо отращивает в крыле, чтобы взлететь и накрыть кровавой пеною из окаянной пасти благословенную святую Русь...

Гулко пальнуло из небесной пищалицы, от мороза осадило хоромы в углах, мелкий топоток горохом прокатился по горенкам и повалушам; эк, черти-то как стриганули! Лампадка мигнула, ее призамглило сиреневой тенью. Колотушка привратника ударила во дворе, и сразу, устыдясь, очнулся часовой колокол у Георгия на горке; ему отозвался Моисеевский монастырь, там и у Параскевы поддакнули (де, бодрствуем), и сонный обледенелый звон от медного петья докатился до Страстного монастыря, увязился там, сыро осел в бору, но перевалился за стену Белого города в Скородом, а там от погудки к погудке запозывал дозорный колокольный оклик во все четыре стороны Руси.

Тут и собаки взлаяли, заворочались решетчатые приказчики у костра, выпростали из бараньего стоячего ворота ухо, заломили шапку-мурманку, выслушивая ночную Тверскую дорогу: не слыхать ли где скрадчивой лошажьей ступи? Кабыть где-то на краю света скрипел обоз, попадали в престольную к свету подорожники. От Никитской улицы вверх по взгорку, мимо Дмитрия Селунского, разбрызгивая снежную труху, на рысях вымчала стрелецкая вахта, на распутке ударила вощагой в тулумбасы, чтобы внезапным шумом ошарашить дерзкого ночного находальника.

Продолжение. Начало в №№ 10, 11 за 1993 год, 1—3 за 1994 год.

По всему Скородому, по жилецким и купецким дворам, по ближним посадам и слободам, вскричали первые петухи, позаслышав хохот бесенят, слетающихся на городские игрища. Стенная сторожа у Фроловских ворот и Боровицких вздрогнула вдруг и зальдилась сердцем, почуяв тягучий посвист невидимых крыл. Тучей спешат, тучей. Ой, царь-государь, стережися! опять нанесло с запада тьму тем немилостивых, боронися, миленькой, как можешь; тут и кованые брони, и пищалицы, и пушки дальнего бою, и гранаты не в помощь...

В ночи всяк себе воин.

...Стоячие напольные часы в ореховом влагалище, подарок покойного деверя, пробили полночь. Матерая вдова барыня Федосья Прокопьевна Морозова подняла беспамятную голову; от подоконья по полу тянуло стылым сквозняком, теплые токи от ценинной, жарко натопленной печи обтекали верхом, над головою; шелковые завесы у резной кровати прогибались, словно бы за пологом блуждала гибельная рука, перебирая складки китайской камки. В окна луна светила, как камень-яспис. Барыня привстала на колени, уже пробудившись вовсе, просунула голову в шатер, расписанный травами; пуховая, высоко взбитая перина не тронута, перьевое одеяло отогнуто углом, льняные простыни похожи на ледяную кулижку, полосатое бумажное сголовьице торчком, не вымято, не ослежено... Почудится же немилосердное? Господи, помилуй, Господи... На полных руках остудная дрожь высыпала мелким пшеном. Экая ты трусиха! — укорила себя Федосья и, опомнясь, снова повалилась на пол, на жесткую рогозницу, накрылась холостяной ряднинкой, подсунула кулак под голову. Эх, кабы кто из челядинников прознал, как почивает их госпожа, царицына свойка, наезжая теремная барыня. Смеху-то бы втай, да прыску в кулак! Не вем чему, слепо улыбнулась Федосья, представив, как уливаются сенные девки.

В пятом часу ночи опочнула, и вот оно, недремное око, опять запозывало, совестью его кличут: де, подымайся, матерая вдова, хватит бока пролеживать, откажись, милостивенькая, чертей тешить, ибо неспания ночные верстаются верному в число добрых дел.

Что-то же в бок толкнуло? Вроде бы худой сон наснился: собачья голова шершавая и в шерсти, и она, Федосья, ту звериную морду целует и обнимает. Тьфу, нечистый. Воистину много бесу помощи в женах; это сеть сотворенная.

Недолго тешилась утица за пазухой у селезня. Убралися, царствие им небесное, в очередь и деверь Борис Иванович Морозов, а после и благоверный Глеб Иванович. Закрылись в повпаленную скудельницу и всю тщету земную, всю славу мира сего — и сладости и утехи обильные, яства и питье, рабичишек и холопишек, многие дворишки и портища алтабасные, золотишко и рухлядь неисчислимую — оставили за гробовой доскою; вот и тянись, супружница, пестуй гобину, копи приплоду, охичивай царствие свое, управляй животом и наделком, матерая вдова, и все лишь заради сына одинакого Ивана Глебовича. Кабы не сын, дорогой мизинчик, нынче бы затворилась в монастырь: много ли нажилась в миру, жадно ли опилась его прелестями, но как бы через край хватила из той братины хмельного меду. И что дальше-то смыслу толочь череду дней? разве сыщутся те земные украсы, что встанут вровень с горним Сионом, жилищем обетованным и превечным, где триста лет покажутся за один день? Так Господь постановил: жить тебе, Федосья, плотскими прелестями тридцать лет, а как испытала заповеданное гобзование, то и замири утробу, иссуши плодильницу, чтобы душу свою спасти.

Завесы над ложем всколыхнулись вновь, и сквозь редкий цвётной шелк на стене, выбеленной луною, вдруг проступила угловатая тень, острое лицо наметилось, с высокими залысинами на висках, и батько Аввакумище провещал хрипло сквозь тыщи поприщ неведомой сибирской стужи: “Еду, дочи моя духовная. Потерпи ишо, еду. Вижу, как баламутят черти мутовкою душу твою. Да и ты, матушка, заленилась на молитву ночную. Аль забыла? Дни наши не радость, но плачи суть. Вспомяни: когда ты родилась, не взыграла смехом, но заплакала, от утробы исшед матерни...”

Свет лунный кротко проливался в окно, в черную проталинку стекла, кудряво обнизанную куржаком; проклятый Каин вечно бродил с помазом по ночному светилу и красил дегтем его лик. Камень-яспис застыл на тверди, не желая спускаться с небосвода, как коруна горнего Иерусалима. Боже, да есть ли что прекраснее того Дома? Федосья умилилась, подождала, не провещает ли что еще отец духовный, неукротимый страдалец. И успокоилась. Послал батько весточку, обещался скоро сам быть. Федосья прислушалась, и сквозь пол, потолок и стены к ней, умирившейся, хлынуло множество всяких велегласных слов и молитв

слезоточивых, жалобных стенаний и сладких воздыханий к Спасу, что исторгаются в ночах в келейном одиночестве из иноческой души. Да и то, не боярские сытые гулливые хоромы у Федосьи Морозовой, а тайный женский монастырь, скрытня для верных, кто твердо стоит в старой вере, не изменяет досюльным обычаям. Молитва — как стена граду, и той чистой песнею, обращенной к Спасителю, и стоят хоромы матерой вдовы.

...В сенях зашлепали босиком: эти шаги Федосья узнала бы и средь тысяч других. Ивашка, сынок, в заход побежал по нуждишке: ишь ли, стыдится в посудинку-то, мужичок. Сейчас с лестницы вниз припрыжкой, в нижнее жило, в дальний край. Ой ты, баженой-роженой, опять брусеничной водою опился... Да нет, не сговорила лестница, но вкрадчиво скрипнула дверь в домовую церковь. Ой, сыне-сыне, тебе-то что за маята? что за гнетея томит тебя, сживает со свету? Скорей бы вырос, что ли, не заблудился; одна мне свеча в аспидной ночи под семи ветрами, долго ли задуть ее завидущему? Намедни мать родную сторожил, де, худо крест кладешь, ленишься, де, пропадает в тебе внутренний человек. Молвил, будто схимонах, все искусы прошедший. Запамятовал, дитешонок, как мать четками стегала сызмала, учила поклоны класть...

Федосья помедлила, не решаясь тревожить сына. Христос навещает в такие минуты молитвенного человека. Но долго не смогла терпеть, накинула летник смирного цвета, натянула на ноги сафьянные ичетыги и, словно бы не хозяйка дому, осторожно вытаилась из покоев: так к любовнику утекает любострастница воровски.

Отрок стоял на коленях пред иконою Сошествия во ад, изогнувшись рыбкой, хребтинка проступила узелочками сквозь тонкую полотняную сорочку, как у стерлядки. Худенький, узкоплечий, большеголовый, из-под рубахи выглядывают узкие лаковой желтизны плюсны. Господи, давно ли лобызала их, тетешкая младенца, всякую перевязочку на ножонках неистово обцеловывала, радуясь богоданному сыночку.

"Боженька, милый Боженька, — сейчас горячо молил отрок Иван Глебович, не отрывая от пола пылающего лба. — Шибко не огрубляй батяню, не тяни на муки, не сживай в темницах аидовых. Миленькой, дай ему слабины и отдоху, допусти ко взгляду своему, и ты увидишь, какой он хороший и добрый. А я-то уж так тебя, грешный, люблю, так люблю, заступленник, Отец небесный. Все богатства земные положу у ног твоих, только не дозволь, чтоб раскатывали отеченку на лавке огненной и секли немилосердно дубьем да батожьем. Коли и есть какой грех на нем, так я переимываю его на себя, и мне то страдание будет в сладость... И еще: дозволь в день Страшного суда стояти подле отеченки..."

Испугалась Федосья сыновьих слов, окатило, обожгло ее счастливым ужасом; вот будто бы сына ее позвали на Голгофу вслед за Христом на страдательный путь, и она своими руками подтолкнула его. Федосья опустилась на коврик, но молитва не шла на ум, и бояроня твердила одно, постоянное, текущее из груди, как из родниковой отворенной скрыни: "Господи, помилуй, Господи, помилуй..." Сын затихал, стоя на коленях и протягивая обе ладони к Спасу Грозное Око в серебряном кивоте, но еще бормотал что-то уже невнятное, вроде бы утробою, ибо губы не шевелились; тонкое лицо было голубым, с сиреневыми густыми тенями в обочьях, над губой уже пробивался черный ус. Два года вдовеет молодая бояроня, не ей ли бы уливаться горючими слезми по благоверному, но вот таких отчаянных слов не скопилось в ее сердце; знать, больнее ударила сына отцова смерть, до конца лет не распаять, наверное, два золотых колечка. Мать ревниво, с внезапной обидой и отчужденностью взглянула на сына... Еще не возрос, а уж отрезанный ломоть, — подумала горько. Да нет-нет, — восстало все в ней, и слезный ком подкатил к горлу, — велел бы кто, де, отдай жизнь, Федосья, заради сына, и тут же бы не колеблясь вступила на плаху.

— Сын, Иванушко? Очнися. Это я, твоя мати! Не рви сердце, голубеюшко. Смерть свое возьмет, — позвала жалобно, позабывшись, что в молельной. — Не захворал ли часом, сердешный? Иль что дурное наснилось? На тебе лица нет.

Сын прятал глаза, полные слез, тяжелые вороные волосы, как бархатный запон, укрывали лицо.

— Иль кто худое слово про отеченьку молвил? Скажися, — настаивала мать. — А лучше шел бы ты, миленькой, в спаленку да побратался с подушкою... Подушка — лучшая подружка.

Отрок поднялся, ростом уже с матерь, тонкий, как лоза. Буркнул не глядя, голос по-петушиному сломался:

— Не боишься? Все на свете проспишь. Он придет, а тебя нету.

— Да кто он-то? — притворилась Федосья беспамятливой и, приобняв сына за плечи, повлекла к двери. Ах, как бы привить к себе сердешный росток, чтобы вовек не разлучаться. Чтоб как рука стал, иль нога. Иль только в тамошней жизни неразлучны?

— Ты что-о, мати! Ты что? Шутишь, иль взаболь забыла? Се гряду скоро и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его...

— А после-то как? Дожилась, память отшибло...

— Я есть Альфа и Омега, начало и конец...

— Ну-ну, учи, яйко, курю. Не зря почасту секла тебя четками. Все татушку забыть не можешь? Наснился? — Она с грустью погладила сына по голове; волос был толстый, пригрубый и, казалось, светился с шорохом. — Не тоскуй, дитя, от тоски черви на сердце лягут... Боярин Глеб Иванович в райских кущах ныне наливные яблочки кушает, меня ждет. От бати твоего греха не знавала. — Федосья вздохнула, по-старушьи собрала губы в гузку.

— Мне тятенька заснился. Вот как ты. Поцеловал, бородой уколол, — вдруг признался отрок. — Потом медовую жамку протянул. Спотчуй, говорит, сынок. Некому тебя нынче баловать. С карася, поди, жамка-то. Едва в ладонь взял. На земле таких нету. Я лизнул, а то уксус. Меня и перекосило. На, говорит, от ангела гостинец. От ангела Рафаила, говорит, гостинец... Матушка, он что, в обиде на меня? Он что, со злом на меня ушел?

— Да что ты, сынушка. Господь с тобой! Какое на тебя зло? Это остерег, чтоб не шалил, чтоб Бога нашего почитал. Ты теперь большой хозяин, ты на всю Русь виден... Что много думать? И яблочное вино станет уксусом, и плоть прахом, и вода льдом, и слезы песком, и камень-дресва трухою. И от всякой радости прежде смех, а после — слезы... Пустошный сон-то, поверь мамке. Тебе и Федот Стефанов, расслабленный, про то рассудит. Спокойной ночи, сынок.

И бояроня поцеловала отрока в лоб.

Потом вернулась в спальню и, покадив росным ладаном вокруг постели и по углам, чтоб отогнать чужие силы, долго еще метала поклоны пред образом милосердой Госпожи, пока не возликовали на птичьем дворе петухи. А тут и домовой поп Григорий воззвал в колокол под шатровым навесом во дворе. И челядь вся хоромная, четыре сотни дворовых сволоклись со своих лавок, и прежде чем взяться за вековечное заделье, всяк с душевной крепостью к Господу встал на покаянную утренницу.

* * *

Гулящая Москва, спустив денежки, нынче отдыхала от святочных радений, колядок, от кулебяк со стерлядью и свиных окороков, от ряженых и скоморошьих попевок и погудок, от кулачных спотычек возле кружал и питейных погребов, от гаданий и игрищ. Притихла Москва, погрузилась в задумчивость, уныло посыпая удалую свою голову покаянным пеплом. Кислых штей и квасов яблочных и овсяных, да воды брусничной и гонобобелевой жаждала посадская Москва, чтобы отвадить горящие черева и привести греховную душу в ровное безмятежное чувствие. Поди, на треть поиссякли в эти дни зимние припасы, и всяк православный по чину, званию и доходам испил преизлиха не только сам, но и обильно отпотчевал роящихся бесконечно гостей до некоего крайнего самохвальства, когда каждая чарка, выхлебанная до дна, еще и сцеживалась, по обычаю, на темечко гуляки до последней капли, чтоб удостоверить, де, все ли винишко пригнул, не затаил ли на хозяина зла? и плох тот странноприимник и хлебосол, у кого гости не скатились после удалой пьянки в подстолье и не заснули там, раскатав губу в беспечном богатырском храпе. В царев Верх и терема боярские из ледников и погребов, из-под фряжского крыльца таскали клюшники кувшинами и катали бочками иноземные пития: алкан и тентин, сект и кинарею, марманею и мушкатель, бастр красный и белый, ренское и романею, мальвазию и рокомор, да меда боярский и княжой; стрелецкие воеводы и полковники, и вотчинники, что при государевой службе, всякие приказные и дьяки — те наливались водками русскими и сладкими французскими настойками, и медами сычеными, красными и белыми, ягодными и яблочными, вишневыми и смородиновыми, да можжевеловыми; а монастырские монахи, еще канун Рождества унеся украдкою из трапезной бурак квасу, тайком выбраживали из него пиво да, меду залучив из торговых рядов, ставили его на хмельное питье; а торговых слобод печищане да

посадский люд, взяв виру в земском приказе, выганивали во своем дворе белого вина по ведру и по два, да на печи садили браги, да в складчину общиною варили ячменное пиво и тем после рождения Христова услаждали уже языческих богов, на время отступивши от Спасителя, стыдливо занавесив его пестрядинным портищем. Ах, Русь, Русь, тебе бы только случай, да коновода, так ты и через смертную колоду, играючи с судьбою, решишь прыгнуть...

Заря встала по-над Москвою пожаром, выкрасив заиндевелые стены Кремля и Китай-города, разлилась багровой рекою, слегка попритушенная мглистой дымкой, словно бы сердечная бесшабашность, владевшая во все дни престольной от Рождества до Крещения, сейчас наконец-то покидала измаянный город, чтобы источиться в морозном воздухе, поиссякнуть в небесной тверди. За Неглинной вставали лохматые дымы над Пушечным двором, рядом скрипели бадьи черпального колодца, накачивали воду в городские мыльни; и стар и млад, мужики и жонки, всякого звания люд, зажав под мышкою веник и узелок с бельишком, и скляницу с жидким мылом, да лагунишко с квасом, с самого ранья спешили в бани, чтобы выпарить праздничный недуг, чтобы после душа звенела, как новый двугривенный, и вновь жаждала встречи с Господом. Желтый зыбкий облак раскачивался над баенкой — то скапливались, покинув намытое тело, душевные нечистоты, проказа и хворь, чтоб после отплыть и осесть в подмосковных уремах и распадках у бесовских скрытен, где лешачихи будут ткать из грешной ряднины себе чертовы портища.

... И только над усадьбою Федосьи Морозовой царевал во все веселое время постный воздух; и нынче спозаранку из ворот поварни, из деревянных дымниц и пятников работных изб вместе с печной горчинкою выпархивал сладкий дух свежих караваев и папошников, саек и колачей, да деревянного, конопляного и постного масла, гретой капусты и тяпаных груздочков; он смешивался с парным застоявшимся в зиму воздухом распахнутых конюшен и уконопаченных скотиньих дворов, где домашние девки, подоткнув подол, раздаивали растелившихся коров под присмотром большух, а молоко сцеживали в огромные лубяные бочки и берестяное туесье, и дубовые кади, чтобы после, наквасив, набить круги масла и наварить головы сыру на будущий долгий обиход.

Большое хозяйство у матерой вдовы и много всего требует; и как в государевом Дворце, но в меньшем заводе, по всякому домовому делу, без чего не стоит боярская гобина и не плодится зажиток, — на погреба масляный, сметанный, сырный и ветчинный, на ледники с рыбным и грибным соленым запасом, на поварни и хлебные полатки, на мучные и крупяные амбары, на каретные сараи и на конные стада, на борти и плодовый сад, на вонные амбары с меховой рухлядью, платьем и посудою, на сушила и кладовые с окороками и вялеными коровьими стегнами, на куретный дворишко с битой птицею и на хранилища с земляницей, — так вот на всякую работу был приставлен для присмотру свой ключник и приказчик, стряпчий повар и животинник. Но все они кланялись дворецкому Андрею Самойлову. Были еще комнатные слуги, истопники, сторожа, сенные девки, подавальщицы, виночерпии, хлебники и чашники, стряпчие и боярские дети, церковный причт, — та самая дворня, что стоит при дверях, при кормовом и питейном поставце, что таскает подносы с едою, мовницы и рукодельницы, что шьют по серебру и золоту, что прядут шерсть и ткут нитки, и кроят одежды, чеботинники и шапочники, — и те все кланялись казначее Ксении Ивановне. Да еще хоронились в клетях и подклетях черницы-инокини, да вставшие на постой молитвенники, да убогие и клосные странники, бредущие по святым местам, да всякие чернцы иных монастырей, убоявшиеся новых законов, — и те кланялись старице Мелании. Да был еще при хоромах расслабленный Федот Стефанов, и за ним блюла верная келейница Анна Амосова. Да вне престольной по московским деревням труждались на бояроню Морозову восемь тыщ крепостных холопей. Да сколько вотчин и наделков отошло к матерой вдове после смерти деверя Бориса Ивановича, не имевшего потомства, того и не счесть: те, правда, пока умом и радением дворецких стоят, живут своей волею, дожидаются, когда вырастет молодой хозяин Иван Глебович.

Вот и правь, Федосья Прокопьевна. Некогда тебе бока отлеживать, ежли ты воистину любишь сына своего и не хочешь прослыть разорительницей ему.

* * *

Лишь развиднелось на воле, только двери многие всхлопали и ожила усадьба, а отрок уже на ногах. Отстоял часы, потрапезовал и, надернув овчинный кожу-

шок, поспешил к людской. Дядько комнатный Бажен опять не поспел за Иваном; поди, угонись за ним. Стряпчие конюхи уже раздернули заворы в денниках, выгонили из конюшни табунок, сторожа открыли ворота из усадьбы. Лошади были черкасских и понизовских степных кровей, но одной масти, золотисто-рыжие. И лишь один жеребчик был снего-белый, настоящий горностай, но глаза, грива и хвост с рыжиной. Это конь отрочий. Иван накинул потничок и лихо, с прискока насел на конь, обжал коленками и, зычно гаркнув, наметом погнал Горностая из усадьбы. Он не видел, как конюший приказчик укоризненно покачал головою. Обжимая табун слева, оставив в стороне стрелецкую слободу стременного государева полка, о край житничих и мучных дворов, по-за огороды выскочил отрок на набитую корытом водопойную тропу, слегка присыпанную ночной порошей, и через болото, обметанное о край берега частым ивняком, вымчал на низменный берег Неглинной, возле царских рыбьих садов. Пролубники уже проломили наросший за ночь хрустальный ледок, вычерпали саками в розовеющие на изломе стеклянные груды; вода в майнах была черная, с кровавым от зари зраком. Иван уже медленным шагом подъехал к проруби. Посвистел. Горностай, наклонившись, всмотрелся рыжевато-золотистым взглядом в огненную горбушку, а после раскусил ее молодыми зубами, разломил на множество алых крох, шумно втягивая в утробу пахнущую болотиной запревающую воду. И вдруг задрал тонкую, с бараньим загибом морду и заржал, уставясь на небесный пожар. Капли воды сразу схватились на курчавой шерсти стеклянными бусами. Иван тоже забылся на миг, зачарованно глядя на заиндевелую стену Кремля со снежной кухтою на кирпичных карнизах и на бойницах среднего и верхнего бою, и на откосах облома, и на покатях угловых башен и надвратных часовен с кроваво-рыжими натеками щербатых рваных ран от минувшей осады; а после перевел взгляд на сказочный государев Верх, где вскорости понадобится ежедень быть, со множеством разноцветных теремов и медных флюгарок, башенок и потешных садиков под стеклянными фонарями, на золотую россыпь крестов, церковных и соборных шеломов, которые своим морошечным отраженным светом дразнили само солнце, распустившее петушиный червленый гребень по всему окоему, где нежная травяная зелень уже сменялась голубенью. С хрустом проминая снег, оскальзываясь на прибрежной желтой наледи, приблизился наконец и весь неспешный табунок, нарушил неизъяснимую тишину раннего московского утра, пропахшего сиреневыми печными домами, жарко стеснился у майны, морща речное хлебово, отжимая закуржавленными боками нерослого белоснежного скакуна. Горностай не потух в этом слитно дышащем месиве сильных тел, но стал как бы бриллиантом на дорогом покровце. А там пригнали на водопой табуны Голицыных, Шереметевых, Трубецких, Одоевских; бедная река, вот-вот, кажется, выпьют тебя всю; прибыли веселые, насмешливые драгуны из полка Гордона и стрельцы стремянного государевого полка, они позывали на питье своих темно-гнедых, одной масти, рослых лошадей. А к портомойням на Неглинную уже стекались мовницы с коробьем, тащили господское бельишко на салазках, месили январскую воду багровыми ручонками, не боясь крещенского мороза; драгуны приставали к бабенкам с охульными присловьями, а девки воротили на сторону стыдливо зардевшиеся, клюквенной спелости щеки и хихикали, меча искательные потайные взгляды. Уже и на Воскресенском мосту возле лотков и ларей, лавок, столов и прилавков бойко затолпился торговый люд с харчевым припасом и питьем горячим, укутанным в овчины; он громко привечал утреннего покупщика, и зычные голоса мешались с лошадиным ржанием и хрустом каленых мундштуков и утекали к мельницам Китай-города, к Пушечному двору, пахнущему окалиной, к городским мыльням, озаренным желтым сполохом, и далее, на Самотек, к лубяному торжищу, сладкому от еловой и сосновой щепы...

Иван перекрестился на Кремль с любовию, обнимая взглядом радостную картину беспечальной, какой-то иной и недоступной жизни, которую рассмотрел вроде бы сквозь цветное запотевшее стекло шкатулки, с подскоком взлез на Горностая и охлупью, подбивая сплошно пятками в бока, погнал на усадьбу наметом. На полном скаку, испытывая всякий раз внезапно нахлынувшее торжество и упоение, отрок ворвался во двор. И, как обычно, кто-то из воротных приказчиков вскричал испуганно вослед: "Ах ты, детеныш! Убьешься же, лешак! Ну чисто дело, убьешься!" Иван смахнул с лошади, скаля сверкающую зернь зубов, темный чуб, выбившийся из-под мурмолки, был хвачен крутой изморозью. Глаза у парня были шалые, какие-то застывшие, в бешенине. Подошел дядько Бажен, стерегущий у конюшен, старый наездник, ноги кренделем. Защемив в

пальцах седатый с рыжа ус, сварливо остерег: "Ну, барин... видит Бог, не сносить тебе головы! Ведь хозяин, поберегся бы!" — "Эх, дядько! — вскричал юный боярин с внезапным вызовом, не переставая по-волчьи скалиться. — Будем живы, не помрем! Верно, старик?" Но тут же спохватился, попритух, сломал гордыню. Не загрызайся, — остерег себя отрок, — согни выю, не переломишься. Иван поклонился дядьке миролюбиво в пояс, искательно попросил: "Прости, Бажен Семенович, хвастуна. Гордец и от калышки коньей на ровном месте запнется до убойства". Повинился по-взрослому, обычным дядькиным присловьем. "Бог не выдаст, свинья не съест. Это верно молвишь. Но голова на что дадена? Лошадь-то добрую запорешь... Сам-то ладно... Кто с утра гоняет? — махнул рукой сердитый челядинник и осекся, оглянулся на господские окна: не дозорит ли Федосья Прокопьевна. Они понимающе рассмеялись. — Давай, коня холь да оприходь. Делу время, потехе час. Люби коня, как душу, и будешь всегда в чести".

С привычных путних слов комнатного дядьки Бажена начинался новый день отрока Ивана Глебовича.

* * *

Не дозволил Иван задворным конюхам своей лошади; не жалея рук, сам обиходил ее скребницей и щетками, протер насухо ветошкой, копыта прочистил, челку завил, поцеловал в сухой горбатый нос и в золотистом насмешливом глазу жеребца увидел вдруг себя, крохотного, кривобокого, с перекошенным лицом. Отрок беспричинно рассмеялся, набросил на Горностая потник, провел нежно ладонью по острому гребню, купая пальцы в шелковистой, сухо потрескивающей гриве, и второй раз за утро забылся на миг, обнявши любимца своего за лебяжью, с крутым выгибом шею, перенимая щекою лошажье чистое, какое-то по-особенному терпкое домашнее тепло. Отрок любил эти утренние часы, когда доброрадное, охотное дело приканчивалось и можно было позабыто полодырничать в конюшне, овеянной густым запахом опилок и конского пота, выметанного наружу навоза и сенной трухи, дегтя и сыромятных шлей, — тем особенным духом двора, что проникает в душу каждого отрока, здорового плотью, уже выпроставшего из детских окуток и тревожно вставшего на пороге вечной, незнаемой жизни. На улице трескучий крещенский мороз, там в хлопотах прозябает дворня, и мать, как наседка, дозорит каждый шаг челядинника, а здесь, в деннике, ты сам по себе, свободный, сильный и уже матерый. В соседнем стойле всхрапнула жеребая кобылица, пугаясь дворового хозяйнушки, ударила копытом в ясли, и с подволоки, где было наметано сено и подвешены веники, посыпались по сторонам заполошные воробьи. Отрок очнулся, нагреб в кормушку провеянного овсеца из липовой кади, приторкнутой ко входу в денник, и тут увидел, как появился в воротах в клубах морозного дыма дядько Бажен, нагруженный лошадиной справой. Значит, уже побывал в конюшенной казне и получил у стряпчего конскую сбрую, и сейчас примется струнить отрока за мешкотню и всякую промашку, будет часа два снимать с воспитанника кислую шерсть, вбивать наездничью школу.

"Снидать пора, а у тебя и печь не топлена. И-эх! Чего не собратой-то? Нет, не стоять бровям выше лба. У тебя тятька не экий был, не-е, — заворчал старый Бажен, бывший боярский оружничий, и с каким-то горючим страданием призатенил бровями взор; а сам, ну и хитрован, уже схватил приметчивым взглядом и денник, посыпанный свежими опилками, и жеребца, обихоженного с любовью и тщанием, и остался вельми доволен; вон и челку накрутил, как девка на выданьи. — Не нами молвлено: не быть бабе мужиком, а курице петухом. Скоро мать за книжки тебя кликнет, к старице Мелании в науку; а у нас не езжено — не брожено, у нас еще и конь не валялся. Напрасно хлебы ели", — брюзжал дядько. "Ну, будет тебе, скрипишь, как старая телега", — укорил отрок, нимало не сердясь на воспитателя, с младенческих лет помня его похмычки. Почитай, с зыбки тетешкан челядинником, выпестован на его коленях, да и не раз исколот вот этими шершавыми, как поречная осота, усами и скобленым подбородком. Увидев, что дядько вознамерился сам седлать лошадь, ловко перехватил повод и мягко, но решительно выпихнул слугу из денника: "Сам с усам..." Старик опустился на кадь с овсом, достал из зепи крохотную костяную табашницу и набил норки едучей крупою. "Ты мамке-то не закладывай, слышь? — попросил отрока меж раскатистыми чихами. — Ябедники-то нынче не в чину. Ябедников в котле со смолою варят... Матёрая-то бояроня прочь погонит, дак куда денусь? И не

жалко станет? — вдруг воскликнул дядько, прочихавшись. — Знай, баженый, рядом со грехом завсе живешь, да под грехом и сдохнешь, как ни величайся. Вот глянь на меня! Всем взял, — хвастливо выпятил грудь дядько. — Брони веком не нашивал и войлоков не вздевал, но под щитом не бывал и копьем не потчеван. Потому как труса не праздновал. А проклятая во́ня сокрушила хуже сабли агарянской. Под Полоцком были с твоим батюшкой. И вздел я на пику шляхтича, как торбу с овсом. И взял у мертвова униата всего и дувана-то вот эту скрыню. И с той поры пью таба́ку. Воистину згадал возле килы мозгу искати, дурень. Отец твой тогда трупки привез курительные, так ты не прикладывался к ним?" — дядько округлил из-под вислой брови совиный щупающий глаз. "Да ты не сдурел? — искренне удивился отрок. — Я аду боюся". — "Бойся, бойся, сынок. В аду сидеть куда хуже, чем драгуну на пике..."

Тем временем под воркотню отрок умело убрал Горностая бывшим отцовым нарядом, уже изрядно поистертым на долгих государевых службах; прежде эта сбруя была праздничной, выездной, шла на посольские встречи и царские пышные походы по монастырям, на дворцовые охоты и на военную нужду, когда царев шатерничий во всем своем великолепии виден с любого краю боя. По чину и снаряд. И вот преставился Глеб Иванович, отдал Богу душу бывый новгородский воевода, а справа перешла к единственному чаду в каждодневную науку. И арчак с высокой передней лукою, оправленной в черненое серебро, и подпруги, расшитые волоченым золотом, и войлок, опушенный бархатом и обшитый алым сукном с плетеными кружевами, и высеребренные стремена, и червленого бархата покровец, обвитый золотыми галунами, и шлея с шелковыми кистями-наузами и ворворками — весь этот убор, несмотря на туск, потертости и проточки от походных дождей, крови и сабельных ран, еще сохранял приметы былого богатства и славы. Аргамак, пригнанный из ногайских степей при жизни старого хозяина и незадолго до смерти купленный из табуна за шестьдесят пять рублей, стоил такой щедрой украсы. А когда отрок поверх узды водрузил еще и ухват из шелка с кистями и бубенцами, то белоснежный скакун, возгордясь своим богатством, высек копытом из опилок клубы праха и заливистым ржанием возвестил конюшню о себе, завлекая охочих до мужских прелестей кобылиц...

"Отец на тебя сейчас смотрит с неба и не нарадуется", — вдруг с грустью промолвил Бажен, и эта похвала показалась отроку слаже меду и воскрылила его. Он поспешил в каменные полаты в свой чулан за опочивальню, где хранилась в ларях оружейная казна. Собраться отроку — одна минута: кафтан из объяри поверх зипуна, сапоги сафьянные с короткими голенищами и гнутыми носами надернул поверх беличьих онучек, притопнул раз-другой, подбивая ступню, чтобы ладнее легла она. Ой хорошо! А в груди жар нетерпения, словно бы там с восковой ярою свечой кто заблудился случайно и сейчас трепещет в безмолвном крике, отыскивая выход. Опоясался отрок татарской саблею, с правого боку к лосиному широкому ремню приторочил кривой кинжал в тугих ножнах, закинул за спину бухарский саадак, обтянутый атласом. И пока сряжался, все как бы чувствовал на себе отцов ласкающий взгляд. Отрок даже несколько раз обернулся на дверь, чтобы поймать, откуда истекает он... Когда-то, давным-давно, вернулся с государевой охоты отец, а он, Ивашко, выскочил на крыльцо встречать батяню, путаясь в собственных расхлябистых ножонках, пухленьких, в перевязках, и отец подхватил падающего сынишку и впервые подсадил в седло, как в зыбку, и оставил в нем; Ивашка поначалу устрашился, не чуя под собою земли, далеко отлетевшей прочь, и испуганно ухватился за луку, а после счастливо засмеялся неведомо чему, ибо небесная твердь вдруг оказалась рядом, и головушка взнялась под самый весенний блескучий облак с возлежавшим на нем беловолосым ангелом.

... На голубом, хрустком снегу аргамак казался жар-птицею. Едва коснувшись стремени, отрок взлетел на конь, заохорашивался в седле, как тундровой кречет, оправляя складки кафтана и налучие, и кистень возле ноги, потом приторочил к указательному пальцу левой пятерни повод, а неизменную спутницу верхового бойца — крученую плеть — навесил на мизинец левой меховой рукавки. Ну, чем не боец?

Дядько Бажен придирчиво обошел кругом, проверил подпруги и коротко натянутые стремена — и остался доволен; вот и сам, наконец-то, неторопливо взлез на малорослого пуздрастого мерина; в заячином тулупчике, крытом домашней крашениною, да суконном валяном колпаке с беличьим околом, он ничем не напоминал служилого стремянного конюха и боярского оружничего, многажды стоящего на ратях. Мороз скоро прохватил христовенького, и старчески сухое,

изморщиненное лицо покрылось сизым налетом. Да, годы и орла поднебесного к земле клонят, изъедают суставцы и мышцы.

Сиверило, натягивало студеным ветром из-за Москвы-реки; в снежных застругах, на склонах высоких забоев, нагребенных к стенам дворовых служб, тесно опоясавших усадьбу, в затульях амбаров таилась густая синь, отороченная золотистыми подзорами. А в небе солнце играло, изливало на долы ярый пыл, убирало христовенькую землю в невестины кружевные наряды; как мила, приглядчива изукрашенная Божьими пеленами зимняя тихомирная Русь. Господи-и, хорошо-то как! баско! — невольно вскричало отрочье чистое сердце, и взгляд юнца сам собою увлажнился. Ангелы веют; слышишь, как шуршат крылами?

...Отрок приподнялся в стременах, пробуя подпруги, повод и боевой убор, пообсмотрелся рассеянно вокруг, вполуха дожидаясь дядькиного зова, и тут из-за церквы Параскевы, тускло-зеленого купола ее, стремительно отразился слепящий свет от золотой крыши княжьих палат Голицынских, ударил Ивана в зеницы, и отрок вдруг накоротко сомлел, что не случалось ранее, забылся, будто ошавили его кистенем в темечко. Но слабость тут же и пропала, пелена снялась с глаз. Да и что случилось-то? Да так, поблазнило. То мужиком делался отрок.

И ничто в короткий миг не переменилось вокруг. По-прежнему овеянный духмяными белесыми печными дымами гордовато выглядывал из-за высоких стен царев Двор; возы с сеном и дровами, рыбою и жженым углем мерно волоклись по Неглинной, заворачивая за житенный ряд, мимо стрелецкой слободы, а оттуда к мельницам, на Кузнецкий мост; воробьи толклись на убитой дороге, усыпанной рыжими коньими яблоками; колючие змеи, струясь, изтиха ползли по болоту к усадьбе Морозовых, просачивались под наглухо запертые ворота, обвивали копыта белоснежного аргамака.

...Чего медлит, время тянет? — очнулся Иван. — То гнал, как на пожар, а тут — уснул. Оглянулся. Челядинник, покачиваясь в седле, гнусил: "Гришка ключник, ой да злой разлучник..." Старик замолчал, потянул носом; от поварни вкусно пахло саламатою. Приказчики, злодеи, разговляются втай, да и по чарке пропустили. Зажилили старику. Эх! Уж припомню, как ли науськаю хозяйку... Почуяв торопливый скрип снега, дядько Бажен приоправился в седле. Крепко бит жизнью челядинник, твердо усвоил он: уж коли заведен в усадьбе порядок, то и смертью ближнего не сместить его. Вот и ждал матерую вдову на проводы. А езды-то всего в дальний кут двора.

Подошла Федосья Прокопьевна в бархатном вишневом опашне на соболях, шапочка-столбунец из бобра-кашлота, каждая серебристая ворсинка искрит на солнце; но лицо постное, измозглое какое-то, блеклые губы, забывшие снадобья, горько припущены. Но сына увидала — растеплилась, расцвела, как маков цвет, и сразу свои лета выдала; молодая вдова сама себя натужно старит. Взялась за сыновье стремя, выпростав руку в прорезь длинного, до пят, рукава, подняла взгляд. Ой, ее ли сын-то? Неуж из ее постной одинокой утробушки когда-то выпал по Божьему благословению, да и оперился незаметно? Писаная картинка, не одно девичье сердце в светелке сгорит. Отрок в лисьем малахае, и лицо его от огневого меха особенной невинной, льняной белизны, и лишь щеки слегка хвачены морозными румянами. Сросшиеся пугливые брови в тонкую смоляную нитку разбежались к вискам, медовые глаза, как два янтаря, нос сухой, пережимистый, с горбинкою, из темно-русой смушки выглядывает обручок золотой серьги.

"Ты что, мати? Чай, не видала? Иль замстилось? — улыбнулся сын. — Заморозила нас. У дядьки Бажена, погляди, уже и вожжи размотались до ушей".

"Куда собрались? — пропустила Федосья насмешку. — Мороз плящий, земля колется, а вас как черт толкает".

"Охота пуще неволи, госпожа. Не быть курице петухом; обмерзнет, дак не протухнет. Мужик ведь! Не с черницами же ему бабиться?" — челядинник тронул лошадь.

Федосья Прокопьевна отпустила стремя, напутствовала властно: "Ну, с Богом! Да за сыном-то поглядывай, Бажен. Смотри мне! Шкурой ответишь!"

Отрок поскакал, красуясь пред матерью, брызгая осторонь оследьями мерзлого снега. Стряпчие конюхи и многая челядь, что были во дворе, любовались господином, радые за бояроню. Дядько Бажен смолчал на остерег, не пообидясь, потрусил следом. Да и что возражать? самому парнишонок за сына, на коленях возрос. Малорослый мерин с ветчинной шеей и черною гривой до шенкелей трюхал неохотно, екая селезенкой. "Дурни неугомонные, — думал конишко, —

в экую погоду добрый хозяин и собаку со двора не спустит". Куржак сразу обметал влажные бархатные губы и заводные кольца железной закуски, кудряво нарос на ресницах, сосульки от пара протянулись из ноздрей. "Даже водовозная кляча сегодня под крышей у охапки сена, а тут?" Дядько Бажен расслышал думы мерина и для острастки поддал плетью.

На махах пересекли просторный двор и застывший сад, обогнули хижу старицы Мелании, огрузнувшую в снега по самое оконце, из сугробца на соломенной крыше едва виднелась черновинка дымницы и сажное пятно на охлупне. В дальнем углу усадьбы, глухой оградой выходящей на пустырь, где прежде был Опричный дворец, и был выбит ток для молодецкой забавы и игрищ, слажены туры из тростниковых корзин, набитых песком и каменьем, наставлены на шестах чучалки из ржаных снопов и тряпошные куклы, да вкопаны прясла и нашести для скачек, да сбита из снежных кирпичей невеликая крепостца с бойницами. Были срублены и турусы на полозьях, деревянные подвижные башенки, с которых Иванейко и пытался овладеть крепостцою, а комнатный дядько отбояривался, как мог. Глухое затулье, невидимое чужому догляду, где барич игрался для науки; ведь скоро в стольники во Дворец под государеву руку, а там, при случае, и в ратный поход. А наездничье ремесло, взятое впрок у лихого степного татарина, просит стоящей закваски, закалки, розмыслу и совершенной искусности, чтобы однажды и врага одолеть в бою, и самому живота не лишиться. Ведь всякий русский дворянин для рати рожден и до смертного часа правит службу, как того Бог и царь-отец велят...

* * *

Мороз страшен ленивому, раздетому да болезному; здорового человека мороз пуще вина горячит, лишь дай сердцу азарта, и тогда пот скоро оросит чело и станет вдруг жарко, как в бане.

Отрок заткнул меховую рукаву за пояс, наотмашь перетянул скакуна плетью, с гиканьем разогнал по бродной кулижке, по размешенному копытами снегу, обжигаясь ветром и не чуя его; из-за спины выхватил из саадака лук и яблоневую стрелу, на скаку вправил ее в тетиву, вцепившись пальцами в костяную вырезку, развернулся в седле и послал стрелу почти из-за плеча в тряпошную чучалку, высоко вздетую на шест. Ах ты, размазня, промазал, угодил в белый свет, как в копейку! Стрела со свистом увязилась в еловой плахе ограды, трепеща кречатьим пером. Отрок развернул лошадь и снова пустил ее в намет, сердце зябко сжалось, потерялось в груди от восторга; в этот заезд он успел пустить две стрелы, но лишь одна прошила ржаной сноп, задержавшись в соломе костяным ушком. И тут дядько Бажен остановил горячку. Ивану-то чудилось, будто он летит над снежной целиною, а за его плечами отросли два белых архангеловых крыла, выдирающие его из стремян, чтобы подъять в опаляющие воздуха, под самое солнце, сейчас ослепительно стекающее по голубому небесному отрогу. А на погляд дядьки он, оказывается, едва полз, и сидел растяписто, как квашня на лавке, и голову-то клонил, будто в молитве пред тяблом, и руки точно кузнечные клещи.

"Что ты торчишь, как баба на ухвате! — загорячился челядинник. — Дрын проглотил? Мужик ведь! Ты остервенись, чтоб закипело все внутри. А умом остынь! — кричал дядько, взлезши на стену снежной крепостцы. — Ты сам за стрелою-то поле-ти-и, сынок! Заразить надо! Иль ты, иль он. Распались! Вот ты гонишь басурмана, ага, нагнал, и... р-раз! С десяти сажней не попасть — это ведь курам на смех! — Горностай, почти слившись со снегом, рыл копытом, выгнув шею по-лебединому, грива цвета весенней ветоши прокалилась морозом и стала седой. Отрок мешковато огрузнул в седле, слушал дядьку, не перекуя. Но азарт отчего-то иссяк, а сердце ссохлось. Мороз палил пуще прежнего. Отрок забыл надеть меховую рукавку, и пясть онемела. Привратная сторожа глазела, лыбилась, слушая стариковскую воркотню. И то, что его честят при посторонних, особенно укалывало Ивана. — Заснул? Ехай, ехай! Выше подберись. Чтоб как сокол на пеньке! Крутися-крутися, чтоб все видать. А-а... вон за спиною вражина! Сейчас наколю... Ну-ка, дай я. Думаешь, дядько Бажен труха? Не-е!" — челядинник стал неловко, по-стариковски спускаться с крепостцы по откосу зальдившейся стены, боясь окатиться. Но отрок, не дожидаясь наставника, с осердкою, грубовато повернул коня, хватил его плетью, пустил в галоп, окоченевшими непослушными пальцами едва натянул тетиву и послал стрелу в чучалку, обши-

тую бараньей кожей. В полпути лета отрок уже верно знал, что попал. К костяной вырезке под кречатьим пером был приторочен рубин, солнце упало на камень, и показалось отроку, что капля крови выточилась из цели. На полном скаку отрок вдруг осадил лошадь, вздыбил ее, беспричинно раздирая удилами нежные загубья; Горностай осел, хрипя, ища опоры в снежных зажорах, и повалился на бок. Отрок едва успел освободиться от стремян и безнадежно, рыхлым кулем полетел с седла. Горностай тут же вскочил, безумно косясь на лежащего седока, и побежал встречь челядиннику. А отрок остался лежать.

В голове его вдруг просторно стало, ослепительно ярко, и за белой солнечной вспышкой, щемящей взор, прояснилась непонятная черновинка, потом прорисовался истомленный человек с кроткими проваленными глазами. Отрок понял, что это его отец. "Тятенька, Глеб Иванович, возьми меня к себе!" — взмолился отрок. "Рано тебе, сынок", — глуховато, с необыкновенной ласковостью ответил отец. И тут снова горнее пламя разверзлось столбом и потухло сразу, загасло, и в голове затмилось чернотою...

"...Ой, убился! — вскричала сенная девка, вбегая во двор. — Молодой хозяин убился!"

Боярыня вместе с ключником и дворецким были на ветчинном погребе, где стряпущие брали на поварню мясо на дневной обиход и тут же рубили на колоде и вешали на безмене окорока и говяжьи полти, да языков вяленых снимали вязками с сушил, да свиных рулек нагребали из кади для рыбной саламаты; да в то время привезли из подмосковного Зюзина два воза говяды и свиных колбас, и приказчик весь расход и прибыток итожил в амбарной книге, разложившись с бумагами на перевернутой бочке-сельдянке, подсвечивая себе слюдяным узорочным фонарем. Да тут же и дворецкий Андрей Самойлов прибавлял свету медным шенданом, чтобы не стало ошибки в весе. Дюжие холопы меряли мясной привоз из дворцовых сел, и боярыня сама не сводила глаз со счета, стережась плутовства; она особенно следила за оброчными записями, чтобы, упаси Бог, не случилось проторей и убытку в ее обширном владении.

Тут-то, как бы над самым ухом, и вскричала оглашенно сенная девка Палага: "Матушка-государыня, молодой хозяин убился!" Появилась в распахнутых воротах, черная, как ворон, и взвопила по глупому бабьему умишку, как велели передать: "Ой, юный господине убился!"

Обмерла Федосья Прокопьевна сердцем. Умом пропала. Но сразу и спохватилась, побежала на широких махах через сад, сбросив с плеч тяжелый опашень.

Дядько Бажен стоял на коленях подле отрока. Завидев боярыню, вскочил, в лице — немой страх. В иссекновенном морщинами лице — мука и сама смерть. Иванушко, Богоданный сыночек, безмолвною рыбкой лежал на снегу, скрестив на груди руки.

"Что стряслось-то? Что с ним сталося? — вскричала Федосья, едва переводя дух. Челядинник отвел виноватый взгляд. — Злодей! Ты же сына моего убил..!"

Боярыня выхватила из рук челядинника плеть и хлестнула наотмашь, высекла из тулупчика клок крашенины и заячиного меха.

"Казни, матушка, дурака. Век молить стану. Казни глупого", — старик повалился на колени, покорно подставил спину, и боярыня, лишившись разума, принялась полосовать по безмясым ребрам, не видя, куда угождает ременная витуха из лосиной кожи. Но рука скоро отвалилась, онемела в плече, и боярыня метнулась к сыну. У Ивана лицо было белее погребального савана, глаза плотно сомкнуты, и в обочьях разлилась темная синь. Смоляные брови уже посветлели, хваченные инеем, и снежная пыль, не тая, посыпала виски. Усы как-то враз отросли, загрубели в один миг; пред боярыней лежал уже не отрок, но матереющий вьюнош.

Вот и сон в руку. Гос-по-ди..! — беззвучно взмолилась Федосья Прокопьевна и прошептала, уливаясь слезами: "Сынушка, не помирай..."

...В провальной темени зажегся крохотный лодейный фонарик и, зыбко покачиваясь и подмаргивая, поплыл из глубины навстречу, разрастаясь и светом своим одушевляя померкший ум. И вдруг откуда-то извне, наверное с небес, донеслось призывное: "Сынушка, не помирай..." Отрок открыл беспамятные глаза, увидел над собою матушкино плачущее лицо и молвил, улыбаясь: "Мама! Как сладко помирать-то..."

Слуги раскатали овчинную полость, собрались родименького нести на руках. Но отрок встал и, оттолкнувши дворню, сел в седло и поехал к дому верхом. Мать же шла возле, ухватившись за стремянной ремень.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Воистину: сегодня на пиру жизни хмелен и речист, а завтра во гробу повапленном нем и студен, как отколыш льда. Заградить бы сына такою бронею, чтобы всякая черная несыть споткнулась у входа и иссякла в прах. А что может быть крепче молитвы? Молитва — стена граду...

Бояроня уединилась в постельной комнате. Сняла ковровый покровец с крайнего кипарисового сундука, что напротив кровати, где хранилась ее белая казна, в подголовнике в красном углу под поклонным крестом нашарила фигурный ключ. Тяжелая крышка, сверху окованная железными лужеными полосами, отпахнулась со звоном. Федосья Прокопьевна придирчиво, с некоторой опаскою взглянула на верхнюю полотняную ширинку, покрывающую белье: нет ли на ней подозрительного пятнышка, иль странной кровяной проточки, иль трухи, насоренной древоточцем, иль крохотного тайного узелочка со злым наговорным кореньем. Но, слава Богу, ничего кощунного не углядела, никто кроме хозяйки в сундуке не копался; и стала бояроня шариться в белье, в слежавшихся накрахмаленных складках простыней и наволок, утиральников и ширинок. Надо было чем-то занять руки, отвлечь от грусти перепуганное сердчишко. И вместе с тем она верно знала, зачем уединилась в опочивальне бездосужно. Неожиданной грозой средь ясного зимнего дня приударило над головой боярони, и этот испуг надо было пережить в тиши, чтобы не ополчиться на безвинных и безответных, на ком так легко сорвать зло. Из глубины сундука пахло старинным смуглым деревом, сандалом и амброю, восточной таинственной землею, где живут остроголовые люди и откуда веницейские купцы с опаскою для жизни притартали эти сундуки. Бояроня погрузилась до дна и, не найдя потребного, распахнула второй сундук; отсюда пахнуло гуляфной водкою и росным ладаном; здесь среди поясов золотого и серебряного шитья, атласных коротен, шелковых фиолетовых летников и объяринных червчатых сарафанов лежали благовонные свечи, дающие того сладкого неповторимого аромату юности, от коего навещает нежная печаль и самую бесхитростную душу. Как быстролетно время... Вот она, лопатина, в коей хаживала на посидки и супрядки, ступала горделиво в головах большого хоровода, сама вышивала оплечья и огорлия в светлице, мечтая о суженом. И вот все — как в воду. Из сундука пахнуло девичеством, плотию, утехами, праздником. Эта скрыня вдруг напугала Федосью: от нее истекало любодеянием, искусом, грехом, непомеркшими страстями. Бояроня торопливо захлопнула крышку и перешла к третьему сундуку. Из него терпко, радостно окутало елеем и восковым тленом. Сверху лежала власяница, грубая рубаха из черного коньего волоса, которую Федосья Прокопьевна намедни сама и выткала, но ни разу не надевывала. Тут же жили сорочки простые, безыскусные и нарядные, порты и рубахи мовные, исподницы и наряд подвенечный, а внизу береглось смертное из домотканой холстинки, что приготовила бояроня еще в первую зиму, как скончался муж. В смертном-то на самом дне сундука и отыскалась "Душа чистая". Икона была в тяжелом серебряном чеканном окладе со множеством драгих каменьев в гнездах, дареная царицею Марьей Ильинишной в день крещения младенца Ивана Глебовича Морозова, коему государыня стала восприемницей, крестной матушкой.

Бояроня расстелила власяницу на коленях, сверху пригрузила иконою. Она уже позабыла образ, да и толком не помнила его, сразу поместив дорогой подарок в скрыню, чтобы не пал на "Душу чистую" чей-то лукавый прельстительный взгляд, что невольно бы отразился и на сыне; может, потому и вырос Иванушко чистым, как родниковая криница, прозрачным, как голубиная слеза. Вот и пришел час обнаружить государынин гостинчик, объявить сыновьему глазу драгоценный посул, этот неиссякновенный Божественный родник, чтобы никогда отныне не снимал отрок своего взора со святого образа и ведал, какой участи уготована ему тропа. Бояроня облобызала ризы и стала считывать с иконы украсу, вдруг обнаруживая и для себя вещий смысл и будущий урок, к коему приуготовлялась, наверное, с малых лет, а короткое незавидное замужество стало лишь случайным отвилком, распутицей на крестном пути. Ах ты, Господи, прости грешницу и помилуй!

Икона имела надписание: "Душевная чистота яко невеста преукрашена всякими цветами, имея на главе венец царский и сияющ солнечными лучами..."

* * *

Иноческая кольчуга жгла колени.

Она, мирянка, исполненная тщетных житейских забот и вседневного мелкого греха, свар и пререков с дворнею и досадительства с близкими домашними своими, может ли она облачиться в иноческий покров сестер Христовых, что доспевают в тиши келий для радости будущей?

С этой думою Федосья Прокопьевна положила икону на сундук и подошла к резному столику в вензелях, на курьих гнутых лапах, привезенному хозяином из польского походу, раздвинула стоящее на нем зеркало трисоставное с затворы, навроде складенька, опушенное темно-синим английским сукном, и, приложив власяницу к груди, с каким-то отчужденным пристрастием поглядела на себя. Но увы! в зеркале отразились лишь блазнь и чары. Выколоть бы себе глазищи челноком, как святая Мастридия, чтобы не видеть эти игриво припечалованные темно-карие глаза, зазывно яркие на похудалом от долгой поствы лице, и этот похотливый черный пушок над припухлой губою, и предательские вдавлинки на щеках, что вот-вот зацветут брусникою, только тронь их румяном. Чем еще изнурить себя, какой такой подвиг наложить, чтобы вытравить проклятущее естество, выжечь воспоминания о былом, иссушить лядвии, вытравить всякую пагубную тщету о летах будущих. В монастырь бы затвориться, навсегда укрыться в келии, да вот сын держит...

От черной власяницы взгляд Федосьи загустел, зажглися в глубине рысьи искры, а бледность скуластого лица стала разврастительной.

Перед зеркалом во множестве стоял вроде бы уже призабытый женский обиход, всякие коробочки, бочечки, тазики, чашечки, скляницы, черепушки с женским снадобьем, притравами и приправами; были тут белильницы и румянницы, обшитые золотом и серебром, низанные жемчугом и каменьями коробейки, да клеельницы и суремницы для подклейки и чернения бровей и волос, бальзамы и помады в ароматниках из рыбьей и слоновой кости, погребцы и шкатуны с фарфурными скляницами с разною духовитой водкой из царской аптеки; да по обе стороны зеркала были уряжены в печурах вислые полки, где стояли ларцы и укладки холмогорской работы и подголовашки с серебром и золотом, височными кольцами и гривнами, огорлиями, унизанными жемчугом и перстнями немецкой выделки. И от всего, как от девиц-временниц, несло любострастием, и каждая бабья хитрая причуда нашептывала искус и блазнь, пыталась по нахальству своему заместить собою и Бога, и славу его. Никогда досель бояроня не испытывала от домашнего обихода такого отвращения. Она выдвинула ящики в одежном шкафе и с какой-то брезгливостью, будто боялась замарать руки, ссыпала туда бабьи ухорошки, без чего никогда прежде и никогда в будущем не живала ни одна московская бояроня. И снова прикинула к себе власяницу, и впервые чин иноческий, о коем прежде думалось посторонне, с благоговением, вдруг стал неиссякновенным желанием и близким делом. Завтра бы и постричься! — таким нетерпением зажгло душу. Федосья Прокопьевна подхватила рубаху из коньей шерсти и пошла в мыленку, решив сейчас же без мешкоты облечься в монашью броню; тогда всякий кромешник отступит пред этой крепостью.

Она и ближних комнатных девок не позвала с собою, как водилось, чтобы приготовили мовное платье, да навели воды в липовые кади, да настелили летошнего сена на пол и набили туфаки. Сейчас всякий чужой глаз был бы за проказу. Мыленка у Федосьи Прокопьевны была своя, сразу за опочивальней, уряженная с толком и любовию, как того требовал чин и великое богатство. Банька постоянно была протоплена мягко, чтобы голова не угарывала, берестяный туес квасу был приспет, чтобы подкинуть на каменицу, поддать жару, да испить после омовенья. В сенях и самой мыленке горели изразчатые фонари, духовито пахло вереском. Федосья Прокопьевна споро разоблоклась в предмыленье, грудку белья прикрыла сверху власяницей. Мельком оглядела себя, каравашки приосевших великоватеньких грудей, еще не тронутых проточинами, с молочной белизны атласной кожею, и устыдилась своей несмиряемой тельности, сдобности; вишь вот, подумалось, похотливую ярость мясов не может выпить и самый суровый пост. Экая перепеча, на троих замешана, а одной досталась. Федосье стало мерзко от своей плоти и сразу расхотелось мыться, чтобы лишний раз не тешить ее, не потворствовать греху, разблажившемуся в утробе. Черт поманывает, ишь ли, в

баньку потянуло негодницу, на лебяжьих перинах в парку понежиться. Ах ты, мерзость сатанинская, падаль наисквернейшая! — горячо укорила себя бояроня, торопливо переступила в мыленку, в липовую шайку налила водицы из кади медным кунганом, но мыться все-таки раздумала, торопливо окатилась и вернулась в сенцы. Она вдруг решила, что измытому распаренному телу не достоит облекаться в духовную кольчужку, с коей и в гроб; тело должно быть скорбно и неотзывчиво к лиху и маяте, как дубовая провяленная плаха, и тогда монашья броня прильнет к каждой телесной волоти и сохранит ее от порчи. Ведь кромешнику и малой щелки достанет, чтобы проникнуть в телеса и, расшатав их, изъесть и душу саму...

Но любопытство пересилило и, робея, обжигаясь власяницей, самим сердцем глубоко переживая особенный миг, Федосья Прокопьевна посунулась в рубаху и замерла на какое-то время, кожей слыша суровость и черствость тканины, связывающей плоть, не дающей растекаться в избыточной воле. Бояроня опустилась на лавицу, привыкая к себе новой.

И тут дверь в мовные сени властно распахнулась, и на пороге встала жена деверя бояроня Анна Ильинишна, сестра государыни, ныне тоже вдова.

— Я тебя сыскать не могла. Обыскалась в дому. И девки сенные потеряли. Пропала хозяйка. — Голос у свойки пригрубый, гарчавый; так и дворню свою струнит, стекла в палатах звенят. Гостья подслеповато щурила горячие, наведенные сурьмою глаза, привыкая к мягким сумеркам, едва разбавленным цветным узорчатым фонарем. Шумная, зычная, она сразу заполнила собою сенцы, подозрительно озирая углы. Неспроста же затаилась? И тут взгляд упал на власяницу. Анна Ильинишна ущипнула за рубаху, не веря глазам своим.

— Чего дуруешь? Иль мне блазнит?

— Про што ты? — притворилась Федосья непонятливою.

— А то... Полвотчины отрезали и остальное отымут.

— Тебе-то что за болезнь? Иль и ты на мою гобину глаз положила? — отрубила Федосья Прокопьевна. Ей стало неуютно в страдательной рубахе под чужим доглядом. Показалось, что святая бронь, кою ковала в вечера, вдруг скукожилась, опеленала, готовая повязать и задушить хозяйку. Бесноватым такие же рубища вздевают, а после рукавами спутывают, чтобы сердешный сам себя не изгрыз. Она торопливо содрала сорочку, как чужую ненавистную кожу. Откуда взялась гостья? Как из воздуха выткалась, будто бесы наслали, чтобы глаз положить. Ведь как таилась, хотела новое рожденье себе положить в нынешний день, чтобы в страдный путь отправиться. А тут, на тебе, прискакала жаба на вертеле. И вдруг от этой неожиданной мысли Федосья Прокопьевна успокоилась.

— На, прикинь. Я толста шибко, а ты тонка, как спица. Поди, в самую пору, — протянула власяницу с насмешкою. Любит гостья сладко поесть и с того расселась, раздалась на стороны, как пасхальный куличик.

— Дурка ты, дурка! — отрезала Анна Ильинична, отталкивая Федосью. — Все вы, Соковнины, дурковаты. И княгинюшка такожде.

— Ты сестру мою не замай. Мне твои басни негоже слушать...

— А вот и послушай. Все вы, как старицы-белевки. Пехаетесь в землю, будто кто вас гонит... Сына-то хоть пожалей! Ты ему пути режешь. Он Моро-зов! Ты-то худородная. Тебя Глеб Иванович прибрал, и кичишься, царю миленькому перекуешь, А он терпит до поры...

— А ты... ты корова яловая. Вот. Квашня пустая. Иди, иди отсюдова, пока не наддала, — взбеленилась Федосья Прокопьевна. — Кто звал? Еще и учит, сплетница. Ты — отрезанный ломоть!

И не сдержавшись, пихнула свойку в спину, выставила за дверь, у гостьи алый сборник едва с головы не слетел. Фушкнула свойка, но ушла. Заплакала Федосья, запричитывала по-бабьи: "Насылай, насылай, злодеица, по мою душу воинскую спиру. Вьетесь вокруг, как вороны над падалью. А я вас не боюся. Я лишь суда Божьего боюся".

— Господи, прости меня, грешную, — шептала Федосья, заталкивая власяницу в печь; на загнетке еще багровели живые уголья, и скоро в мыленке запахло паленым, зашкворчало. — Вон бесов-то как томит да корчит, коли за пятки поджарить. И запах-то смрадный. Поделом вам, поделом. Не суйтеся в благочестивый дом...

Еще поплакала Федосья, но уже облегченно, и дважды погрузилась в кадь, смывая с себя оторопь и черный сглаз.

* * *

— Больно мати-то наподдавала? — участливо спросил отрок. Он был в червчатой шелковой ферезее, и свет от нее, стекая на чистое лицо, окрашивал малиною.

Рука дядьки Бажена, нависшая над шахматами, дрогнула. Он взглянул на господина уклончиво, но в глазах не было печали.

— Не переживай, сынок. От боя-то шкура ядренеет. И черви не заводятся. От битья-то кожа бархатная.

— И неуж?..

— Ей-Богу, — перекрестился дядько. — Иль не видал, как кожемяки лупят дубьем бараньи овчины? Только ошметья летят.

— Не слушай ты его, трепла, — вдруг откликнулась из запечья старица Меланья. Она сметывала холстины на рубаху, а отвлекаясь от рукоделья, читала юному хозяину из святых житий. — Он с молодых лет ботало.

— Молчи, старая мутовка. Каркаешь. Пропахла постом да елеем. С твоих запахов душу воротит. Чего торчишь? Шла бы к своим воронам, — невозмутимо отбрехивался дядько.

— Ох, непуть ты, непуть! Чего еще смелешь, старый? Это ты штями, да козлищем! Вонькой табашник. Ну и ну... Никогда не внити тебе в царствие небесное...

— Закаркала... Да я в нитку вытянусь, но взлезу поперед тебя.

Дядько Бажен поперхнулся и вскочил, отбив земной поклон вошедшей боярони. Так и стоял, согбенный, не смел поднять головы; седой сжелта клок волос свалился на лоб, на маковице глянцевая репка, уже изморщиненная. Бояроня легко, словно бы винясь, коснулась стариковской головы, но молвила властно, неуступчиво: "Ступай на погребец да проси себе чарку меду. Скажи, хозяйка велела. Ступай, изверг"!

Федосья Прокопьевна укоризненно взглянула на игру. Ой-ой, снова завелись в потешки; совсем испроказят детинушку. На доске застыли с дьявольским умыслом шахматы, костяные человечки, взрезанные на государевом дворе; сколько лжи в них, коварства и прелюбодеяния. Какое сатанинское игрище.

— Спрячь подале, — приказала, срывая чертенят в скрыню. — Худо следишь, Меланья. Все балуешь!

— Да повоюй с има. Я к ним с Богом, а они боком...

Отрок сидел молчаливо, откинувшись к стене, на тонком лице играли зори. Боярыня снизила голос.

— Сынок, ты случаем не зашибся? Ты матушку эдак не пугай, слышь?

— Да нет... Скружило с седла. Как в перину пал. Снег ведь.

— Ну и ладно. Мало ли что наблазнит. Не падешь — не встанешь, — успокоилась Федосья Прокопьевна. — А я тебе дорогой божаткин гостинчик принесла. "Душу чистую". Поставишь образок в спаленке в изголовье, чтоб пас тебя. В сундуке дожидал заветного часа, да, знать, час тот и грянул... А мы с тобою, Меланьюшка, навестим-ка Федотушку расслабленного, пусть вразумит...

Клосный Федот Стефанов появился у Морозовых лет четырнадцать тому, когда лежунец Киприян, озлобясь на строптивость Федосьи, забрал свой гроб и убрел обратно в Москву; предсказав царице сына, он пристал к государеву Верху и был принят на житье в десятку нищих, что обитали в подклети Дворца. Для клосного купили на Самотеке сосновый срубец, перевезли и поставили на мху возле въездных ворот с правой стороны. В печуре вереи был написан образ Спасителя, постоянно горела неугасимая лампада, значит, в этом дому почитают Господа; а возле нищего приют — значит, и блаженных тут возлюбили. Не сыскать православному дому большей защиты от укромников, всякой нежити и сатанинских сил, что вековечно упорствуют сронить христовенького во грех, ежели на их пути неустанно нищий страдает.

Келеицу погребло снегами, но дорожка к двери чисто выметена, из дымницы парит теплом, продух обмуравлен куржаком, на слюдяном оконце тафтяная ширинка. Срубец еще не утратил восковой желтизны, не заскорбел, не затлел черной плесенью, но лаково светился, как старая моржовая кость. Обихожен Федотушко, оприючен, грех роптать; лежи-полеживай, да молися за честной народ, чтоб крепко верил в Христа. На дверях кресты осьмиконечные начертаны дегтем. Сам клосный лежал на лавке, осторонь широкой печи, жарко натопленной, возле него хлопотала Божья дщерь Анна Амосова. Когда вошла бояроня, она

как раз прибрала клосного, обиходила тому поясную бороду гребнем и брови кустистые причесала, из-под которых высверкивали два крохотных льдистых зеркальца. Лоб высокий, покатый, переходящий в блестящую плешь, но лицо странно плоское, с плоским же широким, притяпушистым носом, как бы вросшее в темное сголовьице; и белье лежунца, и хламида — все скромного цвета, и оттого жиловатые набухшие кисти рук, сложенные на груди, и маслянисто желтоватый лик проглядывали из постели, словно вставленные в черную раму. Сейчас Анна Амосова, крохотная черница с младенческим изнуренным лицом, готовила клосному трапезу. Федосья Прокопьевна поклонилась образам, потом поцеловала нищего в лосный лоб и скрещенные руки, сказала с придыханием: "Дай Бог здоровья, Федотушко". Клосный не шелохнулся; упорно глядя в низкий, припудренный сажею потолок, отозвался тускло: "Еще не растрясла себя-то, не растрясла. Берегись, баба, коты всполошились..."

"Все так и есть, — подумала бояроня. — Вот и свойка ненапрасно прискочила, оследилась, котовишна".

На полу под образами стоял высокий серебряный шендан. Мелания воткнула толстую, в руку, свещу и зажгла. В изобке стало куда светлее, лики на тяблах заиграли, улыбаясь, Богородица подмигнула бояроне. Черница Анна Амосова копошилась, ей хватало дела с расслабленным, она-то и нянчила его неотлучно день и ночь. Положила в мису гороху зобанца, да отдельно в тарель капусты гретой тяпаной, полила конопляным маслом, водрузила поперек груди лежунца что-то навроде скамеечки и поставила еду. Федотушко взял капустный лист, прихлопнул его на лысину, а остальное брашно смешал и подал из горсти бояроне. Та, не дрогнув лицом, со смиренным взглядом приняла из ладони клосного неискусной постной ествы и поела с прежним умилением, чувствуя в груди горячее томление, словно бы причастилась крови и плоти Христовой. Отпустил Федотушко грехи Федосье Прокопьевне, а после и старицу Меланию покормил из пригоршни, как приблудную кочевую птицу, да и прислужницу не обделил. И стал есть сам, загребая из мисы пальцами неряшливо, рассыпая на одеяло и вытирая ладони о белье. Федосья дождалась, пока потрапезует ясновидящий старец, а после отослала из изобки черниц, сама обиходила рушником и лицо, и руки клосного, а помедлив чуть, спросила с дрожью в голосе: "Федотушко, рассуди. Мука мучит меня ежедень. Вот будто выпала из гнезда, птенец жалконький. Так смутно. И думно, не податься ли мне в монастырь. Пора спасатися". — "Черная риза не спасет, а белую ризу ересь уводит. Будьте мудри, яко ехидни, и нетленен, яко кипариси, и певки, и кедри", — ответил лежунец, не сводя льдистого взгляда с матерой вдовы и считывая ее мысли, как с открытого листа. И, решившись, спросила Федосья, ради чего и явилась нынче в келью: "Федотушко, счастлив ли будет сын мой?"

И прикусила язык. Ведь решилась саму судьбу выведать ранее положенного сроку. Но ничто не нарушилось в лице блаженного, лишь заросли бровей плотнее принакрыли жесткие глаза.

"Житие, а не роскошная масленица", — ответил Федотушко и отвернулся к стене.

Воистину женщина без мужа — что храм непокровен; ветр подует, и храм тот повалится. Федосья Прокопьевна, миленькая, ну кто тебя за язык-то тянул? Вот сейчас и стенай, живи с испугом до самой смерти.

Щетинку в кудри не завьешь, а сына опашнем не убережешь...

* * *

Бояроня в смуте вышла на крыльцо. Морозный пар курился над усадьбою. Солнце, как мятый мякиш от колача, комковатое, изжелта-белое, едва проступало сквозь мглистую дымку и уже скатывалось на ночевую. Челядь управилась с делами, и двор сейчас казался странно пустынным, вымершим, и дом со множеством башенок, светелок, галдарей и балкончиков, крытых переходов и резных дымниц, в чреве которого сейчас дожидалась властной хозяйки многая дворня, повиделся госпоже чужим и несугревным; она вдруг испытала похожее чувство, с каким однажды взошла на гостевое крыльцо, вылезши из свадебной кареты. Отчего же так вздрогнула, озлобилась душа? отчего взгляд боярони вдруг померк? И переводя остывающие нелюдимые глаза с надворных служб в глубь усадьбы, а оттуда на алую, с потеками зелени небесную твердь, Федосья Прокопьевна с каким-то отчаянием возвращалась на пепелесые овражистые снега, с последним

усилием обороняясь от нагрянувшей тоски. Державы не было подле, не на кого вдовице опереться. И подумалось снова, уж в который раз после смерти мужа: все впусте, все в прорву, и как ни сгорстывай в пятерню весь этот нажиток, богатый скоп, как ни упрятывай в скрыни собранную за долгие годы гобину, а она вот утекает меж пальцев, как мга, как прах тщедушный, словно дорожная пыль, иль этот морозный, сжигающий гортань пар. Все богатство мира не держава тебе, не подпорка в сей мимолетной жизни. Боже мой, как зыбко, ненадежно земное счастье, чтобы решиться строить на нем вековечный дом, полагая его за несокрушимую крепость. Сколько щелей невидимых, сколько продухов, лазов-перелазов, трухлявин и расселин, и табачных сучков, выпавших из древесной мякоти, чтобы можно было тайно пролезть укромникам в этот схорон и исподволь выточить, растащить по крохам.

Федосье Прокопьевне так вдруг загоревалось, словно сына уже потеряла. А ведь только и молвлено было Федотушкой о его судьбе: "Житие, а не роскошная масленица". Воистину, чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

Матушка моя, не впадай в уныние! Уныние и беспечность — сети диаволовы, они сладко уловляют в тенеты, а после и сокрушают в погибель. Ты что, зодейщик, считывающий по звездам течение судеб? Закоим с такой пристрастностью застреваешь в зыбкой сумеречной хмари, отыскивая скверные тропы чернокнижников? Видишь, как свет пурпуровый вдруг вспыхивает там, откуда наутро должно выпростаться Ярило? то сам Бог Саваоф изливает благодать, приуготовляя дух ваш и плоть ко грядущей ночи. Ложитеся спокойно, верные, ибо грядет Утро, и вы воспрянете. Все иссякновенно, лишь душа — вещь бесконечная.

Так растолковалось бояроне извне; невидимая нежная рука обласкала Федосью Прокопьевну, отогнала прочь гнетею, и болезненная хмарь, терзавшая сердце с ночи, вдруг источилась. Что за блазнь руководит мною? — вдруг легко рассмеялась бояроня, прикрывая рукавкою запушившийся изморосью рот. — Как старушка, ей-Богу. Уж и тени своей боюся... Ну, было, скатился сынок с лошади. Так с кем не случалось? Сын не младенец уже, да и конь — не зыбка...

В добрых чувствах вернулась бояроня в дом. Велела старице Мелании, не мешкая, собираться в город с подачею, как завелось в последнее время, а сама споро облеклась в овчинный шубняк, крытый синей тканиною, в коих любят бродить посадские бедные жонки, да размахай собачий надвинула на голову поверх черного плата, повязанного в роспуск, чтобы уши не надуло, да на ноги натянула валяные стоптанные сапожонки. Конечно, еще далеко Федосье до святой Иулиании, что вместо стелек набивала в обувку колотых черепков и ореховой скорлупы. Но и под такой нищей личиною, в этом затрапезном наряде поди признай верховную боярони, государеву свойку. В кошулю натолкала бояроня рубах тельных и верхних, что нашила вечерами вместе с домашними черницами, да из подголовья, памятуя о Божьем знамении, зачерпнула горстью денег серебряных, рублей с пятьдесят. Но как ни спешили обе, подгадали к своему времени; когда вытянулись украдкою из подклетной дверцы, на улице уже смеркалось и воротники запалили фонари. Сторожа, верно признав матерую вдову, нарочито отвернулась, чтобы не вызвать у боярони напрасного гневу.

У Моисеевского женского монастыря монашены торговали с лотков колачами да сайками, и Федосья Прокопьевна накупила хлебов, сполна нагрузила зобеньку старицы Мелании. Уже совсем темною Москвою выбрели на Тверскую, а оттуда дали крюка к городской мыльне, свернули на Пожар к городовым тюрьмам, по пути одаривая всякого убогонького. Приуставши, но с полегчалыми торбами вступили благодетельницы на Воскресенский мост кормить клосных и калик перехожих, что во множестве сползлись со всей Москвы, чтобы возле костров, горящих во всю ночь, прокоротать до утра. И для каждой копеечки из щедрой боярониной зепи сыскалась скрюченная пригоршня прошака.

Дивуйтесь, люди добрые! Еще не иссякла православными Русь, не закоростовела душа народа. Из мрака, из гнетущей отчаянной темени вдруг вытаится такая вот благодетельница и принесет с собою тепла и свету. Откуда, с каких краев насылает Господь милостивое сердце? Не таися, яви лик свой, угодница и заступница.

...Измерзшие, но радостные возвращались доброрадицы к дому. А там их дожидался обоз, наконец-то прибыл из сибирей духовник Аввакум, по ком сердце истосковалось. Растворили по приказу боярони ворота, усадьба разом ожила, осветилась огнями, и сполох этот улегся лишь за час до полуночи.

А Иван Глебович, не дождавшись матери, встал на вечерницу один и невольно

загляделся на образ "Душа чистая". Вот она — жизнь по благодати, начертанная на кленовой досточке изуграфом-постником; вот он — явленный путь в небесный вертоград; вот она — самая краткая написанная книга, где все явлено в безлукавной простоте, как себя повести, чтобы попасть в ворота горнего Сиона. Как светла Чистая Душа в этих царских багряницах с золотой коруною на челе, с чашею цветов в левой руке и с кувшинцем, из коего, не иссякая, льются слезы. И взгляду любовному пояснение: "Терние греховное слезами угаси". А с подолу иконы под ногами Души Чистой, повержены, угасают лев, змий и диавол. Внемли, Божий человек, сему уведомлению: "Постом и молитвою льва связа; смирением змия укроти; позавиде диавол добро ее, паде пред нею". В левом сумрачном углу иконы понурилась грешная душа, тьмою помрачена, дожидается, устрашась, вечной муки. И вдруг всхлипнул отрок, зажалев несчастного: представил он отца своего и вопросил, заглубляясь взглядом в клубящийся мрак, отверзшийся по-за иконою: "Татуш-ка-а... ты-то где, миленькой? Я так по тебе скучаю..."

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прознавши, утром наранях прилетела княгинюшка Евдокия Урусова, сестра Федосьина; от порога, как прорвало, заплакала, запричитывала, уткнулась Аввакуму в пеструю поясную бороду лицом прозрачно-светлым, как отбеленная льняная холстинка; едва оторвал протопоп от себя, вгляделся в дщерь духовную; под белесыми струистыми бровками — сияющие мокрые глаза, как спелые черничины, окропленные моркотным дождем, а губы — что поздняя осенняя клюква, хваченная утренником; вроде бы из породы Соковниных, но всем жонка на отличку — и кротостью, и обличьем, и станом, и плодовитостью; словно невесомая пуховинка, хотя и трех девок скоро приспела. Подумал Аввакум: "Куда тебе-то ратиться с антихристом, сердешная? Не в чем душе-то борониться. Но и то верно: воюют не брюхом, а духом. Мышку и стогом не задавит". И любуясь Евдокией, с какой-то неожиданной умильной сладостью оглядел страдницу и подал крест для целования, что во все последние годы не сымал с груди и в день, и в ночь, и приспекшиеся от счастия губы Евдокии замлели на серебряном теле Христа, потускневшем от лихого житья протопопа. И прошептала княгинюшка: "Дождалися затулья. Пусть приступают нежить и невзглядь всем войском, пусть копит антихрист ватагу свою у ворот; и им приидет свой черед, как костельникам-униатам, что толклися у стен святых Сергиевой Троицы, да ничто не приспели, окаянные. Отец ты наш истинный, заступничек. Теперь-то мы ничего не страшимся!" И Евдокия огладила широкие костистые рамена протопопа, туго спеленатые потертой ветхой рясою. И застеснялась своей порывистой ласки, и оглянулась в смущении, не надсмехается ли кто. Аввакум же вздернул бородою, сгорстал ее в пятерню, струисто процедил сквозь пальцы, на миг показал бурую жиловатую шею, кою не перехватить и дубовым стягом. И всхохотнул мягко, прибулькивая гортанью, поверив, что наконец дома; слава Богу, сломал дорогу, доволокся до места и семью свою дотянул в здравии. И сказал вдруг с нескрываемым самохвальством, проглатывая смех: "Пять лет в Сибирю за смертию волокся, вот так-то, бабы! Да три года опосля утекал от нее промеж орд иноземских. И всяко приставала ведьма: и с плетью, и дубьем, и тыном острожным, и пищалицей ратной, и стрелою басурманской. Да, видит Бог, отступилася, ваших молитв ради. Меня самому черту с рогами не перенять, не то ино. Ишо слабы в коленках!" И подмигнул. И все, кто сбежались в полатку, улыбчиво закивали, согласные с протопопом.

Тут народ стекся в трапезную, кто здесь постоянно кушивали, не по чину, но лишь по любви Федосьиной. Просили у батюшки благословения, падали в ноги, роняя радостные скорые слезы... Эко! Посреди-то престольной, под боком у государя устроила верховая бояроня затвор, скит на дому, ограду истинной вере. И царевы суровые приступы, все его недовольство — лишь в сплотку домашнему монастырьку, а все поносные речи, доставляемые для угрозы государевыми слугами, — лишь в усладу ревностному уху. Черницы сошлись в боярских хоромах, убегшие от лживой никоновой веры, да монахини путевые, кто попадал в свою обитель, да паломницы по святым местам, да убогонькие и нищенки, на ком запечатлелся Христов свет: всем сыщется места и ествы в просторной трапезной с глубокими печурами в стенах, заставленными серебряной да золотой посудою, с глубоким небом, расписанным чудными рыкающими зверьми и алыми цветами, да зреющим виноградьем, на коем средь винных спелых ягод живут райские птицы

с павлиньими хвостами; и широкие лавицы устланы червчатыми суконными полавошниками, и за просторный дубовый стол с резными витыми ногами и с кружевными подзорами влезет, не теснясь, не одна артель калик перехожих. Да в Божьем-то углу красно от икон, там лампадки бессонно курятся, и свечи восковые в стоялых шенданах своим жарким пламенем перемогают утренние сумерки; да на вислых полках братины и ковши, и штофы серебряные с финифтью, и достаканы, и кубки всякие заморские, скупленные на торгу, и чары с росписью, и часы с боем, и всякие тарели, и блюда медные, начищенные бесперечь квасцами и хлебной гущею, в кои можно глядеться заместо зеркал; да в стене, напротив обеденного стола, есть особая голубая дверка, и если открыть ее, то из приглубых пахучих недр, из подклети, где уставлена плитами и широкой русской пещью огромная поварня, на особом подъемнике всползет на подносах всякая ества, что прилучится согласно буднему иль недельному светлому празднику, иль суровому затяжному посту. И приказчик в синем зипуне и в мягкой поярковой шляпе уже готовно застыл у той дверки, чтобы принять снизу брашно и отведать всякого кушанья на случай сглаза, проказы и скверны. Да трое слуг у стены дожидаются приказа таскать на стол утреннюю выть...

Наконец явилась и матерая вдова. Заради гостя разоделась, словно бы к любовнику вымчала на передызье, вся собою как розовый куст: на плечах душегрея лисья, на ногах ковровые черевички, шитые жемчугами, на голове сборник из веницейской камки, и щеки цветут от алого шолка, словно бы усердно натертые румянами. Вот как бы посреди серенькой северной болотистой ворги с чахлым мелким сосенником вдруг выпростался волшебный куст цветущего кипрея с зазывистым султаном. И фиолетовые сумерки за обледенелыми оконницами расступились, сразу развиднелось, и сквозь стеклины просеялся утренний размытый свет. Не в женитву ли собралась баба? небось присватал добрый молодец, иль дородный вдовец из царского Верху, наверное подумали старицы-черницы, готовно подымаясь с лавок, и всякая из монахинь и прошачек, что угодили к тороватому столу, покорно склонила голову. А и то, госпожа, великая бояроня-мироносица, жадобная заступленница вошла и принесла солнца. И вместе с радостью и зажалели Федосью Прокопьевну, когда повидели, как молода еще, ядрена баба, в самом соку, в самом росту. Две головни дак и в поле дымятся, а одна и в печи до времени тухнет... А протопоп хоть и раздул сердито усищи, и вспушил бороду, но и сам невольно приободрился, воспрянул длинным костистым телом и цепко разогнал под широким лосиным поясом тесную ряску, приубрал ее назад. Только Федосья Прокопьевна ничего не заметила и, решительным взглядом обежав застолье, все эти уксусники и хреноватики, и серебряные солоницы, и чары, и братины, тоскующие по медам, и полуведерные ковши с квасом и корчиками, навешанными по бокам, горящие тусклым заревом, отраженным от камчатной богатой скатерти, — довольно хмыкнула, взмахнула кисейными просторными рукавами сорочки, как птица-лебедуха: “Дай Бог здоровья, гости сердешные!”

Помолились Христу, принялись за кушиво, почитай, человек с пятнадцать. Федосья сама — во главу стола; по праву руку — протопоп с протопопицей, ибо попу да киселю за столом первое место; по левую руку — княгинюшка, за ней — дворецкий Андрей Самойлов, цыганистый мужик с дремучей бородою кольцами. Спросила строго: “Спосылано за молодым хозяином?” — “Спосылано”, — ответил дворецкий и перевел взгляд к дверям. У порога торчали два клюшника за посылками, люди не простого звания; их дело в сени указать дворовым, чтоб спешили по кличу с хозяйской заботою. Клюшники поклонились молча: де, уведомлено. Федосья замялась: ждать-нет сына? Взгляд замглился, потемнел, пожевала губами, взмахнула рукою, де, подавайте еству. Столовый приказчик распахнул дверцы, расписанные репьями, взялся за вороток, извлек из поварни брашно... Пируйте, гости дорогие! вас на двор к Морозовым сам Христос послал; всякому нищему у боголюбицы сыщется кус! Притащили слуги житней саламаты со шкварками в сковородах, да в рассольниках паровой севрюги с Волги, да тыквенных оладушек на конопляном масле, а запивали квасом из астраханских дуль. Ради привального разнес виночерпий по кубку романеи, и монашены, вздыхая, пригубили сладенького. И всяк ел, не чинясь, как самый знатный московитин, ибо за Федосьиным столом нет ни худородных, ни кичливых, но все Христового звания. Сама же вдова отломила от папушника, отлила в корчик постного маслица, присолила и стала макать хлебом в задумчивости. Тихо за столом, слышно, как муха пролетит; только нищенка с дальнего краю все охала и вздыхала, озирая стол голодным взглядом, торопливо прибирая из рассольника щепотью

куски севрюги, громко чавкала, перетирала замлелое рыбье звенышко беззубыми деснами. Туманилась Федосья; скор, переменчив ее характер, будто северный ветер-падера: наскочит, как вихорь, на море, взморщит воду, нагонит частую сбойчивую волну, да тут же и схлынет обратно в береговые укромины под глинистые кручи... И вдруг взглянула скоса на протопопа, на его просторный масляно лоснящийся лоб с широким пустынным заливом до самого затылка, где прежде непролазною чащею вставал русый волос. И удивилась этой перемене, зажалела Аввакума.

— Плехан ты у нас, батюшко, — мягко заметила Федосья, скоро отмякая.

— Годы-ти мучат, да и учат. Я не соколик, да и ты нынь не молодка. Уж сын женихается... Господь мне ума прибавляет. Да и без волос, Прокопьевна, куда легше: ни гребешка не надо, ни мыленки. Не по чужим сголовьицам растряс. То Спаситель увидел мои страдания и облегчил жизнь, — безлукавно ответил Аввакум, зачистил сковородку окрайком хлебины, а крошки ествяные со стола смахнул в горсть и кинул в рот. — Ну, потешила, бояроня, оскоромила, ввела в грех. Давно так не кушивал. Думал, и загнусь в горах студеных с пустым брюхом. Так нет... Настасьюшка? — обратился протопоп к супруге, притулившейся возле.

— Брюхо да горшок добра не помнят, батюшко. Слава Богу, живы, с голоду не померли. Чего еще нать? — подала голос Настасья, мягкий, певучий, и вдруг улыбнулась, и все простенькое круглое, рыжеватенькое в подскульях лицо, изрядно помученное горемычным сибирским походом, враз расцвело. Но баба тут же и потупилась, сронила кустышки темного повойника в стол, но не из робости, а чтоб понапрасну не перечить мужу.

— А мы все тут за вас кажинный день молились...

— Эх, матушка моя. Давно ли спроваживала? Укатали сивку крутые горки. Было время — коня на плечах нашивал. А ныне и барана не вскинуть. И вот уже смерть не за горами, а за плечами. Царь призвал из сибирей, тихую жизнь сулит. Приезжай, говорит, Аввакум Петров, враг твой первейший, кобель Никон, отлучен. Будешь мне за советчика. Собрался я и поехал... А какой советчик, коли одной ногой в колоде...

— Чего молвишь, батюшко? — подала голос княгинюшка. — Иль не чуешь, заступленник? Изгоня тело перетирает, а душу в светлые ризы рядит. Гляжу на тебя, протопоп, и дивлюся. Ино свет небесный над твоей главою...

С этими словами все застолье повернулось к Аввакуму, и увидели старицы и милостынщицы над головою протопопа солнечное кружило. Но не успели монашены возликовать и пропеть осанну страдальцу, как вдруг вкатились в трапезную юрод Феодор Мезенец, обвитый по чреслам звончатыми цепями, и молодой хозяин. И не чудо ли? про юрода-то из головы у всех выпало: вот так и Христа, явившегося на землю, не признают. Аввакумов детка, прихваченный из Устюга за попутьем, принес с собою и отголоски поморской славы; докатывалась молва и до престольной, де, бродит по Двине блаженный, всяческую нужду претерпевая, и силой своею он, пожалуй, станет покрепче московского Киприана. Угрюмо, недвижно стоял Феодор у порога, темно обозревая трапезу, и лишь внешний вид его заставлял всякого невольно вздрогнуть и поклониться страстотерпцу. На воле стужа, мороз палит, как из осадной пищалицы, а тут человек в одном истерзанном, изъеденном псами кабате, и в прорехи глядятся синие костомахи; тонкий сальный волос густо запорошен инеем, а измозглые черные ступни — как коровьи копыта.

— Прошка на меня заедаться стал. Пришлось отбою дать. — Уже схватился Иван с гостем, с Аввакумовым сыном. У отрока нежное лицо нащелкано морозом, брусничный румянец заревом во всю щеку; в червчатой ферезее молодой хозяин весь трепетно порывистый, как ярая свеча. Скрывая сердечное стеснение, подошел к матери, уселся возле на свое место, жадно оглядел стол, и в этом чистом пламени вся гоститва окротела и обмирщилась, потеряла на миг монастырский чин. Ой, как приглядиста Федосьина кровинка, каким любовным колонковым волоском выписан мягкий лик с окружьями тонких смоляных бровей и медовыми жаркими глазами. Воистину царской крови вьюнош, вымоленный родителями у Господа, и всяк из любых земель властелин мог бы возгордиться таким отпрыском.

— Ой, как есть хочу. Быка бы съел.

— К чему пустошные разговоры? Иль ничему не учен? — сухо оборвала мать. — Иль не зван? Ступай и дальше бейся с Прошкою.

— Ну, мамо..?

— Хоть бы и сам царь явился не ко времени, то и ушел бы не евши. Помнишь, говорила? Раз царь припоздал ужинать в обитель. А время было летнее, светлое. Царь спросил у келаря стерлядей. Тот наотрез отказался дать. Говорит, де, тебя, государь, я боюся, но Бога еще более боюся... Ты-то вот смелой шибко; знать, никого не страшишься, коли так вольно себя ведешь. А я боюся Бога, сынок. Поди давай к себе, да садись за урок.

— Прости, мама.

Отрок покорно, не переча более, встал, поклонился матери, и в трапезной все как-то облегченно, понятливо вздохнули, словно бы каждая из стариц изведала глубокое материнское чувство; но ведь и душа-то монахини, верной дочери Христовой, провидческая и ведает всякого мирского человека одной лишь любовию до самого потаенного дна. Отрок у порога поцеловал юроду крест и вышел. Федосья Прокопьевна понурилась, раскаяние обожгло ее. На какое-то время застольное согласие пресеклось. И вдруг Феодор Мезенец подсел к матерой вдове на свободное место и пристально, с какой-то жесточью воззрился на бояроню; в выцветших голубых глазах его порхала серебристая пыль. Болявые, в лихорадке, губы едва шевельнулись, и только Аввакум с княгинюшкой, пожалуй, и расслышали упрек юрода:

— Шуба-то лисья, а душа бисья. Лучше шуба овечья, а душа человечья.

Эх, больно уцепил юрод бояроню: она-то денно и нощно пеклась о душе, не попуская себя ни в чем, утробу томила неустанно, призывая себя к иноческому подвигу, а тут вот явился блаженный с дальних краев и цепко закогтил сердце до самой кровищи. Федосья Прокопьевна вспыхнула на такую неправду, ибо кромешники в человеке так глубоко таятся, что не враз и расчуешь их. Она с неприязнью оглядела истомленное, давно не мытое лицо юрода со впалыми щеками, приобметанными светлым, почти неживым волосом, но тайный гнев притушила, постаралась не выдать его. Только червячок неприязни к побродяжке против воли угнездился в груди. Да разве скроешь от блаженного даже далекий умысел? по глазам, по суровому просверку, по изгибу губ все умысленное высмотрит христолюбец.

— Ты не пыщись! — снова уколол юрод. — Надулась, яко кокошка на нашести. Вижу, как ломает тебя и гнетет. А ты смирись... Душу не опечатывай спесью. Трясешь мошною, так не дорогу ли в рай мостишь, дурка?

Не дожидаясь ответа, Феодор подобрал у локтя княгинюшки Евдокии отломок пшеничного колача, зачерпнул в ее россольнике севрюжьего мяса и стал равнодушно есть, позабывши о бояроне. Стол же онемел, не зная, как себя повести; в словах юрода повиделся всем тот праведный смысл, от коего не скрыться в себя, не затаиться, как раку-каркуну в илистую нору. Ишь ли, сколь прозорлив странник! ведь хозяйка на Москве — известная милостивица и христорадница, скольких прошаков обогрела, от голодной смертушки спасла, скольких обиходила по темницам и богадельням, но вот Божий человек сразу высмотрел в непрогляди затаенный грех, коего мы более всего стыдимся. Гордыню выудил, от коей всяко бежала бояроня, да вот не могла пока отвязаться...

И лишь Аввакум улыбался довольно, пушил усы, порою мимоходом облокачивался ладонью на круглое плотное плечо супруги, словно бы сквозь суконный летник проверял надежность его. Аль что, Сибирей не хватило, чтоб удостовериться в верности подруги? Да нет-нет, от близкой державы, от сытой благословенной трапезы, от доброго позабытого питья и духовитого печного тепла, от монашьего застолья вдруг как-то развезло протопопа, отпустило от долгого напряга душу, и сейчас, оглядывая гоститву, он беспричинно улыбался, навряд ли чего слыша. Всяк на земле исполняет свой долг: бояроне копить гобину и печься о нищей братии; юроду же дозирать за христовенькими, и не то что словом, но и ключкою, или шелопом по бокам упреждать близкий грех, давать всяческий отбой нечистой силе.

— Сын-то ангел... Иль не расчуяла? А ты погнала от стола, как махметку с паперти...

— Ну что ты взъелся на меня, Феодорушко? Ведь только что взвиделись. Что ты не залюбил меня? Иль я хуже последней пропадины? — с испугом, зажимая близкую слезу, посетовала Федосья. И от горького упрека юрод смутился, отвел взгляд, и мелкая скула, как-то по-юношески не огрубелая, вдруг зарделась. И что-то с этими словами вновь сломалось в воздухе трапезной, волной тревоги призавесило застольщиков. И почуяв свою минуту, опомнился протопоп.

— Ну, будет, будет вам ратиться-то! И ты, детка, сыми гнев. Все бы тебе обухом да плетью...

— А как спастися-то, ежели без насилки? Христа снасилили — и он вознесся! — Юрод приоторвал от груди верижный медный крест и показал всему столу. — Его кровь-от пием...

— Кто крестом спасается, кто любовью, кто постом, а кто молитвою, — снова подала кроткий голос Евдокия. — Ты святой, отче, а мы мелкие, мы твари греховные, — рассудила княгинюшка. — Ты уж прости нас, ничтожных...

— Есть один верный путь, — оборвал княгиню Аввакум. — Всякий, кто призовет имя Господне, спасается. Господь без пригляда не оставит. Вот в Даурах было, скажу вам. Зимой по озеру бежал к детям на базлуках. Пить захотелось, спасу нет. А воды, не знаю, где взять. Лед саженный. Озеро верст с восемь, до людей далеко. Бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, взмолился: "Господи, ты напоил в пустыне детей Израилевых! Так и спаси от жажды меня, грешного!" И затрещал лед, яко гром, стало его на высоту кидать, и накидало с гору великую. А мне оставил Бог пролубку. И со слезами припал я к пролубке и напился воды досыта. Потом и пролубка та сдвинулась, как и не было. И побежал я по льду, куда мне надобно, к детям...

В трапезной вдруг установилась тишина, и всякий из гоститвы, призамгнувши очи и погрузившись в себя, представил ту бескрайнюю замороженную Даурию и посреди нее несчастного протопопа, одинокого в ледяной пустыне, аки перст. И всяк восхитился Божьим соизволением и милосердием, и многие устрашились тут, примеривши брони протопоповы на себя. Дрожащий солнечный луч проломился с воли сквозь цветную стеклину и осенил Аввакума рудожелтыми пеленами. У княгинюшки от жалости к страдальцу повисла слеза на ресницах, как дорогой смарагд.

— Мне бы этого веком не перенесть. Это ж какие мучения, а? — шепотом вопросила Евдокия; ужасаясь видению, она перехватила грубую ладонь протопопа и порывисто прижалась к ней щекою.

— Э-э! Чего выпугались? Эко диво! Вам бы, богатенькие, все куличики да паски. Пузо чтоб тешить. Больно сладко, а? И ты, батько, хорош улеститель. Чисто алгимей. Навроде черта? — необъяснимо взвился Феодор.

— Эй, детка-а! Опомнись. Ты не сули мне, чего себе не хошь! — оборвал протопоп юрода, стемнел лицом, приподымаясь из-за стола. Но юрод уже не слышал Аввакума. Он стеганул себя четками по шее раз и другой и, брякая по полу зароговевшими пятками, выскочил из столовой палаты.

— Всяк призывает Господа, да не всяк боится его, — упрекнула юрода Федосья Прокопьевна. — Ты ответь, батько, чего Феодор ополчился на нас? Иль мы такие отчаянные грешники?

— Правда груба, да Богу люба. Для него то видимо, что для нас за печатями. Ты его не трожь, Федосья Прокопьевна. Ты на него не заедайся...

— Это я заедаюсь..?

— Ты его прости, дай обыкнуть. Мы вот едим-пьем, чревоугодники, душу тешим, а он, милосердый, кажинный день по кругам ада нисходит, как в смерть. Он за сына твоего на дыбки поднялся, дочи...

— Я мати сыну своему. Мне его пасти. В моем дому мой и устав. — Федосья прикусила язык, чтобы не высказать лишнего. Но и Аввакум гнул на своем; упрямый, он не уступал худой молве, что могла разнестись по Москве.

— Так я ли против, ты что? Ты мати, ты. И двор твой, да сын-от Богов. Иль не расчуяла? Потихоньку и ольху согнешь, а в крути и вяз сломишь. Ты приноравливайся, слышь?

— На приноровке-то, отче, куда заехали, а? Почитай, к пропасти приспели. Потому и худо стало, что кругом потворство, домострой не чтут. С прямого завещанного пути на кривой сошли с умыслом. Ползем противу солнца, да и лыбимся, охальники. Эво, мол, как хорошо улестили Господа. Мы перечим ему, а Он, де, молчит. А Он все на свиток заносит. Вот и сам государь крутит. Это что, отец наш? водитель? Ежли бы сам государь не схотел погибели нашей, так разве бы позволил смущенье на Руси? Он только видом смирен да богомолен, а сердцем — ехидна. Следы его невидимы бысть, но скверною пахнут...

— Это Никон, бесенок, с пути сбивает. Это он, мордовский пакостник, влез в государеву душу да и оследился. Сам-от сбежал, шиш антихристов, а язвы те у миленького свет-царя гноятся...

— Зря ты выгораживаешь. Ты мало издаля чего видел. Вот погоди, глаза-то протрешь, так и воскликнешь: "Господи, лучше бы мне в сибирях пропадать!" Аввакумушко, это ж царь ворота в наши земли распахнул: де, скачите, черти, к нам.

(Продолжение следует)

ВЛАДИМИР УРУСОВ

В ПАДЕНЬЕ И НА ВЗЛЕТЕ

* * *

Захлебнулся обманутый нищий
на пиру у чумы воровской,
и блестят драгоценной кровищей
купола над притихшей Москвой.

Покупается рабья свобода,
продается господская честь —
и в глазах у простого народа
ничего невозможно прочесть.

Будто плюнули прошлому в спину,
нагрешили огнем и свинцом
и молебен по верному сыну
отслужили с приблудным купцом.

Там иголка свечи поминальной
до беспамятства в душу вросла,
и лелеют застывшие камни
каждый всплеск воскового тепла.

И когда онемеет прохожий
на кремнистом пути сквозь туман —
дрожью сердца и ветром под кожей
отзовется Великий Иван!

* * *

Он вернется в стоптанных ботинках,
белый свет по кругу обойдет,
он вернется в стоптанных ботинках,
потому что движется вперед!

Вспыхнет ослепительное солнце,
просочится лезвие луча
в темноте небесного колодца
к желтоглазой маске палача.

Мерою деяния и слова,
чистым сплавом меди и свинца
там, в тумане сада золотого,
на разрыв испытаны сердца.

УРУСОВ Владимир Глебович родился в 1947 году в Калининградской области. Окончил Московский горный институт, работал геофизиком на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале. Автор книг стихотворений "Три любви — три степени свободы", "Всплеск живой воды", "Медленный ветер" и других. Член Союза писателей. Живет в Москве.

И опять запомнится кому-то
свежий ветер, всплеск живой воды
на пути от смуты и до смуты
по следам невидимой звезды.

* * *

Очень странные узоры,
единицы и нули
чертят в небе мародеры,
оторвавшись от земли.

И шипит кривая птица:
— Окружение, ко мне,
не зевай, как говорится
в этой, как ее, стране.

Речь о нас, моя старуха,
вот уже раздулся зоб,
громко заурчало брюхо...
Надоел пернатый сноб!

Эх, от центра до окраин
полетит по ветру пух —
русский дух неосязаем
до раздачи оплеух!

* * *

И вот рассказ о нашем огороде:
автолюбитель, кандидат наук,
кормил овсом куриное отродье
и поливал смородину и лук.

Не балуясь фарцовкой в институте,
грешил мужик не более, чем все.
Начальство, КГБ и даже судьи
не знали о ворованном овсе.

Подзагорев
под августовским солнцем,
свободный и распущенный, как шов,
как пень пересчитав года по кольцам,
ученый наш проснулся без штанов.

С тех пор то демонстрация, то драка
влечет недальновидную толпу —
пенсионер, полковник и бродяга
свистят, свою судьбу спустив в трубу.

И наш отец ворчит, моргая сыну,
от водомета мокрый словно мышь:
— Плюющий в прошлое
плюет себе же в спину!
А тот смеется: — Верно говоришь.

* * *

Из пустоты соткался ты,
как тень креста и луч звезды
в безвременье и ветре,
развеяв смуту темных дней
в заречной россыпи огней,
в раю, в районном центре.

Зайди на маленький базар,
где в лавке дремлет демозавр,
срисованный с натуры.
Трехцветный как хамелеон,
он стоит ровно миллион
с ларьком из арматуры.

Твой полудруг — полукупец
и дом его почти дворец
под рыжей черепицей.
Но в книге судеб есть строка:
растает замок из песка
заоблачной жар-птицей...

Автобус мчится по шоссе,
как по нейтральной полосе,
в тупик или к распутью,
направо — свастика креста,
налево — грозная звезда
блестит червонной ртутью.

И верный сын и блудный сын
найдут покой среди равнин
в паденье и на взлете —
могучих крыльев тайных взмах,
перо в руках и Русь в холмах
живей, чем дух во плоти!

* * *

Я знаю, где ворота рая,
лишь повернется ржавый ключ —
вздохнет смородина сырая
и загорится пыльный луч.

В сенном сарае свод высокий,
и ловит мой прохладный взгляд
зарю на розовом востоке
и неожиданный закат.

Зарытый клад искать не надо,
таится юность где-то здесь
и тает в сердце капля яда,
чума, любовная болезнь.

Стою один, как на распутье,
махнуть рукой — поймать звезду,
покатятся горячей ртутью
живые яблоки в саду.

И холодок, такой знакомый,
напомнит всем, что я вернусь —
недаром золотой соломой
мою ладью застелет Русь!

ИГОРЬ СМОЛЯНИНОВ

* * *

О чем шумели тополя
В путь добрый молодым солдатам,
Когда вся русская земля
Гудела боевым набатом...

Когда хлестал свинцовый дождь
И ветер плакал в непогоду,
Когда хрипел коварный вождь,
Взывая к нищему народу...

О чем шептала их листва,
Когда влюбленные прощались,
Когда два юных существа,
Чтоб не расплакаться, смеялись?

Война. Уж где-то льется кровь,
Грохочут по дорогам танки,
И вот кончается любовь
На опустевшем полустанке...

Прошли года — раскрыт обман...
Весна. Есенинская лунность.
И вспоминает ветеран
Свою загубленную юность...

Он чудом выжил — уцелел.
Его всего изрешетило,
И вот теперь его удел
Табак выменивать на мыло...

Да! СНГ, а что потом?
Нет денег даже на махорку,
И он жует беззубым ртом
Последнюю сухую корку...

Какая горестная тризна,
Как дальше жить с такой судьбой?
Россия, милая Отчизна,
Как горько плакать над тобой!!

* * *

В притонах Арбата тепло и уютно,
Там нимфы нагие призывно глядят,
И пробки шампанского
бьют поминутно,
И жлобы икру, словно кашу, едят...

Кутит, веселится шальная элита.
Какое им дело, что голод вокруг, —

От редакции. Несколько лет назад в журнале "Наш современник" и в газете "День" были напечатаны стихи Игоря СМОЛЯНИНОВА — русского поэта второй волны эмиграции, живущего в Австралии. В 1992 году в России был издан сборник его стихотворений, в том же году он вступил в Союз писателей России. Игорь Смолянинов немало делает для того, чтобы русские в Австралии узнали и полюбили "Наш современник" и подписывались на него. Мы поздравляем И. Смолянинова — поэта-патриота, ветерана Великой Отечественной войны — с семидесятипятилетием и публикуем новые стихи, которые говорят о его душевной боли, о его любви к России и о ненависти к ее разрушителям.

Они очутились опять у корыта,
С которым теперь
не расстанутся вдруг...

Отцы их когда-то
дрались за Царицын,
Они же сегодня деляги, шпана...
"Не падайте духом,
поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина!"

Идет перестройка, ломаются кости,
Встает над Москвою
кровавый рассвет,
Кутят в ресторанах валютные гости
И девочек русских ведут в кабинет...

Свинцовые тучи плывут
над столицей,
На юге давно полыхает война...
"Не падайте духом,
поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина!"

Хоть форма казачья —
не русские лица,
Элита уже надралась допьяна.
"Не падайте духом,
поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина!"

Пируют потомки героев Царицына,
Ложится туман над Москвою-рекой.
Поручика дочь Анастасья Голицына
Стоит у вертепа с просящей рукой...

* * *

Москва позади, — здесь березы и ели
И яблони, словно в снегу...
Мы нашу страну уберечь не сумели,
Мы все перед нею в долгу...

Дорога на Киев. Налево Калуга.
Угра синей лентой вдали.
Здесь Русь и Орда
выжидали друг друга
На грани Московской земли.

Серёна и Жиздра — зеленые дали...
Горят купола, как огни.
Чего только русичи здесь не видали,
Чего не терпели они?!

Литва и поляки, тевтоны и шведы,
Татарского ига века...
Походы, сраженья, потери, победы
И крови народной река...

Потом Бонапарт и фашистские орды, —
Пришел их разгрома черед...
Им вышел навстречу
суровый и твердый,
В борьбе закаленный народ...

И зло мировое его не сломило —
Он срок свой назначенный ждал,
Как древний Антей,
наполнялся он силой,
К родимой земле припадал...

И гордость и радость
зальют нестерпимо,
Когда оглянёшься назад...
Как чудо, и ныне стоит нерушимо
Святейшего Старца Посад...

Хоть ветры заморские веют над нами
И сушат родную страну,
Мы снова из пепла подымемся сами,
И Бог посрамит сатану!!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ЕГИПЕТСКИЕ ЧАРЫ

Cine — a deschis piramida si'nlauntru a intrat?
Michai Eminescu. "Egipetul"[1]

По своей природе я чужд снобизму и склонен всех попадающихся мне людей расценивать только с точки зрения того, насколько они интересны или симпатичны. Было, однако, одно исключение. Но если я в самом деле гордился знакомством с профессором Алферовым — я имею в виду Григория Александровича Алферова, то это потому, что ведь он является специалистом, известным не только во Франции, но и во всем мире каждому, кто имеет какое-либо отношение к египтологии.

В отличие от большинства русской интеллигенции, профессор Алферов был человеком с твердыми монархическими убеждениями, хотя притом и с величайшей терпимостью к чужим мнениям. При нашей первой встрече — помню, это было в гостях у Павла Игнатьевича Скубова, где собралось в тот раз много народу, — он, видимо, не без удовольствия слушал, как я горячо спорил с каким-то левым собеседником, и, когда пришла пора расходиться, пригласил меня непременно как-нибудь зайти к нему домой.

С тех пор я бывал у него нередко, и он относился ко мне всегда с лестным вниманием и симпатией. Один раз я получил от него специальное приглашение и, явившись, застал его квартиру полную многочисленным обществом, в большинстве мне знакомым. Гости — почти все они, видимо, опередили меня всего на несколько минут, — ставили себе, должно быть, тот же самый вопрос, что и я, переглядываясь между собою и с любопытством осматривая богато накрытый стол, уставленный бутылками и закусками.

— Что это за пиршество, профессор? — не вытерпела наконец одна из дам. — Мы попали на ваши именины?

— Не именины и не день рождения, милая Наталья Николаевна, — отозвался Алферов, поднимая бокал с вином и опускаясь на свое почетное место. — Но я хочу зараз отпраздновать одно радостное для меня событие и распрощаться с друзьями самое меньшее на несколько месяцев. Я получил официальное назначение участвовать во французской экспедиции в Египет под руководством профессора д'Арневилля. Отъезд состоится не раньше, как через две недели, но я буду все это время, наверное, страшно занят приготовлениями и не смогу уже ни с кем повидаться...

— Поздравляю, дорогой Григорий Александрович! Желаем вам сделать самое что ни на есть сенсационное открытие! — все потянулись чокаться с сиявшим широкой улыбкой ученым.

— Рада за вас, конечно, — говорила Наталья Николаевна, его соседка за обедом, — хотя и удивляюсь, что вы находите более привлекательным общество старых мумий, чем наше!

РУДИНСКИЙ Владимир — представитель второй, 1940-х годов, волны эмиграции (автор называет ее "новой эмиграцией", в отличие от первой, послереволюционной), монархист по убеждениям, потомственный русский интеллигент из кругов интеллектуально-аристократических. По образованию и специальности — лингвист, полиглот, владеющий многими языками, при этом и экзотическими, не только на разговорном, но и на глубинном научном уровне.

---

1 Кто открыл дверь пирамиды и вовнутрь ее вошел?
Михай Эминеску

— Это настолько неверно, что я был бы счастлив вас похитить и увезти с собой в пустыню; но что бы сказал ваш супруг? — отшучивался профессор.

Веселый разговор продолжался под звон бокалов, стук ножей и вилок, среди смеха и острот...

* * *

Я собирался уже распрощаться с Павлом Игнатьевичем, у которого довольно долго засиделся в этот вечер, когда он удивил меня словами:

— А вы еще не видели профессора Алферова?

— Как? — поразился я. — Разве Григорий Александрович уже вернулся в Париж? Я и не подозревал... Странно, что он мне не сообщил: раньше, бывало, он всегда писал в таких случаях.

— Он никого не приглашает и никуда не ходит... Кажется, сильно нездоров, — оправдывающим тоном поспешил сказать Скубов. — Я сам только случайно узнал об его приезде. Но вы могли бы к нему заглянуть: он вас так любит. Потом расскажете, что с ним такое.

Я не преминул последовать совету Павла Игнатьевича и на следующее утро звонил у большой двери нижнего этажа на Кэ Малакэ. Помню, как раз дожди сменились полосой жары. Квадратный внутренний дворик дремал под беспощадным солнцем июля.

Через несколько минут внутри раздались неуверенные шаги, и сам Алферов показался на пороге.

"Боже мой, как он переменился!" — невольно подумал я. Его лицо было покрыто загаром, но бледность пробивалась через коричневую краску, след солнца песков. Алферов никогда не был полным, но сейчас страшно исхудал. Все это было бы, однако, пустяки, если бы не выражение угрюмой и стоической обреченности, разлитое во всей его фигуре, и не явная слабость; его руки дрожали, и он, казалось, еле держался на ногах.

— Что это с вами, Григорий Александрович? Подцепили малярию? — с сочувствием осведомился я. — Разрешите, я вам помогу, — я подхватил его под руку. — Как жаль, что я вас побеспокоил! Но, может быть, я могу чем-нибудь быть полезен?

Профессор, похоже, был рад посетителю. Он ввел меня в салон, бросился в кресло. Мы разговорились; но мне стоило большого труда убедить его рассказать историю, которая следует ниже. Не буду приводить здесь моих уговоров и его отнекиваний, занявших, те и другие, довольно долгое время.

* * *

— Вы знаете историю с гробницей Тутанхамона. Мы все старались о ней не вспоминать; но боюсь, она подсознательно занимала слишком много места в мыслях у каждого из нас. Однако неудачи, начавшиеся почти сразу, как мы достигли оазиса Вади Аль Маут, не зависели от нас. Мы делали все, что было в человеческих силах, для успеха...

Что-то было неладно с водой в оазисе; все наши феллахи свалились с дизентерией и работали, как сонные мухи. Из нас троих, европейцев, самым молодым был корсиканец Контини, любимый ученик Арневилля, и он проявлял невероятную энергию, носясь там и тут, крича, распоряжаясь, сам впрягаясь в физический труд, когда казалось нужным.

Да, тяжелого было много. Но мы про все забыли, и все прямо опьянели от восторга, когда в конце прорытой нами траншеи показалась обнаженная от песка дверь, ведшая в глубь пирамиды. Еще несколько минут, и мы проникнем в тайну... Однако передовой араб вдруг отложил кирку и, к нашему негодованию, стал вылезать из ямы наверх.

На все упреки он только пробормотал с перекошенным лицом несколько слов о чарах и о беде, которая постигнет первого, кто нарушит печать пирамиды, о проклятии фараона...

Импульсивный и нетерпеливый Контини без долгих слов сам спрыгнул на его место и взмахом заступа сбил печать, красовавшуюся на двери.

В то же мгновение соскользнувшая сверху с быстротой хищного зверя массивная каменная плита обрушилась ему на голову... Мы глазом моргнуть не успели, а перед нами уже содрогалось в мучительных судорогах тело только что полного жизни молодого, здорового человека, нашего товарища по работе, нашего друга, от которого мы так много ждали... Мы с д'Арневиллем бросились ему на помощь, арабы присоединились к нам... но, когда мы сняли камень, труп уже перестал трепетать... череп был совершенно раздроблен...

Не удивительно, что мы отложили продолжение исследования на завтра. И в эту самую ночь д'Арневилль, недомогавший уже несколько дней, свалился в жестоком приступе лихорадки. Я ухаживал за ним. Под утро нам обоим стало ясно, что он умирает. Мне хотелось плакать: человек, который так много сделал для науки, незаменимый... и потерять жизнь на пороге новых, может быть, грандиозных открытий!

Его сознание оставалось ясным.

— Алферов, — сказал он мне, — вы останетесь здесь один, чтобы поддержать репутацию Франции и чтобы двинуть вперед наше общее дело... не покидайте вашего поста, чтобы ни случилось! Я полагаюсь на вас: прощайте.

Он умер как человек науки, просто и мужественно.

Наутро, не проспавшись, прямо от смертного ложа, я согнал рабочих ко входу в пирамиду, своей рукой отвалил плиту. Длинный бесконечный темный проход открылся нам... Я светил перед собой электрическим фонариком, арабы несли факелы. Нам встретилось еще несколько дверей, но они легко поддавались.

В большой зале, куда мы в конце концов проникли, я нагнулся над грандиозным саркофагом — сокровищем для ученого! — для профана тоже, так как в нем хранилось бессчетное золото украшений на тысячелетней иссохшей мумии. Какая-то сила вдруг заставила меня поднять глаза... и тогда я увидел его...

Я вздрогнул всем телом. В первый момент мне показалось, что это — живой человек. Нет, на самом деле это была только статуя в натуральную величину, в одежде древнеегипетского воина, с занесенным мечом в руке, острие которого было направлено прямо на меня.

Надпись на подножии, которую я без труда прочел, гласила, что это — сторож гроба фараона, который неизбежно и неумолимо отомстит всякому осквернителю. И его лицо, под стать словам, носило маску беспощадной жестокости... Ах, это лицо...

Алферов прикрыл глаза и точно бредил, тогда как крупные капли пота густо покрыли его лоб.

— Экспедиция и привезенные ею находки вызвали фурор в научных кругах, — с усилием и вяло докончил он, — я бы мог получить награду, славу... если бы я жил...

— Но что с вами, Григорий Александрович? Почему же вам не жить? Вы же еще совсем не стары, и энергии у вас хватило бы на десятерых! И сейчас, когда вы добились такого успеха, время ли впадать в уныние! — восклицал я с удивлением.

Профессор поднял опущенные веки и уставил на меня полубезумный взгляд.

— Каждую ночь, с того дня, как я вошел в гробницу фараона, я вижу во сне хранителя его покоя... И он с каждой ночью все ближе придвигается ко мне: страшно медленно... да, медленно, медленно и потому страшно... Теперь остается разве что пять шагов... а потом он всадит свой меч мне в сердце; и это будет смерть, я чувствую, я знаю.

Я приложил все усилия, чтобы успокоить ученого; но я понимал, что этого мало и что надо искать другие средства.

* * *

Керестели выслушал меня внимательно и с сочувствием, но вид у него был озабоченный.

— Все, что касается египетского колдовства, — область очень трудная. Все в ней загадочно, покрыто мраком; наши обычные приемы действуют слабо и неверно. И сила, сила у них была очень большая, — сказал венгр словно про себя.

— Лучшее, что еще можно сделать, — продолжал он, подумав, — это найти какую-нибудь христианскую реликвию, из рук мученика или настоящего аскета... и потом ваш друг должен ее всегда носить при себе. Я бы даже мог вам дать... у меня хранятся привезенные мне с родины четки кардинала Миндсенти; но вот... в таких делах важно, чтобы святыня подходила к вероисповеданию; а ваш профессор ведь не католик. Подумайте сами...

Я горячо поблагодарил Керестели; я уже знал, куда теперь обращусь.

* * *

Странно подумать, что меньше чем в сотне километров от Парижа существует такая глушь! Горы, крутые обрывы... бесконечно глубокая долина открывалась теперь из окна вагона; серебристая полоска речки и зеленоватые болота лишь изредка бывали видны на миг среди изумрудных лесов.

Свято-Николаевскую Пустынь, маленький русский монастырь, приютившийся на одном из этих холмов, я не имел шанса разглядеть из поезда, и лишь признал купу высоких деревьев, за которыми располагалось знакомое мне двухэтажное белое здание, служившее приютом десятку старых монахов.

Через полчаса отец Досифей принимал меня со своим обычным добрым и искренним гостеприимством и, суетясь, угощая, рассказывал свои новости и спрашивал о моих.

Однако, когда я выразил ему свое желание видеть схимника Доримедонта, его вид сразу стал серьезным, и он бросил мне почти испуганный взгляд из-под густых белых бровей.

— Уж это я не знаю, — произнес он нерешительно, гладя седую бороду, — не очень-то он любит, чтобы его беспокоили. Сердит бывает; может и прогнать... Да вам по какому делу?

— Очень важное дело, батюшка. Можно сказать, о спасении человеческой жизни речь идет. Видите, нарочно из Парижа за тем приехал.

— Ну, коли так, ничего не сделаешь. Попробуем; рискну ему доложить.

Час спустя мы карабкались уже по глухой узенькой тропинке, извилинами подымавшейся по крутому склону горы. Кругом был сущий рай; благоухание цветов наполняло воздух, многоголосое птичье щебетание стояло в ушах. Высокие кусты закрывали вид с обеих сторон, и только иногда, раздвинув их, можно было посмотреть вниз на казавшиеся лиловыми верхушки деревьев под откосом. Жара стояла невероятная, и мы оба поминутно утирали пот со лба.

— Далеко еще? — не вытерпев, спросил я наконец.

— Почти что пришли уже, — приглушенным голосом отозвался мой спутник.

И правда, через несколько минут всего мы очутились на просторной пологой поляне, окруженной мелколесьем и кустарником. С одной стороны в глубине ее замыкал почти отвесный обрыв, и в его известняковой поверхности жутко чернело отверстие пещеры...

Мы робко приблизились. Отец Досифей, к некоторому моему удивлению, заметно волновался при мысли потревожить старца. Но ему не пришлось и одного слова вымолвить...

На пороге выросла вдруг странная для взгляда фигура — я видел Доримедонта в первый раз в жизни. Пустынник низко пригибался к земле, так что мне прежде всего бросились в глаза широкие плечи, с которых спадала старая, ветхая и во многих местах порванная ряса, украшенная, как и его клобук, белым изображением черепа и костей, а уже затем его босые ноги, тонувшие в высокой траве лужайки.

Черные, как смоль, хотя схимник был уже очень стар, нерасчесанные волосы и борода густой волной сбегали вниз, нависая чуть не до земли. Когда же он поднял бледное лицо, я невольно глубоко поклонился, не меньше, чем в пояс; темные горящие глаза мне посмотрели точно бы прямо в душу.

— Знаю, чего ты хочешь, — сказал отшельник, благословляя меня издали, — так и быть; помогу. Но ты скажи Григорию Александровичу, что он и сам должен о Боге помнить; не так уж и молод; поретивее бы ему след молиться и поменьше о мирской суете заботиться. Вот, как пришло испытание, так оно и сказывается. Ну, лет пятнадцать он еще проживет.

Он говорил так, будто продолжал только что прерванную беседу, словно я его

предупреждал о посещении и заранее рассказал его цель; и это наполнило меня чувством благоговейного ужаса, от которого я онемел.

— Пусть носит и никогда не снимает! — деловито закончил анахорет, протягивая мне обе руки. В его ладонях, выглядывавших из широких и длинных рукавов, я увидел большой деревянный крест, который я, подойдя ближе, почтительно поцеловал.

Через несколько мгновений, не прибавив ничего больше, старик исчез в пещере. Мои глаза сквозь стоявший там внутри полумрак различали только грубо сколоченный стол и на стене какой-то образ, перед которым Доримедонт опустился на колени и замер.

Отец Досифей осторожно потянул меня за рукав, шепотом объясняя, что схимник может в таком положении пребывать целые дни и тогда нельзя ему мешать...

* * *

Я чувствовал себя почти неловко перед лицом горячих благодарностей Алферова, которые тот, казалось, не знал, как и выразить. Но в то же время я не мог сдержать довольной улыбки и не испытывать внутренней радости при виде перемены, происшедшей с ним за несколько дней.

Теперь он помолодел не меньше как на десять лет и явно испытывал буйный прилив сил и энергии.

В сотый раз он принимался рассказывать мне все ту же историю.

— Несмотря на все надежды, я заснул в эту ночь с чувством обреченности и бесконечной усталости. Накануне клинок уже почти коснулся моей груди... я был уверен, что до рассвета он вонзится мне в сердце.

Доктор мне недавно сказал, что с сердцем у меня нехорошо и надо быть осторожным. Значит, с точки зрения медицины, это будет разрыв сердца на почве переутомления, — сказал я себе с горечью. Что же, наука всему умеет подыскать естественное объяснение... даже самым противоестественным вещам.

Сразу, как я заснул, или так мне представилось, фигура мстителя возникла передо мной, рядом со мной. Я видел подле своего лица его неумолимо жестокую маску и на ней выражение дьявольского злорадства; я видел, как он занес меч и опустил его на мою грудь...

Раздался звон...

Закрыл я на мгновение глаза или потерял чувства? Во всяком случае, миг спустя я вновь глядел на это лицо, на котором теперь читалось безграничное удивление и яростное разочарование.

Страж гробницы отступил назад, и я увидел, как он с изумлением глядит на обломок оружия у себя в руке, как затем он подобрал что-то с полу...

Дальше я ничего не помню. Наутро я проснулся полный бодрости, с волчьим аппетитом, с иррациональной, несказуемой радостью в душе. Все происшедшее после возврата из экспедиции казалось мне сном, диким кошмаром; зато значение моего открытия, достигнутый мною успех, перспективы впереди — все это так и пело во мне.

Да, теперь я могу отдохнуть и собраться с силами, а потом впереди еще столько интересной, замечательной работы! Ведь надо классифицировать все находки, а затем я собираюсь написать научный труд... о, это будет самая важная, самая значительная из всех моих работ. Я в нем изложу мою новую теорию относительно... Но нет, не стоит рассказывать вам заранее. Вы прочтете, когда книга будет издана.

Вообразите себе, что скажет тогда профессор Блюменгартен!

Григорий Александрович весело потирал руки, думая о посрамлении своего главного соперника в области египтологии.

Мне представлялось, что с темой о только что отведенной от него угрозе покончено совсем. Но он к ней неожиданно вернулся еще раз.

— Можно бы было предположить, что все, что случилось со мной за последнее время, были только галлюцинации, результат нервной депрессии после чрезмерного напряжения и волнений. Но я скажу вам одну вещь, которая разрушает подобную гипотезу... Вчера я был в музее, где хранится привезенная мной из

Египта статуя стража могилы фараона, и хранитель мне со смущением рассказал, что непонятным образом в течение ночи, несколько дней тому назад, поломался меч, который изваяние держало в руке. Наутро его нашли разбитым надвое; половина клинка лежала на полу у подножия статуи.

ТАМПЛИЕР

You, mister Marchant, who have penetrated into such wonderful arcana of forbidden...
D. K. Broster. "Couching at the door"[1]

Среди русских эмигрантов в Париже женщины заметно интереснее мужчин. Грядущие исследователи, может быть, напишут трактаты о патологии беженской жизни, о тех изменениях, какие постигают психологию людей, оторванных от родины и брошенных в чуждую им среду иностранцев, глубоко отличных от русских характером и воспитанием, да еще, кроме того, в большинстве случаев в среду, им социально неподходящую, с которой у них нет почти ничего общего. Результатом часто является или деклассирование, когда прежний дворянин и офицер способен вести разговор только о клиентах своего такси, о поломках и штрафах, являющихся повседневными терниями его ремесла, или надлом и бессильная озлобленность людей, чьи мысли только и могут с разных точек зрения пережевывать невозвратное прошлое и слать яростные нелепые анафемы иностранцам, масонам, большевикам и всяким "темным силам", о подлинных особенностях коих у них существует лишь весьма туманное представление.

В области политической работы это ведет к краснобайству, производящему самое тоскливое впечатление на всякого свежего человека. Сойдясь, чтобы обсудить устройство собрания, выпуск газеты, создание новой организации, пять или шесть общественных деятелей с убийственным однообразием, один за другим, начав с деловых предложений или критики, сбиваются затем на воспоминания по схеме: "У нас в Галлиполи"... "Когда я командовал полком на австрийском фронте"... или "В кадетском корпусе, где я учился"... Удачно, если у хозяина квартиры есть жена и если она не слишком благоговеет пред своим благоверным; тогда она почти непременно перебьет эту болтовню: "Господа, ведь вы хотели говорить о деле; а так мы за весь вечер ничего не решим".

Принадлежит ли заслуга вечно женственному или особым чертам русской женщины, но парижские дамы, хотя на их плечи тяготы изгнаннической жизни падают с особой остротой, гораздо чаще, чем их супруги, способны поддержать беседу о литературе и искусстве, о жизни и любви вообще, словом, о вещах, о которых испокон веков полагается дискутировать в салонах; и они в этом глубоко правы, так как, если бы вместо этого обсуждать поднятие цен, трудность найти работу и тому подобное, было бы в десять раз тяжелее.

Софья Димитриевна была одна из дам, с кем мне особенно приятно было время от времени поболтать, благодаря ее широкой общей культуре, отсутствию каких бы то ни было узости и фанатизма. Ей не пришло бы в голову, например, как некоторым другим, распределять русских писателей в первую очередь по их политическим взглядам, и на основании этого, скажем, ненавидеть Некрасова или Рылеева за то, они были левыми, и восхищаться Тютчевым или Хомяковым за то, что они были правыми.

Однажды вечером мы сбились на оценку русских поэтов так называемого "серебряного века".

— Мне кажется, — сказала моя собеседница, — что есть вопрос, о котором хотя и очень много писали, но никогда — достаточно исчерпывающе; а он стоил бы специального глубокого анализа. Этот вопрос — прикасание всех тогдашних поэтов к сфере запрещенного и нормально недоступного человеческому разуму.

---

1 Вы, мистер Мерчент, вы, который проникли в такие изумительные таинства запретного...
Д. К. Бростер. "Лежащее у двери"

Кажется, почти ни одного не назовешь, кто бы не предпринимал экскурсий в сверхчувственное и сверхъестественное и чьи сочинения не носили бы отпечатка оккультных опытов. И легко заметить, что тут речь идет не об интуитивном проникновении гения в потустороннее, не о тех чувствах, какие могли Лермонтову и Пушкину подсказать вдохновенное богословие "Ангела" и "Пророка".

Нет, у Брюсова, Блока, Сологуба ощущается мистическое соприкосновение с иными силами, и это прикосновение они, несомненно, купили опасными поисками, магическими приемами, отчасти описанными в их книгах. Я глубоко уверена, что "Огненный ангел" есть не только роман, но и ключ к постигнутым тайнам, о которых автор не решился сказать прямее. Эти arcana, спрятанные у него в уме, требовали выхода — вот он их и вложил в роман из средневековой жизни... при внимательном чтении ищущий найдет там многое; а кто проследит карьеру Триродова в сологубовской прозе, еще больше. Блок был откровеннее других, и о своем мистическом опыте говорил почти открыто...

А масса их последователей, с меньшим талантом, но иногда с еще большей смелостью бросавшихся на штурм запечатленных врат в страну мрака? Есть стихи и романы этого времени, при чтении которых мороз пробегает по коже... иные написаны или суконным языком, или заумным... но не знаю, как другим, а мне такие-то всего страшнее читать. И если пороешься в биографиях, то и дело находишь подтверждение своим догадкам: безумие, самоубийство, преступление и извращение, ранняя таинственная смерть... Но они определенно кое-что знали, недоступное обыкновенным людям; и это знание они купили дорогой ценой. Следы же исканий видишь везде: с добросовестностью ученых, с пафосом верующих русские интеллигенты обшаривали библиотеки, на всех языках мира читали процессы инквизиции, трактаты средневековых схоластов, отрывки философов античности, отчеты этнографов... обхаживали Россию, ища пережитки ведовства и чародейства... Как бы интересно подвести итоги всей проделанной ими работы!

— Но думаете ли вы, — спросил я, — что все это шло под знаком черной магии? Не говоря уже о том, что ими могло руководить просто желание собрать экзотический материал и поразить им читателя, не исключено, что мы имели здесь дело с белой магией, то есть применением власти над спиритическими силами для добра?

— Из таких-то источников белая магия, как у них? — улыбнулась Софья Димитриевна. — Да и применяя к ним изречение: "По делам их познаете их" — получаешь скорее пессимистический вывод. Один был, пожалуй, среди них, кто знал все до глубины секреты зла, но служил только добру; зато он и был сильнее всех... Белая магия — это религия, сила молитвы, а кто из них тогда, кроме Гумилева, умел и мог молиться? Недаром и вера его была христианская и православная; он знал о "черных богах" и понимал, что бороться с ними надо "нательным крестом", и не искал истину в темном откровении древней Атлантиды, в отблесках ее старой и страшной культуры на соседних великих материках, в обрядах Анахуака и преданиях туарегов.

— Послушать вас, остается порадоваться, что от этого периода у нас ничего не осталось и что он не дал еще худших последствий! — воскликнул я.

— Не могу согласиться ни с тем, ни с другим.. Почему ничего не осталось? Разве среди нас не живут люди того же круга, принимавшие интимное участие в тогдашних радениях и черных мессах? Почему думать, что они не хранят и не развивают дальше эзотерические учения, бывшие в ходу в те дни? А что до последствий... разве не произошло самое худшее из возможного? Разве их упражнения не вызвали из хаоса страшных сил, заливших Россию кровью, потрясающих мир и всюду истребляющих все светлое, что есть в людях и нациях?

Я замолчал, не находя возражений. С такой точки зрения я никогда еще не смотрел на вещи, и ее странная логичность меня поразила.

— Заметьте еще другое. В истории есть ряд аналогий. Атлантида, по многим легендам, погибла из-за того, что предалась чудовищным культам крови и блуда, и если мы допустим, как считают многие ученые, что кое-что из ее цивилизации продолжало жить у ацтеков и майя, — ее вероучения должны были иметь поистине пугающий характер. Перед великой французской революцией высшее общество было охвачено эпидемией волхований и профанаций, кое-что о которых для нас сохранили мемуары современников и архивы судов; по всей Европе проходила

зловещая мистическая волна тайных обществ; падению Рима предшествовали Гелиогабал, мистерии Митры и проникновение в быт Империи ряда невероятных восточных религий, подробности которых малоизвестны, но то, что до нас дошло, нередко просто тошнотворно. Перед трагическими взрывами грубой силы, кровопролитием, порабощением, возвратом к варварству мы нередко находим картины растления духа и плоти, широко распространяющегося по обреченным мечу странам; словно грозные титаны стоят за завесой тумана и ждут, чтобы голос смертного назвал их роковое имя... Буря, крушение очищает атмосферу; нация возрождается, находя новый моральный идеал; но где-то всегда продолжают храниться откровения тех, кто разнуздал нечистые силы...

— Вы думаете, сохранились и на этот раз?

— Не сомневаюсь. И в России, и в эмиграции. Там — вам легче судить, а здесь... вы, наверно, и сами уже кое о чем слышали?

Я понял намек Софьи Димитриевны.

* * *

Почти нет русских парижан, которые бы не слышали краем уха о существовании некоего братства с гностическим учением, о котором никто не знает подробностей. О принадлежности к нему писателей, иерархов, профессоров глухо перешептываются, ничего не решаясь утверждать. О целях и задачах, о путях к их осуществлению молчат вообще.

В начале моего пребывания в Париже мне случилось говорить с литератором, чье имя сплетни ассоциируют с “братством”. Беседа постепенно перешла на религиозные вопросы.

— Вы верите в Бога, Рафаил Богданович? — спросил я случайно.

— Как вам сказать... Я верю в великого архитектора вселенной...

Я схватил его испытующий взгляд. Это был пароль; мне осторожно предлагался вопрос, соприкасался ли я в России с неким обществом, с неким учением... о его существовании там я знал, но никогда в него не входил и был принужден промолчать.

* * *

Размышляя обо всем этом, я не заметил, как добрался до метро Аббесс. Парижане из числа моих читателей вспомнят бесконечный спуск, начинающийся от входа и ведущий к платформе, где проходят поезда. Хотя станция снабжена лифтами, должен признаться, что я никогда не могу, если судьба забрасывает меня в эти места, противостоять искушению подняться или спуститься пешком. Странное очарование живет для меня в бессчетных ступенях винтовой лестницы, в ее медлительных поворотах, в холодном сером камне стен, тускло озаренных мерцающей в вышине лампочкой. Словно я переношусь в заколдованный замок, в одно из тех подземелий средневековья, о которых мы в молодости жадно читали в исторических романах.

Этот ход, ведущий, можно подумать, куда-то к центру Земли, обычно бывает совершенно пуст; порой нарушат его молчание быстрые каблучки легконогой девушки или шумный бег какого-нибудь подростка, не находящего, куда истратить избыток энергии, а затем снова надолго водворяется тишина; и если изредка мне случается встретить здесь одинокого путника, я гляжу на него с невольной симпатией, угадывая в нем такого же романтического мечтателя, как я.

С таким именно чувством взглянул я на молодого человека, сидевшего на каменной скамейке в нише стены, на площадке, расположенной приблизительно в половине лестницы. Его голова склонилась на грудь, сложенные руки лежали на коленях; он, казалось, заснул или был погружен в глубокую задумчивость. Мой взгляд, скользнув по высокому чистому лбу мыслителя, на который падала темно-каштановая прядь волос, по тонким аристократическим чертам с прямым носом и узкими губами, подметил необычную бледность его лица... и за этим последовала мысль, что он сидит как-то уж очень неподвижно и тихо. Я подошел на шаг ближе и увидел, что весь левый борт его синего пиджака был покрыт запекшейся кровью, красные капли которой успели застыть на полу у его ног.

Когда я, задыхаясь, после долгих, как мне показалось, поисков остановил контролера, тот сразу перед моими изумленными глазами превратился в двух, потом в трех, и когда я вернулся обратно, чтобы показать свою страшную находку, меня сопровождала уже целая экскурсия, не менее как из пятерых, неизвестно откуда взявшихся и появившихся кондукторов и билетеров обоего пола.

Не было и речи о том, чтобы я продолжал свое путешествие. Четверть часа спустя я сидел в ближайшем комиссариате и старался ответить на вопросы, задаваемые мне наперекрест комиссаром и инспектором, подозрения которых, я чувствовал, все росли и росли.

— Так вы утверждаете, что не были знакомы с этим господином Любомирским? Он, однако, русский, как и вы, — говорил комиссар, бросая в пепельницу догоревшую сигару.

— Не только не был знаком, но и не знал его имени. В Париже живет много тысяч русских эмигрантов, — ответил я.

— Вы журналист? — вернулся в атаку чиновник, смотря в мои бумаги. — Для каких газет вы пишете? Для советских?

Я почувствовал, что теряю терпение.

— Для русских антикоммунистических газет эмиграции, крайне правого направления, сударь; не усматриваю, впрочем, чтобы это имело отношение к делу. Если я вам кажусь подозрительным, я бы попросил вас позвонить инспектору Ле Генну в Сюрте — вот номера его служебного и домашнего телефонов. Он, я полагаю, не откажется за меня поручиться.

Переглянувшись со своим помощником, комиссар взял протянутый ему мною листок и пошел в соседнюю комнату разговаривать по телефону. Минут через пять он вернулся с прояснившимся лицом.

— Инспектор Ле Генн сказал, что отвечает за вас как за самого себя; извините мои сомнения, сударь; вы понимаете, долг службы... Не хочу вас задерживать больше. Но если вам угодно немного подождать, инспектор сказал, что выезжает немедленно и будет здесь через десять минут максимум. Он хотел бы видеть вас и расспросить о подробностях.

Действительно, скоро в комнату быстрыми шагами вошел Ле Генн. Он казался взволнованным, что, при его всегдашней выдержке, было вещью необычной, и стал торопливо расспрашивать комиссара о деталях происшествия.

— On voit d'après ses papiers que la victime s'appelait Georges Lubomirsky[1], — объяснил тот, заканчивая свой рассказ.

— Prince Georges Lubomirsky[2], — задумчиво поправил Ле Генн и, оборачиваясь ко мне, предложил мне место в своем автомобиле, с тем чтобы мы могли поговорить по дороге.

Едва машина тронулась, Ле Генн возбужденно сказал мне:

— Самый неприятный случай в моей практике. Молодой человек был у меня на заметке. Не потому, чтобы он был в чем-нибудь виновен, а потому, что я имел основания думать, будто ему грозит опасность. И вот... не уберег... Boed ann ifern!..[3] — когда Ле Генн ругался по-бретонски, я уже знал, что его недовольство собой и окружающим миром дошло до предела.

— Ma Doue, ma Doue[4], — пробормотал он потом с сокрушением. — Сейчас мы увидим, окончательно ли сегодняшний день для меня несчастный... Я послал моего друга, инспектора Элимберри, в дом убитого; я подозреваю, что весь преступный акт был предпринят с целью завладеть некоторыми документами, находившимися у него на квартире... Но еще есть шанс, что мы поспели вовремя... спасибо вам; если бы вы не сослались в комиссариате на меня, я бы не узнал об этом деле так быстро...

Ле Генн повернул руль, как мне показалось, в нарушение всех правил уличного движения, и машина понеслась стрелой.

В маленьком доме на аньерской набережной он взбежал по узенькой лестнице

1 —Из его бумаг видно, что пострадавшего звали Жорж Любомирский.
2 —Князь Юрий Любомирский.
3 Исчадье адово!..
4 — Боже мой, Боже мой.

во второй этаж так быстро, что я на несколько шагов от него отстал. Я слышал его восклицание еще на пороге открывшейся перед ним двери.

— As-tu réussi, Michel?[1]

Смуглое лицо приземистого баска, которого я уже знал как одного из ближайших сотрудников Ле Генна, выразило ободряющую улыбку.

— У меня такое впечатление, что все бумаги целы, Шарль. Хотя если верить хозяйке дома, делались какие-то подозрительные попытки на этот счет... Вот, я думаю, то, что ты ищешь — хотя ты знаешь, я по-русски не понимаю ни слова... но там есть кусочки по-французски...

Элимберри протягивал Ле Генну пачку тонких тетрадок в желтой обложке.

Бретонец вытер влажный лоб.

Через его плечо я оглядел маленькую студенческую комнатку, опрятно и заботливо прибранную. Порядок нарушала только рукопись на столе, прерванная на середине страницы и прикрытая наполовину каким-то толстым фолиантом. По стенам на полках стояло множество книг, большинство, как я заметил, посвященных русской и французской истории.

— Значит, не все потеряно, — говорил между тем Ле Генн, — я хочу надеяться, что смерть бедного мальчика по меньшей мере не останется не отомщенной. Мой друг, — обратился он ко мне, — могу я вас попросить прочесть все это и передать мне завтра на словах резюме? Но это спешно и важно... Если бы вы завтра зашли ко мне на службу? В час дня или полвторого? Большое спасибо, я буду рассчитывать на вас.

* * *

Чем дальше я читал дневник князя Юрия Любомирского, тем более я жалел об этой так рано оборвавшейся жизни. Со страниц записок его образ вставал чрезвычайно светлым и симпатичным. Видно было, что это был серьезный юноша, сосредоточенно работавший над своим предметом, историей, в Сорбонне, вызывавший большой интерес у своих преподавателей, а в остальном — хороший товарищ, умный, чистый и отзывчивый молодой человек.

Ле Генн не дал мне никаких указаний о том, что мне следовало искать, и мое первое впечатление было то, что в существовании Любомирского не было решительно ничего скрытого, темного или подозрительного. Но позднее мне стало казаться, что я нашел в хаосе записей нужную нить, нашел то, что должно было интересовать Ле Генна.

Вот какие заметки привлекли мое внимание:

"*5 декабря.* Немножко волнуюсь. Мне предложили сделать исторический доклад на кружке Духовного Возрождения; тема по моему выбору. Заранее известно, что будут присутствовать владыка Вассиан и профессор Коршунов, может быть, еще и другие тузы. Значит, надо подготовиться хорошо, чтобы было глубоко и научно. А с другой стороны, доклад для молодежи, и поэтому необходимо взять увлекательный сюжет. Все бы ничего, но мне дают только 10 дней; а тут еще этот зачет по испанской истории! Но я надеюсь, что его удастся отложить.

7 декабря. Говорил с профессором Мартиньи; старый педант уперся, чтобы я сдавал зачет немедленно. Ничего не поделаешь, но как же быть с докладом на кружке?

8 декабря. Решил сделать так. Возьму тему о тамплиерах, это ново для многих; а читать буду целиком по книжке Lizerand "Le dossier du proce's des templiers", благо я ее недавно читал. Правду сказать, у меня впечатление, что он делает натяжки в пользу храмовников, а факты говорят о другом; но у меня нету времени сейчас готовить свое, а Лизеран — это авторитет. В будущем, может быть, займусь вопросом подробнее.

15 декабря. Доклад оказался настоящим триумфом. Епископ Вассиан меня благодарил и поздравлял, Соломония Максимовна тоже, и многие еще другие. Профессор Коршунов пригласил меня к себе в гости. Про него говорят нехорошие вещи; но я же не девушка и не такой наивный мальчик, чтобы мне было чего бояться. А человек он умный и интересный.

---

1 — Удалось, Мишель?

28 декабря. Был у Коршунова. Он меня ужасно хвалил опять за доклад о тамплиерах; он о них, оказывается, очень высокого мнения и считает, что от них пошло много важных движений, культурных и общественных, и что их влияние было благотворным. Так ли? Мне стало казаться, что их влияние, положим, было сильно, но было насквозь темное. Но я почему-то постеснялся сказать профессору. Он приглашал приходить еще.

10 марта. Много читал по вопросу о тамплиерах. Решительно, Лизеран врет. Даже худшие обвинения, выдвигавшиеся против них, ничем не были преувеличены. Позднейшие находки ведь подтвердили практиковавшийся у них культ Бафомета. У них, явно, были и противоестественный разврат, и сатанизм, и всякие изуверства. И что очень интересно, их орден, мне кажется, не умер, а продолжал подспудно существовать, и совершенно неясно, когда их организация угасла, и угасла ли? Потому что некоторые данные говорят за то, что она и посейчас существует. Говорил с профессором Фонтенаком об этой теме, как о теме для диссертации. Он сперва вроде увлекся, а потом задумался и сказал, что она слишком опасна, вызовет вражду и неприятности, и потому он на нее не согласен. Что за трусость!

15 марта. Был у Коршунова. У меня ощущение, будто я стою на пороге важного открытия. Тут есть тайная и страшная организация с особым эзотерическим учением. Коршунов в ней и хочет меня тоже втянуть. Я делаю вид, будто согласен, потому что хочу распутать все до конца.

19 марта. Я был прав! Нет больше сомнений. И в кружке кое-кто с этой организацией связан — например, Демьянов. И потом: ряд происшествий в кружках 2—3 года назад связаны с этим. Когда пропала Лиза Сергеева, и ее никогда не нашли... когда Маша Рустамова покончила с собой... и, может быть, когда Василий Левенгоф сошел с ума...

22 марта. Боже мой! Я не думал, что это настолько ужасно. Что предпринять? К кому пойти? В полицию? Но они так сильны! Вдруг я и там попаду на их человека? Не знаю, как быть.

Позже. Я, кажется, нашел выход. Пойду к епископу Вассиану; он связан с кружками и, наверное, сумеет что-нибудь придумать.

23 марта. Говорил с епископом, но впечатление у меня осталось неприятное. Сперва владыка меня на редкость ласково встретил, но когда я стал рассказывать о своих подозрениях, он помрачнел и настойчиво несколько раз переспросил, уверен ли я, что не ошибаюсь, что мне не почудилось, и т. п. В заключение сказал, чтобы я ждал и ничего от себя не делал; он обо всем позаботится. Но у меня что-то не легче на душе.

27 марта. Делается что-то жуткое. Мне кажется, что за мной следят. На днях, когда я шел с рю Лепик, от Нади, я заметил, что за мной какой-то человек идет по пятам, и так до самого метро. А вчера какие-то два подозрительных незнакомца за мной увязались по мосту Леваллуа-Бекон и потом по набережной... я с очень неприятным чувством ускорил шаги и почти вбежал домой. Или мне это чудится? Но тогда я, верно, начинаю с ума сходить... Решительно, надо что-то предпринять, и не откладывая..."

На этих словах обрывался дневник.

Когда в час дня, как было условлено, я прочел эти выдержки по-французски Ле Генну, он ударил кулаком по столу в своем бюро.

— Проклятие! Ни к чему не прицепишься, никаких доказательств... Видно, главные секреты бедный юноша унес с собою в могилу. Если бы только, — продолжал он, словно говоря сам с собою, — я мог проследить, где их гнездо! Но до сих пор ничего не удается. Однако, если Богу будет угодно, Он пошлет мне ключ к тайне... Ему все возможно...

* * *

— Что с вами, отец Никанор? Вам нездоровится?

Мне было ужасно досадно, что мой духовный отец, которого я после долгих просьб заманил к себе на обед, почти ничего не ел и, казалось, был где-то далеко, таким рассеянным тоном он поддерживал разговор. Священник погладил бороду и улыбнулся своей чарующей детской улыбкой.

— Нет, ничего, — сказал он, словно встряхнувшись, — у меня было вчера одно приключение, которое меня взволновало, и я не могу вполне о нем позабыть.

— Приключение, батюшка? Какое такое, если это не секрет? Вы мне расскажете?

— Что же, можно рассказать. Поздно вечером меня вызвали по телефону и попросили приехать к умирающему в Монтрейль, подробно указав, как ехать автобусом, а потом дойти пешком. Но я задержался и, не желая опаздывать, нанял такси. Мы приехали в глухое, пустынное место, где при дороге стоит большой дом, на вид полуразваленный и совершенно темный. Я попросил шофера подождать... на стук мне так и не открыли, хотя мне казалось, что я слышу внутри движение, и в одном из окон даже мелькнул на минуту свет. Так и вернулся ни с чем в Париж...

— Что же это означает? — удивился я. — Перепутали, быть может, номер?

— Невозможно. По телефону мне его много раз ясно повторили. Нет, меня это навело на очень нехорошие подозрения... я уже не раз слышал, что тут есть секта сатанистов, которые заманивают священников, чтобы отнять у них Святые Дары и чтобы их подвергнуть всяким издевательствам... Мне тяжело даже подумать, что на свете есть такие люди.

— А какой номер дома, батюшка? — спросил я жадно.

— Что же, и это не секрет. Может быть, мне бы даже следовало предупредить власти, но ведь о чем? Как будто ничего не произошло. Но вы будьте осторожны. Вы ведь уже имели тяжелый опыт...

— Будьте спокойны, отец Никанор.

* * *

— Я замечаю у вас опасную склонность, мой дорогой Ле Генн, — говорил профессор Морэн, подцепляя на вилку кусок сардинки, — вы ищете в душевных болезнях какие-то загадочные явления, чуть ли, мне порой кажется, не потусторонние влияния. А между тем вся эта область, я не буду говорить — проста и ясна, но все же подчинена единообразным естественным законам, и все в ней объяснимо и постижимо рассудком. Что бы вы сказали, если бы вам так часто приходилось иметь дело со всеми формами безумия, как мне!

Ле Генн слушал с дружеским видом и с тем выражением внимания, с каким мы обычно выслушиваем знакомые и уже ставшие привычными доводы, которые нас решительно ни в чем не убеждают. Лишь последние слова Морэна как будто шевельнули в нем интерес.

— В самом деле, профессор, — сказал он, подливая гостю в рюмку ликеру, — у вас бывают такие любопытные случаи! Расскажите мне, что нового попадалось за последнее время в вашей практике.

Собравшееся в этот вечер у Ле Генна небольшое общество разбилось на группы, поглощенные каждая своим разговором, и двое мужчин свободно могли продолжать завязавшуюся беседу.

— Вот эпизод в вашем стиле, — улыбнулся психиатр, польщенный просьбой хозяина. — У меня находится сейчас в клинике девятнадцатилетняя девушка из состоятельной семьи, помешавшаяся на занятиях оккультизмом, или точнее сказать, сатанизмом. Вообразите, что она забрала себе в голову, будто 19 октября должно состояться в Париже явление Люцифера in persona. Причем часть времени она проводит в угнетенном состоянии, плача, что от этого погибнет весь мир и все его обитатели, а другую страстно умоляет меня отпустить ее на этот день на свободу. Самое пикантное во всей истории — это довод, который она приводит: что она является избранной и мистически подготовленной невестой Князя Тьмы, с которой тот должен в этот день соединиться!

К разочарованию врача, Ле Генн не засмеялся. Его быстрые серые глаза были прикованы к календарю на стене: 10 октября.

— Вы давно уже приглашали меня, мой друг, — сказал он после минутного раздумья, — когда-нибудь навестить ваше учреждение. Как вы думаете, если бы завтра? Ну хорошо, тогда послезавтра.

* * *

— Почему вы делаете вид, что так серьезно со мною разговариваете? — спросила Женевьева. — Ведь вы же знаете, что я сумасшедшая.

Ле Генн не мог не подумать, что белый халат выгодно подчеркивал красоту ее матово-смуглого лица, бурной, густой шевелюры и огромных глаз, в глубине которых горел неугасимый огонь страдания и отчаяния.

Инспектор улыбнулся располагающей улыбкой.

— Не только я не знаю ничего подобного, мадемуазель, но я определенно знаю совершенно обратное. Вы здесь на короткий срок — который можно даже заранее точно определить — из-за легкого функционального расстройства нервной системы; а это совершенно то же самое, как если бы у вас была нарушена работа кишечника или печени. И ваш случай тем более не представляет собой ничего угрожающего, что мы ясно знаем его причину и что речь не идет ни о тяжелой наследственности, ни о каком-либо органическом повреждении, а всего-навсего о злоупотреблении наркотиками. С этим, на нынешнем уровне науки, можно покончить в два-три месяца.

— Всякое лечение бесполезно. Как только я смогу, я буду продолжать.

— Вылечить пациента можно и без участия его воли, это чисто терапевтический процесс. Но я решительно не понимаю, мадемуазель, как вы можете желать того, что наносит вам вред и ведет вас к физическим и моральным страданиям, может привести даже к гибели, в здешнем мире и в будущем.

— Есть наслаждения настолько жгучие, настолько бездонные и неслыханные, что ради них не жалко никакой жертвы, — отозвалась девушка, точно в бреду, и странная судорога сладострастия исказила на миг ее черты, — а потом, когда знаешь, что все потеряно, что возврата нет... остается один путь, сгореть скорее в опьянении...

Ле Генн мягко покачал головой.

— Вы еще так молоды, мадемуазель, что вам не известно, что настоящее, единственно ценное человеческое счастье никогда не бывает заключено в бурных наслаждениях. Оно всегда тихо и ясно; никто не может найти счастья в другом, кроме любви к людям, в своем ли узком кругу семьи и друзей, в более ли широком всех ближних. Тот, кто от него отказывается, никогда не совершит выгодной сделки. Простите меня, что я говорю с вами менторским тоном, как отец или учитель; мои года не дают мне на это права, но моя профессия отводит мне тяжелый долг судить и наказывать таких же людей, как я. Мне приходится видеть много страдания... понимать его и даже иногда облегчать. Поверьте мне, прошу вас, что я вам все это говорю только по искреннему чувству симпатии и желания помочь, и не обижайтесь на меня.

Женевьева молчала, понурив голову и скрыв глаза под стрелами черных ресниц. После минутной паузы бретонец продолжал:

— Мне кажется, говоря о погибели и отчаянии, вы имеете в виду вещи куда более важные, чем привычка к кокаину, от которой, клянусь вам честью, врачи этой клиники могут вас навсегда освободить за пару месяцев. И опять-таки позвольте вам сказать откровенно свою мысль... Мы, в полиции, люди часто довольно грубые и не на очень высоком культурном уровне. Но даже и мы, если нам случается иметь дело с молодой девушкой, поддавшейся вредному влиянию среды, всегда поймем, что наша обязанность постараться ей помочь, а не толкать ее в бездну... Неужели же вы думаете, что Бог, Который бесконечно мудрее и милостивее любого человека, может сердиться на бедного заблудившегося ребенка? Если вы только к Нему обратитесь с просьбой...

На поднявшемся к нему бледном лице Женевьевы читалась острая боль.

— Не говорите мне о Боге. В моей семье все атеисты, и я никогда не следовала никакой религии, не ходила в церковь... все это мне чуждо...

— Но теперь вы верите в Бога, мадемуазель, — хотя инспектор говорил тихо и мягко, его слова упали тяжело, словно удар молота, — потому что вы верите в Диавола! Пути Господни неисповедимы...

— Даже если бы я захотела... — Женевьева запиналась теперь с робостью маленькой девочки, — ведь все эти люди... духовенство... они так фанатичны и нетерпимы... И разве я могу рассказать то, что у меня на совести? Нет, никогда!

Ле Генн улыбнулся еще одобрительнее и ласковее, чем раньше.

— Заверяю вас, у вас совсем ложное представление о священниках. И потом, вы вовсе не обязаны немедленно же исповедоваться. Если бы вы мне только разрешили... я бы пришел другой раз с моим личным другом, отцом Франсуа де Росмадеком из кармелитского ордена. Это милейший человек, сама деликатность и доброта. Мы поговорим вместе, как равные, о всех вопросах, которые вас смущают, в области религии и повседневной жизни. Вы ничего не имели бы против?

Девушка сделала безвольный жест рукой.

— Не сейчас... Может быть, когда-нибудь позже... Много позже... Но, скажите, — ее лицо вдруг озарилось неожиданной застенчивой улыбкой, — вы еще придете меня повидать? Не знаю почему, вы принесли мне облегчение; не вашими словами, но вашим сочувствием...

Ле Генн поспешно отозвался, зараз предупредительно и сосредоточенно.

— Само собою, если вы мне не запретите, я буду навещать вас не реже раза в неделю, пока вы тут. И я хотел вам сказать, если этот старый ворчун Морэн вздумает вас чем-нибудь утеснять, то не пугайтесь, а только пожалуйтесь мне. Мы с ним давние приятели, и я знаю способ держать его в руках.

Женевьева не смогла удержаться от тихого мелодического смеха, звук которого продолжал стоять в ушах Ле Генна до самого автобуса, вызывая на его губах счастливую улыбку. У него было впечатление, что он неплохо выполнил свою миссию.

* * *

Холодный, как снег, косой дождь бил в лицо, словно плетью, и безжалостно хлестал безлюдную дорогу и бурую траву, тянувшуюся по сторонам пустырей. Сквозь влажную пелену я различил железную решетку и за ней большой безобразный дом, похожий на спичечную коробку, поставленную на ребро. По бокам искривленные деревья будто с угрозой поднимали к небу свои лишенные листьев сучья. Среди черных прутьев кустарника терялись узкие тропинки, превратившиеся в небольшие ручейки.

Прижавшись к воротам, я долго смотрел внутрь недоверчивым взглядом, потом обошел вокруг дома, выбрал место поудобнее и перелез через забор. Тяжелая дверь над невысоким крыльцом была заперта, и массивные стены из серого камня, казавшиеся сплошной ледяной глыбой, такой мороз исходил от них при прикосновении, не предоставляли никаких отверстий. Высоко над землей виднелись два ряда окон, наглухо закрытых ставнями. Здание, представлялось мне, поворачивало к посетителю сумрачное, враждебное лицо с полуопущенными веками и сжатыми зубами, ощетинившееся подозрением и лукавой ненавистью.

Однако в конце концов я заметил небольшую наружную лесенку, карабкавшуюся почти под крышу. Ее вход был защищен железной калиткой, но я без труда перекинул тело через металлические перила и ступил на ветхие каменные ступеньки, которые издавали под ногами жалобные звуки, наводившие меня на опасение, что они с минуты на минуту рухнут под моим весом.

Взобравшись наверх, я толкнул низенькую деревянную дверцу, и у меня даже дыхание захватило, когда она неожиданно поддалась. Я очутился на хорах, окружавших продолговатую высокую залу, заполнявшую собою два этажа здания. Впрочем, я убедился, что галерея невдалеке прерывалась: часть ее была разрушена. Склонившись над перилами, я жадно смотрел вниз, куда отсюда не было никакой возможности проникнуть — я имел странную глупость не захватить с собой веревки.

Там все тонуло во мраке. Мне чудилось, что я разобрал в одном конце нечто вроде алтаря, к которому вели широкие ступени. И вот в углу неверный луч света, пробивавшийся сквозь щели ставен, как будто вырвал из тьмы бархатную занавесь, вероятно, прикрывавшую вход в другую комнату.

Я не видел почти ничего; я ничего не слышал в царящем окрест гробовом молчании; я даже не ощущал никакого запаха, кроме еле заметной затхлости стоящего пустым помещения. Но что-то похожее на запах веяло на меня со всех сторон, доносилось снизу, отражалось о стены и потолок. Я явственно чувствовал, что это — скверное место... Я слышал дыхание зла... И внутренний голос говорил

мне, что с каждым моментом, который я здесь остаюсь, в мои легкие и поры проникает тлетворный дух, ядовитые и непреодолимые, гибельные для смертного миазмы...

Уф, как было приятно вновь очутиться по ту сторону забора, на пустынной дороге в Париж! Во Франции, всем известно, кафе и бистро на каждом шагу. Как же бы его не было около столь важного стратегического пункта, как остановка автобуса? Оно так и называлось: "A l'arrêt de l'autobus"[1]. В слабо освещенной большой комнате старик-крестьянин сидел над стаканом белого вина, молодой парень, по типу шофер, пил у стойки аперитив. Я заказал себе кофе и уронил, в надежде завязать беседу:

— Что за погода!

— Да, зимой тут невесело, сударь, — охотно отозвался хозяин, толстый краснолицый мужчина, — другое дело летом, когда все вокруг в зелени...

— Мне-то все равно, — поддержал я нить разговора, — я приезжал из Парижа навестить знакомых, на каких-нибудь два часа. А вот тем, кто остается здесь постоянно... Если, например, жить в том доме на пустыре, направо от вас, так с километр; воображаю, какая тоска в холодные месяцы!

— Да там никто и не живет, — по лицу кабатчика словно прошла тень, — так только землю зря занимают...

— Нехорошее это место, — вмешался в разговор старик, — весь околоток нам портит.

— Неужели дом стоит пустым? — удивился я. — В нынешнее-то время, когда квартиры так дороги! Кто же владелец?

— А это целая история, сударь. Вот пусть Эжен вам расскажет, — хозяин кивнул на крестьянина, — он здешний старожил.

Старик польщенно покачал головой.

— И то сказать, помню еще те годы, как им владел Лемаршан... Богатейший человек был, сударь! Какие пиры закатывал! И кто к нему только не приезжал из Парижа; говорят, бывали министры, иностранные принцы... И будто выделывали всякое совсем неподобное: такие оргии устраивали, что других бы за это засадили. Потому он и любил это место, что на пустыре, — а тогда тут куда глуше было; и никаких автобусов, конечно, не ходило. Ну, а как Лемаршан умер, он будто бы завещал дом какому-то философскому обществу... Что это за общество, одному Господу Богу известно. Стоит дом пустой, а иной раз, почти всегда к ночи, съезжаются шикарные господа из Парижа, и тогда в нем до рассвета горит яркий свет, слышен шум... а потом все исчезают, и опять на месяцы ни души.

— Умеют поразвлечься эти типы, а? — ввернул шофер. — Наверное, привозят с собой девочек первого сорта, каких мы и не видим?

Старик снова покачал головой, на этот раз неодобрительно.

— Нет, насчет девочек ничего не видал. Кажется, еще хуже. У таких людей вкус не тот, что у нашего брата. Им подавай что-нибудь особенное.

— Ах, прохвосты! — воскликнул шофер то ли с изумлением, то ли с восхищением.

Но в этот момент под окнами трактира показался ярко освещенный автобус; я поспешно заплатил и вышел.

* * *

— Две координаты скрестились, — сказал мне Ле Генн, — мы знаем место и знаем время. Остается действовать! — его лицо со сжатыми челюстями выражало непреклонную решимость.

Мы оставили автомобиль в небольшом гараже и сделали километра два пешком.

— Я не знаю, отдаешь ли ты себе отчет в серьезности борьбы, в которую ввязываешься? — говорил в дороге профессор Керестели Ле Генну. — Серьезности в двух отношениях. С одной стороны, ты можешь наткнуться на оппозицию столь важных лиц, на такие закулисные влияния, что вся твоя карьера и даже твой теперешний служебный пост могут оказаться в опасности...

---

1 "У остановки автобуса".

— Будь покоен, старина, все эти соображения никак не могут помешать мне выполнить мой долг и ковырнуть основательно палкой в этом грязном муравейнике, — мрачно бросил инспектор, надвигая шляпу на глаза, чтобы не сорвал резкий ветер.

— С другой, — непоколебимо продолжал венгр, — мы идем сейчас против оккультных сил на самой их вершине; нам предстоит через полчаса или час встретиться с людьми, по уму и знаниям составляющими штаб парижского сатанизма; и это — страшные люди, люди большой мощи и твердой воли ко злу.

— Этот дом? — спросил меня Ле Генн.

Я кивнул и показал место, где, на мой взгляд, было удобнее перебраться через забор.

* * *

Густые волны своеобразного дурманящего и возбуждающего аромата стлались над залом, затуманивая свет многочисленных свеч, едва рассеивавших мглу обширного помещения... аромата столь странного, что я не мог бы сказать, приятен он или нет, ибо в нем перемешивалось сладкое благоухание с оттенками мешающего дышать зловония... К моему удивлению, теснившаяся внизу толпа состояла из одних мужчин... правда, в ней, наряду с почтенными стариками в великолепных костюмах, виднелись молодые люди, в красоте которых было для меня нечто омерзительное и навевающее гадливость. Жуть охватила меня, когда я узнал в председателе профессора Коршунова, одного из столпов русской колонии в Париже, а в первых рядах публики заметил седую пушистую бороду и почтенное брюшко епископа Вассиана Культяева... Тихим, изумленным шепотом Ле Генн назвал мне и Керестели имена нескольких видных лиц, французов и иностранцев, из числа присутствовавших...

То, что делалось в зале, было отвратительной пародией на христианское богослужение; читались пугающие и запутанные гностические символы веры, произносились кощунственные моления Дьяволу и злым духам, и в кошмарном коротком слове, во время которого у самого их председателя дыхание перехватило от волнения, он напомнил верным о величии нынешнего дня, когда должно свершиться наконец их многолетнее упование.

Чувствовалось, что обряд близится к своей кульминационной точке; все большее возбуждение охватывало зал. Жрец покинул возвышение и смешался с молящимися.

Вдруг все как один опустились на четвереньки и стали хрюкать, как свиньи... Это не было смешно. Я видел, как Керестели поднял руку ко рту и впился в нее зубами, чтобы удержать рвущийся из горла крик ужаса; видел, как Ле Генн, бледный как смерть, забыв об осторожности, перевесился через перила. вцепившись в них руками.

Какое-то облако сгущалось над алтарем, серое, бесформенное... в центре его клубилось что-то черное, словно спутанные щупальца спрута... и из них постепенно образовывалась непередаваемая фигура, в контурах которой угадывались смутные, гротескно искаженные человеческие очертания...

Многим ли приходилось видеть молнию в нескольких шагах перед собой? Ее ослепительное пламя прорезало колеблющийся густой воздух, полный нечистых испарений, и резкий, свежий запах озона почти ударил меня по ноздрям... при звуке грома, ужасном, как рычание целого сонма львов, но величественном, как грозная мелодия, я видел на миг сотню бледных лиц, оторвавшихся от пола... затем все свечи погасли от дуновения ветра, и в полной тьме стало слышно, как все стремительнее катится с потолка лавина тяжелых камней... дикие, нечеловеческие крики и стоны слились в адский концерт... В моей памяти мелькнуло: "И будет тьма и скрежет зубовный"...

Один за другим мы вихрем слетели с лесенки, от которой под нашими ногами отделялись ступеньки, и, преследуемые диким воем, несшимся за нами по пятам, кинулись бежать изо всех сил... Но прежде чем мы успели достигнуть забора, Ле Генн вдруг споткнулся, поднял руку к груди и упал лицом в землю.

— Шарль! — вырвалось у Керестели. По звуку его голоса я понял впервые, какая глубокая дружба связывала этих двух людей. Прежде чем я успел пошеве-

литься, профессор держал уже голову Ле Генна у себя на коленях; он быстро расстегнул ему ворот — в моих глазах мелькнул на мгновение золотой крестик — и положил руку на сердце. Прошла минута, и венгр с облегчением поднял голову.

— Ничего, он сейчас придет в себя. Боже мой! Что бы я сказал этой славной Аннаик, которая так трогательно угощает меня каждый раз всякими бретонскими лакомствами...

Мы были настолько поглощены заботой о друге, что стоявший кругом грохот сорвавшегося с цепей хаоса перестал доходить до нашего сознания. Лишь теперь мы повернули глаза туда, где стоял дом... и нам представилась бесформенная высокая груда щебня.

* * *

Я имел некоторое представление о том, что Франция, внешне кажущаяся страной совершенной анархии и ничем не ограниченной свободы, в действительности управляется железной рукой и что администрация и полиция могут в ней сделать почти все, что угодно. Тем не менее меня поразило, что такой скандал можно было задушить, и притом настолько полным образом. Ни слова в прессе... молчание во всех официальных кругах... быстрая, эффективная замена всех исчезнувших со сцены персонажей... Появились только мелкие заметки о том, что в Монтрейле обрушился старый, много лет пустовавший дом... и несколько приличных, почтительных некрологов во французской и русской печати о внезапно скончавшихся деятелях в области политики, искусства и науки. Об обстоятельствах их кончины упоминалось весьма неясно и глухо...

Несколько дней меня удивляло, что жизнь продолжается, как ни в чем не бывало, после того, что я видел своими глазами... Затем меня поглотили прежние повседневные интересы, заботы, мелкие печали и радости. И то сказать — это была первая странная история, с которой мне привелось столкнуться.

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ

ПРИХОДЯТ НЕЗАМЕТНО СВЕТ И КОСМОС

СНЕГ

В любви признаться, в грехах покаяться,
нет веры в руках, нет правды в ногах,
темнеет сердце и успокаивается
душа, купаясь в больших снегах.

Со мною рядом печаль неслышная,
коростой синей покрытый пруд;
улыбка, руки, глаза — все лишнее,
слова любви — лишние тут.

Тот воздух — лекарство от старения, —
твое дыханье пью-недопью;
меняясь, мимо идут столетия,
а я, как стоял, так и стою.

Седой, заросший, вечно болеющий
за древний холод жаркой земли,
в темнеющем сердце белеющий
здесь и здесь, вдали и в дали.

ПРЕДЗНАНЬЕ

Замолкни, заглохни,
затихни,заткнись,
разбейся на реплики в хмурой досаде
от мысли, которую вынесла мысль
о жизни, о жизни, оставленной сзади.

Итак: поднимались; итак: поднялись
в печаль об утраченном памятью саде;
итак: отреклись, но холодная высь
слезой засквозила
в растерянном взгляде.

Сквозь слезы я вижу не пепел,
а луг,
по кругу уходят друг в друга растенья,
проходит по полю не пламя, а плуг,
смыкая широкие черные звенья.

Под куполом памяти сердца и рук
мне воля дана и отвага предзнанья,
плетет паутину железный паук
в густой темноте моего мирозданья.

Великий порядок земных величин
в дырявом уме по частям собираю,
смыкаю незримою цепью причин
любовь и презренье к родимому краю.

Таятся пророчества в складках одежд,
словами стирается горькое-злое.

МАКАРОВ Александр Михайлович родился в 1946 году в селе Еремееве Тамбовской области. Служил на Северном флоте. Окончил Литературный институт. Автор нескольких книг стихотворений. Член Союза писателей. Живет в Староюрьевском районе на Тамбовщине.

Есть время в душе
для молитв и надежд,
есть время и место
в предсказанном слове.

КРУЧИНА

В белой-белой рубахе
под белым небом,
легкой поступью, легкой,
а на сердце ком,
по тебя, моя жалость,
по снегу над снегом,
по зеленое небо иду босиком.

О тяжелое колесо, колесо, а не солнце,
ох, не солнце меня согревает, а злость;
не тревожит,
что прямо в объятья несется,
но печалит,
что мимо души пронеслось.

Я на эту дорожку ступил понарошку,
потому что от радости зол был и хмур;
мне с картошки на хлеб,
а с хлебов на картошку, —
незаметно советовал жить Эпикур.

Теплый след мой холодный
почти незаметен;
хорошо бы со снега
да водки сто грамм...
Не за тем, не для этого, о, не за этим,
босиком, легкой поступью
я по снегам...

К ГОРАЦИЮ

Гораций, грустно, лишь стихи одни
жизнь украшают, скрашивают дни,
судьбу спасая;
нет в жизни вех, со мной играет век
что с мышью кот: то поднимая вверх,
то вниз бросая.

События обманули вновь меня;
талант, как жар небесного огня,
остыл, нет света;
не удалось и не отозвалось,
в пивных и у прилавков расплылось
лицо поэта.

В углу, где плачет свечка по ночам,
найдешь стакан, бутылку и кочан
гнилой капусты.
Прими мое признание в любви.
Счастливым быть
меж грустными людьми,
Гораций, грустно.

Донашивая старое пальто,
будь грустно опечаленным, никто
из сильных мира
сего — будь сатана иль херувим —
не смог счастливым, радостным,
живым
вернуться с пира.

* * *

Щебень, труха и валежник,
все это видимость, брат:
спрятался в камне подснежник,
в прахе скрывается сад.

Спряталось все, что красиво,
от мотыльков до опят,
чтобы нечистая сила
не погубила опять.

Спрятались звонкие реки
в желтом, сухом камыше;
что-то исчезло навеки,
что-то пропало в душе.

Но от кремля до яранги
весть, — от земли до небес, —
скоро поднимется ангел,
в бездну низвергнется бес.

Вырастет свежий подснежник,
дивный распустится сад.
Щебень, труха и валежник, —
все это видимость, брат...

* * *

Пока угрюмых седин не нажил ты,
цвети...

Гораций

Вот и нажил я угрюмую седину;
все в судьбе растерял, кроме верности
тихой реке, где ерш темную глубину
предпочитает блестящей поверхности.

Лихорадочный блеск Марса;
больной небосвод;
но больное любишь до самозабвения.
Я придумаю музыку и слова, а споет
представитель другого поколения.

Возраст осени; время яблоки собирать,
сбитые бурей в глубине сада;
да и воском пора щеки свои натирать,
что постыдно краснеют от взгляда.

* * *

И вот меня не стало в этих водах,
где спят глухие башни небосвода,
покрытые густой тяжелой пылью.
Как холодно в пустых высоких залах,
где я бывал и где меня не стало,
где ангелы ломают свои крылья.

Я пил душой и памятью, но жажды
не утолил, и вот меня однажды
не стало, ропот листьев под откосом,
где жил, на слово "Саша" откликаясь.
Уходит постепенно грязь и хаос,
приходят незаметно свет и космос.

ОЛЕГ ОВСЯННИКОВ

ЧИСТИЛИЩЕ

ПОВЕСТЬ-ЭССЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

Падающий снег заносил лежащего недалеко от темнеющей избушки человека. Холод ледяным спокойствием вползал в его тело, унося в мир, где не было злости, подлости, боли. Убаюкивая своим равнодушием, медленно подменял волю безразличием и ленью. Сергей засыпал, растворяясь в этом безмолвии. Темнота окутывала мысли плотной стеной. И уже казалось: самый лучший выход его истерзанной душе — просто утонуть в сладкой дреме, никогда более не возвращаясь в полный несправедливости мир. Но завесу мертвящей патоки как будто сдернуло видение.

Он опять увидел лестницу, уходящую в высоту, и далеко впереди поднимающегося по ней старца. Увидел себя беспомощно стоящим на ступеньках, не в силах оторвать от них ног. Почувствовав порыв ветра, толкающего назад, Сергей понял: если сейчас упадет, то покатится вниз без права еще одного восхождения. И собрав всю свою волю, стиснув зубы, он рванулся вперед, понимая, что и на этот раз удалось избежать падения.

Сергей открыл глаза, превозмогая боль в теле, поднялся. Подойдя к двери, с отчаянной тоской вглядываясь в темноту проема, снова ощутил смертельную тоску потери. И не заходя в дом, отыскал занесенные снегом лыжи и, еще не зная, как поступить, направился в лес. Шел долго, в темноте не различая дороги, полагался только на интуицию, иногда прислоняясь к деревьям, стремился в струящемся потоке информации уловить сообщения о людях, пробирающихся в этой пурге сквозь тайгу.

Уже под утро, видя, что стихия не унимается, залез под занесенную снегом ель, обнимая ствол, попытался забыться сном под рев беснующегося ветра. Когда перешел грань сна, он не почувствовал. Просто неожиданно оказался в своей родной избушке. Весело потрескивала печь, светила лампа, казалось, что дед жив и просто ушел к Ояшке. И даже присутствие постороннего не тревожило его. Тот сидел за столом, своей странной внешностью нисколько не вызывая у Сергея тревоги. Это был высокий мужчина с прямыми черными волосами, облегающими его бледное продолговатое лицо, на котором выделялись огромные глаза с темно-бордовыми зрачками. Его худые руки с поразительно прямыми, заостренными пальцами покоились на столе. Одетый в черный плащ с разлетевшимися в стороны полами и белую как снег рубашку, аккуратно застегнутую на все пуговицы, — всем своим видом напоминал городского жителя. Внезапно он заговорил, будто пауза лишь на миг прервала долго длившуюся беседу.

— Пойми. Решая ликвидировать создающиеся системы разрушения, Господь вынужден был поручать это более сильной форме. Но и эта мощная сила, уничтожая зло, сама превращается в еще более могущественную власть, для уничтожения которой требовалась бы формация, обладающая уже божественными возможностями. Этот бесконечный процесс мог бы привести к появлению антиразума, антибога с таким потен-

Продолжение. Начало в № 6, 12 за 1993 год.

циалом мощи, для которого не будет противника. И тогда Господь нашел способ, как остановить этот конвейер, ведущий к возникновению сверхзла. Об этом вам, людям, поведал Сын Божий Иисус. "И если сатана сатану изгоняет, то он в самом себе разделился: как же устоит царство его?" Матфей, гл. 12, ст. 26. Неужто непонятно: стоит замкнуть зло на себе самом, как оно начнет уничтожать все себе подобное. Для этого появился я. В некоторых религиях меня называли Губитель, в Каббале даже присвоили имя Асмодей — ангел-Истребитель. А впрочем, какая разница, как называть, главное — мне не присуще стремление созидания какой-либо системы, способной увлекать народы. Моя задача состоит в том, чтобы направить зло против самого себя. А если еще проще, я выполняю миссию неотвратимого наказания зла. Я — палач, преследующий его везде, куда бы оно ни скрылось, и в этом мне помогает все, что существует в вашем мире. Ничто не может спасти уже приговоренного к наказанию высшим судом.

Незнакомец встал и, подойдя к Сергею, взял его за руку.

— Пойдем, я попытаюсь показать тебе.

Тут же Сергея подхватила неведомая сила, все закружилось вокруг, а когда мрак рассеялся, они стояли среди великолепного сада, аккуратные мраморные дорожки рассекали его по периметру, вокруг виднелись мраморные статуи и бронзовые бюсты.

— Где мы? — в изумлении спросил Сергей.

— Это Рим, а мы в саду Нерона. Смотри, — ответил незнакомец.

Толпы людей гуляли среди цветов, играла музыка, и тут до слуха Сергея стали доноситься душераздирающие крики. Оглянувшись, он увидел вкопанные в землю столбы, к ним были привязаны люди, обмотанные кусками материи, на их коже, смазанной маслом, играли блики огня. Между столбами суетились воины, поджигая привязанных факелами. Они вспыхивали как свечи, озаряя все вокруг ярким светом и заполняя весь сад дикими криками, которые тонули в звуках музыки.

От нахлынувшего ужаса Сергей ладонями закрыл глаза, но незнакомец настойчивым движением отвел его руку. Пред ними предстал стадион, заполненный народом, в одной из лож приподнялся человек, взмахнул платком, и тут же на арену вытолкнули толпу людей, одетых в звериные шкуры. Затем открылись решетки, и стая диких животных — волки, львы, тигры — выскочила на арену. В этом реве, в тычках стрел и копий, бросаемых со зрительских мест, только в стоящих перед ними беззащитных могли удовлетворить они свою слепую ярость, набросившись, рвали их на части, заливая арену потоками крови. Остекленевшими от ужаса глазами Сергей наблюдал за происходящим, с трудом улавливая слова, произносимые его спутником.

— Вот так Нерон расправлялся с христианами, убивая ради забавы тысячами, обвинив их в поджоге Рима. А теперь перенесемся вперед.

Моментально все померкло, и, уже находясь в убого обставленной комнате, Сергей увидел в судорогах катающегося по полу Нерона. Клочья пены вываливались из его рта, он захлебывался в крике, корчась на полу. В комнату вошли двое и один, наклонившись к хрипевшему цезарю, ударил мечом наотмашь, распоров тунику вместе с животом. Наружу в розовой пене вывалились кишки. Хватая их руками, лежащий истошно заорал. Истребитель, медленно подойдя к умирающему, пристально взглянул в выпученные глаза Нерона. Жуткий страх исказил черты его лица, и, в последний раз дернувшись, он застыл.

И снова они сидели в дедовской избушке, незнакомец в своей неизменной позе за столом, Сергей у раскаленной печки. Первым нарушил молчание Сергей.

— Неужели ты не можешь совсем истребить зло на Земле?

— Мне этого не дано. Ведь если Бог установил эти противоположности: добро против зла и зло против добра, добро идет от добра, зло от зла, добро очищает зло, а зло — добро, добро сохраняется для добра, а зло для зла, не принцип ли это чистилища? Непонятно? Зло должно выявлять своих в рядах добра, добро же — помочь спастись случайно заблудшим во зле. Уничтожению подлежит хаос, анархия, беспредел. А если верховным судьей в споре со злом хочет быть человек? То как он может судить зло, не познав его? Вдумайся хотя бы в это: вот сейчас весь мир борется за энергию и, решая эту проблему, открывают энергию,

способную уничтожить человечество. А ведь вам Господь оставил секрет вечного топлива. Стоит вспомнить: в гробнице по Апиевой дороге, которая была вскрыта во времена папства Павла III, нашли горящую лампу в герметически закрытом в течение 1600 лет помещении. О вечно горящих лампах знали во всех частях света. Плутарх писал о лампе, которая горела над дверью храма Юпитера Аммона, жрецы утверждали, что лампа горит уже несколько веков без топлива. В 1550 году на острове Несида в Неаполитанском заливе была вскрыта великолепная гробница, в которой находилась горевшая лампа. Зажжена она была еще до начала христианской эры. Фонарь обнаружили близ Рима в 1401 году, он был найден в гробнице Полланта сына Эдварда, о котором писал Вергилий в своей "Энеиде". Лампа была поставлена в изголовье и горела ровным огнем 2000 лет. И что же, все это было признано дьявольским изобретением. Хотя многие пытались разгадать секрет вечного топлива. Это и Блаватская, и Уинн Уэсткот, а толку?! Этой проблемой должно было заниматься человечество. Теперь сидите и тряситесь: надоест Земле терпеть вас, тряхнет в нужном месте в нужное время — и полчеловечества в бездну. В муках и страданиях.

— Откуда ты все это знаешь? — подал голос Сергей.

— Я вечный. Мой удел наблюдать все оказии мира. Вот ведь ты сам до сих пор поверить не можешь, что любое зло рано или поздно наказуемо. Тебя в этом убеждать надо, доказывать, что зло, перешедшее границу внутреннего сомнения и облекшись в форму действия, уже обречено. Тебе примеры подавай, пока сам не увидишь, не поверишь. В этом-то и есть ваша слабость. Но главная сложность заключается в другом: понимание сути зла приходит только к тем, кто воочию столкнулся с его силой. При этом часто забывается, что видимое — только малая часть невидимого. Ведь почти никто не обращает внимания на слова, книги, телевидение, считая это не особенно серьезным по сравнению с действием. Но еще старинная христианская легенда гласит: дьявол не может схватить мысль, пока она не материализовалась в речь. В этом и парадокс. Смотришь, жертва зла, обращаясь к Богу, упрекает: "Покарай, почему Земля таких носит?", забывая, что для кого-то это зло воспринимается как добро и этому человеку желают долгих лет, прося у Господа защитить его, и что делать прикажешь? Так было с Гитлером, Лениным, Сталиным. Для одних исчадие ада, для других спаситель. И кто из людей способен определить степень добра для одних и величину совершенного зла для других?

— И что же в этом случае делать? — заинтересованно спросил Сергей.

— Господь поступает просто, отбирая то, что принадлежит Ему по праву — душу, — твердо ответил сидящий напротив. — Лишая покоя, уверенности, умиротворенности. Вот и мечутся, пытаясь забыться, в ночных балах, как Наполеон, или, переодевшись, идут в кабаки, слушая пьяный бред и наблюдая драки, как Иоанн Грозный. А вспомни неожиданные приказы Гитлера среди ночи: и летели гонцы, свозя в его резиденцию молодежь, музыкантов, и только среди этого веселья он забывался тревожным сном. А ночные концерты в Кремле Сталина, ежевечерние попойки, боязнь остаться одному. И все это до той поры, пока масса прозревших и понявших, что их кумир разрушитель, что он крушит все на своем пути, толкая свой народ или государство к гибели, не перейдет критическую черту. Только тогда, по воле Бога, могу вступить в действие я — Истребитель, замкнув зло на самом себе, заканчивая еще одну попытку проявления его на Земле. Но пока большинство будет пребывать в неуверенности относительно определения истинного зла, Господь наблюдает. Поэтому ему и нужны люди, способные заставить зло скинуть маску добродетели. Нужны Чистильщики, провоцирующие зло на действие, вызывающие всю его ярость на себя и готовые к этому. И ты один из них. Я направлен к тебе, чтобы убедить тебя в этом.

Незнакомец встал и не оглядываясь вышел из комнаты.

Видение поблекло и пропало. Сергей открыл глаза, обнаружив себя под занесенной снегом елью. Прокопав ход, он выбрался из сугроба. Вытащил лыжи и под утихающие порывы ветра уверенно направился в глубину леса. Он уже не просил помощи у деревьев, не обращался с мольбой к духам тайги. Шел, точно зная, где сейчас находятся те, кого он искал. Изредка что-то бурчал на ходу, как будто продолжал непрерыва-

емую беседу. И только по безумному блеску глаз, резкости движений можно было понять, какие с ним произошли перемены. Его сознание и восприятие реальности стали теперь далекими от того, что называют нормальным.

Быстро скользя на лыжах меж деревьев, на ходу хватая ртом снег с веток, временами срывался на бег, яростно ускоряясь. С лету выскакивая на поляны, не пытаясь даже соблюдать элементарную осторожность, всем видом показывая, что ему уже давно известно местонахождение его цели. Уже в сумерках Сергей, неожиданно остановившись у огромного кедра, снял лыжи и, как тигр на охоте, стал медленно красться к куче валежника, еле угадываемого на краю небольшой просеки. Троим, сидящим за стеной срубленных и наваленных против ветра деревьев, не приходило в голову, что в метре от них, среди ветвей и снега, по макушку залезший в сугроб, сидит человек, внимательно наблюдая за каждым их движением. Трое сидели вокруг костра, на огне, нанизанное на палке, жарилось мясо. Один из сидящих, с лицом порочного Амура, некогда сыто-круглого, но ввиду обстоятельств слегка осунувшегося, — повисшие складки напоминали бульдожью морду, — с жадностью жрал какую-то бурду из консервной банки, мерзко, как упырь, причмокивая. Сидящий рядом с ним мужик, с черной бородой и водянистыми глазами на скуластом лице, выбросил в костер окурок и, не выдержав, громко крикнул:

— Ну ты и жрешь, Мямля! Как же гадко ты хаваешь. Сколько лет вместе, а привыкнуть к этому не могу. Ты бы и среди свиней был главный жрун.

— Я не виноват, что постоянно есть хочу, — с набитым ртом промычал Мямля. — Мне по кайфу есть чего-нибудь. Ты, вон, людей режешь с удовольствием и ничего. А тут похавать нельзя. Чего ты бесишься, Ржавый?

Мужчину с бородой подбросило, словно пружиной, откинув лежащий на коленях автомат, он вскочил перед говорившим и с неожиданной злостью выпалил:

— Да вы, мне, суки, хуже горькой редьки надоели! Стебаетесь рядом уже три года, вы же стайные, ничего сами сделать не можете. Шестерки поганые, даже в делах среди своих крысятничали, за что по ушам и получили, сухари ломаные. Как чего коснется, так сразу: Ржавый, Ржавый, что делать? Среди братвы напакостили, так к ментам переметнулись, только бы свои жалкие душонки спасти. С зоны дергать, опять я, вертухаев резать — только после меня, а сейчас вас кто ведет? Потому что после третьей ходки бичевал здесь на смолокурне года два, все вдоль и поперек на пузе пролазил. И заимку еще тогда вместе с корешами на всякий случай в глуши сколотили, как знал, что понадобится. А теперь смотри-ка, голос подаете.

В наступившей тишине резко прозвучал вопрос третьего — сидящего на корточках у костра молодого парня в черном тулупе и меховой шапке, закрывающей и так еле различимое в темноте лицо.

— А сам-то чего среди нас очутился? Если блатной, то что же ты до пресхаты ссучился?

Ржавый опустился на лежащий рядом рюкзак и, уставившись на языки пламени, ни к кому не обращаясь, заговорил.

— Я ломоть отрезанный. На мне висяков несчитано, Богом проклят, да, видно, и черта уже не интересую, потому как в аду мне место уже застолбили. Для меня в этой жизни джазонуть весь смысл. От водки не кайфую, бабы до рвоты противны, ширево кроме провалов в черную яму ничего не приносит, спать уже лет пять как по-нормальному перестал. Одному оставаться, хуже беды у виска. Одна радость — людские жизни корежить. Вот и занялся по найму человечков хлопать. А уж там я не разбирался, хозяйские это, деловые, или в законе, все едино. Ну а когда повязали, кроме как подготовки да и еще кое-какой мелочи на суде доказать не удалось. Зато авторитеты дознались, так что мне еще в одиночке с баландой через ксиву смертный приговор передали. А уж когда менты с вами, козлами, в одной упряжке беспредел замутить предложили, тут и подумал: еще двоих-троих с собой в преисподнюю зацепить успею, все ж не одному в котле вариться. Смотришь, и словом перемолвимся.

— Сплюнь, Ржавый, хватит, вечно жути нагонишь, — плаксиво заску-

лил Мямля. — Лучше скажи, долго нам сидеть на этой заимке.

— Да нет, — смеясь пояснил Ржавый, — годик-два посидим, смотришь, геологов подловим, как-нибудь да выпутаемся. Главное, чтоб вы с Ломаным по своей дурости какой-нибудь фокус не выкинули. Если что, порву как газету. Ясно?! Теперь давайте спать укладываться. Нам поутру, пока пурга да снегопад, далеко уйти надо.

Все трое, достав из рюкзака палатку, спальные мешки и подбросив в костер сучьев, стали разгребать в снегу место для сна. Сергей незамеченным отполз от костра и, вернувшись к кедру, сел, прислонившись к нему спиной, с безразличием наблюдая из темноты за слабыми отблесками костра, играющего на покрытых снегом ветках сосны. Найдя этих троих, ворвавшихся в его жизнь разрушительным смерчем, он не находил главного решения: как ему поступить? Он ждал, что поднимется знакомая волна ненависти, мобилизует все его силы для решения одной задачи, и он поймет, что нужно делать. Но шло время, а внутренней уверенности не наступало. И когда, не в силах переносить эту пытку, решимость начала расти в его душе, от соседнего дерева отделилась фигура, и, не утопая в сугробах, лишь чуть загребая снег полами длинного черного плаща, к нему подошел недавний знакомый. Сергей попытался отогнать видение, зачерпнув ладонями снег, стал натирать им лицо, но, открыв глаза, еще четче увидел стоящего перед ним Истребителя. "Все, я приехал. Сейчас я не сплю, у меня глюки. Надо взять себя в руки," — подумал Сергей.

— Даже не пытайся, — заговорил незнакомец. — Ты избран, тебе многое будет открыто. Единственное, что ты не должен делать, это бояться. Еще Сократ говорил, что никто из смертных не знает: смерть благо или зло. Не сомневайся в себе, ты ищешь дорогу к победе над злом, но тогда искренне верь в добро, ради которого готов вступить в схватку. Неужели ты думаешь, Господь отдаст или способен предать тебя ночи? Ведь эти свойства присущи только злу. Пойми, что в абсолютной темноте искра — это уже свет. И если ты сможешь зажечь искру, темнота не абсолютна. Если ты поверишь, что добродетель, взрастая в одном человеке, стремится воплотиться в добродетель народа, а народ в государство, ты осознаешь смысл победы добра. К этому призывал Христос. Так же действует зло. Побеждая человека, стремится захватить народ и государство. Веря в конечную победу святого, будь полностью уверен в неотвратимой гибели зла. Для этого есть я — Истребитель.

Незнакомец медленно отошел от Сергея и тут же растаял в окружающей темноте.

Сон, явь, видение — все смешалось в сознании. Понять реальность такой, какая она есть, он уже явно не мог. Но непоколебимая уверенность в том, что все происходившее в нем не служит силам тьмы, уже не подвергалась сомнению. В его организме явно происходили перемены, мелькнула мысль, что он не чувствует холода, голод вообще оставил его. Возврат к реальности происходил без его ведома, только чувство всеобъемлющего понимания происходящего с ним охватывало все сильнее и сильнее. Он почти не заметил наступившего рассвета. Только почувствовав пробуждение находившихся рядом, он поднялся. Углубившись в заросли занесенного снегом ельника, он опять превратился в настороженного охотника. С этой стороны просеки стоянка открывалась как на ладони. Было видно, как трое спешно собирались в дорогу. Укладывали вещи, разбрасывали валежник, служивший им защитой от ночной метели. Утро встретило их снегопадом, но ветер стих.

Все трое, уже почти готовые к дороге, о чем-то живо переговаривались. Затем, утопая в рыхлом снегу, направились через просеку к видневшемуся вдалеке ельнику. В походке идущего первым огромного мужика чувствовалась уверенность бывалого таежника. Он первым прокладывал дорогу, не оглядываясь назад, задавал темп. По его лыжне суматошно, стараясь не отстать, поспевал более молодой спутник. Замыкал процессию идущий последним полноватый, женоподобный Мямля. Было видно, что ходьба на охотничьих лыжах дается ему с огромным трудом, он постоянно останавливался, поправляя на спине рюкзак, пытаясь удобней расположить болтающийся на груди автомат. Еще не пройдя и четверти просеки, он уже отстал на добрых сто метров от своих товарищей.

Сергей, наблюдая со стороны, решил параллельно обойти двигающих-

ся в глубь леса. Вдруг он почувствовал приближение чего-то постороннего. Это был какой-то сгусток страха, переплетенный с яростью. Сергей замер в ельнике, ожидая стремительно приближающуюся силу. Внезапно на просеку, взрыхляя глубокий снег, выскочил огромный кабан с окровавленными боками. Проскочив по инерции несколько метров, затравленное животное увидело перед собой оцепеневшего от страха Мямлю. Кабан на секунду замер, затем, сделав подобие виража, уже готов был ринуться в лес, но натолкнулся на бегущих по его следу двух огромных волков. Перед глазами Сергея разыгрывалась трагедия. Остановившиеся звери злобно смотрели на застывшую перед ними жертву, поводя мордами в сторону невесть откуда взявшегося человека. Кабан, встретившись в упор со своими преследователями, стремительно развернулся и, видно, решив прорываться через просеку, с визгом бросился в сторону стоящего как столб человека. Неповоротливый, видимо, в первый раз столкнувшийся с дикими зверями, забыв про висящий на груди автомат, Мямля боком повалился в снег, пытаясь поджать под себя ноги. Кабан налетел на него как вихрь. Брызги снега, истошный вопль, рев обезумевшего животного — все смешалось воедино. Из этого клубка вылетела визжащая туша, пулей пронеслась через просеку и скрылась среди деревьев, оставив позади себя хрипящего, корчащегося от боли среди снега человека.

От конца просеки к нему уже спешили его товарищи, ничего не понявшие в происшедшем. Они склонились над лежащим, затем, положив его на снятые лыжи, волоком потащили к своей прежней стоянке. До Сергея долетали приглушенные расстоянием голоса.

— Ржавый, что это было?

— Что, что?! Волки кабана гоняли. А свинья свинью найдет. Вот сука, все брюхо ему распорол. Смотри, кровища как прет. Все, не жилец Мямля, лучше, пока не очнулся, добить.

— Кончай ты, вдруг обойдется, — заныл молодой.

— Обойдется, ну и копайся с ним сам. Ты лучше, Ломаный, от него автомат подальше держи, он сейчас очнется, как поймет, что кранты, будет возможность тебя с собой зацепить — попытается. Идем покурим лучше, тут и решим, что делать.

Они отошли в сторону и закурили, наблюдая за раненым. Вскоре послышался первый стон приходящего в себя Мямли. Затем боль полностью привела его в сознание — он заорал. Ощупывая себя руками, добрался до раны, перебирая куски кровавого мяса вместе с обрывками одежды.

— Ржавый, Ломаный, братва, мне врач нужен, спасите. Ну что вы молчите, мы же вместе столько пережили. Ржавый, ну сделай что-нибудь. — И снова, не выдержав боли, завыл.

— Слышь, Мямля, сдохни хоть достойно. Что я тебе, фраер, байки травить, это, мол, неопасно. Сам ведь своими руками все потрогал, — огрызнулся Ржавый и, докурив сигарету, бросил окурок в снег. — Вот что, Ломаный, хочешь, сиди с ним, он еще часа два отходить будет, а я его визги слушать не намерен. Желаешь ему помочь, мой тебе совет: добей. Пока снегопад — надо отрываться.

Он встал и медленно начал надевать лыжи. Взяв рюкзак, забросил его на спину, подтянул к себе мешок Мямли, надел его на грудь и как бы нехотя пошел по просеке. Ломаный мгновение раздумывал, затем подхватился и, пытаясь не оглядываться, засеменил вдогонку. Они медленно удалялись, сопровождаемые проклятиями Мямли.

Сергей выждал, когда они скрылись в лесу и направился к лежащему. Подойдя к нему вплотную, он остановился, с безразличием всматриваясь в бледное, уже отмеченное печатью смерти лицо одного из тех, чья гибель должна была принести ему облегчение. Он даже не отводил взгляда, встречаясь с глазами ищущего сочувствия человека. Ни его стоны, ни временами затихающие причитания, ни вид растерзанного тела не могли вызвать в его душе сострадания. Заледенелое безразличие видел на лице стоящего перед собой умирающий. С последним усилием, попытавшись что-то сказать, он напрягся и захрипел...

Ночь заставила бредущих сквозь метель расположиться на ночлег. Ржавый умело выбрал место меж тесно стоящих друг возле друга деревьев, утоптал сугроб и развел костер. Его напарник тут же рухнул на срубленные ветви ельника и мгновенно уснул. Ржавый еще долго смотрел в темноту, к чему-то напряженно прислушиваясь, судорожно вдыхая по-

рывы ветра, как зверь, чувствуя чье-то присутствие, поворачивал голову из стороны в сторону. С таким же сосредоточенным вниманием всматривался Сергей в темный силуэт, высвечиваемый пламенем костра.

В своем безумии перейдя в иной мир ощущений, он не нуждался в отдыхе и сне. И только сейчас, увидев, что с этими двумя ничего не произошло в его отсутствие, он испытал облегчение. Подойдя к лежащему на снегу кедру, поваленному пронесшейся бурей, Сергей залез под его еще пахнущие жизнью ветви и, закрыв глаза, уже сознательно стал ждать появления Истребителя. Перехода он опять не заметил, но, очутившись в избушке деда с потрескивающей огнем печкой, почувствовал радость. Его собеседник, как и прежде, расположился за столом, на том самом месте, где так часто любил сидеть дед.

Неожиданно он предложил:

— Хочешь, анекдот расскажу? Слушай. Стук в дверь. Мужик открывает и видит: перед ним стоит маленькая, ростом с ладонь, смерть с маленькой косой, в маленьком хитоне. Мужик испугался, запричитал, за что, мол, почему так рано? А она отвечает: "Д не бойся, я за твоей канарейкой пришла".— Лицо говорившего оставалось суровым. — Почему ты сомневаешься в моей силе? Ведь я уже сказал тебе, что участь выявленного зла предрешена. Так вот и в делах, незачем муху ракетой убивать. А беспредел — это не разумная форма зла, он обречен на уничтожение без исключения. И как правило, само зло занимается этим. Как только человек по отношению к себе подобным начинает практиковать форму обращения в виде "Эй, ты! поди сюда. Слышь, кому говорю",— все, его финал предрешен. Кроме ненависти к себе, он не способен вызвать у окружающих ничего. И как только негатив достигает критической массы, стоп. Часы жизни выключаются. Тут тебе и авария, наркотики, пьяная драка. Особой фантазии в постановке уничтожения и не нужно. Разумное зло понимает: явная агрессия на бытовом уровне — скорейший путь в могилу. Даже великие злодеи, они ведь и мяса не ели. К ним на житейском уровне не придерешься, в обращении мягки, вежливы, к детям с улыбкой, к старикам с добрым словом. У них задача — создать систему, способную поработить народ, разрушить общество, развязать войну, уничтожать не единицами, а миллионами. Они прекрасно знают, по каким законам возможно порабощение человечества. Понимая, что система, однажды встав на путь разрушения, обречена, они способны уничтожить любое государство. Провоцируя на агрессивное действие, они пользуются принципом — чем хуже, тем лучше. Но даже уничтожая созидательную форму, зло не может идти этим путем до конца, потому что оно живет за счет энергии созидания. Оно вынуждено создавать такую форму государственного устройства, где основная масса должна стремиться созидать, давая возможность злу жить за счет этого. И задача Чистильщика — спровоцировать зло на агрессию к самому себе. Чистильщик презирает возможные мучения, не страшится смерти, но боится у м е р е т ь п о с л е   с м е р т и. Выбранный, он не имеет права подвергать жизнь близких ему людей опасности. Поэтому, вставая на этот путь, он, как правило, остается один. Окружающим трудно понять внутренний мир такого человека. Господь — непоколебимый авторитет в его решениях и поступках. Основы борьбы со злом Чистильщик без труда может найти в Библии. И ему не надо, как другим, доказывать, что Священное Писание способно спасти человечество. Ведь до сих пор спорят, когда были написаны все Евангелия. А стоило бы обратить внимание, что в 55 году от Р. Х. и в 66-м на небе были одновременно видны три солнца, в 79-м было видно два солнца. Слава Богу, подобные факты фиксировались историками. В период с 1156-го по 1648 год неоднократно наблюдались такие явления. Каждое государство в момент знамения могло бы отметить появление Святителя, сыгравшего огромную роль в борьбе со злом. В конце каждого тысячелетия наступает решительный бой между силами зла и добра. Конец первого ознаменовался уменьшением населения Земли на треть. Почти на шесть веков человечество погрузилось в темноту — ни одного важного открытия в науке, философии, вплоть до XV века человечество лихорадило и корежило. Сейчас пришествие подобного и главная битва за судьбу мира происходит здесь, в России. Ибо три основные культуры сталкиваются в этом месте своими границами: Запада, Востока и мусульманского Юга. Человечество обязано понять — или здесь возник-

нет великое государство, найдя новую форму существования, или погибнет все. "Ибо всякое царство, разделенное внутренней враждой, обращается в пустыню, и ни один город или дом, разделенный внутренней враждой, не устоит". Матфей, 12:25. И зло это тоже понимает, оно борется с Русью, подменяя идеал Бога деньгами, поклонение святости аплодисментами вору, называя его бизнесменом. На этой святой Земле уничтожается культура предков, заменяясь искусственно созданной. Никто не хочет задуматься — ведь здесь сосредоточено самое совершенное оружие, когда-либо созданное на Земле. Уже были все приметы наступления Армагеддона. Повсюду старики умирают от голода, в народе забыли, когда улыбались, а правители купаются в роскоши, не в состоянии взглянуть на два шага вперед и увидеть пропасть, куда стремится человечество не думая. При этом перед Страшным судом на Земле появлюсь я — Истребитель, для поляризации добра и зла. Каждый для себя должен выбрать, с кем он и за кого. Тех, кто захочет отсидеться, уничтожат первыми. Перед вторым пришествием Христа уже не будет сомневающихся. Будут те, кто с Богом в душе, и те, кто с дьяволом внутри. Поэтому главными в спасении являетесь вы — чистильщики. Ну теперь-то ты понял, к чему я тебя готовлю? — спросил он Сергея.

— Кажется, да. — И от собственного голоса он вновь очутился в реальности наступившего утра.

...Ржавый, под порывами ветра, бросающего пригоршнями снег в лицо, с трудом растолкал своего молодого напарника.

— Вставай, надо уходить. Кончится метель, нам кранты. Как волков затравят, — и, еще ничего не понимающего со сна, стал обвязывать его веревками. — Это чтоб ты не отстал по дороге.

— Подожди, Ржавый. Дай хоть похавать.

— В пути жрать будем. Давай, торопись, — нервно отозвался старший, надевая лыжи. Он буквально тащил за собой Ломаного через беснующуюся пургу, не отвечая на крики, лишь иногда останавливался, чувствуя, что тот упал, и давая возможность подняться. В этом взбесившемся снегопаде им удалось перевалить через сопку. Спустившись, они очутились в странном лесу, где стояли деревья, словно телеграфные столбы — без единой зеленой ветки. Даже снегу не на чем было держаться на этих голых хлыстах. Ветер стихал. Постепенно наступала тишина.

— Ржавый, а что это такое? — подал голос очухавшийся после перехода Ломаный.

— Что, что?! Сгоревшего леса не видел? Видно, летом пожар был, вот теперь жди, пока все зарастет. Давай-ка лучше костер разводить. Отдохнуть надо.

Скинув рюкзак, Ржавый стал разгребать место для стоянки. Ломаный, сняв лыжи, вытащил топор, проваливаясь в сугробах, насвистывая что-то под нос, направился к ближайшему дереву. Утоптав вокруг него канаву, ухнул со всего размаха топором по стволу. Сухое дерево зазвенело на морозе. Со вторым ударом неожиданно треснула верхушка и сначала медленно стала клониться в сторону рубящего, наконец, переломившись, стремительно полетела вниз. Ломаный, услышав хруст вверху, поднял голову. И только крик, прерванный на полуслове: "М-!"— вырвался из его рта, куда врезалась с тупым звуком макушка, глухо разорвав на выходе тело. Ржавый, еще при первых звуках повернув голову, наблюдал за всем происходящим. Он даже не стал подходить к убитому. Судорожно схватив мешок и постоянно повторяя: "Проклятое место, уходить надо", заспешил, стремясь скорее пройти мертвый лес. Почти в сумерках Сергей наткнулся на монумент ледяного безмолвия. Постояв секунду, заглянул в застывшие от ужаса глаза и не оборачиваясь направился дальше. Так они и шли без отдыха, впереди загнанная страхом жертва, и в паре километров позади безучастный охотник, с трудом понимающий в своем безумии реальность происходящего. Сергей все чаще уходил в мир видений, часами застывая возле деревьев. Его безучастный взгляд останавливался в одной точке, и он о чем-то говорил со своим невидимым собеседником. Затем, подхватившись, продолжал свой путь. Как он находил занесенный снегом след, кто ему подсказывал направление, понять было невозможно.

Все чаще перед ним проплывали картины видений. Горящие города, усыпанные пеплом улицы и густой, тягучий столб дыма, закрывающий

солнце. Бредущие полубезумные люди, в безвольных глазах которых, кроме смертельной тоски, ничего нельзя было увидеть. Все было охвачено паникой, безысходностью. Люди потеряли все человеческое, что было присуще им. Матери бросали детей, ради куска хлеба каждый был готов убить. В воздухе и в воде всех поджидала смерть. Земля отринула их от своей плоти, уничтожая землетрясениями, вулканами, наводнениями. Небо прорезали бесчисленные молнии. Гром, сливаясь с взрывами и воплями, превращался в дьявольский хохот, сквозь который не могла прорваться ни одна молитва, даже любое слово, обращенное к Богу, заглушалось его раскатами. Все смешалось воедино, никому не было дела, какой он нации, какого народа, какой религии; умирая в мучениях, растерзанные голодом, радиацией, обреченные на медленные муки, они просили только об одном — послать им быструю и безболезненную смерть. И здесь, прогоняя видение, Сергей закричал: "За что? Почему?" — обращаясь к тому, кто мог дать ответ на его вопрос. И к нему, обессилевшему, из темноты — обратился Истребитель:

— Ты спрашиваешь, почему это может произойти?! Да потому что кончится отведенный срок, исчерпан будет лимит попыток. Все развитие этой цивилизации крутится в замкнутом круге от монархии к диктатуре, затем к чередованию тирании и демократии. В стремлении привести мир к единству выдвигались сотни теорий, и почти каждая была воплощена в человеческом сообществе. Гераклит выдвинул идею государства — война. Возникла Спарта. Пифагор, Аристотель, Сократ, Демокрит так или иначе привели к Римской империи, провозгласившей демократию. Ницше привел к фашизму, Маркс к социализму, ну сколько, по-твоему, можно экспериментировать?! Наступило время, когда необходимо понять прошедшее и будущее и положительно, и отрицательно. Настоящее является катализатором этих двух противоположных начал. При наступлении Армагеддона всякое событие, вытекающее из наказания или одобрения, возможно только в настоящее время. Ибо само понимание положительного и отрицательного несет в себе элемент противоречия. И только перед пришествием Армагеддона на Землю Господь дает право ангелу Истребителю вершить наказание тут же, не растягивая его во времени и не пытаясь ждать человеческого прозрения и возможного искупления греха. Так же действует и зло в это время; приведя кого-либо из своих сторонников к власти, оно тут же расправляется с любым проявлением разрушения внутри завоеванной системы. Так поступил Муссолини, собрав всех крестных отцов преступных кланов на стадионе и расстреляв их. Гитлер за три года искоренил почти всю преступность в Германии. Большевики после гражданской войны силами всего чуть более трех тысяч человек во главе с Дзержинским за два года загнали всю организованную преступность в концлагеря. Любое преступление в это судьбоносное время получает наказание незамедлительно. Потому что нет времени раздумывать в период наступления конца света. Каждый должен выбрать для себя, с кем он, и решить, для чего появился именно в это время и именно в этом месте. Судьба человечества будет решаться здесь, в России. Рожденный в ее пределах должен понять главное — или появится теория, воплотившая в себе всеобщее примирение, или больше шанса не будет. Ни одна из опробованных на Земле до этого момента форм государственного устройства России не подойдет. Необходимо что-то новое, значимое, как пришествие Христа. И единственное место, где может произойти появление новой идеи устройства мира, — это Россия. Любое государство, любая нация, любой человек, попытавшиеся навредить или затормозить процесс спасения Земли, тут же заслужат наказание. Государство будет подвергнуто стихийным бедствиям, народным волнениям, катастофам. Нация испытает на себе, может, в чем-то и не оправданное, гонение, а любая личность получит Божье возмездие. Человечеству дается всего около пяти лет для осознания этой задачи. И если оно не поймет, что никому не принесет радости развал этой страны, в действие включатся силы, ведущие к последней черте. Только Россия способна родить новую форму мирного сосуществования различных государств, объединив их против единого врага — всемирного зла, разрушения. На ее территории смешались три величайшие религии современности — Христианство, Буддизм и Ислам. И православие, имея все свои святыни на этой земле, способно созвать вселенский собор всех конфессий, всех религиозных учений для поиска об-

щей мирной формулы сосуществования. Потому что пока существует идея первенства религий, мир на земле не возможен. Появится предсказанный третий Рим. Всему человечеству будут даны знамения для осуществления этой задачи.

Картина видения поплыла и медленно растворилась. Сергей очнулся в реальности, ощутив губами падающий снег. Глубоко вздохнув, он продолжил свой путь. Часа через три, миновав овраг, он вышел на поляну. На противоположном конце ее, возле небольшого холмика, поросшего молодыми елочками, были видны воткнутые в снег лыжи. Рядом находилась утоптанная площадка, уже изрядно занесенная снегом, давно потухший костер выделялся из-под снега темным пятном, а у самого холма виднелся одетый в тулуп и валенки, присыпанный свежей поземкой человек. "Неужели так банально? Просто замерз," — подумал про себя Сергей и равнодушно направился к стоянке. Не доходя немного до лежащего в снегу, остановился.

— Вот и все, это конец, — устало произнес он.

— Это тебе конец. Я тебя, суку, уже который час жду.

Звук голоса, как ножом, резанул слух. Сергей в растерянности повернулся, с изумлением увидев, как из ближайшего сугроба, словно медведь из берлоги, выбрался бородатый мужик.

— Ну что зенки пялишь, одурел? Эх, ты, фраер ушастый. Что, в детстве снеговиков не лепил? Так он там и лежит, только я его одел, — и бородатый хрипло засмеялся. — А теперь я тебя, суку, просто казню, — и сделав несколько шагов, встал перед Сергеем, направив автомат ему в грудь. Зловещая улыбка расползлась по его лицу. Он скинул варежку с руки, и палец лег на спусковой крючок. Но что-то позади него зашуршало, и он, кося глазами на Сергея, попытался оглянуться. В этот момент серая тень волка молнией отделилась от пригорка и всей своей массой сбила бородатого с ног. Зверь, зарычав, тут же вскочил и новым прыжком впился ему в горло лежащего, раздирая клыками мягкую плоть. Раздался хрип, перешедший в бульканье, и под лежащим быстро расползлась алая лужа. Волк отбежал в сторону. Затем остановился, подняв голову, посмотрел на застывшего Сергея и, постояв несколько секунд, направился в лес.

— Это же Манька, — закричал вслед удалявшейся волчице опомнившийся Сергей.

* * *

Прохладный ветер, пробегая по зеленой траве, срывался в высоту. На поляне, у поскрипывающей сосны, стоял молодой мужчина в байковой рубашке, заправленной в явно большие ему шаровары. Его белые как снег, аккуратно подстриженные волосы трепал ветерок. Он протягивал руки к дереву. С пышных ветвей к ним подлетали птицы и, схватив кусочки хлеба, быстро возвращались назад, и даже белка после некоторого раздумья перебежала к его ноге, смело взобралась на плечо и поспешила к краюхе хлеба, лежавшей на ладонях. Стоявший отсутствующим взглядом смотрел на белку, не делая при этом ни одного движения. В поясе он был обвязан толстой веревкой, тянущейся по траве к избушке, видневшейся неподалеку. С крыльца за происходящим наблюдали молодая девушка и необычного вида старик.

— Ояшка, ну неужели ему нельзя помочь? Четыре месяца он такой. Ну просто ребенок. Никого не узнает, чуть зазеваешься, в лес уходит. Я его веревкой к дереву привязываю, как олененка. Ведь ты же можешь лечить, вон скольким помог, — и не договорив, тихонько заплакала.

— Катя, не надо, — Ояшка, сам опустив голову, с нежностью похлопал по плечу плачущую девушку. — Я его когда зимой нашел, он уже такой был. Сидит в снегу, волосы как инеем посыпаны, и говорит: "Эо Манька! Манька!" Я его пока сюда привел, он уже ничего не понимал. Там ему много крови увидеть пришлось, я тебе рассказывал. Ты не плачь, ты, однако, хорошая, все бросила, за ним смотришь. Он вернется. Больно сильный дух с ним сейчас, никак не могу помочь. Потерпи, Катя. Большая беда была, деда нету, Серега больной, подождать надо. Схожу вот в поселок, еду принесу, книги тебе принесу, — и не поднимая головы, старик отошел от все еще всхлипывающей Кати.

Не прошло и пяти минут, как взлохмаченный тунгус, быстро семеня

кривыми ногами, вернулся назад. И не успела удивленная девушка спросить, что случилось, он с волнением в голосе, глотая окончания слов, выпалил:

— Все, Ояшка не боится, Ояшка пойдет к духу. Просить буду Серегу отдать. Дед ничего не боялся, ты, Катя, не боишься, и я не боюсь. Давай, веди его в дом, — и, торопливо подтолкнув ее в сторону Сергея, сам побежал к избушке.

На топчане в полутемной комнате, сложив руки на коленях, с безразличным взглядом сидел Сергей. Рядом на корточках примостился Ояшка. Полузакрыв глаза, он медленно раскачивался, глухо напевая странную песню. Катя расположилась в уголочке у печи, изредка подбрасывая в огонь пучки травы, заранее принесенные Ояшкой. Тягучий запах наполнил комнату, и синяя дымка расплывалась под потолком. Вскоре голова у нее закружилась, окружающие предметы стали постепенно исчезать. Еще мгновение, и все погрузилось в темноту. Затем где-то зажглась красная лампа, осветив все вокруг багровыми тонами. Катя почувствовала, что в комнате появился кто-то еще. Он сидел за столом. Его лица Катя разглядеть не могла. Испытывая непреодолимый страх в его присутствии, стремясь только к одному, чтобы он не заметил ее, она сжалась и, сдерживая дыхание, затихла, прислушиваясь к возникшему разговору. Говорил незнакомец, обращаясь к сидящему перед ним Сергею.

— Ты уже достаточно подготовлен к тому, чтобы вернуться. Я искренне верю, что зло не способно поколебать твою веру в добродетель. В борьбе с ним тебе необходимо помнить главное: основной враг для тебя — это ты сам. Чистильщик не должен быть рабом денег, славы, честолюбия, он не подвержен стремлению к власти. Ты уже знаешь, что упадок добродетели предшествует падению любого народа. Запомни, открываться ты можешь только тем, чьи личные амбиции мертвы и кто посвятил свою жизнь бескорыстному служению человечеству. Зная главные принципы добра — созидать и зла — разрушать, ты легко сможешь различать самое затаенное зло. Тебе даны огромные знания, постарайся помочь людям в главном — задуматься. Ну ладно, в крайнем случае я всегда рядом. А уж остальному тебя твой друг научит. Вот хитрый тунгус, пришел все-таки, не испугался. Вот, сидит гундосит, как будто я не понимаю, что он там бормочет. Я для него могучий дух, он меня Бо почему-то называет. А между прочим, если вы проиграете, и Господь все же сохранит Землю, уничтожив людей, поверь мне, оставит Он только их, они уже и сейчас без вашей цивилизации прожить смогут; пройдут тысячелетия, медленно сменятся полюса Земли, и все начнется сначала. Лишь в легендах останется, что прилетали когда-то боги на железных птицах, в блестящих одеждах, учили, как строить и как жить. Помни об этом. Ну что, тунгус нетерпеливый, получай своего Серегу.

Что-то хлопнуло, раздался грохот, и Катя очнулась лежащей рядом с печкой. Удивленно потирая глаза, она с изумлением уставилась на Ояшку, к которому подошел Сергей и, помогая встать, обнимал его, уткнувшись лицом в его плечо. Ояшка, всхлипывая и сопя носом, сам с трудом сдерживая эмоции, срывающимся голосом повторял одно и тоже: "Серега, Серега..."Катя, не выдержав, сорвалась с места и с криком : "Вернулся!"— бросилась к ним. Почти до самого утра сидели они за столом, наперебой рассказывая удивленному Сергею о всех его злоключениях. Только с восходом солнца Ояшка, по обыкновению долго прощаясь, смог ненадолго отпроситься у Сергея и ушел в поселок, оставив их вдвоем.

ГЛАВА 2

Прошло два месяца. Сергей больше времени проводил с тунгусом, надолго уходя с ним в лес, или оставался по нескольку дней в его избенке. Они постоянно о чем-то говорили, немного смущаясь, если Катя ненароком подходила к ним во время разговора. По всему было видно, что Сергей одаренный ученик, он на лету схватывал все, что пытался ему передать мудрый тунгус. Он уже без видимого труда на глазах у изумленной Кати на расстоянии перекатывал поленья или, сидя за столом, с напряжением смотря на дрова, сложенные в печи, заставлял их вспыхнуть, вызывая веселый смех у присутствующего при этом Ояшки. Сергей безошибочно мог определить, где в данную минуту находится его друг,

и предсказывал, когда он появится в гости. С утра он уходил в лес, пробегая десятки километров. Много времени уделяя физическим упражнениям, он раздался в плечах, немного осунулся, все его тело превратилось в монолит, что, впрочем, никакого восторга не вызывало у Ояшки. С Катей Сергей вел себя сдержанно, как будто не замечал, что, оставаясь с ним наедине, она робела, смущалась и очень долго ворочалась, укладываясь спать. Его отношение к ней было, скорей, как к сестре, и явные проявления любви он старался не замечать. Было что-то удивительное в его желании заполнить каждую минуту делом. Он много читал, с огромной скоростью проглатывая толстенные книги. За все это время Катя ни разу не видела, чтобы Сергей вышел из себя или был зол, он даже не повышал голоса, всегда был вежлив и обходителен. Только однажды, поинтересовавшись у Ояшки, где записи деда, и узнав, что за ними специально приезжали какие-то люди, выругался, и выйдя из избы, долго стоял на поляне.

..Наступил август. Сергей сделался более сдержанным и молчаливым. Все чаще и чаще Катя заставала его сидящим за столом и подолгу смотрящим в одну точку. В подобные минуты он переставал слышать и реагировать на любые движения. Катя сильно пугалась, а когда он приходил в себя, подсаживалась к нему и, заглядывая в глаза, спрашивала:

— Сереженька, с тобой все в хорошо?

— Да не бойся ты, я вполне себя контролирую, — отвечал он, скупо улыбаясь и переводя все в шутку.

Уже в конце августа, в очередной приход Ояшки, Сергей неожиданно заявил, что вскоре ему придется уехать и, после того как испуганная Катя стала хлопотать по хозяйству, еще долго что-то объяснял внимательно слушающему его тунгусу. После этого разговора в течение двух недель они буквально не расставались. Катя урывками могла видеть Сергея, и то в те моменты, когда по каким-то своим надобностям он заходил домой.

В середине сентября, уже под вечер, он вернулся. Сев за стол, попросил Катю присесть рядом. Говорил он с трудом, видно, все, о чем он хотел ее попросить, вынашивалось не один день и стоило многих мук.

— Катя, мне надо уехать. Я не знаю, когда вернусь и вернусь ли. Но поверь, очень мало людей на этой планете, кого бы я хотел видеть рядом с собой так, как вас. Если судьба даст мне возможность найти счастье в семье, я бы хотел, чтобы это были ты и Ояшка. Мне не дано предугадать, что произойдет со мной, но я твердо знаю, что вас Провидение будет хранить от любого зла за все добро, что сделано, — увидев, как из Катиных глаз покатились слезы, он замолчал. Крепко сжав губы и взяв Катю за руку, он молча устремил полный тоски взгляд в темноту окна.

И здесь Катя, не сдерживая себя, стремясь заглянуть в его глаза, выпалила:

— Ну ты же можешь хотя бы одно для меня сделать! Я хочу от тебя ребенка, — и уже не смущаясь, повторила: — я хочу от тебя ребенка!

За столом воцарилось молчание. Затем Сергей тихим голосом произнес:

— Я не вправе подвергать вас опасности, — и чувствуя, что всего он объяснить ей не сможет, сказал как думал: — Основной закон розенкрейцеров гласит: семя бесполезно и бессильно до тех пор, пока не попадет в подходящее лоно. Для рождения ребенка необходимо выявление обеих сторон, а главное, желание Господа. То, для чего меня готовят, не дает мне права обрекать тебя на риск. Извини, что тебе непонятно, что я говорю, но объяснить все я не в состоянии.

Он долго утешал ее, пытаясь отвечать на какие-то вопросы, но вынужденный изъясняться проще, путался и, сбиваясь, замолкал. Они сидели на его топчане, Катя долго плакала, сквозь слезы твердя, как заклинание, что она дождется, он гладил ее волосы, а затем, взяв ладонями виски, повернул ее лицом к себе и, увидев любящий взгляд, устремленный на него, нежно дунул в лоб. Ее веки медленно сомкнулись, и она безвольно обмякла, прислонившись к его плечу..

Спозаранку заявился Ояшка. Завтракали все вместе, стараясь не говорить о предстоящем отъезде. Допив чай, Ояшка не выдержал и, сделав серьезным лицо, спросил:

— Серега, когда едешь?

— Да, пожалуй, мне к концу месяца в Москве надо быть.

— Так, — понимающе заметил дед, — а деньги у тебя есть?

— Да ты же знаешь, есть немного. На билет хватит, — удивленно ответил Сергей.

— Так, — загадочно проговорил Ояшка и, покопавшись запазу хой, достал кулек, завернутый в тряпку. — На вот, давно это было, большого человека лечил из другой страны. Он выздоровел, а когда уехал, моя эти деньги нашел. Смотрю, не наши, и спрятал, знал, что пригодятся.

Сергей развернул сверток, и на стол упала пачка стодолларовых купюр, туго перемотанная веревкой.

— Дед, да здесь тысяч десять, — заметил Сергей. — Куда мне столько?

— Бери, бери. Они тебе важнее, — настойчиво повторил, лукаво улыбаясь, тунгус, — назад вернешься, жевачку нам привезешь. — И прекращая разговор, вышел из-за стола.

До поселка провожали Сергея все вместе. Лишь у первых домов Ояшка, погрустнев, долго обнимал притихшего друга, затем улыбнулся на прощание и не оборачиваясь пошел назад. С Катей расставались у самого вертолета. Она стойко держалась, пытаясь не показывать слез при чужих людях, но только машина поднялась в воздух, громко расплакалась.

* * *

Первого октября к стойке портье гостиницы "Мждународная"подошел импозантный мужчина в черном плаще. Вежливо поздоровавшись, поинтересовался:

— Извините, я могу здесь снять номер?

Дежурная смутилась, встретившись взглядом с его стальными глазами, и неожиданно для себя ответила:

— Пожалуйста, номер стоит сто сорок долларов в сутки. На сколько дней вы хотели бы остановиться?

— Пожалуй, дней на десять, — ответил мужчина и молча положил свои документы на стойку.

Гостиница напоминала улей, только что окуренный дымом. Все ходили как пришибленные, постоянно группки людей собирались у входа, многие стояли на набережной, с напряженным вниманием вглядываясь в расположенный неподалеку Белый Дом, что-то горячо обсуждая и доказывая друг другу. В воздухе витало чувство тревоги, неуверенности. С каждым днем это состояние нарастало. Третьего утром события стали развиваться стремительно, подобно раскручиваемой пружине. Уже в двенадцать часов горело бывшее здание СЭВа, слышались выстрелы. Огромная толпа заполнила площадь перед зданием Верховного Совета, снеся ограждения и разбив охраняющие цепи милиции. Охваченная триумфом победы, переливалась масса людей, слышался гул, сквозь который выплескивались речи выступающих на балконе лидеров. В середине толпы, внимательно наблюдая за происходящим, стоял молодой седой мужчина, резко выделяясь своим спокойствием на фоне взмыленных участников торжества. Рядом с ним с таким же вниманием наблюдал за происходящим двухметровый парень богатырского телосложения с короткой русой бородой, всем своим видом напоминавший былинного русского богатыря. Вокруг них, словно у утеса, плескались в эмоциях победители. Неказистого вида, средних лет монах, раскачивая кадилом, благословлял всех попадающихся на его пути. Группа людей с красными знаменами в руках скандировала:"Водрузить знамя на Белый Дом!" Чуть поодаль, стройными шеренгами разрезая на пути толпу, в черных рубашках, четко чеканя шаг, прошли человек пятьдесят. Остановившись, словно по чьей-то команде, вскинули руки, прокричав : "Слава России!," молча застыли в неподвижности своей силы. Кто-то бегал, записывая добровольцев, сердобольные старушки предлагали бутерброды и воду. А над всем этим, усиленный мегафоном, звучал голос: "Мы победили. Да здравствует революция! Христос воскрес!" Толпа отвечала: Воистину воскрес!"

Двухметровый гигант, ни к кому не обращаясь, громко заметил:

— Эх, все смешалось — люди, кони. Да, здесь нет Дмитрия Донского, Минина и Пожарского. Это меня не убеждает, они обречены.

— Извините, — поинтересовался стоявший рядом седой мужчина, — что вы имеете в виду?

— Да очень просто, — пояснил богатырь,— вы знаете, когда русские войска сошлись с татарами на Куликовом поле, по легенде, Дмитрий Донской спешился и встал в первый ряд с обычными пешими воинами. Во время битвы его видели в десятке мест яростно дерущимся. Своим присутствием он воодушевлял в самую трудную минуту. Но после победы ни его самого, ни его тела найдено не было. Легенда гласит, что он растворился в своем войске, принеся славу победы. Подобные феномены неоднократно отмечались на Руси в критическую минуту. В решающем сражении с ливонским орденом Александра Невского видели одновременно в нескольких местах, и очевидцы после победы божились в правдивости своего рассказа. Подобное было с Петром I под Полтавой. Да и из недавних событий — вам многие фронтовики расскажут — в решающий момент на передовой в цепях наступающих видели Жукова. Это не значит, что его там не было, но сразу в нескольких местах да по всему фронту это невозможно. Но главное, были очевидцы, кто лично видел и говорил с ним. А Минин — историки отмечают — и беседовать-то особо не любил, а коснулось, так выступил, что бояре все свое золото несли в общий котел, их жены и дочери снимали с себя украшения. Все отдавали, что было, на войско для победы. И выбили поляков, кончилось смутное время. А это, — парень показал рукой на толпу, — нет, меня не убеждает, — и с отчаянием тряхнул головой.

— А вы внимательно присмотритесь, — еле слышно промолвил седой.

— К чему? — заинтересованно повернулся гигант.

— Смотрите, видите, у самого края толпы стоят поодиночке, парами люди с оружием. Их, по-моему, происходящее особо не волнует. Они знают свою миссию в этом базаре.

Бородач удивленно завертел головой. И правда, то тут, то там он увидел стройных, крепких ребят с красивыми лицами, равнодушно наблюдающих за происходящим.

— Да, странно. Интересно, кто это? — рассеянно спросил собеседника гигант.

— Это Чистильщики. Вам это что-нибудь говорит? — резко ответил седой.

— Вроде спецназа? — приглушенно поинтересовался бородач.

— Да нет. Вам известен такой посланник, как Ангел-Истребитель? — внимательно вглядываясь в собеседника, спросил мужчина в плаще. — Ладно, забудьте, — и, повернувшись, начал выбираться из толпы.

Изумленный гигант, постояв секунду, бросился за уходящим. Догнав его на набережной, представился:

— Меня зовут Алексей. Если у вас есть время, я живу здесь недалеко, может, зайдем? Кажется, мне есть что вам сказать.

— Хорошо, — неожиданно быстро согласился загадочный незнакомец, — меня зовут Сергей. Пойдемте.

Из окон квартиры Алексея во всей своей прелести представал Калининский проспект. Долетали звуки гудящих машин, какой-то металлический треск, обрывки разговоров. Но все это совсем не интересовало сидящих в комнате. В основном говорил хозяин.

— Послушайте. До недавнего времени я многого не мог понять, но мне постоянно казалось, что смысл моего появления, многие события, происходившие со мной, явно ведут меня к какой-то цели. Мне приходилось искать ее в буддизме, в медитации. Уход от реальности не прояснил ничего. Мне сорок лет, я не смог создать семью, ни разу не был женат. Деньги никогда меня особо не интересовали. И вот недавно мне было откровение. Все, что я ни попытаюсь сделать во благо своей страны, будет поддержано высшими силами. С этой минуты пропала тяга к спиртному, я чувствую в себе огромный потенциал силы, как будто мне дано право что-то сказать людям и я буду услышан. Во мне происходит что-то необычное. Ясней начинаю понимать понятия любви, всепрощения. Настойчиво потянуло к христианству. И, если честно, я ждал, что кто-то появится и многое мне объяснит. Все, что происходит на улице, ведь это трагедия нашего народа. Не сегодня завтра решится судьба страны, а может быть, и мира. Что происходит? Хоть ты, Сергей, объясни, — Алексей зажег сигарету и, подойдя к окну, сел на подоконник.

— Все достаточно просто, — ответил Сергей. — Подходит к концу срок этой цивилизации. Ты знаешь, что астрологический век равен 2160 годам, приблизительно столько отпускает Господь людям для создания всемирного государства добра и любви. Столько Он дает человечеству для построения единого царства света. До нас были Лемурийская эра, цивилизация Атлантиды, но, видно, они не справились со своими задачами и в борьбе со злом проиграли, и были уничтожены. Теперь наш черед, и судьба мира явно решается здесь, в России. Никому в голову не пришло обратить внимание, что в двадцатом веке происходят катаклизмы, самые грандиозные за всю историю человечества. Самые кровопролитные войны, самые частые землетрясения, сильнейшие ураганы, аварии на атомных станциях, взрывы на химических заводах; и это еще не предел, осталось шесть лет. Если мир не встанет на путь добродетели, не прекратит разрушать, стравливать народы, будут даны еще более могучие предупреждения. В борьбе с силами зла добро избрало Землю, где возможно появление нового государства, сплотившего вокруг себя народы в мире и покое — Россию. Любая форма государственного устройства, не отвечающая этим задачам, долго не продержится. Вот и сейчас люди, облеченные откровением, столкнут две силы для уничтожения друг друга. Встав на путь разрушения, любая форма в момент наступления Армагеддона погибнет. Кто эти люди, откуда пришли и как они это сделают, мне не известно. Я их называю Чистильщиками. Они будут появляться в тот момент, когда зло способно победить, и, провоцируя зло на действие, уничтожать его. Ладно, что говорить, включи телевизор, я думаю, многое решится очень быстро. Другое дело, сознают люди шанс спасения или нет.

Алексей в сгущающейся темноте наступающего вечера встал с подоконника, подошел к столу, и в свете заката Сергей увидел перед собой двухметрового гиганта с русой бородой, каштановыми волосами, и на секунду показалось, что стоит перед ним только что проснувшийся Илья Муромец, и, выходя из комнаты, этот богатырь запел: “Судьба, Судьба”. И на лице Сергея расплылась улыбка.

ЮРИЙ БАТАЛИН, ПАВЕЛ ФИЛИМОНОВ

ВОСПРЯНЕТ ЛИ РОССИЯ?

Девять лет деятельности перестройщиков и "демократов" убедили, кажется, почти всех, что попытки ускоренной трансформации социализма в капитализм (они, вероятно, не ведают, что мир уже давно живет по другим законам) привели к результатам, разрушительные последствия которых становятся все более и более непредсказуемыми.

Однако рьяные радикальные реформаторы продолжают неистово настаивать на продолжении привнесенных извне "реформ", голословно утверждая, что иного пути, или, как модно ныне выражаться, альтернативы, не существует.

В данной статье мы постараемся показать, что подобные утверждения не только беспочвенны, но и носят откровенно обманный характер, а их апологеты давно уже не считают себя россиянами, русскими, и плату за свою "работу" они получают явно не в рублях. Недаром в их среде Россию именуют не иначе, как "эта страна".

Альтернатива есть, и ее воплощение не потребует долгого времени, ибо существуют объективные и субъективные условия для возрождения, хотя за последние годы, особенно за 1992—1993 годы, когда у руля страны оказались экономисты с учеными степенями, но на самом деле полуграмотные в экономике и вовсе несведущие в реальном устройстве общества, Россия понесла тяжкие потери по всем направлениям: в геополитике, производстве, нравственности, социальной защищенности трудящихся.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

В управлении народным хозяйством бывшего СССР важнейшее значение придавалось планированию. В доходной части плановых документов указывалось, кому и сколько производить, в расходной — кому и сколько поставить. Налицо был приоритет материального оборота над денежным, поэтому предприятия стремились приобрести больше материальных ресурсов, создавая излишние запасы. Именно эта технология и критиковалась больше всего как тоталитарно-распределительная система.

В условиях рыночной экономики, правильнее сказать — в экономике товарно-денежных отношений, "сигнал" производителю о том, что нужно и что не нужно, идет непосредственно от покупателя, готового заплатить за соответствующую его потребностям (личным, фирмы, предприятия) продукцию наличными или безналичными денежными средствами.

Собственно, ради создания этой обратной связи и была в основном затеяна радикальная экономическая реформа. Но с самого начала бразды правления реформой захватили иностранные, в первую очередь американские, советники, имеющие весьма слабое представление о хозяйственной структуре чужой страны. Кроме того, в действиях советников явно просматривалась другая цель: как можно сильнее разбалансировать экономику, а заодно и провести эксперименты по опробованию сомнительной монетарной теории. Суть ее была изложена просто и категорично лидером монетаризма М. Фридманом: "Прочь от социализма, к индивидуальному предпринимательству. Чем больше правительство вмешивается в предпринимательство, тем хуже идут дела". Надо ли говорить, что для строго централизованной экономики гигантской страны это был точно рассчитанный сокрушительный удар.

Отход государства от контроля за производством, ставший абсолютным после появления Гайдара, привел к небывалым экономическим потрясениям и спаду производства по всем отраслям, достигшему к концу 1993 года 30—50 процентов (по мнению ведущих мировых экономистов, спад производства на 20—25 процентов означает экономическую катастрофу).

Между тем опыт государств с действительно рыночной экономикой убедительно доказывает необходимость государственного вмешательства и контроля.

В условиях рынка государство обязано регулировать бюджетную политику, социальную политику, производственно-конъюнктурную политику, эмиссионную политику, внешнеэкономическую политику. Подобная система действует в условиях любой модели рыночной экономики, как более либеральной (США), так и достаточно жесткой (скандинавская модель). Различие лишь в степени вмешательства государства в область предпринимательства, но в любом случае государство обязательно участвует в регулировании.

Устойчивое развитие экономик Франции, Голландии, Италии (где план утверждается в качестве закона), ФРГ, Японии и других стран в течение последней четверти века, улучшение уровня жизни

БАТАЛИН Юрий Петрович родился в 1927 году на Урале. С 1986 по 1989 год был Председателем Госстроя, заместителем Председателя Совета Министров СССР. Ныне вице-президент Российской инженерной академии. Живет в Москве.

ФИЛИМОНОВ Павел Иванович родился в 1928 году на Урале. Директор научно-исследовательского центра фирмы "Кронверк-Росс". Автор ряда книг и статей по проблемам управления народным хозяйством. Член Союза журналистов. Живет в Московской области.

большинства населения является великолепным доказательством действенности планирования на государственных основах.

Российская экономика, несмотря на потери, понесенные за 9 лет перестройки (таков был запас прочности народного хозяйства СССР), пока еще остается достаточно высокоиндустриальной. Чтобы уберечь ее от окончательного разрушения, необходимо немедленно принять меры по восстановлению регулирования народного хозяйства. Оно должно начинаться с восстановления структур государственного планирования, но с освобождением их от вмешательства в оперативную деятельность предприятий и организаций.

Возрожденный в той или иной форме Госплан (в виде ли самостоятельного комитета или в составе Минэкономики) должен сосредоточиться на прогнозировании, определении стратегических направлений развития экономики, так как одной из главных причин нынешней экономической катастрофы является глубокий структурный кризис. Необходимо будет срочно определиться с главными мерами по преодолению структурного кризиса на основе новейших научно-технических достижений.

В нынешних условиях, когда элементы рыночной экономики начинают обозначаться, отношения между государственным и рыночным регулированием предполагают возможность образования различных комбинаций, в частности, государство способно всячески поощрять рынок, воздействуя на присущие ему стимулы и ориентиры.

Но с нами упорно проигрывается польский вариант, естественно, в более углубленном и расширенном виде. Там в результате "шоковой терапии" или экономической игры вслепую падение производства составило почти 50 процентов и, что особенно страшно, — создалась массовая безработица, продолжающая расти и поныне. Но Польша находится в центре Европы, часть избыточной рабочей силы может перелиться в соседние государства, а как же придется россиянам?

Между тем при сколько-нибудь нормальном регулировании, учитывающем интересы и особенности различных форм собственности, порочный круг, создаваемый западными советниками вроде Дж. Сакса, успевшего до Польши и России разрушить практически до основания производительную экономику Боливии и Перу, разорвется или исчезнет вовсе. Это произойдет при проведении разумной кредитной и налоговой политики, включая налоговые и кредитные преференции, государственном планировании на важнейших направлениях (прежде всего в сфере структурных преобразований).

Одна из важных обязанностей государства (сейчас прочно забытых) заключается в обеспечении протекционизма отечественным промышленникам и предпринимателям, как это делается во всем мире. Классический пример протекционизма — Япония.

Весь наш 70-летний опыт показывает, что грандиозные задачи, такие, как индустриализация страны, культурная революция, послевоенное восстановление народного хозяйства, мы выполняли, опираясь только на собственные силы, и не ходили с протянутой рукой, выпрашивая финансовую помощь, за которую придется расплачиваться по возрастающей прогрессии.

ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ — НА СЛУЖБУ РОССИИ

В настоящее время МИД России во главе с Козыревым (являвшимся до 1986 года, по его собственному признанию, мелким клерком в МИД СССР) вместо дипломатии, направленной на поддержание и повышение авторитета и могущества страны, осуществляет внешнюю политику, преследующую обратную цель. Создается впечатление, что ныне МИД России представляет собой отделение госдепартамента США.

При разработке подлинно государственной внешнеполитической доктрины России необходимо прежде всего исходить из того факта, что главной геополитической задачей США является овладение Сибирью. Преломляя по-своему знаменитое высказывание Михайлы Ломоносова, что "могущество России будет прирастать Сибирью", США в обладании этим богатейшим краем видят возможность на долгие сроки решить свои экономические, демографические и продовольственные проблемы. Последнее утверждение, безусловно, требует пояснения.

На планете происходит потепление климата. По предположению ученых, через пару десятков лет наиболее благодатные климатические условия для выращивания сельскохозяйственной продукции будут как раз в Сибири, а нынешние житницы США резко оскудеют. Необходимо также иметь в виду, что к 2010 году население США превысит, по некоторым прогнозам, 300 млн. человек, а Сибирь может принять любой излишек населения, естественно, за счет устранения аборигенов.

Приобрести Сибирь США, по свидетельству прессы, намереваются за 2—3 трлн. долларов. Чтобы заработать эти средства, Америка вовсе не собирается перенапрягаться. Достаточно включить печатный станок. Собственно, так нас грабят и сегодня, но пока в меньшем масштабе. За бумажки, на которых нарисовано, например, 100 долларов, мы обмениваем почти 3 тонны нефти (в США 1 тонна стоит 284,5 доллара, у нас 38 долларов).

Данная операция производится во всех странах, не обладающих СКВ. Таким образом, чем больше вывезено долларовых бумажек за пределы США (это в равной мере относится и к другим свободно конвертируемым валютам), тем богаче становится государство-вампир и соответственно беднее страны-ресепторы. И так до полного разрушения экономики последних, их обнищания и потери экономической (а значит и политической) самостоятельности. В настоящее время в разряд таких стран попала и Россия.

С целью поддержания цен на прежнем уровне в самих США правительство просто производит дополнительную эмиссию долларов. В итоге количество долларов на территории США и курс доллара остаются неизменными.

Направления внешней политики России следует определять, учитывая выгодность ее расположения между "Севером" и "Югом", что предоставляет ей возможность стать не только связующим звеном, но и арбитром, а с течением времени и центром политических, экономических и культурных отношений мировой цивилизации, ибо деловая жизнь мира перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Прежде всего следует качественно улучшить отношения с Китаем, демонстрирующим всему миру экономические успехи, которые он достигает посредством совершенствования взаимоотношений между государственным и частно-кооперативным секторами, стабилизацией цен при льготном кредитовании предприятий. Критерий льгот — увеличение выпуска продукции.

Важнейшее значение для России имеет восстановление связей с Ираком и Ливией, откуда ранее

поступали значительные валютные средства. Прямой ущерб России от присоединения к санкциям против этих стран составил в 1992 году 10,6 млрд. долларов, косвенный — еще 5 млрд. Кроме того, нереализованные поставки оружия в эти страны из России вылились в 18 млрд. долларов. Вероятно, мало кому известно, что перед нападением США на Ирак Саддам Хуссейн на совещании лидеров арабских стран предлагал предоставить СССР безвозмездную помощь в размере десятков млрд. долларов. Так что Ирак, в сущности, был наказан за стремление оказать действенную помощь нашей стране по выходу из тяжелейшего состояния, что перечеркивало планы США по разрушению СССР и России.

Особый интерес представляет союз с Индией. Индия — наш естественный геополитический союзник. В практике международных отношений Индия и Россия являют собой неповторимое чудо: на протяжении веков — никаких конфликтов и противоречий; глубинная тяга друг к другу. Но недавно США заставили Россию отказаться от выгоднейшей сделки на поставку Индии криогенных двигателей в обмен на американского "журавля в небе" — возможность участвовать в международной программе по освоению космоса на условиях США. Русских, мягко говоря, опять вводят в заблуждение, заявляя, что в крайнем случае потери России составят "всего" несколько десятков миллионов долларов. В действительности же не только останутся без работы почти сто тысяч высококлассных специалистов космической отрасли, но и обманутая Индия может отказаться от выплаты своей задолженности по кредитам бывшего СССР в размере 15 млрд. долларов.

Таким образом, политика покорного следования в фарватере США оборачивается сильнейшими ударами по национальным интересам России. Ей надо действовать, исходя из своих интересов, восстанавливая экономические отношения с прежними соцстранами и особенно государствами Ближнего Востока, Африки, Латинской Америкой.

Последняя, кстати, жаждет приобретать у нас вооружение. Но опять не позволяют США. Под их нажимом, например, Чили отказались от покупки российского ракетного воздушного комплекса С-300, соблазнительно дешевого и сверхвысокоэффективного, хотя договоренность была достигнута во время пребывания президента Чили Эйлвина в Москве летом 1993 года. Аналогичная картина и с Аргентиной.

США в результате подобной политики в период с 1989 по 1993 год существенно увеличили свою долю в мировых поставках оружия с 17 до 42 процентов, имея в год десятки миллиардов долларов чистой прибыли. Доля же России соответственно снизилась с 19 до 1,5 процента.

ВМЕСТО "РЕВОЛЮЦИОННОЙ" ПРИВАТИЗАЦИИ — ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

Мы обеими руками голосуем за конвергенцию и за равноправие различных форм собственности, но категорически выступаем против политики разрушения народного хозяйства под лозунгом "углубления реформ". Проводимая приватизация — характерная черта этой политики. Она носит ярко выраженный характер денационализации, преследуя цель отторжения от государственного сектора наиболее рентабельных, перспективных и оснащенных высокими технологиями производств и передачу их во владение новому классу собственников-потребителей, не заинтересованных в развитии современного предпринимательства, в появлении порядочных, энергичных и действительно умных деловых людей, поскольку честной конкуренции они не выдержат и обанкротятся.

Проведение приватизации даже в случае руководства ею государственниками-патриотами требует определенных условий, в частности, стабилизации экономики, независимо от уровня ее развития. Между тем объективный анализ состояния страны показывает, что сегодня приватизацию проводить нельзя: в стране бушует инфляция, продолжается спад производства, обесценивается рубль.

Обобранное и обнищавшее население России никак не сможет принять участие в приватизации, а утверждать, что ваучер с его нынешней стоимостью 10—15 долларов может сделать людей собственниками, по меньшей мере несерьезно.

При осуществлении приватизации следует использовать опыт Китая. Там не была проведена сколько-нибудь существенная приватизация государственной промышленности. Пронесся ветерок "малой приватизации", коснувшись в основном розничной торговли. Но вся тяжелая промышленность осталась в государственном ведении, и выпуск продукции постоянно нарастал, благодаря быстро растущему спросу и предоставлению дешевых кредитов.

Но как же быть, ведь приватизация идет ускоренными темпами?

Ее тем не менее следует немедленно остановить. Далее, провести в кратчайшие сроки тщательную инвентаризацию всего государственного имущества по отраслям и регионам, рассчитать его стоимость на данный период, чтобы не допустить обесценивания национального богатства, после чего определить подлежащие приватизации предприятия и структуры. К приватизации можно будет вернуться только после стабилизации экономики и восстановления нормальной стоимости рубля. Процесс приватизации должен сопровождаться созданием коллективной собственности по типу имеющейся в западных странах ("ЭСОП"). При решении земельной проблемы рекомендуется руководствоваться следующими принципами: 1) земля должна принадлежать всему обществу; 2) люди, коллективы, предприятия, пользующиеся землей, должны вносить за нее плату в государственную казну; полученные средства надлежит расходовать на социально необходимые проекты; 3) должно существовать частное *владение* землей (но не частная *собственность* на землю!), что позволит отдельным лицам вкладывать свой труд и капитал в землю для получения наилучших результатов, причем экономическая ценность земли, измеряемая величиной установленной за нее платы, делится между всеми членами общества.

Иностранным инвесторам предлагается арендовать землю на определенные договорами сроки.

УКРЕПЛЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ. ВЫХОД РУБЛЯ НА МИРОВУЮ АРЕНУ

Важнейшим условием возрождения России, ее могущества и процветания является восстановление и укрепление финансовой системы. На первом этапе — это приведение цены рубля в соответствие с его фактической стоимостью, которая ныне по отношению к доллару искусственно — с целью ограбления страны — занижена в десятки раз. На следующем этапе — распространение рубля как главной денежной единицы не только в России и странах СНГ, но и в части стран Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Восточной Европы.

В настоящее время, как эти ни парадоксально, складываются благоприятные условия для проведения подобной стратегической акции.

Европейские страны, несмотря на продолжающуюся солидарность с США, стремятся освободиться от их диктата или существенно ослабить его, что особенно усилилось после распада СССР. Последние десятилетия, ориентируясь преимущественно на экономическое ограбление других государств, манипулируя в свою пользу мировыми ценами и фиктивной стоимостью доллара, что задевало и европейские страны, США неуклонно теряли позиции лидера в высоких технологиях. Если в начале 70-х годов на США приходилось 30 процентов мирового экспорта продукции высоких технологий, то в 80-х годах эта доля упала до 20 процентов, к 1993 году — до 15 процентов, а к концу 90-х годов, как ожидается, она будет составлять не более 5—7 процентов.

В 1994 году Европейская валютная система (ЕВС) должна стать основой Европейского валютного института — предтечи будущего Центрального европейского банка, который будет чеканить общий для всех дензнак — ЭКЮ. А это означает, что доллар перестает быть полновластным хозяином на рынках.

Конечно, США не смотрят бестрепетно на деятельность своих "младших" партнеров. Недавно они осуществили нажим, сыграв на понижение курса ряда валют, что было направлено на подрыв создания европейского союза в соответствии с Маастрихтскими соглашениями. Но даже будучи основательно прижатыми к стенке, европейцы не отказались от идеи единой валютной политики и союза в целом, помня наказ отца-основателя Общего рынка Жана Монне: "Европа будет создана единой валютой, либо вообще не будет создана". Следовательно, при создании европейского союза мировая капиталистическая система (МКС) в ее нынешнем виде перестает существовать, разделяясь на три основных самодовлеющих экономических блока: США и американский континент; объединенная Европа; Япония, тесно интегрированная с рядом тихоокеанских государств.

Россия, если она откажется от жалкой роли сателлита США, почти автоматически становится (вначале одна или с некоторыми из государств СНГ) саморазвивающимся экономическим комплексом-гигантом.

Необходимо, во-первых, — пересмотреть фиктивную стоимость доллара во всех или, во всяком случае, во многих странах посредством точного соотношения цен на товары и обслуживание. Во-вторых, совместно с другими странами-экспортерами сырья поставить вопрос о реформе мировых цен на сырье и энергоресурсы путем включения в них налогов на предполагаемую прибыль в конечном продукте, а также налогов на восстановление окружающей среды в пользу стран-экспортеров. В-третьих, через ООН законодательно обязать транснациональные корпорации во внутренних расчетах использовать мировые цены, в том числе и по стоимости рабочей силы с учетом ее качества.

СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА — ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ СТРАНЫ

Перечислим некоторые из причин, приведших экономику России за неполные два года к критической грани:

1. Разрушение СССР, представлявшего собой самое крупное и одновременно цементирующее звено мировой социалистической системы, и последовавший за этим разрыв хозяйственных связей;

2. Насильственное проведение монетарной экономической политики, несовместимой с централизованной монополизированной структурой народного хозяйства;

3. Гайдаровская либерализация цен, приведшая к гиперинфляции и обнищанию подавляющего большинства населения.

Потребительские цены подскочили за 1992 год, по официальным данным, в 26 раз, в 1993 году — в 15 раз, в 1994 году, *даже если удастся осуществить качественные изменения*, они возрастут в 7 раз.

Это видимая всеми часть айсберга. Но совершено более страшное деяние, ускользнувшее от внимания не только народа, но и специалистов: осуществлен разгром экономики в перспективном плане. Смысл этого разгрома в следующем: несмотря на гигантскую инфляцию, не производится адекватной ей переоценки ценностей военного, промышленного и гражданского назначения, что дает возможность скупать предприятия, здания, сооружения, учреждения по остаточной (к прежней) стоимости, то есть по существу за бесценок, как случилось, например, с "заводом заводов" — Уралмашем, Челябинским электрометаллургическим комбинатом, ЗИЛом, проданными за несколько миллиардов нынешних рублей при стоимости предприятий в несколько десятков миллиардов долларов. Напомним, что ныне курс 1 доллара — 1700 рублей.

Здесь, кстати, разгадка происхождения многомиллиардных состояний, нажитых в кратчайшие сроки темными личностями на перепродаже недвижимости, впрочем, и движимости тоже.

Но, пожалуй, самое тревожное — фактически прекратилось инвестирование в производство, в том числе и за счет амортизационных отчислений.

Раньше амортизационные отчисления составляли 18 и более процентов среднегодовой общей стоимости основных фондов, ныне менее 5 процентов.

Сейчас почти все, что зарабатывается предприятиями и организациями, идет на потребление. И зловещий призрак массовой остановки предприятий становится реальностью: оборудование, техника, инженерные сети работают на износ. Это подрывает экономику завтрашнего дня.

Но чтобы понять, почему происходящие в экономике роковые события стали возможными, следует совершить аналитический экскурс в недавнее прошлое. Он показывает, что нынешние эконо-

мические потрясения имеют своей основой глубокий структурный кризис, набиравший силу в течение нескольких десятилетий. А попытки борьбы с ним "реформаторов", неумелые или сознательно деструктивные, создали предпосылки не для устранения структурного кризиса, а для необратимо разрушительных процессов в экономике.

Структурный кризис возник вследствие милитаризации народного хозяйства. Об этом знают и говорят многие. Но выводы делают своеобразные: надо закрыть большую часть предприятий ВПК, перепрофилировав их на производство потребительских товаров. При этом обращается внимание на одну сторону, а именно на бюджетные средства, которые затрачиваются на оборону. Считается, что если мы сэкономим эти средства, то они пойдут на гражданские цели, например, вместо танков будут выпускаться кастрюли, санки и т. д.

Но все обстоит иначе. Чрезмерные затраты на ВПК не давали возможности развивать гражданское отечественное машиностроение — технологический хребет гражданских отраслей, — создав структурный перекос в сторону оборонного комплекса. В результате не было возможности должным образом развивать химическую, нефтяную, газовую, пищевую, легкую промышленность, а эпизодические покупки зарубежной технологии (зачастую не соответствовавшей мировому уровню) не могли исправить положение. Данные отрасли становились все более отсталыми. И кому-то стало выгодно распространять версию о том, что такое положение создается из-за невосприимчивости социалистической экономики к научно-техническому прогрессу. Это ложное утверждение. Наоборот, там, где ставились соответствующие задачи и выделялись средства, ситуация исправлялась в сжатые сроки.

В целях ликвидации структурного кризиса нельзя разрушать ВПК, ибо там сосредоточены новейшие основные производственные фонды (ОПФ), основной интеллект страны, мощная научно-техническая структура (НИИ, ОКБ), наиболее квалифицированный рабочий класс. Причем в единых технологических комплексах существует законченный цикл по вертикали: от разработок — до выпуска продукции. Таким образом, для технологического рывка в гражданских отраслях необходимо опереться на ВПК и при его участии или под его патронажем создавать гражданское машиностроение, новые технологии, новые производства. Это намного проще, а главное — быстрей и надежней, чем создавать новые мощности гражданского машиностроения на новых площадках. Кроме того, надлежит разработать программу конверсии, чтобы увеличить выпуск сложной продукции гражданского назначения.

Руководители государства сейчас заявляют, что Россия не в состоянии конкурировать с иностранными государствами и что для обновления ОПФ нам необходимо свыше 2 триллионов долларов. Мы считаем подобные мнения ошибочными. Мы должны и можем ускорить выполнение структурной перестройки, опираясь на собственные силы, но для этого, в частности, необходимо:

1. Возобновить отчисление средств на амортизацию, но обязательно с систематической переоценкой ОПФ. Запретить использование амортизационных отчислений на другие цели;

2. Любыми мерами прекратить разворовывание страны, а награбленное вернуть. (Здесь необходимы слаженные действия ФСК, МВД, и Генпрокуратуры.) По нашим оценкам, а также по свидетельству иностранных источников, только в 1992 году из России утекло чистоганом 20—40 млрд. долларов.

Известно, что для выхода на мировые рынки обычно требуется затратить много сил и средств. Мы же фактически добровольно отдали "семерке" рынки Восточной Европы, стран СНГ, самой России. Нам за сырье, за золото, за алмазы продают залежалые товары, сникерсы, сигареты с надписью "подлежит реализации только за пределами США" и т. п.

Нам якобы оказывают помощь кредитами. Но это не помощь, а форменный грабеж. Кредиты, за которые мы должны рассчитаться с добавлением процентов, дают под обязательство покупать их устаревшее оборудование, низкосортное зерно, некачественные товары и т. п. Таким образом, мы финансируем их развитие. Нас вытеснили с рынка оружия при нашем добровольном согласии (под лозунгами филантропии и пацифизма). На этот рынок следует возвратиться, и как можно быстрее.

Совокупность всех факторов показывает, что помощь, оказанная бедствующей Россией процветающему Западу в 1992 году, оценивается в сумме свыше 100 млрд. долларов. Вот главный итог гайдаризации.

Стоит только прекратить помощь Западу за счет разрушения нашей экономики — и у нас будет с избытком финансовых возможностей, как, впрочем, и всех других, для осуществления структурной перестройки и развития.

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

ТЕЛЕИДИОТ

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ЗОМБИ

В этом быстром развитии общественных событий, охвативших известную часть населения России, сказалась вновь та титаническая сила внушения, которая на подготовленной почве пробуждает массы к однородным действиям при малейшем поводе.

В. М. Бехтерев, 1908 г.

— Мы вызываем из банка космической информации дух Виссариона (?!) Сталина! — провозгласил Юрий Лонго.

Спиритический сеанс проходил поздним вечером 7 марта 1993 года. Он транслировался по телевидению. Миллионы зрителей приобщились к тому, что атеисты называют опиумом для народа, а христиане — сатанизмом.

Молодой человек, предоставивший свое тело духу бывшего отца народов, находился в глубоком трансе. Ответы, в полном соответствии с вопросами, отличались невнятностью и бессмыслицей. Так, на сакраментальное: "Когда снизятся цены?" — медиум мучительно выдавил: "Ддд-ааа".

Наконец, маг послал сталинский дух в банк, откуда брал, и ловкими пассами внедрил прежнюю душу в тело молодого человека. Кстати поведал, что доводилось ему поднимать и совершенно мертвый труп, который делал два-три шага и падал. Американцы, мол, в этой связи приглашали на гастроли с мумией Ленина.

Это телешоу, а проще говоря, мракобесие, было вполне привычным явлением русскому народу очередного чудотворца. Чего только теперь не показывают, пишут, вещают! Телеастролог не только дает ценные указания на текущий день, но и пространно рассуждает о "светлом будущем эры Водолея", а "как только Солнце активное, то у нас начинается в умах брожение". Причем рекомендации, в том числе лечебные, даются не каждому индивидуально, а всем стадно.

...В доверчивых, внушаемых, суеверных, впечатлительных людях никогда не было недостатка. Психические расстройства — тоже не редкость. Однако чем больше масса людей, тем она инертнее. И хотя диапазон отклонений от "нормы" (при всей условности такого понятия) увеличивается, определяющими остаются среднестатистические явления, а не частности.

Только не следует переоценивать значение официальных государственных идеологических установок. Ими активно руководствуются сравнительно немногие граждане, и то вовсе не всегда. Но главное, любая идеология, даже при полной иррациональности, относится почти исключительно к сфере сознания, как всякий комплекс идей. А каждый из нас живет преимущественно не по логике, слишком часто поступает рассудку вопреки, реагирует на события спонтанно, поддается эмоциям, руководствуется такими в основе своей туманными критериями, как совесть, красота, польза. Живем, зная о неизбежности встречи со смертью, но не понимая и не обдумывая смысл жизни и смерти. Вообще четкие мысли, ясные проявления сознания влияют на нашу душу примерно так, как быстротекущие волны — на всю непомерную толщу океана.

Как писал более полувека назад Карл Густав Юнг: "Мы не в состоянии более отрицать, что темные движения бессознательного являются активными силами, что есть силы души, которые, по крайней мере на данный момент, не соответствуют нашему рациональному миропорядку".

Хотелось бы только предостеречь читателя от некоторых навязчивых представ-

---

БАЛАНДИН Рудольф Константинович родился в 1934 году в Москве. По профессии геолог. С 1959 года занимается научно-популярной публицистикой. Автор многих книг по проблемам истории культуры, взаимодействия природы и человека и т. п. Член Союза писателей России.

лений, сложившихся, в частности, благодаря долгому господству марксистско-ленинской идеологии. Общество не следует уподоблять государству-Левиафану Томаса Гоббса — "искусственному человеку". Ведь чувства, мысли, чаяния, материальные и духовные потребности людей существуют в сложных взаимосвязях, могут входить в резонанс, значительно усиливаясь или ослабляясь (общая отличительная черта явлений жизни). Так, отдельные восторженные выкрики и хлопки в зале могут перейти в бурные аплодисменты, возбуждая публику; такой прием многие века успешно применяют театральные и политические клакеры.

Вдобавок люди проявляют себя в определенной природной (обычно — техногенной) и социальной среде, которая также выступает как усилитель или "глушитель". Вернее даже говорить о разных средах, в которых приходится находиться человеку, причем в некоторых случаях он вольно или невольно становится членом коллектива, поистине обретающего — хотя бы временно — единую, порой противоречивую, а то и нездоровую душу.

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ

Среднестатистический индивид — абстракция. Реальна конкретная личность, обладающая индивидуальными признаками. Но каждая в то же время более или менее типична. Поэтому анализ частных случаев помогает понять общие закономерности. Вот ряд примеров.

В селе проживала больная шизофренией, утверждавшая, что близится конец света. При обострении мании она видела, как дьявол тащит грешные души в ад. Четыре ее сестры ухаживали за больной, молились денно и нощно. Через несколько дней на их глазах вдруг тело у нее покрылось шерстью, на голове выросли рога, ступни превратились в копыта. В ужасе они схватили то, что попало под руки, и принялись изгонять беса. Убив сестру, были уверены, что совершили благое дело. За три дня пребывания в больнице они пришли в себя, успокоились, но по-прежнему не сомневались, что изгнали нечистого.

Этот случай, среди многих других, приведен в работе психиатров Я. П. Фрумкина и С. М. Лившица "Следовые влияния в психопатологии". Далее я буду употреблять другое понятие — "установка".

Галлюцинации — явления не общераспространенные. Однако они, как показывают факты, могут быть групповыми, приобретая, можно сказать, псевдообъективность. Люди сходной психической организации являются "зависимыми" наблюдателями, подверженными коллективным иллюзиям. Образ врага, возникший у них под влиянием воспитания, пропаганды и т. п., порой обретает зримые убедительнейшие черты. Аналогично может быть сформирован образ "друга народа". Тому примеров немало не только в психопатологии, но и в политической жизни — прошлой (со времен имперского Рима периода упадка) и современной.

Вот вполне обыденная ситуация. Моя близкая родственница преклонных лет некогда была убежденной сталинисткой, активной "коммунисткой". Вдруг разом стала безоговорочно поддерживать лидеров курса "демократизации и реформ", ненавидя их противников. Любые попытки усомниться в профессиональных и моральных качествах руководства вызывают у нее гнев, ярость. В прошлом примерно так же — закрывая свои уши, выкрикивая лозунги — реагировала на мою критику идеологии большевизма.

В подобных случаях речь идет о людях, склонных подчиняться определенным установкам. Конкретные формы навязчивых состояний могут быть разными. Особенно четко это заметно при резких сменах политических убеждений. Тем более когда "установочную ориентацию" создают и поощряют средства массовой информации.

Например, моя родственница долгие годы в политическом смысле была запрограммирована до автоматизма. И дело не в эффективности официальной пропаганды. Таковы были общепринятые "правила игры". Критически относиться к партийной программе было бесполезно или небезопасно. И не важно, что линия партии порой выписывала причудливые изгибы. Наиболее болезненно, резко отрицательно была воспринята и хрущевская "оттепель", и горбачевская, говоря в том же стиле, "распутица". Не по каким-то идейным соображениям, а из-за расшатывания установки. Ситуация изменилась после августа 1991-го. Почти не выходя на улицу и общаясь с очень ограниченным кругом людей, родственница информацию извне получала из "Вечерней Москвы" и двух первых программ радио. Новая безоговорочная политическая установка была воспринята автоматически, несмотря на то, что она оказалась прямо противоположной предшествующей. Такому восприятию способствовало неумолкающее радио на кухне. Причем передачи она слушает между делом, не стараясь вникать в суть. В результате основные положения нового программирования откладываются на уровне подсознания. Вырабатывается рефлекс на определенные фамилии: на одни — положительный, на другие — отрицательный. Эффективность внушения обеспечивается относительной изоляцией, плохим питанием, неуверенностью в завтрашнем дне и структурой личности, жаждущей иметь четкую политическую установку.

Страшными примерами такого рода установочного рефлекса могут служить зверства, которыми сопровождаются гражданские войны. Например, в октябре 1993-го при штурме "Белого Дома" и "обороне Останкино" в Москве было расстреляно множество безоружных людей. Записи радиопереговоров перед штурмом, опубликованные, в частности, в "Комсомольской правде", демонстрируют проявления совершенно патологической ненависти, нацеленности на убийство "врагов". Остается только с ужасом и отвращением помнить, что убийцы безоружных людей не только живут среди нас, но получили поощрения и награды. Впрочем, это уже выходит за рамки нашей темы.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Рационально мыслящий человек убежден, что наиболее действенное интеллектуальное воздействие следует осуществлять напрямую, в споре, путем фактических и логических доказательств. Однако на большинство людей наиболее сильно, постоянно и с ускорением в подсознании влияют уловленные вскользь, подслушанные, случайно врезавшиеся в память и невольно запечатленные идеи, слова, сигналы. Навязанная исподволь концепция закрепляется в подсознании. При необходимости рассудок сумеет найти ей более или менее убедительное обоснование, создавая полную иллюзию неоспоримой истины.

Таким путем установка обретает маниакальную незыблемость. Теперь человек выборочно обрабатывает информацию, относящуюся к ней. Ему приятно, точнее — удовлетворяет, что ее подтверждает (даже если это объективно отвратительные факты); вызывает активную неприязнь все то, что ей противоречит. Он безо всякого умысла старается уберечь себя от фактов "отрицательных". Если подтверждения данной установки объективно отсутствуют, они измышляются субъективно: соответствующие видения, запахи, звуки, обманы памяти, фантастические домыслы...

Надо оговориться. Установки бывают разные. У Дон-Кихота тоже были патологические мании, вызывавшие галлюцинации. У героя, жертвующего своей жизнью ради других, — тоже установка, и чрезвычайно прочная. Каждый человек в той или иной степени вырабатывает и осуществляет запрограммированное поведение. И совсем не обязательно, чтобы он ориентировался на какие-то реальные, материальные цели. Наиболее надежны и устойчивы ориентиры идеальные, непостижимые, подобные Полярной звезде или Иисусу Христу.

Еще раз надо подчеркнуть: у нас речь идет не о декларациях, не о продуманных, намеченных целях — явных или тайных, а о подсознательных. Последние руководят поведением человека наиболее властно, ибо направляются из темных глубин "Я" как бы совершенно естественно, "по велению сердца". В клинических вариантах этот "внутренний голос" проявляется в сознании как приказ, даваемый кем-то извне (чистой или нечистой силой, колдуном или экстрасенсом, космическим разумом или звездными пришельцами).

Короче говоря, будем считать — по К. Юнгу — установкой "готовность психики действовать или реагировать в определенном направлении"; но только не рассудочное целеполагание, а неосознанное. Можно было бы называть это свойство предопределенностью, автоматизмом, запрограммированностью, внушением (самовнушением). Дело, конечно, не в термине. Речь идет о психологической ориентации, которая определяет предпочтение, отдаваемое выборочным действиям, идеям, фактам; бессознательное предпочтение.

ПОСЛЕДСТВИЯ БЛИЗКИЕ И ОТДАЛЕННЫЕ

Об исчезнувшем с телеэкрана А. М. Кашпировском по-прежнему пишут газеты. Свою деятельность он продолжает преимущественно вне России. В сентябре прошлого года его сочли персоной нон грата в Латвии в связи с приездом папы римского. Хотя психотерапевт не устает повторять, что нацелен только на целительство и несет добро людям.

Обратим внимание на одно его признание: после сеансов телелечения на Украине многие пожилые зрители писали, что у них прошло варикозное расширение вен, тогда как воздействие было направлено на детей, страдающих энурезом.

Странно, что самого врача не насторожил факт "внеплановых" исцелений. Представьте: лечат определенный контингент от конкретного недуга, а выздоравливают (или чувствуют улучшение) еще и совсем другие с иной болезнью. Самовнушение? Да. Но ведь оно слишком часто приводит к печальным результатам, как всякое самодеятельное лечение. Да и за улучшением грозит наступить обострение болезни.

"Феномен Кашпировского" убедительно демонстрирует, каким мощным психотронным оружием являются электронные средства массовой информации (ЭСМИ). Оказывается, оно в значительной степени неуправляемо, формируя установки, не

всегда осознанные как внушающим субъектом, так и его подопечным. Отдаленные последствия явления остаются совершенно неисследованными. Хотя положительных результатов "телецелительства", по-видимому, значительно больше, чем отрицательных (во всяком случае, на ближайшую перспективу), приоритет должен оставаться за принципом "не навреди!". Об этом убедительно написал доктор медицинских наук Л. П. Гримак в статье с характерным заглавием "Телепсихиатрия — посягательство на экологию психической сферы", опубликованной в "Вопросах психологии" (т. 12, №3, 1993).

Однако следовало бы иметь в виду, что телезнахарство — в разных его формах — не более чем частность, и возможно даже, не самая опасная для здоровья общества. Ведь лекарь активно влияет на сравнительно ограниченный контингент физически и психически хворых людей, принося пользу некоторой его части. Но критики А. М. Кашпировского не придавали должного значения тому, что его система массовых установок способствует формированию вполне определенного склада личности, ориентированной на вещателя (вождя, руководителя), обещающего те или иные блага. Вслед за Кашпировским обрели массовую популярность политические деятели того же типа, от Ельцина до Жириновского.

В том же контексте вовсе не безобидной белибердой предстает постоянное телевещание астрологов. Никаких разумных обоснований своих рекомендаций они не дают (да и нет их). Миллионы зрителей слушают их "вполуха", не запоминая советов... Но как мы уже знаем, именно таким образом происходит воздействие на подсознание. На следующий день, скажем, "телец" неожиданно для себя сорвет важные переговоры во второй половине дня, а со "скорпионом" в первой половине произойдет дорожное происшествие. И они даже не заподозрят, что поступали в полном соответствии с установкой телеастролога.

Особенно опасно использование ЭСМИ в политических целях. Чем более размышляешь над нынешней ситуацией в нашей стране, чем обстоятельней сопоставляешь факты, тем определеннее вызревает неожиданная мысль: сейчас мы существуем в условиях большего тоталитаризма, чем при Сталине!

Столь несусветное утверждение хотелось бы вкратце обсудить.

ДВА ТИПА ТОТАЛИТАРНОСТИ

Прежде всего согласимся, что господство моноидеологии марксизма-ленинизма гарантировалось мощью репрессивных органов и пропагандистской сети, жестко ориентированным воспитанием и образованием, затрудненным доступом к литературе, критикующей данную политическую систему. Многие авторы особо подчеркивают всеобщий страх и ужас (террор), полное порабощение населения. Конечно, спорить о вкусах и мнениях бесполезно. И все-таки...

Вспомним едва ли не самое светлое сочинение А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича". И героя поэмы А. Твардовского "Василий Теркин", хотя бы и на том свете. Простой русский зэк, простой русский солдат эпохи сталинизма. Убожества? Рабы? Трусы? Оболваненные пропагандой? И кому из "героев нашего времени", а тем более — политизированным "деятелям культуры" удается так достойно жить, не пресмыкаясь, не раболепствуя, не лакействуя перед имущими власть и капиталы?

Кто-то возразит: да ведь это — литература! Идеализация, далекая от действительности. Придется ответить не по сути (иначе придется писать трактат): да, для вас они — не характерные представители русского народа. Мой опыт жизни, мои наблюдения свидетельствуют об обратном.

Спору нет, иваны денисовичи и василии теркины абсолютно ничем хорошим не обязаны марксизму-ленинизму. Но вот их отношения с государственной системой, СССР, не так просты и очевидны, как представляется некоторым теоретикам.

Партийная идеология не въелась в душу русского народа (шире — народов СССР) и не деформировала его интеллект, в отличие от партийных и припартийных деятелей всякого сорта, включая теоретиков. Когда кто-то утверждает — "все мы в СССР были рабами", это не только не корректно, но и глубоко безнравственно, ибо говорить следовало бы только за себя и своих близких.

Из вышесказанного вовсе не следует, будто при Сталине, например, народу жилось вольготно и радостно. Так же как при крепостном праве, в России мужики и бабы не имели демократических прав, как, впрочем, и дворяне. Однако достаточно обратиться к свидетельствам великих русских писателей или честнейшим и мудрым "Запискам революционера" П. А. Кропоткина, чтобы убедиться в полной преемственности Ивана Денисовича и Теркина. Не занимать было русскому мужику ни смекалки, ни удачи, ни чувства собственного достоинства.

Складывается впечатление, что советские и антисоветские теоретики безмерно преувеличивают воздействие государственных структур и официальных идеологий на характер, уклад жизни и образ мысли народа. Да и помнить бы не мешало: создать великую культуру, великое государство, победить в жесточайших войнах может только великий народ.

Ну, а что касается тоталитаризма, то он, как мне представляется, бывает двух основных типов: "программным" и "установочным". Первый оперирует рассудочными понятиями, второй внедряется в подсознание.

Чтобы избежать излишних терминологических споров, примем определение, даваемое в "Словаре иностранных слов" (М., 1979), выделив наиболее интересующий нас в данном случае духовный аспект: "ТОТАЛИТАРНЫЙ... — политический строй, при котором государственная власть в обществе сосредоточена в руках какой-л. одной группы.., полностью подчиняющей жизнь общества своим интересам и сохраняющей свою власть благодаря насилию, военно-политическому террору и духовному порабощению населения..." Подлинное, безнадежное рабство — это рабство духовное, формирующее психологию холопа, подчиненного, покорно следующего указаниям начальства.

Усматривается существенное отличие гитлеровского нацизма от сталинизма: первый вариант тоталитаризма опирался не только на рациональные программы, но и на иррациональные расовые, мифологические, оккультные представления, воздействующие на подсознание. Происходило, как теперь принято называть, массовое "зомбирование" людей. А марксистско-ленинская идеология настолько примитивно рассудочна, вульгарно социологична (вне психологических бездн личности и непостижимого в своей сущности бытия природы), что в труднейшие для страны моменты идеологи вынуждены были возбуждать в народе патриотические чувства, иррациональные и противоречащие принципам "пролетарского интернационализма" и космополитизма. Такая переориентация помогла выстоять в годы войны.

Повсеместное распространение ЭСМИ во второй половине нашего века принципиально изменило ситуацию с внедрением в общественное подсознание (введем такое понятие) идеологических стереотипов. Более того, появилась возможность серьезнейшим образом деформировать "психосферу" общества.

...В конце прошлого века были популярны исследования психологии толпы, больших человеческих масс. С этих позиций некоторые мыслители пытались — и небезуспешно — моделировать общественное развитие. Например, в работе Г. Лебона "Психология социализма" было дано подлинно научное предвидение грядущего торжества и краха тоталитарных государственных систем. Тогда же В. М. Бехтеров писал о психологических эпидемиях и даже, с некоторой долей условности, упоминал о "вирусе", распространяющем "духовную заразу".

Пример германского нацизма показывает, как быстро и основательно могут распространяться подобные эпидемии в благоприятной духовной, социальной, экономической среде. Да и сталинизм, конечно, тоже многим обязан благоприятной для него обстановке: разруха, голод, деморализация времен гражданской войны, когда восстановление государственности, подавление преступности, первые успехи в подъеме хозяйства, а затем и индустриализация подкрепляли идеологическую программу.

В наше время есть полное основание говорить об эффекте "телетолпы" и невиданном распространении "телеэпидемий". Таким способом обывателю внушаются представления об определенном образе жизни, системе ценностей и приоритетов. При вполне понятной монополии некоторых стран и крупнейших фирм на распространение интеллектуальной продукции есть основание говорить о проявлениях "телетоталитаризма", подразумевая под этим возможность для некоторых групп людей воздействовать на общественное подсознание, духовно порабощая население.

Не вдаваясь в подробности, примем во внимание, что телетолпа особенно восприимчива к установкам, а ЭСМИ являются прекрасными распространителями идеологических и психических "вирусов". В результате создаются предпосылки для формирования своеобразно ориентированной личности, которую можно назвать "телерадиозомби".

"ТЕЛЕРАДИОЗОМБИ"

Примерно четверть века назад в Америке были отмечены изменения в структуре интеллекта у маленьких детей, привыкших смотреть телевизор: отставание в развитии речи, бедность фантазии, плохая коммуникабельность, примитивность мышления, малая игровая активность. Появился термин "телеидиот" (не ругательство, а некоторое преувеличение).

И хотя "телемания" широко распространена, в промышленно развитых странах она является прежде всего "механическим отдыхом". Обилие и пестрота программ затрудняют превращение ЭСМИ в орудие направленной деформации личности, хотя и содействуют ее общей деградации, духовной инфантильности. Иное дело — государства, где немного теле- и радиопрограмм, и они находятся под контролем правительства.

Для духовного закабаления человека, формирования установок и системы оценок вовсе не требуются какие-то особые технические средства или хитро придуманные передачи. Вполне достаточно постоянного искажения информации, преподнесения ее с определенным подтекстом, искусственного отбора фактов. Многомиллионная ауди-

тория физически разобщенной, но подвергаемой одновременному и однотипному воздействию телетолпы будет привычно потреблять подобную недоброкачественную "духовную пищу".

Конечно, далеко не все легко поддаются внушению. Однако существует ряд факторов, облегчающих "одурманивание" масс: дефицит общения, плохое питание, неумение принимать самостоятельные решения, а также пассивное расслабленное состояние в домашней обстановке, своеобразная "дремота разума". Еще В. М. Бехтеров отмечал, что внушение "проникает в психическую сферу без активного внимания, входя без особой переработки непосредственно в общую сферу и укрепляясь здесь, как всякий предмет пассивного восприятия".

Не надо обладать большой проницательностью, чтобы прийти к выводу: в нашей стране за последнее время сложились особо благоприятные условия для "телезомбирования" населения. Мы переживаем период радикальной смены установки, соразмерный эпохе Возрождения в Западной Европе и переходу от феодальной к капиталистической системе (помнится, в 1959 году мне понравилось определение: социализм есть высшая стадия феодализма; с таких позиций современный этап выглядит вполне естественным).

Обычно предполагается, что на смену темным средним векам пришел рассвет Возрождения. Однако учтем, что именно в переходную эпоху запылали костры инквизиции; десятки, сотни тысяч людей сжигались заживо, необычайно распространились психические эпидемии. Вряд ли это можно объяснить какими-то экономическими причинами. Психологический базис общества более фундаментален, захватывает и области подсознания. Когда происходит расшатывание и ломка общественной установки, этот социальный стресс выплескивает глубинные психические стихии, вызывает вспышки необычайной жестокости и фанатизма — массовые патологии.

"ДУШЕВНЫЕ ЭПИДЕМИИ"

В нашей стране первым о них написал в 1876 году замечательный психиатр В. Х. Кандинский. По его словам, "от времени до времени в истории человечества являются настоящие повальные болезни души". К ним он относил, в частности, сатанизм, демономанию, ложные признания в колдовстве и массовые религиозные репрессии в Западной Европе XV—XVI веков.

Обобщая, он писал: "История общества представляет нам... непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обусловливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея, сама по себе, может быть высокою или нелепою... К таким примерам морального и интеллектуального движения масс, порою принимающего форму резкого душевного расстройства, мы совершенно вправе приложить название "душевные эпидемии". Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная". При этом "чувства мелочные и своекорыстные гораздо более склонны приобретать эпидемическое распространение, чем чувства и идеи высокие".

Обстоятельно разрабатывал тему коллективных психозов В. М. Бехтерев в книге "Внушение и его роль в общественной жизни". Он высказал мнение, не утратившее актуальности и в наши дни: "Внушение, как фактор, заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получит неполное... и частью даже несоответствующее освещение".

И другое его замечание следовало бы учитывать: "В толпе происходит утрата индивидуальности, откуда необычайная склонность к подражанию и подчинение внешним воздействиям, как в гипнозе. Психическими же основами этого бессознательного подражания является концентрированное внимание и сужение индивидуального сознания". Вывод полностью соответствует феномену телетолпы, когда индивидуальное сознание при общей вялости сужается до размеров "ящика".

Наконец, приведем высказывание В. М. Бехтерева, звучащее как предупреждение: "Психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы при благоприятной к тому почве к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая с другой стороны жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений".

Тотчас вспоминаются современные примеры сатанинских оргий, распространившейся, как пожар, популярности "Белого братства" и жестких мер борьбы с ним. Но все это, по-видимому, не более чем симптомы серьезного расстройства духовной сферы общества. Экономическая, социальная, экологическая ситуации в данном контексте играют роль той самой "благоприятной почвы", которая способствует превращению борьбы мнений и конфликтов в катастрофу.

Почему же так упорно приходится повторять о страшных последствиях решитель-

ных перестроек психической сферы, непродуманных нарушений ее экологического равновесия?

Ну, прежде всего — история. Смена средневековых стереотипов сознания и установок, становление капитализма сопровождались маниакальными явлениями, жестокими революциями. Последние особенно характерны для того первобытного капитализма, который насаждается в нашей стране (чересчур наивно предполагать, будто можно одним гигантским скачком — да еще обессиленного государства — преодолеть пропасть, отделяющую классический капитализм от постиндустриального общества, в значительной мере имеющего социалистическую структуру).

С позиций коллективной психологии тоже невозможно придумать ничего утешительного. Если бы речь шла о рационалистичной борьбе мнений, то оставалось бы только найти компромиссную концепцию (так называемый "третий путь", а в действительности несколько возможных вариантов). Но у значительной массы населения происходит столкновение подсознательных установок: консервативной, традиционно российской, коллективистской в основе и — радикально иной, революционно-капиталистической, индивидуалистичной. Для таких противников никакого согласия не предвидится; только стремление разрушить враждебную установку. В условиях стабильного демократического государства дело ограничивается дискуссиями и парламентской борьбой. Однако у нас реализовать такой эволюционный путь никак не удается.

Мало того, зреет еще более серьезная стрессовая ситуация.

В индивидуальной психологии известно такое явление, как сшибка двух противоречивых установок. Его изучал, преимущественно на собаках, И. П. Павлов. Рефлективные реакции типа истерики, потрясения, стресса характерны для всех высших животных. При всем уважении к человеку разумному приходится констатировать, что в этом отношении он не является исключением. И понятно: подсознательные реакции осуществляются автоматически. На этом глубинном уровне "все мы немножко лошади". Социальные конфликты особенно обостряются в периоды "сшибок" в обществе двух и более установок.

Даже в тех случаях, когда устойчиво закрепленный рефлекс отлично "работает", вызывая определенную реакцию (скажем, на один символ — ярость, на другой — радостное предвкушение угощения), то и тогда требуется его периодически поощрять, не давая угаснуть. Если обстановка ему противоречит (вслед за приятным символом — удар тока), то происходит сшибка, стресс. Внутренняя установка вступает в решительное противоречие с окружающей реальностью, вызывая психический срыв.

Человек — не собака, и способен долго выносить противоречия между ожиданиями и реальностью. Его можно уговорить, припугнуть, обмануть. Да и сам он порой обманываться рад в угоду "внутреннему убеждению" (внедренному извне, но исподволь).

И все-таки в конечном итоге, если не принимать во внимание маниакальных состояний, жизнь опровергает иллюзию. Рушится установка. Как всякий бессознательный процесс, это вызывает не поток мыслей, а бурю эмоций.

Такой механизм поясняет нередкое превращение апологетов одной идеи (партии, религии, теории) в ее яростных гонителей и хулителей. Обманутая любовь, как известно, слишком часто приводит к трагедиям: ведь и тут рушится прочная установка.

Нечто подобное происходит и в психологии масс. Вспомним царствование Николая II, которое ныне идеализируется. Принято считать, что в свержении самодержавия важную роль сыграла революционная агитация. Но в стране абсолютно преобладало сельское население при высоком проценте неграмотных. Воспринимались крайние революционные идеи неоднозначно, порой скептически даже многими рабочими.

Иное дело — государственная пропаганда. Она распространялась повсеместно, в разных формах, внушая веру в Бога, Царя и Отечество. Пока Россия процветала, официальная установка постоянно подкреплялась материально. Но вот последовала серия неурожайных лет конца прошлого века. Становление капитализма обостряло социальные отношения. Народ убеждался, что благоденствуют вовсе не самые честные, толковые, работящие, а нередко и самые наихудшие, подлые, попирающие законы божеские и человеческие. Поражение в японской войне, события 1905 года и бедствия первой мировой войны окончательно сломали привычную установку. Разладилась жизненная ориентация, рухнули духовные устои. Отсюда — разгул насилия, гражданская война, террор... Безусловно, причины революции более сложные. Но вряд ли разумно не учитывать психологический аспект социальных катастроф.

Между прочим, сказываются и личностные качества политических лидеров. Когда к власти приходит психически неустойчивый, конфликтный вождь, не способный к рутинной кропотливой работе и не привыкший отвечать за свои слова и поступки, да еще и некомпетентный, то это означает, что правящим кругам выгоден именно такой ставленник, что немалая часть населения не способна самостоятельно ориентироваться в сложившейся обстановке. Следовательно, данное общество имеет существенный

духовный изъян и находится в неблагоприятной интеллектуальной среде, ибо создает условия для самоуничтожения...[1]

Как бы доверчиво ни воспринимала немалая часть российского народа пустословесные посулы очередных вождей, как бы легко ни поддавалась внушению и установкам начальства, закрепляемым ЭСМИ, действительность неумолимо опровергает обещания и подавляет надежды. Но чем дольше и сильней нарастает психологическая напряженность, тем опасней последующий стресс.

Итак, для современной технической цивилизации характерными чертами являются проявления эффектов телетолпы, психических телеэпидемий, внушения установок электронными средствами массовой информации. Происходят невиданные по своим масштабам манипуляции общественным сознанием и подсознанием.

...Некогда географ и анархист Элизе Реклю писал, что люди творят окружающую среду по своему образу и подобию. Позже В. И. Вернадский доказывал, что окружающая среда сказывается не только на физическом, но и на интеллектуальном состоянии человека, его духовной сфере. И тот и другой тезис, по-видимому, справедлив. Происходит взаимостановление (а то и взаимная деградация) природно-техногенной среды и общественного сознания, а также подсознательных установок.

Экологическому кризису биосферы соответствуют психические аномалии общества.

Пора заново осмыслить и обстоятельно исследовать закономерности возникновения, распространения механизмов душевных эпидемий и выработать меры их профилактики. Задача зарождающейся ПСИХОЭКОЛОГИИ более широка: изучение влияния окружающей среды на человеческую душу и выработка рекомендаций по оздоровлению духовной, информационной сферы.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Некорректно поставленная, революционно альтернативная проблема приоритета материи или сознания просто снимается признанием их единства, всего лишь — использованием предлога и. С таких же позиций следовало бы взглянуть на взаимодействие духовного и материального бытия общества.

Оценим экологическую ситуацию в биосфере, одновременно имея в виду и ее проекцию на интеллектуальную среду.

Идет невиданно интенсивное вымирание естественных видов, резко уменьшается их разнообразие. Бурно расплодились низшие организмы, прежде всего — наиболее приспособленные и неприхотливые сине-зеленые водоросли. Среди высших животных и растений подавляющее господство имеют искусственные (техногенные), унифицированные и приноровленные к материальным потребностям человека породы животных и сорта растений. Абсолютно преобладают монокультуры. Кстати, как показывают исследования биопсихологов, одомашненные животные умственно деградируют по сравнению со своими природными аналогами.

Помимо всего прочего, происходит общее загрязнение биосферы отходами производства, деградация естественных экосистем, эрозия почв, опустынивание, техногенная активизация природных стихий — от климатических (начиная с нарушений "озонового экрана" стратосферы) до сейсмических, нарушающих устойчивость блоков земной коры. Всему этому соответствуют аномалии психосферы. Под влиянием внушенных целевых установок, все более резко противоречащих реальности, возникают "душевные эпидемии". Наиболее массовые и болезненные формы процесс приобретает при господстве моноидеологии, о чем свидетельствуют периоды Возрождения и Реформа-

---

1 Постоянное попадание в разные неприятности и катастрофы, — пишет он, — особая психическая черта, отличающая специфический тип личности". "Ельцин — мастер "взрывать" ситуацию". Автор ссылается на высказывания Р. Никсона: "Ельцин может многое внушить людям, у него животный магнетизм, и он достаточно безжалостен, чтобы претворить это в жизнь". "Он может стать, пожелай он того, лидером насильственной революции" ("Известия", 15.04.1991). Имея вполне определенные, как выражается автор, "качества ниспровергателя и разрушителя", этот лидер был избран руководителем страны в период, когда деструктивная перестройка забуксовала и требовалось не разрушать, а строить. По мнению психолога, столь нелепый выбор объясняется болезненным состоянием общества: "Попеременная "борьба" двух политических оппонентов и игра в героя и злодея (роль Горбачева? — Р. Б.) до поры наркотизирует массовое сознание и дезориентирует его в жизненных проблемах". Вдобавок создавался "образ обиженного и безвинно пострадавшего человека" (спекуляция на доверчивости и жалостливости русских). Помимо конфликтности и жестокости, за последний год проявились черты хитрости, лицемерия, безответственности (провалы внешней и внутренней политики, лживые обещания, неспособность к конструктивным действиям оправдываются единственно происками врагов и наследием проклятого прошлого — избитый прием партийной пропаганды). Складывается впечатление, что большинство населения свой выбор основывали на вере и подсознательных установках, а не на здравых рассуждениях и логическом анализе. Продуманные решения принимала лишь небольшая часть граждан, извлекающая выгоду из развала и обнищания страны. Этому контингенту требуется лидер, готовый к "насильственной революции", деструктивный и "достаточно безжалостный" по отношению к народу.

ции в Западной Европе, социалистического переворота и перестройки в России и т. п.

В полном соответствии с экологией биосферы и здесь прежде всего требуется сохранение РАЗНООБРАЗИЯ, которое является проявлением стихийного естественного развития. Даже самые прекрасные моноидеологии, укоренившиеся как подсознательные установки, чреваты острейшими кризисами. Потому что если разумом человек понимает разницу между идеалом и действительностью, то подсознание реагирует на противоречия автоматически, рефлексивно.

Современная среда жизни настолько изменена человеком, загрязнена разнообразными химическими соединениями, насыщена техническими системами, что есть все основания говорить о превращении биосферы в техносферу. Одновременно формируется особая разновидность мыслящего существа — техногенный человек. Некоторые мыслители приветствовали его пришествие (например, Томмазо Маринетти), другие видели в этом угрозу гибели гуманистической цивилизации (например, Н. А. Бердяев). И если в начале века еще была надежда, что таков путь к сверхчеловеку, то теперь все более ясно, что свершается массовое нисхождение к примитиву. Вот один из вариантов его характеристики: "Недочеловек — это биологически, на первый взгляд, полностью идентичное человеку создание природы с руками, своего рода мозгом, глазами и ртом. Но это совсем иное, ужасное создание. Это лишь подобие человека, с человекоподобными чертами лица, находящееся в духовном отношении гораздо ниже, чем зверь. В душе этих людей царит жестокий хаос необузданных страстей, неограниченное стремление к разрушению, примитивная зависть, самая неприкрытая подлость. Одним словом, недочеловек".

Действительно, личность без высоких идеалов правды, добра, красоты — вне культуры — несравненно страшней и отвратительней зверя, ибо вольно или невольно разрушает и духовную и материальную среду обитания общества. Но приходится иметь в виду, что автор приведенной выше характеристики — Генрих Гиммлер. Образ недочеловека он использовал для укрепления в массовом подсознании германских арийцев установки на свое изначальное преимущество перед остальными людьми и на отношение к покоряемым народам, как к животным. Таким образом создавался "механический недочеловек" — ничем не лучше биологического. Возможно, лживость установки "на сверхчеловека" сыграла свою роль в тот период войны, когда фашисты стали впервые проигрывать крупные сражения. Моральные потери оказались весьма существенными. Да и паника наших армий в первые месяцы войны в немалой степени определялась крушением установки на победоносную войну на вражеской территории...

То, чего нацистские руководители добивались сознательно, ныне реализуется отчасти стихийно, под влиянием техногенной материальной и духовной среды. И если не будет организовано сознательное противодействие этому процессу деградации, общий результат будет самый плачевный. К сожалению, политики и бизнесмены, то есть имущие власть и капиталы, стремятся управлять общественным сознанием, не брезгуя никакими методами, создавая именно техногенного недочеловека, легко внушаемую "телетолпу". Унификацию, упрощение интеллектуальной среды при наличии управляемых ЭСМИ проводить несложно. Однако непредвиденные последствия подобных манипуляций общественным подсознанием, как показывает опыт истории и подсказывают законы психоэкологии, неизбежно разрушительные.

Между тем меры борьбы с загрязнением и деградацией интеллектуальной среды просты и очевидны: запрещение монополий на средства массовой информации; научное, религиозное и философское просвещение; ориентация общества на высшие цели бытия, на приоритет природы, красоты и правды, на ограничение материальных потребностей при безграничных — духовных... Но осуществление их возможно лишь в том случае, если в нашей стране прекратит править бал социальная лысенковщина, а таковой я называю стремление спешно вырастить на российской почве буйную поросль дельцов, интеллектуалов, фермеров и прочих общественных групп американского или западноевропейского образца. Целая прослойка агитаторов и "теоретиков", во главе с Е. Т. Гайдаром и Г. Х. Поповым, упорно доказывают, что в "период первоначального накопления капитала" криминальные типы экономических уголовников и казнокрадов чудесным образом перерождаются в полезнейших общественных деятелей и народных благодетелей. Такая позиция не имеет, конечно же, никакого — ни научного, ни этического, ни исторического — обоснования, демонстрируя глубокое нравственное разложение нынешних идеологов и тех групп, которые они обслуживают. К сожалению, именно им принадлежат средства массовой информации и органы государственной власти, чем и определяется "неопровержимость" их постулатов. Нынешняя попытка коренного духовного переворота в России, всеобщего перехода от коллективизма к индивидуализму, причем в самом примитивном материальном аспекте, от власти Партии к абсолютному господству Капитала, к экономическому закабалению и духовному унижению личности, к приоритету низменных инстинктов над культурными ценностями, продажности над честностью, рвачества и ловкачества над творчеством и трудом, — такой переворот обещает быть гибельней для России, чем большевистский, что убедительно доказывает нынешний упадок и культуры, и нравственности, и производства, начавшееся физическое вымирание русского народа.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

С этой публикации мы начинаем знакомить наших читателей с наименее известной даже для специалистов областью русской мысли — экономическими воззрениями русского народа, создавшего самобытный хозяйственный механизм, во многом отличавшийся от западного. К сожалению, европоцентризм российской интеллигенции сильно препятствовал пониманию исконных начал русской экономики. В хозяйственной сфере возобладали западноевропейские подходы, ставшие одной из главных причин разрушения российского общества и государства в XX веке. В результате мы сегодня воспринимаем нашу экономическую историю через призму западнической традиции Канкрина, Зибера, Бунге, Витте (и их сегодняшних наследников), о которых еще в XX веке во Франции говорили, что их экономические взгляды не заслуживают серьезного внимания, потому что в них все вертится около давно известных европейских взглядов, во многом уже переживших свой век. Коренная русская мысль шла своей столбовой дорогой, оставляя западнические представления на периферии народного сознания как не соответствующие социально-экономическим и духовно-нравственным представлениям русской нации. Ее линия отчетливо и неуклонно прослеживается в "Русской Правде", документах русских государей и князей, "Домострое", произведениях И. Т. Посошкова, В. Н. Татищева, А. П. Сумарокова, А. Т. Болотова, А. И. Васильчикова, славянофилов, Т. В. Прохорова, В. А. Кокорева, И. К. Бабста, Д. И. Менделеева, Л. А. Тихомирова, С. Ф. Шарапова, М. О. Меньшикова, С. Н. Булгакова и многих других. Важно подчеркнуть, что русская экономическая мысль — не локальное явление, а одна из перспективных альтернатив выживания человечества, так как вместо экономики западного типа, ориентированной на гонку потребления и истощение ресурсов, предлагает модель хозяйственного развития, предполагающую разумный достаток и самоограничение. Коренная русская экономическая мысль — это и компас, позволяющий выйти из бушующего моря, в которое ввергли народное хозяйство России сегодняшние псевдореформаторы-западники.

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

ЭКОНОМИКА РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Русская цивилизация принадлежит к числу древнейших духовных цивилизаций мира. Ее базовые ценности сложились задолго до принятия христианства, в первом тысячелетии до нашей эры. Опираясь на эти ценности, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, гармонично объединившее многие другие народы. Сам факт тысячелетнего существования Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной, обеспечивала экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков. Главными чертами русской цивилизации, отличающими ее прежде всего от западной, являлись: преобладание духовно-нравственных основ над материальными, культ добротолюбия и правдолюбия, нестяжательство, развитие самобытных коллективных форм демократии, воплотившихся в общине и артели. Все эти духовные ценности подробно исследованы в моих книгах "Русский труд" и "Русская цивилизация". Их изучение применительно к развитию русской экономической системы позволило мне сделать вывод о необходимости отказаться от западных критериев оценки этой системы и рассматривать ее как самобытный хозяйственный механизм, функционировавший по своим внутренним, присущим только ему законам. К началу XX века в России сложился уникальный экономический механизм, обеспечивавший население страны всем необходимым и почти полностью независимый от других стран. Сформировалась система замкнутого хозяйства, главными чертами которого были самодостаточность и самоудовлетворенность.

1

До XVIII века в России не существовало понятия "экономика". Самобытный хозяйственный строй, господствовавший на Руси, носил название Домостроительство. Домостроительство в понимании русского человека — наука вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия, руководствуясь духовно-нравственными началами. Хозяйство в русской науке домостроительства — это прежде всего духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а деловые отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порица-

---

ПЛАТОНОВ Олег Анатольевич родился в 1950 году в Екатеринбурге, окончил Московский кооперативный институт, доктор экономических наук, член Союза писателей России, автор восьми книг, в том числе "Воспоминания о народном хозяйстве", "Русский труд", "Убийство царской семьи", "Жизнь за царя", "Русская цивилизация". Живет в Москве.

ющий поклонение деньгам и несправедливые отношения между хозяином и работником. Многие основы этой науки выражены в замечательном памятнике экономической мысли и быта русского народа "Домострой". Главная идея "Домостроя" (XVIII век) — замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (нестяжательство), отвечающее православным нравственным нормам. Экономика "оживает, когда все "благословенно", и благословенная денежка по милости Божией становится символом праведной жизни". Через всю книгу "Домострой" красной нитью проходит отношение русских людей к труду как добродетели, как к нравственному деянию. Создается настоящий идеал трудовой жизни русского человека — крестьянина, купца, боярина и даже князя. Все в доме — и хозяева, и работники — должны трудиться не покладая рук. Хозяйка, даже если у нее гости, "всегда бы над рукодельем сидела сама". Хозяин должен всегда заниматься "праведным трудом" (это неоднократно подчеркивается), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках. Хозяйка-жена должна быть "добрая, и трудолюбивая, и молчаливая". Слуги — хорошие, чтобы "знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен". Родители обязаны учить труду своих детей, "рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей".

Книга проповедует трудолюбие, добросовестность, бережливость, порядок и чистоту в хозяйстве. Всякое рукоделие или ремесло, по "Домострою", следует исполнять приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего святым образам поклониться трижды в землю — с тем и начать всякое дело.

В "Домострое" проводится идея практической духовности, неразрывной с экономической стороной жизни, в чем и состоит особенность развития духовности в Древней Руси. Духовность — не рассуждения о душе, а практические дела по претворению в жизнь идеала, имевшего духовно-нравственный характер, и прежде всего идеала праведного труда.

Стремление к автономности, независимости, даже замкнутости хозяйства, стремление обеспечить себя всем необходимым, чтобы не зависеть от других, было характерной чертой большей части хозяйственных единиц России. Оно служило импульсом автаркических тенденций русской экономики. Деревня, мир, артель, монастырь стремились все сделать своими руками, создать независимое от внешней среды самостоятельное хозяйство. В этих условиях русский человек чувствовал себя беззаботным, но это была беззаботность трудового человека, привыкшего надеяться только на свои руки. В этом смысле показательна заонежская сказка о беззаботном монастыре:

"Как-то раз Петр I проезжал по местности, как он любитель был ездить смотреть Россию. Пришлось ехать по одному месту, видит надпись: "Беззаботный монастырь". Его заинтересовало, что это такое — "Беззаботный монастырь". Остановился, зашел, спрашивает игумна:

— Меня заинтересовала ваша надпись, что означает ваш "Беззаботный монастырь"?

Игумен и говорит:

— Я вам разъясню, что такое наш "Беззаботный монастырь". Вот пойдемте, я вам все докажу, из-за чего у нас зовется "Беззаботный монастырь".

В первую очередь провел по полям, по лугам, к скоту; что выращивают — показал — в саду, в огороде.

— Но теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный монастырь. Мы никуда не обращаемся, ни к кому ни за чем не обращаемся, все сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чем не заботимся о другом..."

Линия "Домостроя" и "беззаботного" монастыря проходит через всю русскую экономическую мысль. В книге А. Т. Болотова "Деревенское зеркало, или Общенародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять" (1798—1799 годы) говорится: "Смолоду приучай (детей) к трудам, чтобы были добрые хлебопашцы, а не лежаки... Крестьянская жизнь потовая: труды то нас и кормят!", "Трудись до поту — после слюбится", "Ленивый хотя желает, да не получит". "Работник, — пишет Болотов, — должен летом вставать поутру в 4 часа и идти на работу. В 7 часов надобно завтракать; между 11 и 12 часов обедать, в пятом часу полдничать, а в вечеру в 8 часов — ужинать. После можно еще что-нибудь поделать до 9 часов, а потом ложиться спать. Таким образом можно и зимою и летом поступать особливо, когда есть работа".

Строжайшая хозяйственная бережливость во всем: "Ешь то, чем можно быть сыту, пей то, чем можно утолить жажду, одевайся так, чтоб не быть нагу. Так твои расходы не будут свыше приходов".

Самообеспечение и самоограничение — важнейший хозяйственный принцип. "Что сам можешь сделать, за то денег не плати", "Не купи чего хочется, покупай, без чего обойтись нельзя". Для Болотова образцом для подражания служит трудолюбивый человек, который "во всю жизнь свою не пролакомился ни гроша, не ел ничего покупнова, сам с детьми не носил ни нитки, кроме напряденова и вытканова ево женою и дочерьми". Ничего покупного — девиз самообеспечивающего крестьянского хозяйства. И совсем не важно, если для этого придется себя ограничить в потреблении, главное — хозяйственная

независимость, "беззаботность". Ведь в самом деле "От жареного не сытее наешься, как и щами с кашею", "Тонкое сукно не лучше греет сермяги", "Наработавшись, столько же сладко уснешь на соломе, как на перинах". Кстати говоря, Болотов и сам так жил. Имея значительный достаток, не роскошествовал, а обеспечивал себе и семье только самое необходимое и разумное.

Весьма характерно, что русский человек не желал жертвовать необходимым, чтобы приобрести излишнее. Показательна народная пословица "Лишнее не бери, карман не дери, душу не губи" или "Живота (богатства) не копи, а душу не мори".

Человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству, человек должен довольствоваться малым. "Лишние деньги — лишние заботы". "Деньги — забота, мешок — тягота". "Без хлеба не жить, да и не от хлеба жить". "Не о хлебе едином жив будешь" (не о хлебе, материальном интересе). "Хлеб за живот — и без денег живет". Действительно, "зачем душу тужить, кому есть чем жить" (есть хлеб). "Без денег проживу, лишь бы хлеб был". "Без денег сон крепче". "Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою". "Напитай, Господи, малым кусом", — молит крестьянин. "Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век дополна".

Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал — идеал скромного достатка, при котором и самому можно жить сносно и помогать своим близким. "Тот и богат, кто нужды не знат". "Богаты не будем, а сыты будем".

С идеалом скромного достатка согласуется бережливость и запасливость. "Бережливость, — говорит русский человек, — лучше богатства". "Лучше свое поберечь, чем чужое прожить".

2

Вопреки сложившимся на Западе формально-догматическим трактовкам труда как проклятия Божьего, отношение к труду в Древней Руси носило живой, самоутверждающий характер. Протестантский индивидуализм с его установкой на личное спасение, широко господствующий в западноевропейских странах, на Руси распространения не получил, что было, по-видимому, связано с характером русского народа, жившего в условиях общины и имевшего иное понимание жизненных ценностей. Спасение мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд. С самого начала зарождения на Руси православия труд рассматривается как нравственное деяние, как богоугодное дело, как добродетель, а отнюдь не как проклятие.

Говоря о главном, что определяло сущность русского труда, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности. Труд не противостоял другим элементам духовной культуры, а составлял с ними неразрывную целостность. Веками были выработаны незыблемый ритм и нормы труда — согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, соотношение начала и завершения работ. Отношение к труду, отношения в трудовых коллективах регулировались нередко на религиозном уровне. Труд был настоящим творческим действом, подчиняющимся незыблемым правилам бытия. Причем человек в этом действе был не "винтиком", а полноправным действующим лицом мироздания. Недаром весь трудовой ритм связывался с именами святых, религиозными праздниками, традициями и обычаями. Именно поэтому труд носил целостный, духовно-нравственный характер.

"Работай — сыт будешь; молись — спасешься; терпи — взмилуются". Русский человек знал твердо: источник благополучия и богатства — труд. "Труд — отец богатства, земля — его мать". Собственность для русского человека — это право труда, а не капитала.

Добросовестный труд — нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и система жизненных ценностей, система, в которой труд занимает первое место, а собственность находится на втором плане.

Важнейшая особенность взгляда русских мыслителей на экономику состоит в отождествлении ее с трудовой деятельностью. Понятие "капитала" как бы устраняется. В этом проявляется народная традиция рассмотрения хозяйства преимущественно с трудовых позиций. Позитивистскому и рационалистскому представлению о труде как сумме трудовых функций, выполняемых ради материального интереса, русские ученые противопоставляли идею преимущественно духовного характера труда, имеющего значение универсальной всечеловеческой ценности, эффективность которого зависит от степени целостности соединения личности и окружающего его мира.

Рассмотрение труда как понятия, имеющего преимущественно духовную основу, нашло свое отражение и в работах таких русских мыслителей и экономистов, как С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Соловьев, П. Флоренский, Д. Менделеев. В труде, считали они,

выражается целостность бытия человека. Человек — субъект бытия — соединяется с природой, объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности человека. Цель органичного хозяйственного процесса — восстановить эту целостность, создать такое качество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности.

В. Соловьев определяет труд как взаимодействие людей в области материальной, которая, в согласии с нравственными требованиями, должна обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достаточному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должна преобразовать и одухотворить материальную природу. То есть труд понимается им не просто как процесс взаимодействия человека с природой, а как явление, обусловленное определенными нравственными требованиями. Подобный подход к пониманию понятия труда характерен и для других, уже названных нами ученых. Нравственный взгляд на труд предполагал и особое отношение к вопросам материального стимулирования.

Народное сознание всегда считало, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, не должна находиться в индивидуальной собственности, а только во временном пользовании, право на которое может дать только работа. Большинство русских крестьян не знало частной собственности на землю. В крестьянских общинах она распределялась по тем, кто ее обрабатывает,. кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделена между теми, кто ее фактически обрабатывает.

Россия была очень богата землей и лесами, другими природными ресурсами. Еще в XIV—XV веках стояли огромные массивы незаселенных земель. В этих условиях владение ресурсами зависело от возможности человека освоить их своим трудом или трудом своих близких и челяди.

Земля — Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает. Это основа трудового мировоззрения крестьянина, вокруг которой формировались все его другие воззрения.

Как отмечал исследователь русской общины Ф. Щербина, до конца XVI века обычай свободной заимки земель был главным, господствующим обычаем в экономической жизни и отношениях русского народа. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной формуле: "Куда топор, коса и соха ходили". Затрата труда на обустройство места заимки служила в большинстве случаев определяющим фактором владения этой землей.

Таким образом, в России сохранялась гораздо в большей степени, чем на Западе, непосредственная связь между трудящимся и продуктом его труда. Сохранялись и юридические отношения особого типа. С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те земельные продукты, которые были результатом труда человека. Украсть что-либо с поля, будь то хлеб или сено, считалось величайшим грехом и позором. Причем крестьянин четко разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где люди держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубит лес, никем не посаженный, тот пользуется даром Божьим, таким же даром, как вода и воздух.

Русская экономическая мысль рассматривает капитал как излишек сверх определенного уровня потребления человека или общества, включающий в себя стоимость неоплаченного труда других людей. Он может быть получен частично в результате труда и бережливости, но все равно его основу составляет неоплаченный труд. Капитал может быть произвольным, когда ориентируется на производство, или паразитическим, ростовщическим, когда ориентируется только на увеличение потребления его владельца сверх разумного достатка. Собирание капитала ради нового производства одобряется народной этикой и всячески порицается, когда осуществляется ради присвоения неоплаченного труда других людей.

Касаясь традиционных факторов производства — труд, земля и капитал, важно отметить разность позиций русской и западной экономической мысли.

Коренной русский человек рассматривал стоимость того или иного продукта с трудовой точки зрения, как количество труда, вложенного в его производство. Капитал допускался как дополнительный, не первостепенный фактор. Земля же для русского человека не была капиталом, а только средством приложения труда.

Традиционная западная экономическая мысль чаще всего смотрит на стоимость продукта через призму капитала и в земле тоже видит форму капитала. Труд же занимает отнюдь не приоритетное место. Преклонение перед капиталом (стоимостью, несущей в себе значительную часть неоплаченного труда) характерно именно для западной агрессивно-потребительской цивилизации.

3

В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к деньгам и богатству. Для русского свобода — это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги. Русский видит в этой "свободе" форму кабалы, опутывающей его душу и обедняющей жизнь.

"Беда деньгу родит" — настойчиво повторяет трудовой русский человек. "Деньги что каменья — тяжело на душу ложатся", "Деньги — прах". "Деньгами души не выкупишь". Или еще вариант: "Деньги — прах, ну их в тартарарах". Отсюда понятно, что дало право Ф. М. Достоевскому писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка.

Нет, деньги для трудового человека не являются фетишем. "Лучше дать нежели взять", "Дай Бог подать, не дай Бог просить".

К богатству и богачам, к накопительству русский человек относился недоброжелательно и с большим подозрением. Как трудовой человек, он понимал, что "от трудов праведных не наживешь палат каменных", "От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь". Хотя было бы неправильным считать, что им руководило чувство зависти. Нет. Просто стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ выше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. "Не хвались серебром, хвались добром".

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом (и, конечно, не без основания). "Богатство перед Богом — большой грех". "Богатому черти деньги куют". "Не отвернешь головы клячом (то есть ограбишь ближнего), не будешь богачом". "Пусти душу в ад — будешь богат". "Грехов много, да и денег вволю". "Деньги копил, да нелегкого купил". "Копил, копил, да черта купил!".

Отсюда выводы: "Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом", "Неправедная корысть впрок нейдет", "Неправедная нажива — огонь", "Неправедно нажитое боком выпрет, неправедное стяжание — прах".

Вместе с тем крестьяне даже порой сочувствуют богатому, видя в его положении нравственное неудобство и даже ущербность. "Богатый и не тужит, да скучает". "Богатому не спится, богатый вора боится". А уж для нравственного воспитания ребенка богатство в народном сознании приносит прямой вред. "Богатство родителей — порча детям". "Отец богатый да сын неудатый".

4

Преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными являлось одной из главных основ культуры труда в России. Согласно этому принципу качественный и эффективный труд стимулировался не столько материальным вознаграждением, сколько различными внутренними моральными мотиваторами; выполнить работу плохо или некачественно — грех, строго осуждаемый общественным мнением. Конечно, это не означало склонности российских тружеников работать бесплатно. За хорошо выполненный труд полагалась справедливая награда. Народное чувство выработало идеал справедливого вознаграждения, отступление от которого — попытка обмануть, надуть работника — осуждалось как нравственное преступление.

Народная сказка о батраке и купце (попе), пытавшемся его обмануть, во всех вариантах кончается торжеством справедливости и посрамлением нечестного нанимателя.

Если крестьянин, ремесленник — один или с артелью — нанимался (подряжался) на работу, с нанимателем заключался договор, чаще всего устный, но нарушить его было величайшим грехом, ибо "договор дороже денег".

Договору-уговору (или, иначе, ряде) придавалось очень большое значение. "Уговор — родной брат всем делам", "Уговорец — кормилец. Ряда — не досада". "Ряда дело хорошее, а устойка (то есть соблюдение его) того лучше".

О нечестном нанимателе говорят так: "Он на грош пятаков хочет. С алтыном под полтину подъезжает". Поймав нанимателя на нечестности, работник не доверяет ему впредь.

Если в уговоре ошибочка выйдет по твоей вине, отвечать будешь только сам. "Рядой не вырядишь, так из платы не вымозжишь". После уговора менять ничего нельзя. "Переговор не уговор. Недоряжено — недоплачено". В следующий раз умнее будешь.

"Что побьем (руками при договоре), то и поживем. Что ударишь, то и уедешь (увезешь с собой)".

И отсюда в конце договора обязательство — "Он в долгу не останется", то есть заплатит все без остатка, ведь так мы и сегодня говорим.

Подчеркивая трудовой характер своего заработка, русский человек говаривал: "Трудовая денежка до века живет (кормит, служит)", "Трудовая денежка всегда крепка", "Трудовая денежка плотно лежит, незаработанная ребром торчит".

Преобладание моральных форм принуждения к труду над материальными совсем не предполагало уравниловки в распределении, а наоборот, исключало ее. Для крестьянина считалось безнравственным заплатить равную плату и мастеру, и простому работнику. Квалифицированный труд должен вознаграждаться значительно выше. "Работнику полтина, мастеру рубль".

Говоря о мотивации к труду, важно отметить довольно высокий уровень оплаты труда русских тружеников по сравнению с их товарищами в западноевропейских странах. Проведенные академиком С. Струмилиным исследования свидетельствуют, что традиционно высокий уровень оплаты труда сложился еще в XI—XII веках. И в мирное время вплоть до XIX века на порядок (а порой и больше) опережал уровень оплаты западноевропейских работников. В середине XIX века немецкий ученый, барон Гакстгаузен, посетивший большое количество предприятий и изучивший системы оплаты труда на них, сделал вывод, что "ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России". "Даже денежная заработная плата в России, — писал он, — в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее". Перед первой мировой войной уровень оплаты труда в промышленности России был выше, чем в Англии, Германии и Франции, составляя примерно 85 процентов от уровня, достигнутого в США.

5

Роль западной биржи в русской экономике играли ярмарки, которых в России конца XIX века насчитывалось 18,5 тысячи в семи тысячах населенных пунктов. Каждая ярмарка играла роль экономического регулятора и распределителя продукции местного сельского хозяйства, ремесленных и промышленных товаров. Одна ярмарка следовала за другой, перерастала в третью — на Николу, на Спас, на Успение, на Покров — в губернских, уездных, штатных, заштатных городах, а также в больших селах при монастырях. Зимой — Сибирская ярмарка в Ирбите, осенью — Крестовско-Ивановская в Пермской губернии, весной — Алексеевская в Вятской, летом — Караванная в Казанской и много, много других.

Однако главной ярмаркой России, своего рода связующим центром русской экономики, являлась Нижегородская ярмарка. Она была основным регулятором экономической жизни, отражая общий тонус хозяйственного развития страны. Именно здесь в большой степени формировался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. На ярмарке отдельные самостоятельные части, отрасли, виды деятельности гигантского хозяйственного механизма России связывались в одно целое, координировались, получали общественное признание или недоверие, определялись направления развития по крайней мере на год вперед.

Современники подчеркивали совершенно исключительную роль этой ярмарки, которая по своему значению и размаху сравнивалась только со всемирными выставками, нередко опережая их по масштабу торговых оборотов. "Своим значением как в торговле, так и вообще в народном хозяйстве — и не только в русском, но и всемирном хозяйстве, — Нижегородская ярмарка, без сомнения, далеко превосходит все ныне существующие во всем свете подобные ярмарочные или временные торжища. Такова она и в качественном отношении, своею экономической силою в движении народного хозяйства (своим влиянием на развитие разных его отраслей и на все его обороты), а также в количественном отношении — размерами своих торговых оборотов и ценностью всех здесь покупаемых и продаваемых, сюда привозимых и отсюда развозимых товаров, количеством своих посетителей и, наконец, величиной своего географического района действия"[1].

6

Саморазвитие и самоорганизация русской экономики на селе осуществлялись в рамках самоуправляющей общины, создававшей условия для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости каждого отдельного крестьянина. Община была одновременно и органом сельского самоуправления, и общественной организацией, и объединением производственных единиц.

Хозяйственное самоуправление русских крестьян возникало в процессе освоения огромной территории нашей страны. Множество рек и озер, непроходимые леса и сравнительно малочисленное население, селившееся здесь мелкими деревеньками, между которыми порой пролегали пространства в 100—200 верст. Территория с цент-

---

1 Безобразов В. П. Народное хозяйство России. Ч. 1 —СПб., 1882. — с. 206—207.

ром в сравнительно большом населенном пункте называлась крестьянской волостью, а население волости — миром. Волость на своих собраниях-сходах выбирала старосту и некоторых других руководящих лиц, решала вопросы о принятии в общину новых членов и выделении им земель.

Все дани и платежи, разные трудовые повинности налагались княжеской властью на всю волость, а она уж на своих сходах сама решала, как разверстать эти тяготы среди крестьян "по животам и промыслам", "по силе" каждого хозяйства, а может быть, отбывали те или иные повинности сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущего за неимущего, хозяйственных жильцов-волощан за пустые, заброшенные участки.

"Кто за сколько душ тянет, столько землицы берет", — говорили крестьяне. "По тяге и поле". "Вали на мир — мир все снесет".

На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов — земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше. Волость имела свой выборный крестьянский суд, и только важнейшие преступления рассматривались княжеской властью, и то материалы по ним готовились выборными крестьянами волости. Волость обеспечивала удовлетворение духовных потребностей населения: строила церкви, подыскивала для них священника, определяла им содержание, иногда заводила школы для подготовки грамотеев.

По мере роста населения и числа населенных пунктов волость дробилась на отдельные самоуправляемые общины, избиравшие в волостное управление своих выборных и принимавшие активное участие в разработке "волостной политики".

Проходили столетия, но русская деревня продолжала сохранять сложившиеся в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. Еще в начале XX века можно было встретить социальные структуры, существовавшие пятьсот и более лет назад.

Прежде всего, как и в старину, одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество обязательно со своим демократическим собранием (сходом) и своим выборным управлением (старостой, десятским, сотским).

"В деревне, — писал Н. П. Павлов-Сильванский в конце XIX века, — действительная власть принадлежит не представителям царской администрации, а волостным и сельским сходам и их уполномоченным старшинам и сельским старостам..."

"Миром всякое дело решишь". И вот на сходах демократическим путем обсуждались дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, приселению новых членов общины, проведению выборов, решались вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожаев, давалось согласие на отлучку и удаление из общины.

На сходах отдельных селений (скорее составлявших только часть общины) демократически регулировались все стороны трудовой жизни села — сроки начала и окончания сельскохозяйственных работ; дела, связанные с лугами ("заказы" лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукцион); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения.

Различное качество земель компенсировалось их разбивкой в разных местах. Имея земельные участки то в низинах, то на взгорках, крестьянин обеспечивал себе средний устойчивый урожай, так как в засушливый год хороший урожай обеспечивался на низинах, а в дождливый — на обдуваемых взгорках. Община предоставляла также хорошую возможность для проведения масштабных агрономических мероприятий, которые были не под силу большинству индивидуальных хозяйств. С конца XIX века община способствовала переходу крестьянских хозяйств от устарелой трехпольной системы к многопольным севооборотам, а также от вредной "узкополосицы" к "широкой полосе".

Экономический принцип общины, отмечал А. И. Герцен, — полная противоположность знаменитому положению Матуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины.

Община давала русскому человеку незыблемую гарантию владения землей. Причем, как справедливо отмечал видный экономист князь А. Васильчиков, русский мир имел в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли. Обработка поля сообща не в обычае русского крестьянина. Общественные работы, особенно, когда они проводились по указанию помещиков или высшего начальства, вызывали у земледельцев отвращение и исполнялись только по принуждению.

В отличие от экономистов-западников, видевших в общине выражение отсталости и регресса, коренная русская экономическая мысль рассматривала ее как главное условие существования русского хозяйства и гарант его процветания и стабильности в будущем. "Ближайшим русским идеалом, — писал Д. И. Менделеев, — отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа... должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике".

Сами крестьяне крепко держались за общину и не стремились выйти из нее. Ведь еще по положению 1861 года они имели право выйти из общины, если согласие давали две трети ее членов. Вплоть до столыпинской реформы эти случаи были единичны. Но и столыпинская реформа, хотя и проводилась твердой государственной рукой, не вполне удалась. В центральных русских губерниях из общины вышло только 2—4 процента крестьян, а в северных русских губерниях выходцев из общины почти не наблюдалось.

Исключительно русской формой хозяйственной самоорганизации и самоуправления была артель.

Русская артель представляла собой добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того — артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Подчеркивая самостоятельность и равноправие членов артели, старинная пословица гласила: "Артели думой не владати. Сто голов — сто умов".

Равноправие членов артели резко отличало ее от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, так как каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки — распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, то есть каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе за каждого отдельно. Это вытекало из самого понятия об артели как о самостоятельной общественной единице. Ответственность друг за друга есть искони отличительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, "кто будет в лицах", то есть на каждого ее члена. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели. Недаром Герцен считал артели передвижными общинами.

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губерниях были случаи, когда целые деревни-общины образовывали артель по обслуживанию почты и перевозов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по "гонке" и перевозу.

Артелью — писал историк Прыжов — называется братство, которое устроилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: "Артель — своя семья". Про большую семью говорят: "Эка артель". Товарищеская взаимопомощь и общее согласие — главное в артели: "Артельная кашица гуще живет".

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности, а не просто приложить труд. Демократический характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии — признания ими артельных основ. В складочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные дружины могли входить и "лучшие" и "молодшие" люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья.

На Руси существовало большое количество различных форм объединений ремесленников, но они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, как, например, в Новгороде, "концы", "улицы", "сотни", "ряды", строили свои патрональные церкви, объединялись вокруг них в "братчины" или "обчины" с правами суда.

Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые строили свои церкви и имели право суда.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц. Каждая черная сотня составляла объединения ремесленников или торговцев, управляемых, подобно сельскому обществу, выборными старостами, или сотскими.

Артельные формы организации труда пронизывали русскую промышленность вплоть до второй половины XIX века.

Еще в конце XIX века на многих российских заводах и фабриках были широко распространены артельные формы труда, когда артельщики брали на свой подряд цех или участок производства и отчитывались перед руководством только за количество и качество работы, а все вопросы по выполнению подряда и распределения заработка решали сами внутри артели. Были случаи, когда рабочие артельно брали в свои руки все предприятие.

В России впервые в мире зафиксированы факты рабочего самоуправления на предприятиях. Одно из известных, но не самых древних свидетельств относится к 1803 году, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабрика в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих. Для руководства работ они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка.

Русская артель давала образцы высокоэффективной работы. С 1838 по 1917 год строительные артели без каких-либо механических средств проложили более 90 тысяч километров железных дорог. Восемь тысяч человек построили Великую Сибирскую магистраль протяженностью 7,5 тысячи километров всего за 10 лет. В XVIII — начале XIX века артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что стимулировало бурное развитие русской железоделательной промышленности, которая уже с 1730-х годов обогнала Англию и удерживала первенство весь XVIII век.

Народный путь развития промышленности в трудах национально мыслящих русских экономистов — это путь артелей, где "рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства сделается не безграничное его расширение, а сокращение труда работающих" (Н. Воронцов). По мнению Д. И. Менделеева, побывавшего в конце XIX века на уральских металлургических заводах, многие из них могли быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

7

Экономически Россия была единственной страной в мире, которая приближалась к автаркии, то есть имела такой хозяйственный уклад, который позволял ей самостоятельно и полнокровно существовать независимо от экспорта и импорта. По отношению к внешнему миру Россия была автономна, обеспечивая себя всеми необходимыми товарами, и сама потребляла почти все, что производила. Высокие заградительные пошлины на многие товары стимулировали внутреннее хозяйство. Импорт не имел для страны жизненного значения. Доля России в мировом импорте в начале XX века составляла немногим более 3 процентов, что для страны с населением, равным десятой части всего человечества, было ничтожной величиной. Для сравнения отметим, что большинство западных стран, обладая незначительной численностью населения, имело долю в мировом импорте во много раз большую, то есть экономически зависело от импорта.

Именно экономическая автаркия позволила большевикам выдержать блокаду, укрепиться у власти, а затем развернуть свой антирусский социальный эксперимент. Если Россия была экономически независима от всего остального мира, то мир, особенно западные страны, сильно зависели от ее ресурсов. Экономическая блокада России была прервана по инициативе западных стран, и они пошли на поклон к большевикам. Большевизм стал, по сути дела, изощренной формой эксплуатации ресурсов России. Большевизм в ущерб России использовал то, что русская хозяйственная система допускала в очень ограниченных масштабах — развитие огромного экспортного потенциала страны. Для большевиков он стал фактором их существования и паразитирования, тогда как традиционная русская экономика не ориентировалась на внешний рынок. В целом историческая Россия вывозила в начале XX века за рубеж не более 6—8 процентов производимых товаров. И даже этот незначительный вывоз вызывал беспокойство у русских экономистов.

Конечно, протест русских экономистов вызывал не сам факт внешней торговли, а ее неравноправный характер, при котором экспортировали преимущественно сырье по заниженным ценам.

Неравноправный обмен продуктами труда между Россией и Западной Европой

отмечали многие русские исследователи, в частности, еще в середине XIX века писал об этом предприниматель и экономист Кокорев. Созданная и поддерживаемая Западом система цен на сырьевые и топливные ресурсы сильно занижала их реальную стоимость, так как не учитывала прибыли от производства конечного продукта. Как писал М. О. Меньшиков, торговля с Европой выгодна для нее и разорительна для России. По его мнению: "Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная, вложенная в сырье, как пар из дырявого котла, теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает".

Западники утверждали, что экономические отношения с Европой являются главным источником русского богатства. Однако факты говорили совсем о другом. Выгода от этих отношений была в основном односторонней.

"Сближение с Европой, — несколько преувеличенно отмечал М. О. Меньшиков, — разорило Россию, разучило ее обеспечивать свои нужды, лишило экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть ли не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но странно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни — грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи — сделались народу едва доступными".

Русская экономическая мысль выдвигает идеи независимости России от превратностей игры западного спекулятивного капитала с его хищническими тенденциями к эксплуатации других народов. Здесь возражения русских экономистов касались проблем кабальных займов, иностранного капитала и введения золотой валюты.

За 1887—1913 годы иностранные капиталы в русской промышленности увеличились со 177 до 1960 млн. рублей, то есть более чем в 10 раз. Чистый доход на весь капитал, вложенный иностранцами в экономику России (составлявший 14 процентов всего промышленного капитала), за вычетом промыслового налога составлял в 1913 году 2326,1 млн. рублей, превысив сумму прямых иностранных инвестиций за 27 лет на 543,1 млн. рублей. Средняя норма прибыли иностранного капитала составляла 13 процентов, что было почти в три раза больше нормы прибыли, получаемой отечественным капиталом.

Займы западных государств, конечно, помогали развивать отечественную промышленность, но вместе с тем служили средством ее экономического закабаления. За займы взимались большие проценты, и чтобы заплатить старые долги, приходилось снова влезать в долг. Начиная с 80-х годов прошлого века, платежи по старым государственным и гарантированным праивительством займам стали превышать поступления по новым. По расчетам американского историка П. Грегори, с 1881 по 1913 годы сумма платежей по займам превысила 5 миллиардов рублей.

В конце XIX века большой уступкой Западу было введение золотой валюты. Введена она была за счет карманов русских людей, так как на одну треть осуществилась девальвация рубля. Конечно, эта операция позволила уменьшить на треть внутренний государственный долг, но вместе с тем и потребовала новых иностранных займов золотом для поддержания курса рубля. Но главное состояло в другом. В результате введения золотого обращения русская экономика была тесно интегрирована в мировой экономический порядок, политику которого определяли западные страны. Этот мировой порядок подразумевал неравноправный обмен между странами, продающими сырье, и странами, продающими промышленную продукцию. Цены на сырьевые ресурсы искусственно сдерживались, а на промышленную продукцию специально подстегивались. В результате страны — поставщики сырья были обречены на постоянную выплату своего рода дани. По мере введения золотой валюты цены на сырьевые товары падали. В результате происходил отток отечественных ресурсов за границу и прежде всего "бегство" самого золота, ранее полученного в виде займов, но уже со сторицей. "Россия, — справедливо писал М. И. Туган-Барановский, — поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растраченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года". Через год после введения золотой валюты государственный долг России по внешним займам превышал количество золота, находившегося в обращении, а также в активах Государственного банка в России и за границей.

Одним из сторонников финансовой независимости России от стран Запада был русский экономист конца XIX века П. Оль. Он справедливо отмечал, что финансово-экономическая структура связей между Россией и Западной Европой вела к обеспечению последней больших преимуществ в обмене. Введение золотой валюты привело к значительному оттоку золота за границу, ослабив систему денежного обращения в России. "Золотая валюта, — писал в 1899 году П. Оль, — была слишком неудачным опытом, который при нежелании его вовремя прекратить грозит на наших глазах закончиться великой экономической катастрофой".

Первые случаи отрицания самобытных основ русской экономики относятся к XV—XVI векам. Эпизодически с XV—XVI веков, нарастая в XVII—XVIII веках и приобретая угрожающий характер в XIX веке, рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования возникает идущее сверху движение за их отрицание. Сначала незначительная, а затем преобладающая часть высшего правящего слоя и дворянства России начинает предпочитать народным основам жизни заимствованные преимущественно из Западной Европы формы и представления.

Серьезным ударом по русской модели экономики стало закрепление крепостного права. Этот процесс происходил в России сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выражаемого прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках традиций и обычаев самоуправляющейся общины и артели. Закрепощение крестьян происходило по мере отказа правящего слоя от традиционных ценностей Древней Руси и принятия им в качестве образца социальных отношений, существовавших в западных государствах. Крепостное право, не свойственный для России институт, пришло к нам с Запада через Польшу, с которой близко соприкасалась правящая верхушка западнорусских земель. Именно по настоянию этого слоя феодалов в конце XVI века отменяется Юрьев день, а во второй половине XVII-го происходит закабаление около половины ранее свободных русских крестьян.

Правда, крепостное право в России носило относительно более мягкий характер, чем на Западе, ибо даже для крепостных крестьян сохранялись общинные отношения. Закабалив крестьян, помещики не осмеливались посягать на общину, стараясь использовать ее как дополнительное средство управления крестьянами, позволяя им собираться на сходы и выбирать своих старост.

Отрицание русских форм хозяйствования широко проявилось со второй половины XVII века, но неверно и несправедливо связывать его с именем Петра, ибо дело Петра носило народный характер. Однако деяния Петра стали своего рода отправным моментом, с которого интенсифицировались все как народные, так и антинародные процессы в русском обществе. Изучение петровских преобразований позволяет понять, что Петр не копировал вслепую зарубежный опыт, а использовал его применительно к российской действительности, опираясь уже на сложившиеся общественные институты, общиное самоуправление и землепользование (которые он начал очень умело использовать при сборе подушной подати), самоуправление купцов и ремесленников, артельный дух русских тружеников. Но главное, на что делал ставку Петр Первый — на использование творческой инициативы и самостоятельности русского хозяина и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации их лучших качеств и на этой основе осуществил свою реформу.

Пришедшие после него властители, может быть, кроме Елизаветы I и Екатерины II, не понимали необходимости развития народных форм хозяйствования. Общины и артельные формы русского хозяйства, другие его основополагающие принципы в течение почти полутора веков оставались без творческого развития, вне внимания основной части русских ученых. Забытые и интеллигенцией, и государством народные формы труда и хозяйствования приобретали архаичный характер и постепенно деградировали, что воспринималось как признак их отмирания и приближения неизбежного конца. Однако требовалось другое — забота со стороны государства и реформирование в новых условиях, с учетом современных достижений науки. Русская экономическая мысль об этом твердила постоянно. Однако ее голос заглушался сторонниками чужого пути, предлагавшими реформы на западный манер.

Реформы, проводимые в царствование Александра II, носили западнический характер. Но, конечно, самой большой ошибкой этого царствования был порядок освобождения крестьян от крепостной зависимости. Крестьяне, наделяемые при освобождении землею на началах общинного владения, по сути дела оставались без внимания со стороны государства.

Совершенно очевидно, что требовалась широкая государственная программа помощи крестьянским хозяйствам по развитию и совершенствованию национальных форм труда. Однако это не делалось. Государство не поддерживало создания на базе общины предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов и разных вспомогательных производств. Не было сделано ничего и для повышения производительности труда.

Развитие промышленности в пореформенной России также осуществлялось в русле насаждения хозяйственных форм, существовавших на Западе. Русские формы хозяйствования и труда намеренно вытеснялись, заменяясь чуждыми для России потогонными индивидуалистическими системами. Если в первой половине XIX века на средних и мелких предприятиях преобладали артельные формы организации труда, то к концу его удельный вес их значительно снизился.

Многие известные экономисты XIX века просто игнорировали русскую экономиче-

скую мысль. Например, министры финансов Е. Ф. Канкрин и Н. Х. Бунге старательно — и в практике, и в науке — насаждали западноевропейские экономические представления, фактически не учитывая тысячелетний хозяйственный опыт великой страны.

В 60-х — 80-х годах XIX века в русской экономике шла острая борьба отечественных и западных начал хозяйствования. И нельзя сказать, что позиции первых были безнадежны. На каком-то этапе даже наметилась тенденция к преобладанию народных форм жизни. Именно это дало основание русскому экономисту В. П. Воронцову сделать вывод об упадке капитализма в России. Данные его основывались на анализе статистики развития мелкой и средней, преимущественно кустарной, народной промышленности, работавшей на отечественных хозяйственных принципах, и крупной промышленности, развивавшейся по западноевропейскому образцу. По приводимым Воронцовым данным, мелкая и средняя промышленность развивалась быстрее, чем крупная. Однако уже лет через десять эта тенденция изменилась на противоположную. Преобладание западных экономических форм обеспечивалось политикой правительства Александра II, создавшего предпосылки для дальнейшего прогрессирующего отторжения народных форм хозяйствования.

Одним из средств разрушения русской общины со стороны западнически настроенных правящих кругов русской общины была финансово-налоговая политика по отношению к крестьянству, когда оно было обложено грабительскими налогами и разными поборами. Нередко для выплаты налогов община прибегала к займу под круговую поруку. Однако порой складывалось так, что община уже не могла получить кредита для выплаты займа и вынуждена была продавать средства производства. Влезая в долги, теряя средства производства, крестьянский мир терял и свою независимость, и способность сохранять свои национальные методы хозяйствования, что вело к упадку сельского хозяйства. Как справедливо отмечал русский экономист В. П. Воронцов: "Не ограниченность знания, энергии, вообще способностей народа и не общинное землевладение причиною низкого состояния русского земледелия, а неустранимые силами общины общественные и финансовые условия, созданные культурными слоями. Эти условия мешают народу даже применять на практике те правила обычной полевой системы, которые выработаны им долголетним опытом и наблюдением природы; поэтому-то между его теорией земледелия и практикой существует значительное противоречие".

9

Несмотря на то, что западнический строй мыслей многих представителей правящих кругов и интеллигенции обрекал русские формы хозяйствования и труда на деградацию и вырождение, все экономические успехи России в XIX — начале XX века были связаны именно с ними. Вопреки настроению образованных слоев, народные формы хозяйствования продолжали продуктивно существовать в сельском хозяйстве, в средней и мелкой промышленности. Более того, именно в этот период произошел своеобразный синтез народных основ и передовой техники и технологии. Именно этот синтез стал фундаментом своего рода "русского экономического чуда" конца XIX — начала XX века, которое сравнимо только с "японским экономическим чудом" после второй мировой войны. И ничего удивительного в этом нет — как Россия, так и Япония обеспечили себе небывалый экономический успех соединением преимуществ традиционной национальной культуры хозяйствования и преимуществ, связанных с внедрением новейшей техники и технологии. По сравнению с дореформенным периодом промышленность России выросла в 13 раз. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире, а по отдельным отраслям просто гигантскими: производство стали возросло в 2234 раза, нефти — в 1469 раз, угля — в 694 раза, продукции машиностроения — в 44 раза, продукции химии — в 48 раз. В конце XIX — начале XX века осуществлено коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления составляла 15—20 процентов национального дохода, что было выше, чем в США. Только за 1885—1913 годы крупные акционерные предприятия увеличили свои фонды в 11,1 раза. Средний рост производственных фондов составлял за этот период 7,2 процента в год, то есть опять выше, чем в США.

Символом экономического процветания России этого периода являлась Великая Сибирская железная дорога. В то время это был самый великий в мире экономический проект, воплощенный в жизнь. Металл, рельсы, вагоны, паровозы — все было произведено на русских заводах руками русских рабочих.

По производству главнейших сельскохозяйственных культур Россия заняла первое место: больше половины мирового производства ржи, больше четверти пшеницы и овса, около двух пятых ячменя, около четверти картофеля. Россия была главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой "житницей Европы", на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции.

Опережая западные страны по темпам экономического роста, Россия вместе с тем по объему промышленного производства еще отставала от США, Великобритании,

Германии и Франции, занимая пятое место в мире. Специалисты, основываясь на анализе промышленных мощностей и среднегодовых темпов производства продукции, предсказывали к 1930-м годам выход России на один из передовых рубежей мирового хозяйственного развития.

Подведем итоги. Изучение деятельности русской модели экономики, существовавшей как господствующий тип с X—XII веков вплоть до начала XVIII века, а в усеченном виде даже до начала XX века, позволяет выявить ряд основополагающих принципов ее функционирования:

1. Хозяйство как преимущественно духовно-нравственная категория. Ориентированность на определенный духовно-нравственный миропорядок.

2. Автаркия — ориентированность хозяйственных единиц и системы в целом на замкнутость, самодостаточность, самоудовлетворенность.

Основной поток эффективной хозяйственной деятельности направлен не вовне, а внутрь хозяйственной системы.

3. Способность к самоограничению. Направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение самодостаточности.

4. Трудовой характер хозяйственной деятельности. Взгляд на труд как на добродетель. Экономический процесс направлен не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности.

5. Собственность — функция труда, а не капитала. Капиталом является производительная часть собственности, направленная на производство: капитал, отдаваемый в рост, рассматривается как паразитический.

6. Самобытные особенности организации труда и производства — трудовая и производственная демократия.

7. Самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации — преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

10

Поражает в русской экономической мысли гениальность предвидения тех трагических событий, которые произошли в русской и мировой экономикие в XX веке.

Конечно, речь идет в первую очередь о предсказанном русскими экономистами мировом хозяйственном порядке, установленном западными странами в XIX веке, позволявшем через биржи и банки, манипулируя курсами золота и валют, управлять абсолютным большинством человечества. Природные и экономические ресурсы стран, не принадлежащих к западной цивилизации, переходят под власть международных банкиров и автоматически перекачиваются в пользу западных владык и мировой закулисы, а сами эти страны беднеют и впадают в нищету.

Русские экономисты И. Кокорев, С. Шарапов, А. Фролов, Г. Бутми, М. Меньшиков и др. открыли феномен богатения западного мира за счет чужих ресурсов, самым ярким выразителем которого сегодня стали США. Эта страна, чье население составляет только 5 процентов населения планеты, потребляет 40 процентов мировых ресурсов, а контролирует еще больше.

До так называемой перестройки западный мир и прежде всего США эксплуатировали Россию за счет заниженных мировых цен на сырье, и особенно нефть. Солидарная позиция западных стран, их контроль над мировыми рынками делали нашу страну беззащитной перед экономическим диктатом Запада. Позиции России резко ухудшились в конце 1980-х годов. Кроме заниженных цен на сырье орудием эксплуатации нашей страны стал неравноправный курс рубля к западным валютам, являющийся результатом манипуляций закулисных дельцов, выражающих интересы паразитических мондиалистских структур Запада. Сегодняшний курс рубля к западным валютам занижает покупательную способность рубля во много раз. За счет этого происходит отток экономических ресурсов из страны фактически за бесценок. Но даже те крохи, которые платят за русские ресурсы, оседают в западных банках и пропадают для России. Получается то, о чем говорил в свое время Меньшиков. Русский народ беднеет не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, но большая часть его усилий идет в пользу Запада. Такой экономический порядок губителен для России и должен быть разрушен. Для разрушения порочного мирового порядка логика русской экономической мысли подсказывает следующее решение.

Во-первых, в силу катастрофической ситуации сегодня требуется установление жесткого контроля над внешней торговлей России и прежде всего введение государственной монополии на нее. Во-вторых, установление реального соотношения рубля к западным валютам, исходя из расчетов их покупательной способности. Запрет на операции с валютой внутри России. Установление монополии рубля как единственного платежного средства. Осуществление государственной политики третирования доллара и других западных валют, которая позволит подорвать экономические позиции

западного мира вплоть до создания биржевой паники с характерной цепной реакцией.

В-третьих, Россия вместе с другими странами, не принадлежащими к западному миру, должна стремиться к реформе мировых цен на сырье и топливо путем включения в них налогов на предполагаемую прибыль в конечном продукте, а также налогов на восстановление окружающей среды в пользу стран-экспортеров.

В-четвертых, Россия должна стремиться к созданию международной организации для установления всеобъемлющего финансового контроля над операциями транснациональных корпораций, путем международных договоров, законодательно обязав их во внутренних расчетах использовать мировые цены, в том числе и по стоимости рабочей силы с учетом ее качества.

Важнейшим уроком русской экономической мысли, исходя из всего изложенного выше, является вывод о том, что западные экономические стандарты не могут служить ориентирами для развития России, ибо заведомо недостижимы. Но не потому, что мы не можем хорошо работать и создавать высокие технологии, а потому, что высокие западные стандарты в значительной степени обеспечиваются неоплаченным трудом населения других стран. Такой путь несовместим с русской цивилизацией и противоречит экономической модели России.

11

Трагедия русской экономики в XX веке состояла в том, что она была насильственно оторвана от народных корней и стала ареной всевозможных хозяйственных экспериментов, производившихся, как правило, вопреки вековому народному опыту, народной культуре хозяйствования и труда. Были брошены величайшие ценности русской экономики — стремление к самодостаточности и автаркии, общинные навыки хозяйственного самоуправления, трудовая демократия и взаимопомощь, самостоятельность и предприимчивость, крестьянское нестяжательство и отсутствие материальной жадности. Особо горькой была утрата крестьянской общины, в течение многих веков создававшей благоприятные условия для достаточной экономической эффективности и социальной стабильности.

Исходя из русской экономической мысли, следует внимательно изучать и использовать вековой хозяйственный опыт и национальные экономические стереотипы. Речь идет, конечно, не о механическом перенесении старых хозяйственных форм в современную жизнь, а об учете культурных, социальных и психологических установок, выработанных многовековой историей русского народа и ставших ориентирами его жизни. Прежде всего ставится вопрос о наследовании самого духа экономики, ее духовно-нравственных начал. Это означает рассмотрение труда как духовно-нравственной, а потом уже экономической и организационно-технической категории.

О том, что такой подход экономически плодотворен и эффективен, свидетельствует развитие на Западе концепции качества трудовой жизни, ставшей своего рода новой идеологией труда, обеспечивающей его высокую производительность. Важно отметить, что русская экономическая мысль за много веков предвосхитила главные положения западной концепции качества трудовой жизни.

Как мы уже отмечали, и в народной практике, и в трудах русских ученых проводилась мысль, которая стала основополагающей для концепции качества трудовой жизни, а именно — в труде выражается целостность бытия человека. Человек (субъект бытия) соединяется с природой (объектом бытия). Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Традиционная западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности. Цель органичного хозяйственного процесса — восстановить эту целостность, создать такое количество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности.

В прямом соответствии со сложившейся в России традицией труд в концепции качества трудовой жизни рассматривается не как чисто технико-организационная категория (набор трудовых функций), а как неразрывная совокупность трех его сторон — технико-организационной, социально-экономической и духовно-нравственной. Последняя состоит в реализации человека как нравственной и творческой личности, обладающей целенаправленным сознанием и волей и противостоящей процессам, ведущим к ее разрушению.

Вся система понятий, критериев и методов регулирования качества трудовой жизни основывается на необходимости учета духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда, которые являются важнейшей предпосылкой повышения его производительности. Аналогично решается и проблема отчуждения труда, которую (исходя из понятий русской экономической мысли) следует определить как нарушение целостности трудового процесса и жизненных устремлений работника. Как обеднение духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда, сведение его к механическому набору трудовых функций, что в конечном счете приводит к падению его эффективности.

Преодоление процессов отчуждения труда и повышение его производительности

осуществляется на основе восстановления целостности труда и культуры, возвышения человека как самостоятельной творческой личности. Концепция качества трудовой жизни формирует главные условия, в которых человек может оптимально реализовываться как личность. Прежде всего это два положения, которые как бы воспроизводят главные черты русского труда в эпоху его расцвета. Во-первых, главным мотиватором труда должна являться не зарплата, не карьера, а удовлетворенность от достижений в процессе работы, то есть моральные формы понуждения к труду берут перевес над материальными. Во-вторых, предполагается, что полная самореализация и самовыражение работника могут осуществляться только в условиях трудовой демократии. Таким образом, русская экономическая мысль указывает дорогу развития эффективных форм организации труда и производства. Как показывала практика, трудовая мотивация, построенная на принципе преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными, была одной из главных основ культуры труда в России. России принадлежит приоритет в развитии различных форм трудовой демократии, классическим образцом которых была артель. Артельные формы труда, существовавшие в России не меньше тысячи лет, по своей организационной структуре близки автономным бригадам, широко распространенным (с 70-х годов) в современных странах с рыночной экономикой.

Уроки русской экономической мысли, подтвержденные современным западным опытом, ориентируют сегодняшнюю экономику на развитие трудовой демократии и моральной мотивации к труду.

Сегодня трудовая демократия выражается в переходе от жестких авторитарных форм управления трудом к гибким коллективным, артельным формам, расширении реальных прав участия рядового работника в управлении (бригадой, участком, цехом, предприятием), предоставлении ему возможностей широко высказывать свое мнение, участвовать в обсуждении производственных проблем и принятии управленческих решений. В условиях развитой трудовой демократии администрация делегирует участку или бригаде (своего рода артели) ряд функций планирования, контроля, оплаты труда, приема на работу, право самостоятельного выбора бригадира. Все члены такой бригады самостоятельно планируют методы работы, устанавливают ритмичность, осуществляют разделение труда на основе взаимозаменяемости исполнителей, контролируют качество продукции. Каждый член такой бригады заинтересован в более полной отдаче и развитии своего трудового потенциала.

Развитие форм трудовой демократии и самоуправления должно сопровождаться процессами обогащения труда — уничтожением монотонности и бессодержательности, объединением разрозненных элементов работы в работу, более соответствующую требованиям самостоятельной личности, расширением функций труда, увеличением меры ответственности, использованием творческих способностей рабочего. Важно, чтобы работник видел перед собой значительную задачу, к решению которой он самостоятельно может приложить свои знания, способности и получить признание.

Русская экономическая мысль подводит нас к необходимости уничтожения порочных бюрократических форм мотивации труда путем применения примитивных систем материального стимулирования. Насаждению рабской психологии, которая присуща любому бюрократу, русская мысль противопоставляет выстраданную многими поколениями наших предков систему моральных стимулов, в основе которой лежит отношение к труду как к духовно-нравственной ценности, потребность в творческом, интересном, самостоятельном труде, желание проявить себя наилучшим образом.

Крайне важной при разработке систем стимулирования труда является необходимость учета еще одной важной морально-психологической черты русского народа, — духа нестяжательства, выражаемого в отсутствии у значительной части тружеников стремления к накопительству, энергичному стяжанию материальных ценностей. Дух нестяжательства не означает, конечно, желания работать бесплатно и отказа от материальных благ, а отражает иной приоритет жизненных ценностей, сложившихся в народной культуре, при котором материальные блага не занимают решающего места в жизни. До сих пор для преобладающей части русских тружеников деньги не являются главным мотиватором труда. Вместе с тем в сознании труженика дух нестяжательства связан с представлением о справедливом вознаграждении за хороший труд. Стремление к справедливому вознаграждению выступает не как прямой материальный интерес, а как своеобразная форма реализации идеала справедливости. Однако западническая бюрократическая система и в прошлом, и сейчас нередко использует дух нестяжательства, отсутствие материальной жадности у работника, не создавая условий для его самовыражения, самостоятельности, не обеспечивая справедливого вознаграждения, просто эксплуатируя его, что неизбежно вызывает деградацию всей системы трудовой мотивации. Одной из главных проблем является отсутствие справедливого вознаграждения за труд, которое парализует и многие возможности морального стимулирования. Бюрократическая система формирует фонд оплаты труда по остаточному принципу, оставляя в пользу тружеников в первой половине 80-х годов менее 40 процентов произведенного продукта, а в начале 90-х годов — менее 25 процентов, используя большую часть продукта на содержание паразитических государственных и криминаль-

но-предпринимательских структур (перекачивающих "свою долю" в значительной части за границу).

12

Русская экономическая мысль подсказывает нам, что в исторической перспективе Россия должна стремиться к автаркии, основаниями которой являются, во-первых, природные богатства страны, а во-вторых, особенности национальной модели хозяйствования, имеющей тенденцию к замкнутости и способной к самоограничению. Конечно, создание замкнутого хозяйства с его самодостаточностью и самоудовлетворенностью никогда не осуществляется полностью, да и не является самоцелью. К автаркии нас будет подталкивать система неравноправного обмена между странами Запада и всеми прочими странами, эксплуатируемыми путем занижения цен на сырье и рабочую силу. Грабительский экономический порядок, установленный Западом, — это постоянная перекачка экономических ресурсов в его пользу и обнищание всех прочих стран. От этого грабительского порядка страну спасет только автаркия.

Конечно, стремление к автаркии не означает полной изоляции от мира, но способствует созданию такой мощной хозяйственной системы, которая позволит диктовать западным странам свои условия экономического партнерства, сознательно влияя на уровень мировых цен, исходя из излюбленной на Западе теории предельной полезности. Заградительная таможенная политика, сдерживание и строгое квотирование экспортно-импортных операций позволят стимулировать развитие внутреннего хозяйства и направлять отечественные ресурсы на повышение благосостояния народов России, а не Запада.

В заключение хотелось бы подчеркнуть два основных вывода, вытекающих из уроков русской экономической мысли.

Главные параметры русской модели экономики должны быть положены в основу при разработке любых экономических мероприятий. Особенно это касается трудовой демократии и трудовой мотивации.

Западные критерии и стандарты экономического развития не могут быть ориентирами для русской экономики. В гонке потребления, которую осуществляет западный мир, опирась на неоплаченный труд и неравноправный обмен со странами —поставщиками сырья и топлива, наше место может быть только в лагере стран, эксплуатируемых Западом. Более того, западная гонка потребления в условиях сокращающихся ресурсов человечества ведет его к гибели. Русская модель экономики, ориентированная на автаркию, разумный достаток и способная к самоограничению, дает человечеству возможный вариант выживания.

(Продолжение следует)

ВАДИМ КОЖИНОВ

ЗАГАДОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Статья первая. "ЧЕРНОСОТЕНЦЫ" И РЕВОЛЮЦИЯ

4. Правда о погромах

Главное и наиболее тяжкое обвинение, висящее на "черносотенцах" — прежде всего на Союзе русского народа, — это, конечно, обвинение в организации погромов, выразившихся не только в разрушении и грабеже имущества евреев, но и в многочисленных убийствах... Русское слово "погром", известное уже по письменным памятникам XVI века и означающее "разорение", "опустошение" (см., например, в словаре В. И. Даля), в XX веке было превращено в своего рода кошмарный символ Российской империи. "Pogrom" внедрили во все основные языки мира, как бы "доказывая" тем самым, что дело идет об именно и только русском явлении (за это, мол, "ручается" русское происхождение самого "термина"!). Проклятия в адрес России как "страны погромов", даже "родины погромов", звучат уже более ста лет.

Разобраться в существе дела невозможно без обращения к истории — в том числе и к истории уже далеких времен. А чтобы не возникло подозрений в тенденциозности освещения истории, я буду основываться, главным образом, на созданной вскоре после погромов наиболее значительными еврейскими учеными России и Европы и изданной в 1908—1913 годах в Петербурге шестнадцатитомной "Еврейской энциклопедии" (в дальнейшем обозначается буквами "ЕЭ"; разрядка в цитируемых текстах везде моя. — В. К.).

Оставим в стороне древнюю историю, поскольку она не имеет прямого отношения к русской истории, и начнем со средневековья. Как сообщается в ЕЭ, издавна, с первых веков нашей эры жившие в западноевропейских странах евреи лишь изредка вступали в конфликты с основным населением этих стран, и к тому же гонения на них не имели сколько-нибудь тяжелых последствий.

Однако начиная с XII века ситуация резко изменилась, и в конечном счете евреи Западной Европы пережили настоящую "катастрофу", — вернее, целый ряд (цитирую ЕЭ) "катастроф, разразившихся над ними в эпоху крестовых походов. При первом походе цветущие общины на Рейне и Дунае подверглись полному разгрому, во втором походе (1147) особенно потерпели евреи Франции... в... третий поход (1188)... разыгрался страшный мортиролог английских евреев... С тех пор и началось время преследований и стеснений для мирно развивавшегося — до конца XII века — английского еврейства. Завершением этого тяжелого периода было изгнание евреев из Англии в 1290 году; прошло 365 лет, пока им вновь было разрешено поселиться в этой стране... Везде на христианском Западе мы видим одну и ту же мрачную картину. Евреи, изгнанные из Англии (1290), Франции (1394), из многих областей Германии, Италии и с Балканского полуострова в период 1350—1450 гг. ... бежали преимущественно в славянские владения... Здесь евреи нашли верное убежище... и достигли известного благосостояния".

И еще о судьбе евреев в Испании: "В 1391 г. в одной лишь Севилье чернь убила 30 000 евреев... Тысячи людей были брошены в тюрьмы, подвергнуты пыткам и преданы костру". А в 1492 году "несколько сот тысяч евреев (то есть все жившие тогда в Испании. — В. К.) должны были оставить страну" (ЕЭ, т. 7, с. 453—454).

Весьма характерно, что в 1987 году английский историк С. Хейлайзер опубликовал работу под названием "Первый Холокост: Инквизиция и новообращенные евреи Испании и Португалии", в которой основательно утверждает, что события XV—XVI веков вполне сопоставимы с тотальным уничтожением евреев германским нацизмом (слово "холо-

Продолжение. Начало в № 10 за 1993 год и № 1 и 3 за 1994 год.

кост" — буквально "всесожжение" — обычно употребляется на Западе по отношению к трагедии еврейства во время второй мировой войны).

Под "славянскими владениями", где нашли "верное убежище" и достигли "известного благосостояния" пережившие катастрофу западноевропейские евреи, ЕЭ имеет в виду прежде всего Польшу; там в XV—XVI веках "евреи, — как сказано в ЕЭ, — являлись необходимым звеном между дворянством и крепостными крестьянами; торговля и промышленность (точнее, доходные ремесла. — В. К.) были сосредоточены в их руках". Но "в средине XVII века наступил кризис также для евреев Польши" (там же).

Здесь необходимо вдуматься в ход дела, который освещен во многих различных статьях ЕЭ. Евреи повсюду, где они жили, "сосредоточивали" в своих руках торгово-финансовую деятельность, и до определенного исторического момента это было, так сказать, в порядке вещей. Но по мере экономического "прогресса" все более значительная часть основного населения любой из стран, где имелись евреи — часть, которая ранее всецело жила в рамках натурального хозяйства, — начинала все более интенсивно вовлекаться в торгово-финансовую сферу и тем самым в конце концов неизбежно вступала в конфликт с евреями. Так, если в XV—XVI веках польские евреи пребывали в ненарушаемом "благосостоянии", то в XVII веке, "когда шляхта (то есть польское дворянство. — В. К.) окрепла (точнее — развилась. — В. К.) экономически, она стала вести антиеврейскую политику" (т. 12, с. 706), что привело к самым тяжелым последствиям для евреев Польши.

В западноевропейских странах это произошло значительно раньше; там уже "до 1500 года погибло около 380 000(!) евреев; надо полагать, что всего их числилось в это время 1 000 000 на всем земном шаре" (т. 11, с. 527); следовательно, в Западной Европе было уничтожено тогда около 40 процентов евреев всего мира...

Можно ли, зная обо всем этом, считать Россию "родиной погромов"?!. Здесь, впрочем, вполне вероятно такое возражение: чудовищные противоеврейские акции в странах Западной Европы происходили в далекие — еще "варварские" — времена, а в Российской империи погромы имели место уже в конце XIX — начале XX века. Но, во-первых, наибольший размах "катастрофа" западноевропейских евреев приобрела отнюдь не в действительно "варварские" столетия, а как раз в заведомо "прогрессивную" эпоху Возрождения. А во-вторых, сегодня, в сущности, замалчивается тот факт, что погромы и в новейшее время происходили не только в России, но и в таких западных странах, как Германия и Австрия.

Правда, погромов в это время не было во Франции или Англии, но это имеет свое четкое объяснение. В XIII—XV веках евреи, как мы видели, изгоняются из почти всех западноевропейских стран; в ЕЭ показано, что вопрос там стоял самым жестким образом — либо изгнание, либо полное уничтожение... И евреи "бежали" с Запада в Восточную Европу, — главным образом в Польшу.

Только со времени буржуазных революций XVII—XVIII веков они начали понемногу возвращаться на Запад — и прежде всего, естественно, в наиболее близкие к Польше Германию и Австрию. А во Франции и Англии их в XIX веке было слишком немного для того, чтобы "сосредоточить" в своих руках финансово-торговую деятельность. ЕЭ сообщала, что даже в начале XX века во Франции было всего 86 тысяч евреев (то есть 0,2 процента — два человека на тысячу — основного населения), в Италии 47 тысяч, а в Испании — 2,5 тысячи (т. 11, с. 531, 528). Другое дело — Германия, где в это время жило уже около 6 000 евреев, и тем более Австрия, где их количество превышало 2 миллиона человек.

Как сказано в ЕЭ, "замечается перемещение еврейского населения вплоть до 60—70-х гг. XIX века из восточной части Европы..." И "с конца 70-х годов и начала 80-х годов в разных местах Европы — в Германии, Австрии и (даже! — В. К.) Франции вспыхивает злобная антисемитская агитация" (т. 7, с. 457).

Впрочем, еще ранее это "перемещение" евреев "приводит к ряду погромов в Германии" (там же, с. 456), где "старые средневековые предрассудки вспыхнули снова... К этому присоединились недоброжелательные чувства, возникшие на почве торговой конкуренции... Во многих немецких городах ненависть горожан к евреям вскоре привела к насилиям. Правительства должны были защищать евреев вооруженной силой" (как позднее и в Российской империи...). Впоследствии снова "в Германии вспыхнуло (1878) антисемитское движение... Результатом антисемитской травли был процесс о поджоге синагоги в Нейштеттине (1884), процесс о ритуальном убийстве (1892) в Ксантене и Коницкое дело 1899 г." (т. 6, с. 363—367). И в Австрии также "нарастает... антисемитизм, который проявляется в экономическом бойкоте, в погромах (особенно в конце 1890-х годов), в фактическом лишении евреев прав" (т. 7, с. 459).

Короче говоря, постоянно пропагандируемое мнение, что-де в новейшее время погромы характерны именно для

России, является очевидной фальсификацией. Необходимо еще сказать и о том, что острые конфликты между основным населением и евреями возникали, как правило, на экономической почве. И потому едва ли верна приведенная только что формулировка ЕЭ, согласно которой в Германии XIX века "старые средневековые предрассудки вспыхнули снова", а уж к этой — будто бы главной — причине погромов "присоединились чувства", вызванные конкуренцией в торговле.

Поскольку иудаизм издавна воспринимался как нечто враждебное христианству, "предрассудки", без сомнения, имелись с самого начала истории средневековой Европы. Но, как показано выше, "катастрофа" разразилась только в конце средневековья, а не тогда, когда "средневековые предрассудки" были действительно прочными и всеобщими. Тем более это относится к событиям XIX века. И безусловно правильней будет сказать, что "старые" предрассудки "присоединялись" к конфликту, порожденному "торговой конкуренцией", а не наоборот.

Вообще едва ли можно оспорить тот факт, что религиозные и иные идеологические "доводы" выступали всегда как средство "оправдания" погромов, а не как их причина. Это недвусмысленно показал видный еврейский ученый Д. С. Пасманик в статье "Погромы в России" (ЕЭ, т. 12, с. 620), утверждая, что у погромщиков не было "явно выраженной расовой вражды... Не раз те же крестьяне, которые грабили еврейское добро, укрывали у себя спасающихся евреев". Кстати сказать, тогда, во времена российских погромов, констатирует ЕЭ, "только немногие говорили о племенной и расовой ненависти; остальные считали, что погромное движение возникло на экономической почве" (там же, с. 614). Это уже позднее была выдумана или же, в крайнем случае, непомерно раздута некая якобы характерная для населения России ненависть к евреям как таковым. Впрочем, обратимся непосредственно к истории погромов в Российской империи.

* * *

Часто можно прочитать или услышать о том, что первый противоеврейский погром в России, вернее, на Руси имел место еще давным-давно — в 1113 году, когда, согласно Ипатьевской летописи, "кияне же разъграбиша двор Путятин тысячьского, идоша на жиды и разъграбиша и" (то есть "киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты, затем пошли на евреев и разграбили их").

Однако киевляне выступили тогда, собственно говоря, не против евреев, а против власти. Князь Святополк Изяславич, теснейшим образом связанный (как и его двоюродный дед и тезка Святополк Окаянный) с Польшей (его матерью была сестра польского короля, а сам он обручил своих сына и дочь с членами польской королевской семьи), по-видимому, "импортировал" из Польши группу еврейских торговцев и ростовщиков, которые играли существенную роль в его экономической политике, вызывавшей резкое недовольство киевлян. И сразу после смерти Святополка (16 апреля 1113 года) киевляне "погромили" его "правительство" — в том числе тысяцкого — то есть своего рода военного министра — и евреев, как бы входивших в состав министерства финансов и торговли. В ЕЭ справедливо говорится о Святополке, что "после его смерти толпа возмутилась против приверженцев великого князя и напала на евреев" (т. 9, с. 516). То есть евреи пострадали именно и только как приверженцы князя, и, следовательно, "погром" этот нет никаких оснований считать "противоеврейским" в собственном смысле слова.

Существенно здесь другое: то, что оказавшиеся в Киеве в XII веке евреи связаны с Польшей; ведь вся позднейшая история евреев Российской империи берет свое начало именно в Польше.

Обращаясь к этой теме, нельзя не сказать, что — хотя это и выглядит даже странно — большинство русских людей не имеет ясного представления об истории взаимоотношений России с Польшей, а также тесно связанной с последней Литвой, которая в XV—XVI веках вошла в состав Польши.

В XIV веке Литва, воспользовавшись резким ослаблением и, особенно, раздробленностью Руси после монгольского нашествия, отторгла у нее громадную территорию. Если до Монгольского нашествия западная граница Руси проходила по реке Буг (и даже западнее ее), то есть за тысячу километров от Москвы, то в XIV веке она оказалась немногим западнее города Ржева, то есть всего лишь в двухстах (!) километрах от Москвы. Только к последней трети XVII века граница с Польшей передвинулась на запад до Днепра и лишь в конце XVIII века вернулась на Буг.

За четыре с лишним столетия (XIV—XVIII) на отторгнутых Литвой и Польшей землях даже сформировались самостоятельные украинский и белорусский народы, что едва ли бы произошло, если бы эти земли пребывали в границах единой Руси. Но так или иначе возвращение этих земель в состав России, совершившееся к концу XVIII века, было, надо думать, более "естественным" для них историческим уделом, нежели существование их под польской властью (любопытно, что

Украина — то есть "окраина" — получила это свое название еще при польской власти, и обозначало оно тогда в о с т о ч н ы й "край" Польши, а позднее, напротив, з а п а д н ы й "край" России...).

Тем не менее, как ни удивительно, многие русские люди повторяют заведомо несостоятельную версию об участии России в "р а з д е л а х Польши" (в 1772—1795 годах). Действительно польские земли "разделили" тогда между собой Австрия и Германия (точнее, Пруссия), а Россия только в о з в р а т и л а в свои границы исконно русские или, скажем так, — исконно восточнославянские земли (они и с е г о д н я входят в состав Украины и Белорусии).

Правда, после Отечественной войны 1812 года, в ходе которой польские войска чрезвычайно активно выступили на стороне Наполеона, России — в порядке своего рода "наказания" поляков — были отданы по решению общеевропейского конгресса 1815 года в Вене уже в самом деле п о л ь с к и е земли с центром в Варшаве, которым присвоили статус относительно автономного Ц а р с т в а П о л ь с к о г о, просуществовавшего до 1917 года. И вот это действительно было со стороны России узурпацией, "разделом" Польши, хотя его и "оправдывали" агрессивными действиями поляков в 1812 году.

В Польше евреи жили издавна — по меньшей мере с IX века, — но подавляющее большинство польских евреев принадлежало к потомкам тех, кто вынуждены были, начиная с XII—XIII веков, "бежать" из западных стран. Постепенно евреи заселили и отторгнутые Литвой и Польшей от Руси земли. Но здесь они вступили в острый конфликт с коренным населением (украинским и белорусским), которое по мере течения времени все более тяготилось польским владычеством над ним. Как справедливо сказано в ЕЭ, "служа интересам землевладельцев (польских. — В. К.) и правительства (сплошь да рядом магнат-землевладелец состоял королевским старостой), евреи н а в л е к л и н а с е б я н е н а в и с т ь населения, стонавшего под политическим и экономическим гнетом... Крестьянская масса усматривала в евреях исполнителей воли польской шляхты. Сбрасывая с себя политическое и экономическое иго, она обрушилась с одинаковой яростью на помещиков и евреев" (т. 15, с. 645). Да, с 1630-х до 1770-х годов евреи на принадлежавших тогда Польше восточнославянских землях испытывали тяжелейшие погромы, а подчас даже просто массовые убийства. После же возвращения этих земель в состав России (во время "разделов Польши" в 1772—1795 годах) погромы п о л н о с т ь ю п р е к р а т и л и с ь и начались здесь снова — уже по другим причинам — только в 1880-х годах, то есть более чем через столетие.

Написанная видным еврейским историком Ю. И. Гессеном (1871—1939) первая часть статьи ЕЭ "Погромы в России" начинается так: "Первые по времени три случая погрома евреев произошли в Одессе в 1821, 1859 и 1871 годах. Это были случайные явления (вернее, как мы увидим, не "случайные", а не имевшие непосредственного отношения к России. — В. К.), вызвавшиеся, главным образом, недружелюбием к евреям со стороны местного г р е ч е с к о г о населения" (т.12, с. 611); "греческая колония играла в то время главную роль в Одессе как в управлении, так и в торговле". Следовательно, "это был в сущности "греческий" погром, так как з а ч и н щ и к а м и и почти е д и н с т в е н н ы м и у ч а с т н и к а м и были греки — матросы с прибывших кораблей (то есть даже не российские граждане. — В. К.) и присоединившиеся к ним одесские греки" (там же, с. 55).

Действительная история погромов в Российской империи берет свое начало в 1881 году. 15—17 апреля состоялся первый погром в Елизаветграде, и целая волна более или менее значительных инцидентов продолжалась затем до 1884 года; она затронула более 150 (!) городов, местечек, селений... Именно тогда русское слово "погром" постепенно становится обозначением прежде всего и главным образом противоеврейской акции.

Для понимания существа дела важна статья, опубликованная в XX томе "Энциклопедического словаря" Брокгауза-Ефрона, изданном в 1897 году (с. 530): "Нападение одной части населения на другую (так озаглавлена статья. — В. К.) — преступление, предусмотренное законом... образующим 269[1] статью Уложения о наказаниях. До издания этого закона наше Уложение о наказаниях не содержало... правил относительно таких проявлений з л о й в о л и... Этот пробел закона оказался особенно ощутительным в начале 1880-х годов, когда судебной власти пришлось иметь дело с так называемыми "е в р е й с к и м и п о г р о м а м и" (то есть слово "погром" еще только приобретало тогда значение противоеврейской акции. — В. К.). Подобные нападения требовали уголовной кары, но единственно подходящим законом была статья 38 Устава о наказаниях, предусматривающая "буйство в публичных местах" под страхом одного лишь ареста или денежного взыскания. Явное несоответствие таких кар характеру и размерам антиеврейских беспорядков вызвало уже в 1882 году циркулярное разъяснение Министерства юстиции" и т. д.

Российское правительство обвиняли и продолжают обвинять чуть ли не в организации погромов; ниже об этом поистине нелепейшем обвинении еще пойдет

речь, но нельзя не обратить здесь внимания на тот факт, что ради борьбы с погромами правительство создает специальную законодательную норму.

Что же касается самого преступления, то виновный в нем был определен тогда в Уложении о наказаниях так: "...Всякий участник "публичного скопища"... соединенными силами совершившего похищение или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужое жилище, или покушение на эти преступления..." (там же).

По всей вероятности, может возникнуть недоумение по поводу самого характера описанных здесь действий погромщиков, ибо ведь известно, что погромы выразились не только в повреждении и похищении имущества евреев, но и во множестве убийств. Однако человеческие жертвы присущи позднейшим погромам (1903—1906 гг.), а в 1880-х годах, согласно разысканиям Ю. И. Гессена, "в большинстве случаев беспорядки ограничились разгромом шинков", значительно реже бывало так, что "имущество евреев подвергалось разграблению, а в единичных случаях произошло и избиение"[2].

Ю. И. Гессен учитывает все случаи нанесения ущерба евреям (вплоть до разбития стекол в каком-либо шинке), и таких случаев в 1881—1884 годах было, как уже сказано, более 150; историк также выяснил, что только в двух случаях дело дошло до гибели одного еврея (то есть всего погибло двое); это произошло, очевидно, непреднамеренно (то есть не было "установки" на убийства). А вместе с тем Ю. И. Гессен сообщил, что усмирявшие погромщиков "солдаты стреляли и убили несколько крестьян"; согласно опубликованным позднее документальным данным было убито даже не "несколько" в общепринятом смысле этого слова, а 19 крестьян[3] (это ясно показывает отношение власти к погромщикам). Словом, в 1880-х годах происходили именно погромы — то есть разрушения и грабежи.

Нельзя не сказать здесь еще и о следующем. Сам тот факт, что первые погромы в Российской империи произошли только более чем через сто лет после возвращения отторгнутых некогда Польшей и затем заселенных, в частности, и евреями земель, ясно свидетельствует: острый конфликт между евреями и основным населением этих земель (конфликт, который ранее вызывался здесь теснейшей связью евреев с ненавистной польской властью) возник снова лишь с определенного исторического момента. Он возник спустя два десятилетия после крестьянской реформы, когда основное население было — на пути "прогресса" — вовлечено в торгово-финансовые отношения.

Именно об этом говорит и Ю. И. Гессен. Он сначала ссылается на мнение "официальных" экспертов, полагавших, что "важнейшую роль в погромах сыграла торгово-промышленная деятельность евреев — сосредоточив в своих руках значительную часть торгово-промышленных предприятий, существовавших в крае, а также большие денежные средства, евреи стали вызывать в окружающем населении против себя вражду". Изложив это, так сказать, общее мнение, Ю. И. Гессен заключал далее уже лично от себя: "Действительно, еврейское население южных губерний находилось в удовлетворительных экономических условиях... между тем местное крестьянство переживало чрезвычайно тяжелые времена, не имея в своем распоряжении достаточно земли, чему отчасти (это слово явно "смягчает" реальное положение вещей. — В. К.) содействовали богатые евреи, арендуя помещичьи земли и тем возвышая арендную плату, непосильную для крестьян" (с. 219, 220).

Нетрудно понять, что система новых экономических отношений (в том числе арендных) сложилась именно после реформы 1861 года и через два десятилетия, в 1880-х годах, привела к погромам. Ю. И. Гессен — не лишенный объективности историк — показал ту жизненную почву, на которой произросли погромные настроения.

Таким образом, в 1880-х годах в России повторилось то, что происходило в странах Западной Европы (гораздо раньше вступивших на путь "прогресса") накануне эпохи Возрождения и непосредственно в эту эпоху. Но повторилось, надо прямо сказать, в несоизмеримо менее жестоком и широкомасштабном виде. Вспомним также, что в XIX веке погромы (ранее, чем в России) произошли в Австрии и Германии.

Обо всем этом необходимо знать потому, что иначе не будет ясна несомненная искусственность и, более того, злонамеренность "превращения" России в некую "страну погромов" (или даже их "родину"), — почему, мол, и само это всемирно известное слово пришло именно из русского языка...

* * *

Но пойдем далее. Первый действительно страшный кровавый погром разразился на территории Российской империи с 6 (точнее, начиная с 7-го) по 8 апреля 1903 года в Кишиневе. Здесь погибли тогда 43 человека, из которых 39 были евреи. Подробную картину этого погрома дает объемистый 1-й том "Материалов для истории антиеврейских погромов в России", изданный в Петрограде в 1919 году известными еврейскими историками

С. М. Дубновым и Г. Я. Красным-Адмони.

В томе представлены материалы и враждебные евреям, и вполне им сочувственные (как, например, официальные записки прокурора А. И. Поллана), но основной ход событий во всех материалах одинаков: во второй половине дня 6 апреля в Кишиневе началось, пользуясь юридическим языком, "повреждение" и "похищение" имущества евреев, и лишь поздно вечером полиция и войска разогнали погромщиков; утром же 7-го евреи, вооружась чем попало, а также и револьверами, решили расправиться с погромщиками, и после убийства (выстрелами из револьверов) одного или, по другим сведениям, двух и ранении нескольких "христиан" начался уже не погром в прежнем смысле, а жестокое побоище, в результате которого 39 евреев было убито и множество ранено.

Проведя расследование, прокурор А. И. Поллан (отнюдь не враждебный евреям человек) писал 11 апреля 1903 года о ходе событий в Кишиневе, начиная с 6 апреля:

"Молодежь, состоящая преимущественно из подростков, начала бить стекла в еврейских домах, выбрасывать их имущество и уничтожать его... Угрожающего характера беспорядки не принимали... К вечеру, когда пригласили войска, были арестованы 62 человека. На другой день, 7 апреля, беспорядки возобновились... Некоторые евреи, защищая свое имущество, начали стрелять из револьверов, и один из них, который застрелил одного из буянов, был немедленно убит. Затем были убиты и ранены многие евреи... В настоящее время убитых уже насчитывают более 40... Из христиан убито 3 человека... Убитых евреев из огнестрельного оружия нет"[4].

В позднейшей записке А. И. Поллан сообщал о выяснившемся к тому времени факте, который вызвал наибольшее ожесточение погромщиков: "Следствием установлено, что убит был один христианский мальчик" (там же, с. 203). В дальнейшем было убито и несколько еврейских детей...

При этом следует учитывать, что в Кишиневе, согласно переписи 1897 года, на 108 403 человека населения в целом приходилось 50 257 человек иудейского вероисповедания (то есть 46,3%); это объясняет особую напряженность борьбы.

Наконец, необходимо иметь в виду, что Кишинев и Бессарабская губерния (позднее — Молдавия) вообще представляли собой — с точки зрения отношений основного населения и евреев — настоящий пороховой погреб, для взрыва которого вполне достаточно было и одного револьверного выстрела. В. В. Розанов, который позднее провел лето в Бессарабии, так изложил представления местных жителей о ситуации, создавшейся в Бессарабской губернии (текст этот, затерявшийся в подшивках газеты "Новое время", разыскал и опубликовал в культурнейшем современном журнале "Литературная учеба" В. Г. Сукач):

"Сила его (речь идет об экономической силе еврейства. — В. К.) всегда больше силы окружающего населения, хотя бы евреев была горсточка, и даже всего пять-шесть семей, ибо эти пять-шесть семей имеют родственные, общественные, торговые, денежные связи с Бердичевым и с Варшавой, да и с Венгрией, с Австрией; в сущности, со всем светом. И этот "весь еврейский свет" поддерживает каждого Шмуля из Сахарны (бессарабская местность, где жил Розанов. — В. К.), и "Шмуль в Сахарне" забирает всю Сахарну в свои руки, уже для пользы не своей, а всего совокупного еврейства, ибо, укрепившись здесь, он немедленно призывает сюда родственников, родичей, единоверцев в помощь себе (стоит сообщить, что в 1847 году в Бессарабской губернии проживало 20 232 еврея, а всего через 50 лет, в 1897 году, в 11 раз больше — 228 528(!); см. ЕЭ, т. 4, с. 373, 377. — В. К.), в компанию с собою, в сущности за один обеденный стол с собою, где они кушают темную молдавскую Сахарну, кушают ее посевы, ее птицу, ее скот; все это скупая за бесценок через моментально образуемые в каждом местечке синдикаты и не подпуская никакого чужого покупателя ни к какому продукту, сырью, свежине. Сахарна пашет, работает, потеет, а евреи ее пот обращают в золото и кладут в карман. Они имеют "у своих" бесконечный кредит под свои способности, под свою живость, под свою оборотливость. Какая же с ними конкуренция, когда в каждой точке они — "все", а всякий русский, хохол, валах — "один"..."

Изложив это, В. В. Розанов отметил: "Передаю все в том "сыром материале", как взял с земли, не прибавляя ни размышления, ни даже "да" или "нет"..."[5]

Впрочем, Розанов с самого начала представил свой рассказ как обобщение того, что он слышал от бессарабцев: они воспринимали деятельность евреев как своего рода высасывание соков из их земли и из них самих. И в разрушении и грабеже имущества евреев они усматривали некое "восстановление справедливости"...

Однако беспристрастный наблюдатель с полным правом возразит, что никакого насилия или хотя бы беззакония евреи по отношению к бессарабцам не совершали: они только умело и сплоченно занимались финансово-торговой деятельностью. И никто не мешал "туземцам" сплотиться и потеснить евреев в честном экономическом соревновании. И тот факт, что они вместо этого устроили погром, свидетельствует только об их дело-

вой несостоятельности, заставлявшей их прибегать к грубой силе. Наконец, это особенно безнравственно потому, что в целом евреи составляли меньшинство населения Бессарабии (всего около 12%); естественно предположить, что при количественном равенстве "туземцы" и не решились бы на погром...

Все это в сущности неоспоримо; но если возвратиться к сделанному по материалам ЕЭ обзору истории конфликта евреев с основным населением, нетрудно убедиться, что дело, как правило, доходило в какой-то момент до погромов, — будь то в Англии, Франции, Испании, Германии или Австрии. То есть в с е "туземцы" оказывались несостоятельными...

Это, надо думать, означает, что экономический конфликт был н е р а з р е ш и м на экономической же почве. И в самом деле: евреи в начале XX века составляли 4 с небольшим процента населения Российской империи, но если говорить о людях, занятых в т о р г о в л е, то согласно переписи 1897 года в городах империи их насчитывалось 618 926, и 450427 из них были евреи (ЕЭ, т. 13, с. 649), то есть торговцев всех других национальностей имелась 168 499 человек — почти в три раза (точно — в 2,7) меньше! При таких условиях собственно экономическое соревнование, конечно, было невозможно; конкурентам евреев недоставало для соревнования н а р а в н ы х более 280 000 торговых людей...

Эти цифры характеризуют положение в Российской империи в целом; но тут же в ЕЭ отмечено, что, "одни евреи сообщают Бессарабии торговое движение" (там же, с. 647).

Словом, конфликт предстает как поистине неразрешимый. При этом необходимо еще иметь в виду, что конфликт т о г д а был совершенно очевидным, н а г л я д н ы м: любой житель Бессарабской губернии, будучи вовлечен "прогрессом" в торгово-финансовые отношения, неизбежно самым непосредственным образом сталкивался в своем повседневном быту с евреями, почти целиком держащими в своих руках торговую сферу. Это важно учитывать потому, что для позднейшего, еще более "прогрессивного" устройства общества такое прямое и постоянное столкновение уже вовсе не характерно: люди, в чьих руках находится финансово-торговое владычество, в сущности, "невидимы", они не соприкасаются на бытовом уровне с большинством населения.

В Бессарабской же губернии 1903 года все было, так сказать, обнажено, и жители усматривали в забравших в свои руки торговлю евреях безнаказанных грабителей (см. приведенный выше текст В. В. Розанова). И дело обстояло, очевидно, примерно так же во всех тех странах, где конфликт обострялся в конечном счете до погромов...

Констатация этого факта отнюдь не означает, конечно же, перекладывания в и н ы за кишиневский погром (как и другие погромы) на евреев. Речь идет только об уяснении тяжести, даже — что уже было отмечено — н е р а з р е ш и м о с т и конфликта. Ведь погромы обычно изображаются как порождение некой иррациональной злодейской воли, чуть ли не садизма, — что, конечно же, абсолютно неверно. А тот факт, что в Кишиневе совершались в прямом смысле слова зверские убийства евреев, был обусловлен, без сомнения, использованием огнестрельного оружия, которое опять-таки нарушило принцип борьбы н а р а в н ы х, — поскольку у погромщиков оружия не было, а евреи составляли почти половину (46 с лишним процентов) населения города.

Разумеется, и это отнюдь не снимает вину с погромщиков; дело идет только об о б ъ е к т и в н о м п о н и м а н и и ситуации. Ведь вообще-то безусловно господствует точка зрения, согласно которой евреи в конфликтах с остальным населением Земли в с е г д а и в е з д е, в л ю б о й стране и в л ю б о е время являли собой абсолютно ни в чем не повинные жертвы корыстных, тупых и жестоких палачей. Это, конечно, не значит, что уместно и достойно выдвигать — пусть даже со всяческими оговорками — п р о т и в о п о л о ж н у ю точку зрения (что во всем виноваты-де только евреи). Поскольку погромщики обычно п е р в ы м и начинали н а с и л и е, никакие последующие события уже не могли их "оправдать", снять с них исходную вину.

Именно так оценил ситуацию один из наиболее выдающихся идеологов "ч е р н о с о т е н с т в а" епископ Антоний Волынский (о нем уже не раз шла речь), который вскоре после кишиневского погрома произнес "слово" о нем, получившее широкую известность и признание. Стоило бы привести здесь это "слово" целиком, но оно весьма обширно, и я ограничусь цитированием начала.

Епископ Антоний сказал, что "доходят до нас печальные позорные вести о том, что в городе Кишиневе... происходило жестокое, бесчеловечное избиение несчастных евреев... О, Боже! Как потерпела Твоя Благость такое поругание!.."[6]

В связи с кишиневским погромом необходимо коснуться еще одной стороны дела. Об этом погроме говорится особенно много и часто потому, что в отличие от принесших еще большие жертвы погромов 1905 года, разразившихся непосредственно в условиях Р е в о л ю ц и и, кишиневский предстает как особенно прискорбный: в мирное, в общем, время были зверски убиты десятки людей. Этот

погром нередко квалифицируется как одно из наиболее тяжких "преступлений русского народа". Так, историк Владлен Сироткин недавно написал послесловие к двум посвященным кишиневскому погрому документальным повестям эмигранта Семена Резника, объединенным под заглавием "Кровавая карусель". Послесловие это начинается многозначительной сентенцией: "Читать "Кровавую карусель"... мне, русскому человеку, тяжело и больно". Далее дано следущее "объяснение" этой тяжести и боли, гнетущей "русского человека": "...главную заслугу Семена Резника я вижу в том, что он своей книгой пытается понять, почему в части русского народа... росла и набирала силу неприязнь к "инородцам", прежде всего к евреям?"[7]

Однако едва ли Резник в своей книге "пытается понять" именно это, так как в его повестях не раз сообщается о национальной принадлежности кишиневских погромщиков, и речь идет только о молдаванах, некоторые из коих даже не знают ни слова по-русски. Это вполне понятно, ибо Бессарабия (ныне — Молдова) вошли в состав Российской империи лишь в 1812 году и не могла менее чем за столетие стать собственно "русской" провинцией (кстати сказать, после 1917 года, когда Бессарабия стала провинцией Румынии, погромы там происходили постоянно).

И еще одна деталь — вроде бы мелкая, но весьма существенная. В. Сироткин утверждает, что своего рода инициатором кишиневского погрома был, как он его называет, "Павел Александрович Крушеван". Почему так торжественно? Да потому, что преследуется — сознательно или бессознательно — цель скрыть тот факт, что Крушеван принадлежал к знатному молдавскому роду, чем очень гордился, и носил чисто молдавское имя Паволаки (а не Павел).

Да, читать о кишиневском погроме и тяжело, и больно, но по меньшей мере неуместно внедрять в разговор об этом "русского человека" и "русский народ". Владлен Сироткин может, конечно, возразить, что погромы имели место в начале века и в других, более "обрусевших" провинциях, но есть все же нечто недостойное и даже зловещее в "приписывании" именно кишиневского погрома русскому народу. Ведь это совершенно то же самое, что обвинить сегодня русский народ в зверствах по отношению к гагаузам, абхазам или туркам-месхетинцам!

Столь же недостойный характер имеет и произведенное здесь же В. Сироткиным "сопоставление" России и Франции в свете двух судебных процессов — Дрейфуса, в защиту которого выступал Золя, и Бейлиса, защищаемого Короленко. "По счастью, — объявляет В. Сироткин, — сторонников Э. Золя во Франции оказалось больше, чем в России сторонников В. Короленко, и антисемиты там потерпели сокрушительное поражение... В России, увы, все обстояло по-другому"... и т. д.

Это рассуждение рассчитано либо на совершенно неосведомленных, либо на до тупости распропагандированных читателей. Ведь Бейлис был при первом же судебном решении признан полностью невиновным, между тем как Дрейфус сначала был приговорен к пожизненному заключению на Чертовом острове в Южной Америке, получившем прозвание "сухая гильотина", и провел там пять мучительных лет, затем на новом суде его еще раз приговорили — теперь уж, правда, только(!) к десяти годам, — далее он был — под громадным давлением "дрейфусаров" — помилован (но не оправдан!) и, наконец, еще через семь лет(!) признан невиновным.

Нельзя не добавить к этому, что и Золя за свою поддержку Дрейфуса был приговорен к году тюрьмы и трем тысячам франков штрафа и спасся только ловким бегством в Англию, где дождался акта помилования; между тем Короленко "пострадал" лишь от большого количества устроенных тогда в его честь банкетов. Не приходится уже говорить о том, что в 1917—1918 годах почти все обвинители Бейлиса (начиная с прокурора О. Ю. Виппера — брата знаменитого историка) оказались в тюрьмах и уже не вышли оттуда живыми.

Так где же, спрашивается, было "больше сторонников"? И не стыдно ли, тов. Сироткин, публиковать подобную дезинформацию?

* * *

"Черносотенный" епископ Антоний, говоря о кишиневских событиях, высказал отношение к погромам, присущее не только ему лично, но и русской Церкви в целом, — хотя бессовестные пропагандисты распространяли (и продолжают распространять) абсолютно клеветническое обвинение Церкви в "сочувствии" и даже чуть ли ни в содействии погромам.

Впрочем, нельзя не коснуться и другой — также клеветнической — версии, согласно которой погромы "организовывало"-де Российское государство, то есть конкретно — правительство. В первой действительно исследовательской работе, освещающей этот вопрос, — в уже не раз упомянутой книге В. А. Степанова, — на основе тщательного изучения архивных и других материалов сделан следующий вывод: "Нет сведений о прямой причастности правительства к этим (погромным. — В. К.) делам", и в то же время налицо многочисленные "документы, свидетельствующие только о желании

властей *немедленно* прекратить избиение вверенного их попечению населения"[7].

Правда, В. А. Степанов, на которого давят начавшиеся издавна "разоблачения" мнимых правительственных "инициаторов" погромной вакханалии, все же допускает возможность неких — пока, мол, не обнаруженных — сугубо "тайных" действий власти в этом направлении. Слишком велика была обработка умов, чтобы можно было — даже после тщательного исследования — освободиться от много лет вдалбливаемой версии, — пусть и воистину нелепейшей.

Нелепа она хотя бы уже потому, что для всякой власти *опасны* и, в конечном счете, *гибельны любые* насильственные акции самого населения. В высшей степени характерно, что противоеврейские погромы начала 1880-х годов действительно стремилась подтолкнуть и разжечь отнюдь не власть, а, напротив, главная *революционная* организация тех лет — партия Народной воли, о чем писал, например, Ю. И. Гессен: "...судя по партийному органу, члены партии считали (и правильно считали! — В. К.) погромы соответствующими видам *революционного* движения; предполагалось, что погромы *приучают народ* к революционным выступлениям; некоторые члены Исполнительного Комитета (Народной воли. — В. К.) изготовили 30 августа 1881 года прокламацию, призывавшую к разгрому евреев" (т.12, с. 617—618).

Между тем правительство сразу же после первого погрома 1881 года издало циркуляр, где о погромщиках говорилось, как об опасных преступниках, которые "впадают в своеволие и самоуправство... Подобные нарушения порядка не только должны быть строго преследуемы, но и заботливо предупреждаемы: ибо первый долг правительства охранять безопасность от всякого насилия и дикого самоуправства" (там же, с. 615). Как уже сообщалось, во время погромов 1880-х годов вызванными войсками были убиты 19 погромщиков и множество из них ранены. А в Уложении о наказаниях, как уже говорилось, была введена специальная статья о погромщиках.

Что же касается кровавых событий 1903 года в Кишиневе, *сотни погромщиков* были после них осуждены, а представители местных властей во главе с губернатором были с позором отправлены в отставку — прежде всего за то, что не обеспечили своевременных и решительных действий военной силы для пресечения погрома.

И вот, несмотря на эти очевидные и бесспорные *факты*, до сего времени чуть ли ни господствует основанная на различных слухах и совершенно сомнительных "документах" (вроде якобы перехваченных кем-то "секретных инструкций") версия, согласно которой погромы организовывало правительство, отдавая-де тайные приказы местным властям. Пропагандистов сей версии не смущает даже то, что за допущенные погромы эти самые местные власти достаточно сурово наказывались (и тем не менее в других местах именно власти якобы продолжали готовить новые погромы!).

Нельзя не отметить, что мнение о "правительственной" организации погромов нередко пытаются обосновать, ссылаясь на сочувствие погромам со стороны каких-либо *отдельных* лиц, причастных власти. Однако полная несостоятельность такого подхода очевидна, ибо в составе тогдашних властей имелось множество отдельных людей, сочувствовавших *Революции*, что, понятно, не дает оснований считать власть организатором Революции (так, например, революционерам оказывал немалую помощь — что давно уже точно выяснено — директор департамента полиции в 1902—1905 годах А. А. Лопухин; именно он, кстати, "разоблачал" тех отдельных правительственных лиц, которые вроде бы были готовы способствовать погромам).

И остается только поражаться доверчивостью тех, кто не способен отвергнуть пропагандистские фальшивки о правительственном "руководстве" погромами, сфабрикованные в целях *дискредитации* Российской власти, — что было обязательной и постоянной задачей всех революционных и либеральных идеологов.

Уже упомянутый действительно серьезный еврейский историк Ю. И. Гессен писал в 1926 году, что само по себе "возникновение в короткий срок на огромной площади множества погромных дружин (речь шла о погромах 1880-х годов. — В. К.) и самое свойство их выступлений *устраняют* мысль о наличии единого организационного центра"[9]. Да, при честном и элементарно разумном подходе "устраняется" даже и *сама мысль* о правительственной (да и какой-либо иной) организации погромов, но для бесчестных или глупых это, как говорится, не указ.

Реальная причина погромов — в описанном выше (на основе, кстати сказать, работ еврейских историков) тяжелом и в сущности неразрешимом экономическом конфликте, так отчетливо проявившемся в 1903 году в Бессарабской губернии. Конечно, к экономическому конфликту могли примешиваться — и примешивались — идеологические, религиозные и чисто бытовые моменты, но корень все-таки — в финансово-торговой сфере.

Завершая разговор о нелепости версии, согласно которой погромы инспирировались правительством, напомню еще

раз, что после того, как Бессарабия оказалась под властью Румынии, погромы там не только не прекратились, но приобретали подчас более ожесточенный характер. В обобщающей статье на эту тему, опубликованной в 1931 году, говорится о противоеврейских погромах в Бессарабии: "Первая волна... прокатилась в 1919—1920, вторая — в 1925. Наконец, уже при правительстве... Маниу (пришло к власти в 1928 году. — В. К.) имел место ряд еврейских погромов"[9].

Это лишний раз показывает, что дело не в характере государства, а в описанном выше конфликте внутри самого населения.

* * *

Обратимся теперь непосредственно к проблеме соотношения погромов и "черносотенцев". Как мы видели, погромы начались в Российской империи в 1881 году, з а ч е т в е р т ь в е к а до создания первой "черносотенной" организации. Так что никак нельзя считать погромы "черносотенным" изобретением. Напомню и о безоговорочном, даже можно сказать, яростном осуждении кишиневских погромщиков, прозвучавшем из уст одного из корифеев "черносотенства" — епископа Антония Волынского.

Впрочем, с "черносотенцами" связывают главным образом или даже исключительно более поздние погромы 1905—1906 годов — то есть времени первой российской революции. И поскольку евреи (чего никак нельзя опровергнуть) играли огромную роль в этой революции, а с другой стороны, "черносотенцы" исповедовали непримиримо антиреволюционные убеждения, как-то само собой возникла своего рода а к с и о м а: погромы 1905—1906 годов организовывали "черносотенцы" (или даже, более того, целиком их осуществляли).

Погромы, разразившиеся в октябре 1905 года, далеко превзошли все предшествующие (разумеется, если говорить о погромах в Российской империи); жертвы исчислялись с о т н я м и. И вина за них приписывается "черносотенцам" — хотя надо прямо сказать, ровно никаких сколько-нибудь достоверных сведений об этом н е с у щ е с т в у е т, их просто н е т.

Наиболее четкая и достаточно подробная информация о погромах 1905—1906 годов дана в специальной статье о них, принадлежащей Д. С. Пасманику. Статья написана в 1912 году, когда все сведения еще можно было получить от очевидцев, а с другой стороны, уже прошло необходимое для изучения фактов время. Д. С. Пасманик (1869—1930) — один из виднейших еврейских политических и научных деятелей того времени, автор более десятка книг и множества статей, посвященных экономическим и социологическим проблемам. На его статью о погромах 1905—1906 годов опирались позднее все действительно серьезные исследователи, касавшиеся этой темы.

"17 октября 1905 года, — писал Д. С. Пасманик, — был опубликован Высочайший манифест, обещавший новое государственное устройство, а с 18 октября начались погромы... Погромы в разных местах произошли почти одновременно: между 18 и 29 октября... Погромы были произведены в 660 городах, местечках и деревнях, и так как в некоторых местах погромы повторялись, то всего погромов было за 12 октябрьских дней 690... Главным образом погромы происходили в южной и юго-западной частях черты еврейской оседлости. В северо-западном крае, где процентное отношение еврейского населения очень высокое, погромы крайне редки, а в некоторых губерниях... совершенно отсутствовали (об этой стороне дела речь пойдет ниже. — В. К.)... После октябрьских дней погромы произошли... в Тальсене, Белостоке и Седлеце"[10]. (это уже было в следующем, 1906 году).

Д. С. Пасманик дал здесь же анализ причин октябрьских погромов: "Мелкая буржуазия... играла главную роль в эти ужасные дни... Здесь, очевидно, действовал антисемитизм на экономической почве... Она (мелкая буржуазия, то есть прежде всего торговцы. — В. К.) имела в виду одно: уничтожить ненавистного конкурента... В некоторых местах стимулом служило обвинение евреев в революционности, а в б о л ь ш и н с т в е случаев — простое желание воспользоваться чужим добром... Крестьянство участвовало в погромах исключительно в целях обогащения на счет еврейского добра"... (с.619—620).

Здесь следует добавить, что своего рода "оправданием" грабежа еврейского имущества в глазах погромщиков служило, конечно же, мнение о евреях как "грабителях" основного населения (см. выше).

Итак, Д. С. Пасманик пришел к выводу, что октябрьские погромы имели "экономические" причины, а роль "пускового механизма" сыграл манифест 17 октября, который — как показано во множестве свидетельств и исследований — создал в стране всеобщую атмосферу безвластия, вседозволенности, безнаказанности, которые, кстати сказать, гораздо, даже неизмеримо сильнее, нежели в погромах, выразились в различных р е в о л ю ц и о н н ы х акциях.

Сейчас уже трудно представить себе многообразные разрушительные последствия этого манифеста. С. А. Степанов привел специфический, но очень выразительный пример: кадет В. А. Маклаков

вспоминал о собрании, состоявшемся 18 октября 1905 года не где-нибудь, а в Московской консерватории(!): "В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом "на вооруженное восстание". На собрании читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом" (!)(с.50). В такой общественной атмосфере, захватившей даже и консерваторию, неизбежно должны были обнажиться все — в том числе и не очень уж обостренные, подспудные — конфликты, и именно потому разразилось столь громадное количество погромов.

Д. С. Пасманик недвусмысленно констатировал: "Нельзя приписать октябрьские погромы исключительно определенной организации". Правда, он счел нужным отметить тут же, что "Ф. Львов в газете "Наша жизнь" доказывал наличность организации, во главе которой стоял один известный генерал". Речь шла о статье либерального деятеля Ф. А. Львова, который пытался приписать широкомасштабную организацию погромов семидесятишестилетнему (!) генералу от инфантерии в отставке Е. В. Богдановичу (1829—1914), принадлежавшему к "правым" кругам.

Но в наше время С. А. Степанов провел, по его собственному определению, "расследование" и установил, что созданная этим генералом "дружина хоругвеносцев" имела чисто декоративное назначение, и нет никаких (цитирую С. А. Степанова) "следов черносотенной организации, якобы игравшей роль застрельщицы... Следует признать, что в распоряжении исследователей пока нет достоверных данных о существовании единого центра, руководившего погромами" (с. 70, 71). Поскольку в массе всякого рода сочинений утверждается (совершенно голословно), что "черносотенные" партии организовывали или даже вообще целиком осуществляли октябрьские погромы, С. А. Степанов, как видим, все же не без осторожности оговорил, что, мол, "пока нет достоверных данных".

Дело в том, однако, что если подобный "центр" и существовал, то он никак не мог быть "черносотенным", ибо все такие "центры" возникли в то время, когда волна погромов уже прошла!

В "Еврейской энциклопедии", подготовленной, как мы не раз имели возможность убедиться, стремящимися к объективности авторами, есть специальная статья "Союз русского народа" (соответствующий том — на "С" — вышел в 1912 году), в которой этой политической организации дана, понятно, весьма негативная оценка (на этом мы еще остановимся), но нет даже и намека на то, что Союз русского народа причастен к противоеврейским погромам (см. т. 14, с. 519; статья начинается словами "Союз возник в конце 1905 года", — а ведь погромы разразились в октябре).

Опубликованные в те времена материалы, посвященные "черносотенцам", вообще, надо сказать, более правдивы, нежели позднейшие, — уже хотя бы потому, что неудобно было преподносить заведомо лживые сведения о совсем недавно совершившихся событиях (позднее, после 1917 года, многие уже не стеснялись врать напропалую).

Так, более или менее правдив с этой точки зрения весьма подробный обзор событий 1905-го и последующих трех лет, написанный в 1909 году левым кадетом В. П. Обнинским (о данной его объемистой книге под названием "Новый строй" уже не раз упоминалось). Отметив, что "свобода", дарованная манифестом 17 октября, "застала большую часть населения неподготовленной к ее восприятию", Обнинский именно этим объяснял "крайние решения... справа и слева" (с. 8) — то есть в том числе и вал погромов. А далее он выразил своего рода глубокое удивление по поводу того, что за "крайними решениями справа" — то есть погромами — не просматривается никакой "организации": "...если влияние слева, — писал Обнинский, — не отрицается политическими партиями, поставившими на своих знаменах вполне определенные надписи (скажем, "Долой самодержавие!" — В. К.), то вопрос о воздействии справа и доселе (то есть в 1909 году. — В. К.) не потерял своей остроты и таинственности. Дело в том, что в дни 18—30 октября не существовало партий правее конституционно-демократической, и будущие кадры так называемых "монархических" организаций находились еще в распыленном состоянии".

Недоумение Обнинского вполне понятно. Ко времени его работы над книгой уже давно и постоянно выкрикивались обвинения в адрес Союза русского народа и "черносотенных" партий вообще — голословные обвинения в организации погромов. Но Обнинский стремился объективно осветить движение событий и никаких доказательств правоты этих обвинений не находил. Изучив реальный ход дела, он констатировал, что только "за полгода, отделявшие Думу (она открылась 27 апреля 1906 года. — В. К.) от манифеста (17 октября 1905 года. — В. К.), успели образоваться так называемые "монархические" партии, не менее радикально, чем крайние левые, настроенные и заимствовавшие у последних большую часть тактических приемов" (с.18).

Из этого следовало, понятно, что "монархические" партии никак не могли организовать октябрьские погромы 1905 года, поскольку сами не были еще "организованы", не существовали

как способные к какому-либо действию силы.

Правоту В. П. Обнинского подтверждает и вторая наиболее солидная работа, затрагивающая интересующую нас тему. Это обширная глава В. Левицкого под названием "Правые партии", вошедшая в изданный в 1909—1914 годах в Петербурге пятитомный коллективный труд "Общественное движение в России в начале XX века". В. Левицкий — псевдоним эсдека В. О. Цедербаума, родного брата лидера меньшевиков Л. Мартова (Ю. О. Цедербаума); понятно, что ни о каком "обелении" изучаемых им "черносотенцев" В. Левицкий и не помышлял. Тем не менее он доказывал, что до 1906 года "практика" всех "черносотенных" сил (цитирую) "ограничивалась устройством замкнутых членских собраний", "сводилась преимущественно к закрытым "беседам", не имея ничего общего с "широкой устной агитацией"[12].

"Черносотенцы" начинают выходить за пределы чисто "кружкового" существования лишь в самом конце 1905 года: В. Левицкий говорит, в частности, о Союзе русского народа: "...вербовка им в члены рабочих началась после декабрьского поражения 1905 года" (декабрьское революционное восстание было подавлено к 20 декабря). И особенно важная информация: Союз русского народа "начинает свою погромную агитацию после взрыва революционерами харчевни "Тверь" за Невской заставой в Санкт-Петербурге 27-го января 1906 года".

К этому "взрыву" мы еще вернемся; пока же отметим, что к октябрьским погромам 1905 года Союз русского народа, согласно выводу В. Левицкого, никакого отношения не имел; он не только не организовывал их, но даже и не "агитировал" за них.

Конечно, до и во время издания работы В. Левицкого высказывались и совсем иные мнения; но это были только чисто эмоциональные приговоры, не подкрепленные хоть какими-либо фактами. Однако постоянно повторяемые выкрики со временем приобретают мнимую "достоверность". И в 1919 году серьезный, казалось бы, еврейский историк С. М. Дубнов счел возможным написать, что в октябрьских погромах 1905 года "участвуют организующиеся "черные сотни"... Здесь полоса погромов достигает своего крайнего полюса (то есть наиболее мощного проявления. — В. К.), к которому примыкают еще два кровавых погрома 1906 года — в Белостоке и Седлеце... Оба они были делом уже организованного Союза русского народа"[13]. (С. М. Дубнов не упоминает еще один, последний погром в Тальсене, по-видимому, из-за его незначительности).

В результате возникает по меньшей мере странная картина: в октябре 1905 года погромы достигают прямо-таки невероятных масштабов (их, по подсчетам Д. С. Пасманика, было около 700!), хотя "черные сотни" — только еще "организуются", а после того, как они "уже организованы", происходит всего 2 или, точнее, 3 погрома (начиная с 1907 года погромов уже вообще не было, если не считать позднейшего военного — то есть по самой своей сути погромного — времени, когда громилась вся Россия вообще).

Помимо этого, нельзя не заметить, что Белосток и Седлец (Седльце) — это чисто польские города (а Тальсен — ныне Талсы — латышский), которые после 1917 года стали (и сейчас являются), естественно, городами возрожденной Польши, и те. части их населения, к которым мог апеллировать Союз русского народа, были весьма небольшими (основное население этих городов относилось к Союзу русского народа заведомо враждебно). Кстати, "в широком масштабе еврейские погромы устраивались лишь в независимой Польше"[14], то есть после, а не до 1917 года.

Словом, суждения С. М. Дубнова никак не выдерживают проверку фактами. Но, увы, в позднейшее время все вообще погромы были многократно объявлены "делом Союза русского народа" (С. М. Дубнов-то все же утверждал, что в 1905 году "черные сотни" пока еще только "участвуют", а не всецело управляют погромами) без какого-либо разграничения "организующегося" и "уже организованного" Союза.

Это стало, повторяю, как бы совершенно не нуждающейся в доказательствах аксиомой. Наиболее, пожалуй, удивителен тот факт, что в позднейших сочинениях, затрагивающих вопрос о погромах, нередко есть ссылки на работы В. П. Обнинского и В. Левицкого (работы, во-первых, заведомо "античерносотенные", во-вторых, написанные тогда, когда все выводы можно было проверить и, наконец, работы достаточно основательные), однако действительное содержание этих работ попросту игнорируются.

Так, например, в 1977 году историк Л. М. Спирин, похвалив работу В. Левицкого за то, что в ней содержится "большой фактический материал", утверждает тем не менее, что монархисты-де "возглавили погромы"[15] — хотя никакого "фактического материала" об этом не имеется...

* * *

Впрочем, если быть, как говорится, точным до конца, в работе В. Левицкого "черносотенцы" и погромы все-таки связывались друг с другом, ибо Союз русского народа после 27 января 1906 года начал, по его словам, "свою погромную агитацию". И здесь перед нами открывается существеннейший и по-своему прямо-та-

ки замечательный аспект дела.

В. Левицкий как бы предъявляет Союзу русского народа тяжелый упрек. Сначала он вроде бы даже с сочувствием упоминает о том, что (цитирую) "1-й номер "Русского Знамени" (газета Союза русского народа. — В. К.) вышел 27 ноября 1905 года со следующим программным заявлением от редакции: "...Довольно крови и насилий!" (с. 397). Однако ровно через два месяца, сообщает В. Левицкий, "27 января 1906 года взорвана революционерами харчевня (вернее, чайная. — В. К.) "Тверь" за Невской заставой в Санкт-Петербурге, где в то время происходило заседание рабочих-черносотенцев; в результате 2 убито и 6 тяжело ранено (в их числе видный черносотенный рабочий Лавров), а всего 18 пострадавших... "Русское знамя" начинает свою погромную кампанию сразу после взрыва... Газета посвящает этому событию несколько статей, в одной из которых говорилось: "Видно силен Союз русского народа, если революционеры уже начали бросать бомбы в чайные заведения... Народ разыщет убийц!.. Пусть же сами пеняют потом на себя" (статья П. Булацеля). В таком же духе, — продолжает В. Левицкий, — пишется ряд статей и произносятся речи на п о х о р о н а х у б и т ы х... погромный тон черносотенных писаний слышится все явственнее. 29-го марта Аполлон Майков (сын поэта) у г р о ж а е т на страницах "Русского знамени": "Трепещите, когда народ русский станет плечом к плечу..." Нет возможности перечислить все подобные у г р о з ы и погромные п р и з ы в ы на столбцах черносотенных газет... После покушения на Столыпина — на Аптекарском острове (12 августа 1906 года; 27 человек убито, 32 ранено, в том числе дети. — В. К.) — Союз русского народа снова начинает г о в о р и т ь о народном самосуде" (с. 397, 409, 434. — Разрядка моя. — В. К.).

Из подобной риторики и был вылеплен "страшный" образ Союза русского народа ("у г р о ж а е т", "у г р о з ы", "п р и з ы в ы" и т. п. — об этом "способе" запугивания "черносотенцами" уже не раз шла речь выше). В. Левицкий не мог привести н и о д н о г о факта, свидетельствующего об "организованных" Союзом русского народа погромах, ибо понимал, что было бы просто несерьезно, даже нелепо напрямую связывать взрывы у Невской заставы и на Аптекарском острове с событиями в далеких польских Белостоке и Седлеце (а других погромов после 1905 года не было) как якобы ответными акциями "черносотенцев".

Но суть дела, собственно, не в этом. Казалось бы, любой нормальный человек, прочитав рассуждения В. Левицкого, должен был прийти в состояние полнейшего недоумения: революционеры беспощадно у н и ч т о ж а л и множество людей, а главным "обвиняемым" выставляется все же "Русское знамя", осмелившееся над могилами погибших всего только п р и г р о з и т ь убийцам неким грядущим народным возмездием. Но что поделаешь — такой уж удел "черносотенцев": их с л о в а преподносятся как нечто гораздо более опасное и жестокое, нежели бомбы революционеров.

Да и мало кто замечает, что само понятие "погром" было беззастенчиво переадресовано — оно применяется не к действительным разнузданным погромщикам, а к мнимым. В 1905—1907 годах бесчисленные сокрушительные погромы устраивали вовсе не "черносотенцы", а красносотенцы. Тот же В. Обнинский свидетельствовал: "Фабрикация бомб приняла гомерические размеры... Мастерские бомб открываются во всех городах... Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями и памятниками русским генералам и кончая церквами" (с.156) — не говоря уже о погромах т ы с я ч дворянских усадеб.

Как констатировалось в предыдущей главе, "зафиксирован" только один случай, когда "черносотенцы" попытались применить бомбы (заложив их в дымоход квартиры Витте), но и тогда им пришлось прибегнуть к помощи обманутых ими революционеров...

И в высшей степени показательно, что В. Левицкий, поставивший задачу заклеймить "черносотенцев", смог — так как тогда, вскоре после событий, неловко было попросту фантазировать — обвинить их всего лишь в "угрозах"...

Но самое замечательное, пожалуй, состоит в том, что Союз русского народа не только не организовывал, но и никогда не "планировал", не "замышлял" противоеврейских погромов. Мне могут возразить, указав на наличие тех или иных тогдашних листовок, в коих можно усмотреть побуждение к погромам (о некоторых из таких листовок еще пойдет речь). Но отдельные безответственные экстремисты характерны для любого общества, находящегося в состоянии смуты. Что же касается самого Союза русского народа как организации, н и к а к и х действительных призывов к погромам от его имени никогда не было. Об этом, кстати сказать, неопровержимо свидетельствует и работа В. Левицкого: если бы прямые "черносотенные" призывы к погромам существовали, автор, вне всякого сомнения, привел бы их; но он процитировал только тексты, выражающие веру в грядущее возмездие, которое ожидает чудовищных революционных убийц.

Более того: В. Левицкий, стремясь

быть объективным, сообщает, что Союз русского народа не раз выступал с самым резким осуждением противоеврейских погромов — правда, вместе с тем утверждая, что погромы порождены экономической практикой евреев. Так, председатель Главного совета Союза русского народа А. И. Дубровин заявил, что евреи "своими преступлениями довели до преступления русский народ" (с. 434), — то есть недвусмысленно определил погромы как преступление. Весьма выразительно и официальное заявление Союза русского народа от 10 ноября 1906 года:

"Союзу русского народа в лице его Главного совета и местных отделов до сего времени приходилось прилагать немало усилий к тому, чтобы предотвратить проявления дикого насилия и самосуда (выделено мною. — В. К.; вот действительная "черносотенная" характеристика погромов!) со стороны угнетенного евреями и крайне негодующего населения, особенно в Юго-Западном крае, и таким образом евреи в некоторых случаях обязаны мирным исходом недоразумений исключительно сдерживающему влиянию Союза русского народа" (с. 434).

Кто-нибудь скажет, конечно, что это-де хорошая мина при дурной игре, и что делая такого рода публичные жесты, "черносотенцы" в то же время, мол, тайно организовывали погромы. Однако реальное положение вещей ясно говорит о другом. И Обнинский, и Левицкий доказывали, что Союз русского народа начал свою "агитацию" лишь в 1906 году; но в этом году, как мы видели, состоялись только три погрома в Польше и Латвии, а в Юго-Западном крае, где Союз русского народа действительно пользовался очень большим влиянием, погромов тогда не было вообще (в отличие от октября 1905 года). Так что реальная ситуация подтверждает процитированное заявление Союза русского народа или уж, в крайнем случае, не опровергает его.

* * *

В заключение целесообразно возвратиться к проблеме октябрьских — то есть совершившихся еще до образования "черносотенных" организаций — погромов. Как уже говорилось, В. П. Обнинский усматривал в них "таинственность": никакие организации за ними не стоят, а размах погромных акций и количество жертв громадны...

Современный исследователь, С. А. Степанов, тщательно анализируя результаты погромов, столкнулся с еще одной "загадкой": выяснилось, что в ходе октябрьских погромов погибли 1 622 человека, и евреев среди погибших было 711 (то есть 43%), а ранено было 3 544 человека, и в их числе 1 207 евреев (34%)(с. 56, 57). Стремясь понять, почему это так, С. А. Степанов пришел к следующему выводу: "Погромы не были направлены против представителей какой-нибудь конкретной нации" (с. 57). Позднее в беседе с корреспондентом он заявил еще более категорически: "...вы допускаете распространенную ошибку, называя погромы еврейскими... Погромы совершались... против революционеров, демократически настроенной интеллигенции и учащейся молодежи" [16].

Но это, без сомнения, неосновательное умозаключение уже хотя бы потому, что в большинстве захолустных селений, где в октябре 1905 года разразились погромы, попросту не имелось тех "категорий" людей, которые перечислены С. А. Степановым, а если и имелись, то в совершенно незначительных количествах.

Иную "разгадку" дает в своей уже широко известной книге "Бесконечный тупик" (1989) Д. Е. Галковский. Он исходит, в частности, из сообщения очевидца октябрьского погрома в Одессе — Исаака Бабеля:

"Евреев били на Большой Арнаутской... Тогда наши вынули... пулемет и начали сыпать по слободским громилам".

Д. Е. Галковский комментирует эту цитату из Бабеля так: "Пулемет. В 1905 году, когда только-только поступил на вооружение (пулеметы вообще были употреблены впервые в англо-бурской войне 1899-1902 годов. — В. К.). Громилы били (кулаками), а по ним сыпали (из пулемета...) Ну, что же, не было погромов? Были, конечно были, — иронизирует Д. Е. Галковский. — Были еврейские погромы. В 80-х годах прошлого века их называли антиеврейские погромы. А потом приставка "анти" куда-то отвалилась. Так что были погромы. Еврейские. Вооруженные до зубов еврейские погромщики, часто в униформе, хладнокровно расстреливали... Или специально учиняли беспорядки, провоцировали русское население...

Михаил Мандельштам, — цитирует Д. Е. Галковский, — изгаляется в своих послереволюционных мемуарах: "Кишиневский погром показал евреям, что на государство они рассчитывать не могут... и в следующем по очереди, гомельском, погроме (29 августа 1903 года. — В. К.) мы уже встречаемся с правильно организованной еврейской самообороной.... Погром начали вышедшие из железнодорожных мастерских рабочие... на место действия прибежала еврейская самооборона. Ее выстрелами толпа погромщиков была рассеяна".

То есть, — резюмирует Д. Е. Галковский, — это ничто иное, как "расстрел безоружных рабочих..." (примечание № 538).

Со многим в этих суждениях нельзя согласиться, ибо вопрос о "пределах необходимой самообороны" исключительно сложен. Но представление о погромах — или хотя бы их части — не только как об "односторонних" нападениях, но о нападениях, которые в какой-то момент превращались нередко в "двустороннюю" схватку, в сражение, где к тому же побеждала другая сторона, — по-видимому, верно. Этим и объясняется тот факт, что во время октябрьских погромов 1905 года людей других национальностей погибло и было ранено значительно больше, чем евреев.

Но здесь же следует искать и разгадку самого этого невиданного размаха и накала октябрьских погромов, так удивлявших В. П. Обнинского, задававшегося вопросом об их "организаторах".

Прежде всего следует обратить внимание на опять-таки загадочный факт: Д. С. Пасманик, собравший сведения о 690 октябрьских погромах, указал и все 660 мест, где они происходили. И нетрудно заметить (хотя это до сих пор почему-то не было сделано), что 545 из этих мест расположены на сравнительно небольших территориях империи, прилегающих к Киеву и Одессе. На этих территориях жило менее 20 процентов еврейского населения Российской империи, а между тем именно здесь в октябре 1905 года произошло более 80(!) процентов всех погромов, и именно на этих территориях совершилось подавляющее большинство убийств. Кстати, и сам Д. С. Пасманик, как было отмечено, обратил внимание на ни с чем не сравнимое обилие погромов в указанных регионах, но не дал этому какого-либо объяснения.

В книге С. А. Степанова собраны сведения о том, что как раз в Киеве и Одессе, а также в окрестных городах и селениях имели место особо сильные и решительные действия еврейской "самообороны" (хотя сам автор книги, так же, как и Пасманик, не сделал из этого каких-либо выводов). Он сообщает, например, что в Киеве "сыновья Л. И. Бродского (известный сахарозаводчик-миллионер. — В. К.) застрелили из винтовок двух и ранили трех нападающих (в том числе по ошибке убили помощника пристава, охранявшего дом)", причем, "власти ограничились легким порицанием" (с. 60).

Зная об этом, уже не удивляешься цифрам, представленным в сборнике материалов о погромах, изданном С. М. Дубновым и Г. Я. Красным-Адмони: в октябре 1905 года в Киеве "во время погрома убито было 47 человек, в том числе 25% евреев" — то есть 12 человек (с. 293; лиц других национальностей, следовательно, 35 человек).

В городе Стародубе (между Киевом и Брянском), как сообщает С. А. Степанов, "явилась еврейская организация самообороны, состоящая из 150 человек молодых евреев, и револьверными выстрелами разогнала толпу громил" (с. 65); слово "разогнала" (часто еще говорилось: "рассеяла") — это, конечно же, не очень точное "определение", это, скорее, эвфемизм, ибо пули ведь отнюдь не только "разгоняют"... Были и превентивные меры "самообороны": "В черносотенные шествия в Одессе были брошены три бомбы. Охранка установила личность одного из покушавшихся... Им оказался анархист Яков Брейтман" (с. 54).

Из этого ясно, что в резких суждениях Д. Е. Галковского есть своя правота. Он пишет, в частности: "...с одной стороны винтовки, а с другой — кулаки, с одной стороны сознательно организованная провокация, с другой — стихийная вспышка". А С. А. Степанов сообщает, что "11 мая 1905 года (то есть еще за полгода до погромов. — В. К.) в Нежине, уездном городе Черниговской губернии (в 120 км от Киева. — В. К.) были задержаны Янкель Брук, Израиль Тарнопольский и Пинхус Кругерский, которые разбрасывали воззвания на русском языке: "Народ! Спасайте Россию, себя, бейте жидов, а то они сделают вас своими рабами". Одновременно с этим в Чернигове сионисты-социалисты распространяли воззвания на еврейском языке, призывавшие "израильтян" вооружаться. В октябре 1905 года они шли на демонстрациях под знаменами с надписями "Наша взяла", "Сион"... (с. 58).

Как уже сказано, более 80 процентов октябрьских погромов 1905 года произошло "вокруг" Киева и Одессы, где, очевидно, были сильные центры еврейского сопротивления (а подчас, как выясняется, и превентивного действия). Сопротивление, в свою очередь, порождало ответные вспышки. Отсюда и удивляющее обилие погромных "очагов" в этих регионах. Свою роль, без сомнения, сыграли и те провокации, о коих сообщает С. А. Степанов.

Не буду гадать о целях, которые преследовали эти провокации, но уже сами по себе они свидетельствуют, что проблема погромов более сложна и многозначна, нежели обычно полагают: мол, страшные громилы набрасываются на совершенно беспомощные и как бы не ожидавшие ничего подобного жертвы.

Все вышеизложенное отнюдь не означает, разумеется, что "виноваты" были одни евреи. А. И. Дубровин справедливо назвал погром "преступлением русского народа" (пусть оно и несовместимо по своим масштабам и жестокости с теми аналогичными преступлениями народов Западной Европы, о коих говорилось выше). И речь идет не о перекладывании вины на евреев, но лишь о том, чтобы выработать объективные представления

о погромах в России и, в частности, показать, как использование евреями современного боевого оружия превращало п о г р о м ы (в собственном смысле этого слова) в с р а ж е н и я, приводившие к сотням жертв.

Вместе с тем совершенно ясно, что урон, понесенный евреями в России, был несоизмеримо меньшим, чем урон, выпавший на их долю в аналогичных ситуациях в странах Запада. Возможно, это объясняется самим национальным характером восточных славян (Д. С. Пасманик упомянул, что те же самые крестьяне, которые грабили евреев, спасали их при угрозе убийства).

В связи с этим целесообразно сказать еще о ложности широко пропагандируемого представления, что погромы привели к повальной эмиграции, к б е г с т в у евреев из России (как когда-то с Запада), — главным образом в США. С первого взгляда может показаться, что это действительно так: ведь в 1880—1890-х годах из России выехало (по подсчетам ЕЭ) примерно 550 тысяч евреев, а в 1900—1913 — около 860 тысяч (то есть эмиграция в о з р а с т а л а). Естественно возникает соблазн видеть в этом п о в т о р е н и е того, что произошло в конце Средневековья с евреями Западной Европы, перед которыми стояла дилемма: либо быть уничтоженными, либо бежать в Восточную Европу.

Но едва ли такое сравнение сколько-нибудь уместно. Во-первых, несмотря на свою громадность, эмиграция все-таки даже и не уменьшила еврейское население Российской империи; оно продолжало расти. Как показано в ЕЭ, эмигрировали в 1880—1913 годах в среднем 50 тысяч человек в год (то есть приблизительно 1 процент еврейского населения), и все же (цитирую) "эмиграция, однако, не в силах поглотить весь годичный прирост населения (еврейского. — В. К.), исчисляемый примерно в 1,5—2%",, — то есть рождаемость обеспечивала прирост на 75—100 тысяч человек в год (в полтора—два раза больше эмиграционного "убытка"!) (т. 16, с. 265).

Во-вторых, — и это наиболее важно — эмиграция в своей основе явно была вызвана не погромами, а совсем иными причинами. Это неоспоримо доказано специалистом в данной области К. Форнбергом (И. Х. Розенбергом). Он родился в 1871 году в России, а с 1903 года жил в США, продолжая тесно сотрудничать с еврейскими учеными России. Опираясь на знание ситуации и в США, и в России, он подготовил скрупулезное исследование о еврейской эмиграции, в котором доказал, что нельзя "объяснить эту эмиграцию исключительно или даже г л а в н ы м о б р а з о м политическими причинами" (ЕЭ, т. 2, с. 239).

Правда, если исходить из содержания его исследования в целом, станет ясно, что даже и эта формулировка неточна и вызвана давлением пропагандистской версии о бегстве евреев из "погромной" России; "политическими причинами" нельзя объяснять эмиграцию евреев из России не только "главным образом", но нельзя вообще. Ибо ведь К. Форнберг убедительно доказал (в том числе с помощью наглядных схем-диаграмм), что в конце XIX — начале XX века эмиграции р о с т евреев из России в США целиком и полностью с о о т в е т с т в о в а л росту их тогдашней эмиграции в США вообще (то есть из л ю б о й страны) и, более того, росту в с е й европейской (а не только европейских евреев) эмиграции в США (так, в 1880—1890-х годах в США эмигрировало в целом 8,5 млн. человек и в том числе 550 тыс. российских евреев, а в 1900—1913 — 13 млн. человек и в том числе 860 тыс. российских евреев; таким образом, рост эмиграции в целом и еврейской — почти одинаковый: на 53% и на 56%).

Но дело не только в этом. К. Форнберг показал, что "еврейская эмигрирующая масса п о ч т и ц е л и к о м состоит из б е д н я к о в" (т. 2, с. 244). И особенно выразительны такие данные: в Российской империи т о р г о в ц ы составляли 38,6(!) процента еврейского населения; между тем в числе эмигрантов в США торговцев было всего-навсего 0,9 процента!

88,2 процента эмигрантов составляли мелкие еврейские ремесленники и люди, находившиеся "в личном и домашнем услужении"; а между тем в составе у ж е "н а т у р а л и з о в а в ш е г о с я" еврейского населения США торговцев было 29,3 процента. Это означает, что многие прибывавшие в США ремесленники и прислуга добивались здесь своих целей (т. 2, с. 244).

Хорошо известно, что именно торговцы были первыми и главными жертвами погромов; более всего громились магазины, шинки и лавки. Но, оказывается, как раз торговцы-то, в сущности, вообще не эмигрировали из России (менее одного процента эмигрантов...).

Все это не значит, что погромы вообще не влияли на тех или иных отдельных эмигрантов; однако К. Форнберг убедительно доказал, что м а с с о в а я эмиграция евреев из России в США вызывалась все же другими причинами, — прежде всего специфическими "возможностями", присущими тогдашней экономической ситуации в США, где "шанс" разбогатеть был намного более вероятным, нежели в России.

* * *

Итак, погромы, имевшие место в Российской империи, невозможно, немысли-

мо сопоставлять с "катастрофами", пережитыми в свое время евреями Западной Европы, когда вопрос стоял категорически — либо бегство, либо гибель — и когда, по сведениям ЕЭ, погибло 380 000 человек, 40 процентов тогдашнего мирового еврейства. В России же погибло менее 1 000 человек; но и это явно было обусловлено схватками погромщиков с еврейской "самообороной", схватками, в которых к тому же погибло б о л ь ш е погромщиков, нежели евреев (кстати, никаких сведений о сопротивлении евреев во время их западноевропейской катастрофы нет; по-видимому, оно было абсолютно невозможно).

Достаточно часто погромы в России "сопоставляют" с другой, позднейшей катастрофой, пережитой евреями Европы в период господства германского нацизма. Это, прямо скажем, наглейшее сопоставление несопоставимого; ведь в 1940-х годах погибло — по разным подсчетам — от 4 до 6 миллионов евреев (то есть от 40 до 60 процентов еврейского населения Европы) и "ставилась задача" их полного уничтожения. Между тем в российских погромах, нередко превращавшихся, как мы видели, в с р а ж е н и я, погибло менее одной тысячи евреев (то есть 0,0002 процента евреев России) и примерно столько же людей других национальностей.

И все же это сопоставление стало излюбленным занятием многих профессиональных русофобов...

Один из наиболее влиятельных из них — живущий в США Уолтер Лакер — считает почему-то нужным присылать мне свои сочинения. В одном из них он пишет, что-де "Kozinov one of the most eloquent and erudite spokesmen of Russian party"[17]; однако у меня нет никаких оснований вернуть ему комплимент — пусть даже и с указанием на его принадлежность к "Anti-Russian party".

Этот "русовед" объявляет, например: "Что касается "окончательного решения еврейского вопроса", то Пуришкевич предлагал переселить евреев в районы Колымы и к Заполярному кругу, тогда как Марков считал, что все евреи "до последнего" должны быть перебиты в предстоящих погромах. Союз (русского народа. — В. К.) внес свою лепту в воплощение этой идеи в жизнь, организуя жестокие погромы"[18].

Когда и где внес свое "предложение" Пуришкевич, Лакер не сообщает; Марков же, по лакеровским словам, высказал свою "идею" ни много ни мало во время "выступления в Думе 18 апреля"! (год в статье Лакера не указан, а что касается месяца, правильней было бы написать не "апреля", а "мартобря").

Перед нами уникальная по своей развесистости клюква. Так, в дореволюционные времена Колыма была поистине экзотическим местом, и те из сосланных туда людей (а там побывало до 1917 года н е с к о л ь к о д е с я т к о в ссыльных), которые написали воспоминания — например, известный этнограф В. Г. Богораз-Тан — рассказывали о своей колымской жизни прямо-таки с великой гордостью. Сама мысль о переселении на Колыму м и л л и о н о в евреев могла возникнуть в чьей-либо лихой голове никак не ранее конца 1930-х годов или даже позднее, когда была сложена ставшая знаменитой песня, где восклицается:

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа новой планетой!..

Словом, приписывание сей мысли умершему в 1920 году Пуришкевичу — смехотворный анахронизм.

Даже если бы Марков действительно заявил нечто подобное на заседании Думы, с Таврического дворца от вопля возмущения слетела бы крыша, а текст марковского выступления цитировался бы бессчетно; между тем он почему-то известен только Лакеру и некоему жившему в 1930 годах в США А. Б. Тагеру — Лакер отсылает нас к его книге с чисто большевистским названием "The decay of Czarism" ("Загнивание — или крах — царизма"), изданной в Филадельфии в 1935 году.

Как сообщалось выше, председатель Главного совета Союза русского народа А. И. Дубровин печатно квалифицировал убийство евреев во время погромов как "преступление русского народа"; между тем профессиональный лгун У. Лакер считает допустимым внушать своим читателям, что член этого самого Главного совета Н. Е. Марков в то же самое время требовал развернуть колоссальную кампанию погромов, в ходе которой должны быть уничтожены пять миллионов евреев! Да, уж, как говорится, бумага все терпит...

И, наконец, о Союзе русского народа, который-де воплощал в жизнь идею уничтожения евреев "до последнего", "организуя жестокие погромы". Как ни удивительно, У. Лакер здесь же ссылается на авторитетную, по его мнению, работу В. Левицкого (Цедербаума), о которой не раз шла речь выше и в которой говорится только о "погромной а г и т а ц и и" Союза русского народа (какова была эта "агитация", мы видели), но нет буквально ни слова об "организованных" им р е а л ь н ы х погромах: ведь В. Левицкий недвусмысленно констатирует, что п о с л е создания Союза русского народа и начала его "агитации" "еврейские погромы сменяются частичными избиениями черносотенцами отдельных лиц" (с. 434), — имелись в виду убийства Герценштейна, Иоллоса и Караваева.

Казалось бы, Лакер должен был прислушаться к сообщениям этого современника событий, на работу коего он доверительно ссылается; однако его задача — пропаганда мифа, вернее, блефа, согласно которому деятели Союза русского народа — прямые, непосредственные наставники и воспитатели германских нацистов. И ради этого Лакер готов прибегнуть к любым выдумкам и фальсификациям.

Что же касается самого этого блефа — о нем пойдет речь в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Jnquisition and Society in Early Modern Europe. — London, 1987, p. 10—25.

2. Гессен Ю. История еврейского народа в России. — Москва — Иерусалим, 1993, с. 217—218; он же. Погромы в России. — ЕЭ, т. 12, с. 612 и след.

3. См. Материалы для истории антиеврейских погромов в России, т. II. Восьмидесятые годы. — Пгр. — М., 1923, с. 529—542.

4. Материалы для истории антиеврейских погромов в России, т. I. — Пгр., 1919, с. 135—137.

5. "Литературная учеба", 1992, №1—3, с. 114—115.

6. Материалы для истории антиеврейских погромов в России, т. I, с. 354—35, т. 5.

7. Сироткин В. Так кто же раскручивает "кровавую карусель"? — В кн.: Резник С. Кровавая карусель. — М., 1991, с. 209, 214. — Разрядка моя. — В. К.

8. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). — М., 1992, с. 68.

9. Малая Советская Энциклопедия, т. 6. — М., 1931, с. 627—628.

10. Еврейская Энциклопедия, т. 12, с. 618, 622; в последней цитируемой фразе я опустил упоминание о том, что погром произошел в 1906 году еще и в Гомеле — притом здесь же дана такая отсылка: "см. Гомельский процесс, Евр. Энц. т. 6, с. 666—667". По-видимому, слово "Гомель" вставил не автор статьи — весьма точный человек, — а какой-нибудь редактор, не обративший внимания на тот факт, что в 1906 году завершился судебный процесс по делу о гомельском погроме, а сам-то погром состоялся еще в 1903 году (см. указанную в 6-м томе статью ЕЭ).

11. Обнинский В. Новый строй. — М., 1909, с. 8. — Разрядка моя. — В. К.

12.. Левицкий В. Правые партии. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX-го века — т. III, кн. 5. — СПб, 1914, с. 392.

13. Материалы для истории антиеврейских погромов в России. т. 1, с. XII.

14. Малая Советская Энциклопедия, т. 6, с. 628.

15. Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). — М., 1977, с. 92, 171.

16. "Родина", 1992, №2, с. 19.

17. Laqueur Walter. Stalin. The Glasnost Revelations. — N. Y., 1990, p. 247.

18. Лакер Уолтер. Россия и Германия: столетие конфликта. — "Проблемы Восточной Европы", Вашингтон, 1990, №29—30, с. 151—152, 206.

Продолжение следует

ВСТУПЛЕНИЕ

1922 год был годом запланированного Лениным нового и широкомасштабного натиска на Православную Церковь. По "законам революционного времени" и до этого "ликвидировали" епископов и священников, оскверняли и закрывали сотнями храмы, монастыри и часовни, глумились ежедневно над тысячелетней народной верой. Однако с окончанием гражданской войны вождь решил нанести Церкви сокрушительный удар, о чем, не стесняясь, поведал своим соратникам в известном ныне закрытом письме по поводу трагических событий в Шуе.

Показательный процесс над петроградским митрополитом св. Вениамином и большой группой верующих стал главным событием в чудовищном ленинском плане, целью которого было надолго запугать православное население России. Как мы ныне знаем, изъятие церковных ценностей на нужды голодающих Поволжья было только внешним предлогом, да и сами ценности пошли главным образом на финансирование подрывной революционной деятельности за границей и проведение денежной реформы в стране. После разгрома Белой армии Церковь казалась Ленину основным внутренним врагом, не сломив или подчинив которого большевикам не удастся установить над народом полный идейный контроль.

О процессе митрополита Вениамина напечатано в последние годы довольно много документальных свидетельств. Однако каждое новое бесценно как для истории в целом, так и для истории Русской Православной Церкви, ибо расстрелянные митрополит и его соузники причислены Церковью к лику святых. Для будущего полного жития святителя и соузников-новомучеников публикуемые отрывки из дневника митрополита Григория (Николая Чукова) будут, несомненно, очень важным источником, так как автор сам был в числе обвиняемых, тоже был приговорен к смерти. Сам жанр дневника позволил запечатлеть жуткую в своей повседневности реальность.

...Немного у нас еще воспоминаний, написанных о гонениях на Церковь самим духовенством. Этим воспоминаниям почти всегда присуще особое настроение, исполненное духом милосердия, кротости и смирения перед Божьей волей. Есть оно и в записках митрополита Григория, хотя их нельзя назвать "духовным дневником" или "исповедью" перед ожидаемым концом. Вера настолько глубоко наполняет автора, что не нуждается в ежеминутной демонстрации — она пронизывает каждое действие, каждую мысль. Нет поэтому в записках ни сетований, ни жалоб, скорбного уныния, ни ужаса перед неизбежным.

Чукову повезло — из камеры смертников он был переведен в обычную, а затем через полтора года отпущен по амнистии на свободу и вскоре был назначен настоятелем Никольского собора в Ленинграде, каковым остался до своей высылки весной 1935 года в Саратов. Арестовывался он, конечно, и в этот период, но ненадолго и без тяжких последствий. Скорее всего его спасало то, что маститый протоиерей и богослов был и в эти годы близким сотрудником митрополита Сергия (Страгородского), который на правах заместителя Патриаршего Местоблюсти-

теля управлял Православной Церковью, опираясь на достигнутый с безбожной властью хрупкий компромисс.

Незадолго до урегулирования Сталиным отношений с Церковью, в результате чего митрополит Сергий был в сентябре 1943 года избран Патриархом, для овдовевшего и жившего в провинции его давнего и принципиального единомышленника начался период взлета. Епископ, архиепископ и, наконец, в течение десяти лет, до самой кончины, митрополит Ленинградский и Новгородский. Многочисленные поездки за рубеж, подчас с очень деликатной миссией, неутомимая деятельность на посту председателя Учебного комитета, регулярные богослужения и проповеди в храмах Ленинграда. Владыке Григорию (это имя он получил, когда стал епископом) особенно много и весьма успешно — в рамках возможного и дозволенного — пришлось потрудиться над восстановлением возвращенных храмов и возрождением духовного образования. И делал он это с умом, энергией и целеустремленностью.

Во всей этой деятельности ему весьма пригодился очень богатый опыт служения Церкви. Хотя Чуков происходил из торгово-мещанской, а не духовной среды, он после окончания гимназии в Петрозаводске поступил в местную семинарию, избрав на всю жизнь служение священника, педагога и церковного деятеля. В 1891 юноша стал студентом Петербургской Духовной академии и вскоре начал выступать с беседами среди рабочих, что помогло ему развить свой незаурядный дар проповедника. Завершив через четыре года обучение, Чуков вернулся в родные края, и началась его плодотворная работа как священника и епархиального наблюдателя церковно-приходских школ. За 15 лет работы наблюдателем молодой батюшка объездил и исходил пешком всю "Олонию", открыв 308 школьных библиотек.

В 1911 году сорокалетний Чуков был назначен ректором родной семинарии и тут проявил свой врожденный талант и церковного просветителя, и организатора. Казалось, судьбой ему определено навсегда заниматься этим любимым делом в провинциальном Петрозаводске. Но тут грянул большевистский переворот... И Чукову приходится в 1918 году переселиться в Петроград и стать священником университетской церкви.

Запретив все духовные школы, большевики заставили Церковь искать новые виды подготовки священников. Чуков вместе с другими участвует в создании Богословского института и в течение нескольких лет руководит им. Власти институт закрыли, но через два года вместо него возникают Высшие Богословские курсы, и снова их возглавляет Чуков. И не только возглавляет, но и преподает на них, успевая одновременно исполнять обязанности настоятеля Казанского собора и самым активным образом бороться с обновленческой ересью, которую открыто поддерживали советские власти и ГПУ, желавшие таким образом ослабить традиционное Православие.

После смерти Патриарха Тихона, когда обстановка в Церкви стала очень сложной, Чуков выступал обычно в поддержку сторонников компромисса с советской властью. Несмотря на это, много пришлось ему и его семье претерпеть мытарств и притеснений.

Однако никогда не падал духом Николай Чуков. Господь даровал ему силы мужественно переносить все выпавшие на его долю испытания и скорби. Даже когда он ждал расстрела.

В. Антонов

Митрополит ГРИГОРИЙ (Николай Чуков)

ПЕТРОГРАДСКИЙ ПРОЦЕСС 1922 года

ДНЕВНИК

2/15 мая 1922, понедельник.

Идут тяжелые дни, снимается иконостас собора, несмотря на распоряжение из Москвы о приостановке. И не найти права!<...>[1]

Очевидна мысль: поскорее снять иконостас и поставить Центр перед свершившимся фактом, и — конец! Так это случилось уже с ракой: в пятницу разобрали, а в субботу пришла телеграмма<...>.

3/16 мая 1922, вторник, 12 часов ночи.

Совершилось! Иконостас и царские врата уже почти разобраны или, вернее, — разрушены. Ничто не помогло. Вчера вечером пришло человек 25; собор был опять закрыт, работали до 5.30 и разрушили много<...>.

Сегодня с утра я все ждал ответа из Москвы. Около 12 дня каких-то два молодых человека приходили в собор и сообщили, что есть благоприятная телеграмма относительно царских врат. Около 2-х часов приносят телеграмму на имя Жукова от Ятманова с извещением, что около 3-х часов придут он и Бакаев, что до тех пор не приступать к снятию царских врат. Тут же приложена и телеграмма Ятманову с сообщением копии посланной телеграммы в Смольнинский губисполком и Бакаеву: "Снятие церковных врат Казанского собора задержать. 15.5.1922. Калинин".

В 3 часа явился Ятманов, за ним Бакаев, и сразу отдал приказание "снимать". Первый раз видел его. Глаза бегают, хитрые, подозрительные; странная привычка хихикать; властные тона; полная несговорчивость — ни на какие уступки и резко непримиримое отношение ко всему, что касается какого-нибудь послабления в пользу Церкви. При осмотре предметов и икон все зарегистрированное непрестанно требовал передавать в Эрмитаж. Никакие просьбы не действовали. Ввиду того, что он велел отправить в Эрмитаж многое из выкупленного уже (свыше 5 пудов!), я пытался выкупить боковые царские врата — не согласился ни за что! Явилась мысль уже после его ухода выкупить весь оклад около чудотворной иконы. Не знаю, согласится ли завтра...

Завтра, в 2 часа, опять начнут работы! Скорее бы кончали. И нравственная пытка и физическая усталость чувствуется наконец от всего происходящего<...>.

5/18 мая 1922, четверг, 11 часов утра.

Сейчас пришел от ранней литургии и с требы (причащал больного). Приехал староста, осведомил его кратко обо всем происшедшем с воскресенья.

Вчера, в третьем часу, снова явились, на этот раз со слесарями, и занялись снятием риз с местных икон обоих приделов и царских врат там же. Разрушение иконостаса продолжалось. Весь орнамент, представляющий действительно тонкую, художественную работу, отрывается, меняется, потому что свозиться будет не в Эрмитаж (куда уж царские врата назначены), а в Горфинотдел. Вечером работали матросы. Отрывание и сдирание производились штыками и шашками. Бронзовые звездочки на арке так отрубали, что они летели через весь правый алтарь к Голгофе... Не было аппарата увековечить этот вандализм и отношение "русских" людей к своему художественно-историческому памятнику.

Вчера в Эрмитаж, в дополнение к отнесенным некоторым сосудам, евангелиям и крестам, — еще 2 креста, 4 евангелия и дарохранительницу 1730 г., дар Императрицы Анны Иоанновны.

Не понимаю этого акта иначе, как определенное гонение на Церковь: почему необходимо брать все мало-мальски художественное непременно в Эрмитаж, если есть полная возможность поставить эти вещи на учет и периодически устраивать выставки, на которые и брать их. А то непременно требуют напрестольный крест, рипиды, посох, потому, что они "работы парижского мастера Ажи", ризу (даже с иконой) Тихвинской Божией Матери, ризу с Ченстоховской иконы Божией Матери. Последнее я уж и совсем не понимаю: цельность впечатления получают от ризы с иконой, а без иконы риза... совсем не то. Опять же — это исторический памятник, присланный Кутузовым в 1813 году. Почему надо убирать его из Казанского собора?!

Пережил тяжелый момент, когда Ятманов с Бакаевым осматривали собор и, намечая ризы в Эрмитаж, а (за компанию...) иконы для реставрации (какая связь всего этого с помощью голодающим?), подошли к чудотворному образу. Риза, конечно, не могла остановить их внимание, но сравнительная древность иконы заставляла опасаться, особенно ввиду резко проявленной тенденциозности осматривавших. Я объяснил, что это икона — времени Пожарского, что подлинный образ в Казани украден, что "ничего особенного" в смысле иконописном не представляет, словом, всячески старался отвлечь их внимание и поскорее перевести на другие иконы. Удалось кое-как, хотя в этот момент подошел ключарь, и я очень боялся, что он распространится относительно трещины. Тогда не избежать бы реставрации, а может быть, и оставления в музее. То же случилось с чтимой иконой св. Николая, оставили на месте, заинтересовавшись только ризой...

---

1 Первые записи Дневника посвящены изъятию реликвий из Казанского собора, где Н. Чуков был в то время настоятелем.

К окончательному ужасу моему присоединился еще и общий: вчера в "Правде" помещено сообщение об "отречении" Патриарха, проводится параллель между этим и отречением Государя, сообщается, что временно управление Церковью берет на себя группа прогрессивных священников. Надо ждать дальнейших сообщений, чтобы понять происходящее. Но роль Введенского, еп. Антонина и иже с ними — преступна.

6/19 мая 1922, пятница, 1 час дня.

Слава Богу! Наконец, вчера к 5 часам вечера закончили "изъятие", сложили все в нашу кладовую и ушли. Картина неприятная. Народ в значительном числе, любопытствуя, приходил весь вечер, пока я служил всенощную до 8 часов.

С главного иконостаса снято все: остались местами медные посеребренные листы, дерево в отверстиях от винтов и гаек, местами испорченное штыками, проломанное, местами выворочены доски, которые потом, по окончании работ, были восстановлены<...>.

Вчера вечером был у Аксенова, делились впечатлениями и мыслями. Рассказал ему обо всем нашем соборном по порядку. О заключенных — все по-старому, освободили Озадовского. Ко мне приходил Л. И. Гиринский, желающий организовать защиту из православных. Суд вероятен в конце будущей недели. По-видимому, хотят сосредоточить все дела по изъятию ценностей и одновременно к ним присоединить и дело о заключенных членах правления Общества приходов. Расчет такой: тут ничего серьезного нет, там вообще на других можно выехать и в общем соорудить "грандиозный" процесс церковников. Недаром Бакаев говорил мне в соборе, что до 75% священников будут привлечены...<...>

9/22 мая, понедельник, 12 часов ночи.

Вчера жена заходила к о. Бычкову, только что освобожденному. Говорит, что ему предъявляется обвинение в агитации против изъятия ценностей, в распространении писем Митрополита в Исполком, в участии в заседании Пасхальной недели. Между прочим спрашивали о том, что говорит прот. Сопетов. Заключенные интересуются, предпринимает ли что-либо Правление в отношении их. Жена ответила, что 1) я писал Митрополиту о личном ходатайстве пред Зиновьевым, но безрезультатно, 2) организовал помощь заключенным, 3) организую защиту их. Больше что-либо можно сделать? А правление созывать и нельзя, так как Отдел Управления предполагает закрыть Общество в административном порядке.<...>

11/24 мая, среда, 10 часов вечера.

Весь день томился ожиданием разрешения открыть собор. Все ничего. Пришел в собор и там ждал. Все было приготовлено для всенощной. Является И. И. Петров и сообщает, что район не имеет права, а в Смольном Бакаева не застал. Я попросил съездить на дом (Галерная, 21—2). Приезжает быстро оттуда и сообщает, что не разрешил и, видимо, недоволен за то, будто бы мы сначала сняли хоругви, а потом вновь поставили их. Я возмутился такой неправдой, и решили трое: я, Сотников и Н. Афанасьева — съездить лично объясниться и просить об открытии.

Приезжаем. Принял сурово. Я начал с очевидного недоразумения о хоругвях. "Следственная власть разберет". Я все-таки долго убеждал и, по-видимому, убедил, что ничего подобного не было: рассказал, как я все ждал посылки из района икон для хоругвий, как ждал указаний из отдела Музеев и не дождался, пока не пошел сам отыскивать Котова и предлагать ему на одобрение свой собственный план ремонта.

По вопросу об открытии собора остался неумолим<...>.

14/27 мая, суббота, 10 часов вечера.

<...>В пятницу, 13/26 мая, был у Митрополита. В лавре, на пути, догоняет о. Лев и сообщает "дурные вести". Митрополит увольняется на покой, приехал Введенский и привез эти вести. Иду дальше. В приемной много народа. Жду. Приходит Преосв. Венедикт. Ухожу с ним. Сообщает тоже: Введенский привез известие, что Митрополит увольняется на покой, ссылается в Олонецкую губернию; сейчас Введенский в лавре у Преосв. Алексия, с которым будто бы ведет переговоры о митрополии. Намечен им и Преосв. Николай.

У Митрополита получил сообщение, что Губкомпомгол меня не принимает: им нужен представитель от "прогрессивной группы Введенского". "Что мне делать?", — спрашивает Митрополит. "Никого не назначать, — отвечаю, — Вы назначили, а если им не угодно, пусть будут без представителя". Заговорили о Патриархе и Временном управлении. Я говорю, что необходимо извещение от Патриарха о назначении им Временного управления: тогда это можно считать каноничным и повиноваться. Заговорили о слухах касательно его самого. "Я не думаю отказываться". "Конечно!" — подтвердил я и, прощаясь, пожелал мужества и твердости.

Выхожу и у дверей встречаюсь с о. Введенским. Поздоровались. "Что у вас нового?" — спрашивает. Рассказываю про закрытие собора и пр. Затем начинает повествовать он, как в Москве он застал 53 человек осужденных, 11 человек к расстрелу, что Патриарх под строгим домашним арестом, арестованы все епископы. Они ("группа") добились у Калинина разрешения побывать у Патриарха. Тот встретил их любвеобильно. Пояснили ему затруднительность его положения в управлении Церковью. Он тут же написал заявление на имя Калинина, что в силу своего изолированного положения

он передает управление старейшему из иерархов Митр. Агафангелу Ярославскому или Вениамину Петроградскому.

С этим заявлением группа явилась к Калинину. Тот заявил, что в атеистическом государстве для них совершенно безразлично, как Церковь будет конструироваться в смысле внутреннего управления и кто будет управлять. Только будто бы сказал, что Вениамин для них неприемлем, что они отдают его под суд и проч. Один из делегатов съездил к Агафангелу и узнал, что тот не может явиться в Москву в силу нахождения под судом. Тогда они снова ("с большим трудом") испросили разрешение у Калинина на свидание с Патриархом и сообщили ему.

Он тогда передал управление Временному высшему церковному управлению в составе еп. Леонида, Преосв. Введенского, Красницкого и других с правом кооптации. И они кооптировали еп. Антонина, который явился председателем ВЦУ. Как бы в некоторое доказательство сказанного он показал мне и "мандат" — удостоверение, написанное на четвертинке от руки, но печатными буквами (!) за подписью "зампредседателя" — еп. Леонида. Я, читая, заметил, что важно иметь бумагу от Патриарха<...>.

Суббота. Утром писал было письмо Митрополиту о том, чтобы не созывал собрания духовенства и мирян, чтобы не отказывался от кафедры, чтобы настоял на доставлении от Патриарха бумаги и передачи им управления и чтобы никого не назначал в Губкомпомгол. Но... письмо Боря не мог передать — Митрополита не было дома, он был вызван в Ревтрибунал.

Утром староста принес повестку, вызывающую меня на Гороховую 4, к следователю Коршунову, комната № 31. Пробыл там 3 часа. По обычаю пошел, оставив дома часы и проч., будучи готовым даже и сесть. Записал, кто я, что и т. д. О политических убеждениях я говорил, что повинуюсь власти. "Всякой?" — "Да, всякой законной". — "Ну, как Вы относитесь к власти нынешней?" — "Я признаю народную власть". — "Значит, Вы республиканец?" — "Ну, если хотите так определять — да". Так и записал. Затем стал исповедовать по вопросу "о двух оппозициях в церкви". (Вообще, следователь — из очень простых, необразованных, говорит языком страшно тягучим, надоедает слушать.) Как я отношусь к прогрессивной группе, ее программе, ее реформам. Я ответил, что программы этой группы не знаю, вступление ее в высшее управление, если оно есть воля Патриарха, для нас законно; реформы церковной жизни, если они будут проведены законным путем, церковным собором, — также будут приемлемы.

Затем подошли к существу дела. Во-первых, дело в хоругвях. Бакаев сообщил что-то. Спрашивали, получил ли от Бакаева распоряжение о снятии хоругвей 16 мая? Нет, говорили час о снятии риз как "монументальной агитации". Когда сняты они? 24 мая, в 1 час дня, немедленно по получении письменного распоряжения, а до того я все время ждал возвращения икон, чтобы поставить их, не трогал хоругвей ввиду их большой тяжести. Сколько было богослужений за это время и сколько раньше? — Ежедневно три. Сколько народу посещает? Утром — 20—25, вечером — до 10, в праздники — несколько сот. — А в последнее время, возможно, несколько больше вследствие распространившихся слухов о снятии иконостаса. Вот и все...

Собор открыли; народ уже ждал у входа, и сразу началась всенощная. Я простоял половину и, крайне уставши, ушел домой. Обедал сегодня в 9 часов вечера. Приходил ко мне Иван Павлович, сообщил, что из 1-го городского района приходил днем Мичурин и составил акт о закрытии Общества приходов. Аминь. Ликвидировано учреждение, объединявшее приходы, дававшее определенный тон церковной жизни, составлявшее мнение церковного общества Петрограда, бывшее пульсом церковной жизни!

Конечно, спайка внутренняя осталась, связь не порвется, но ввиду событий времени, пожалуй, лучше, что оно закрылось: безопаснее для отдельных лиц<...>.

16/29 мая 1922, понедельник.

Вчера, в воскресенье, служил в Никольском морском соборе. Служили — Владыка Митрополит, Преосв. Алексий, Преосв. Венедикт и были деятели организации двух благочиний под руководством П. П. Мироносицкого. За литургией, после Евангелия, Владыка Митрополит сказал слово о единении и прочитал послание свое к петроградской пастве об отлучении от общения церковного прот. Введенского и священников Красницкого и Белкова, на основании 13-го правила двукратного Собора, как и всех, кто будет продолжать с ними церковное общение, — впредь до раскаяния.

Акт — большой, чреватый последствиями. Во время литургии это послание было переслано Митрополитом в Захарьевскую церковь, где, как говорят, батюшки, послушав, разоблачились и ушли (это было во время причастного стиха), а о. Введенский вышел с чашей к народу и, сообщив о полученном от Митрополита отлучении, сказал, что кто смущается этим, пусть не подходит к св. Чаше, а кто не смущается, пусть приобщается. Толпа отхлынула и причастились только 4 человека. Затем он говорил очень долго слово, в котором оправдывал себя и обвинял Митрополита и, как говорят, вступил вообще на протестантский путь, отрицая важность епископата... Насколько правда это, пока трудно говорить<...>.

30/17 мая 1922, вторник, 3 и 7 часов.

Допрос с 8 с четвертью до 11 часов у следователя Нестерова<...>. Мерой пресечения предъявлен арест в 3-м исправительном доме. Камера — одиночная.

Туда же направлены были Союзов и Бычков<...>.

Пришли. Конвоиры славные. Встреча тоже ободряющая: бумагу о нашем аресте от души хлопнул на стол принимавший...

Поместили на ночь в общей камере (96). Кое-как трое на одной койке без матраца прикорнули. Рано-рано поднялись. Тоскливо<...>.

После обеда нас развели по отдельным камерам. Лучше одному, выспался, можно сосредоточиться, обдумать — что нужно. Сообразил, что и как говорить на суде. Приходил отделенный. Сказал, что привезли поодиночке в автомобилях с Гороховой, в строгое заключение. Ожидается всего будто бы 49 человек духовенства. Хорошо работают прогрессисты духовные! Говорят, Введенский сам приезжал с солдатами арестовать Митрополита!..<...>

Вечер первого дня.

Последний обход, и все начинает успокаиваться. Спокойствие и на душе. Вчера ночью и утром, под влиянием бессонной ночи и впечатлений от предъявленного обвинения в организации противодействия изъятию церковных ценностей — слишком большое обвинение и очень опасное в связи с событиями дня, — чувствовалось большое беспокойство и мрачные мысли приходили в голову: расстрел и мысли о семье, принудительные работы и т. п. Сейчас, когда поуспокоился, обдумал обвинение, спроектировал даже защитную речь, — на душе лучше. О расстреле также продолжаю думать — воля Божия! Жаль только семьи, не вставшей на ноги, жаль жены, не привыкшей жить с детьми в ином — зависимом положении, жаль Веруси, еще совершенно не поднятой на ноги. Господь их не оставит. Направление детей хорошее; Царица Небесная да хранит их! А я, если это Господу угодно, могу идти к Нему. Жизнь прожита не без пользы. Дай, Бог, детям поработать в жизни для общества так же, как работал их отец.

1 июня / 19 мая 1922 г. Четверг.

<...>Сегодня ночью или вчера вечером привезли к нам еще 6 человек, а сегодня еще 6, всего будто бы 12 человек. Есть Дернов; слышал, как вызывали ночью Пищулина. По словам служащего, автомобили по городу все возят батюшек... Все это, по словам о. Союзова (со слов на свидании), чтобы не читали в церквах послания о Введенском, и, будто бы Нестеров говорил, чтобы посаженные "не пороли горячки", что их изолировали для этой цели. Возможно, только меня-то, вероятно, еще и за Правление. Хотя все-таки странно — почему не раньше.

По слухам (тоже со "свидания" Союзова), Митрополит низложен, управляет епархией Алексий; Боярский официально примкнул к группе Введенского (вероятно, привезена из Москвы копия резолюции Патриарха). Так дожили до переворота и в Церкви. Как-то все это ею переживется. Беда, если реформаторы перейдут меру и зарвутся. Отпадение от Церкви, постепенное охлаждение к вере — вот к чему может это привести. Атеистической власти, по-видимому, этого и нужно. А наши ей помогают. Ужели сознательно? Хочется думать, что прельщены иными целями — помимо честолюбия — даже своеобразно понимаемым "благом" Церкви<...>.

3 июня / 22 мая 1922 г. Суббота. Утро.

<...>Вчера вечером прочитал номер "Правды" от 2 июня и там одна сплошная ложь: мы выпускали воззвания, организовали на местах ячейки для противодействия властям, влияли на Митрополита!.. При такой бесцеремонной лжи вполне возможна подтасовка и осуждение до самых крайних мер<...>.

Суббота, вечер, около 8 часов.

<...>Леонид Дмитриевич Аксенов пишет, что с ночи на вечер Митрополит, Преосв. Николай и Иннокентий разделяют нашу участь (на Гороховой). Преосв. Алексий снял отлучение от Введенского, дабы облегчить положение заключенных. В частности, ему было обещано мое освобождение. Боюсь надеяться<...>.

Читал по молитвослову вечернюю службу и праздничную, потом псалмы, особенно применяемые в настоящем положении — 22, 41, 90, 26<...>.

Вчера ночью, в 3 часа, приезжал следователь и вызывал на допрос о. Сергия. Старик испугался. Не мудрено — ночью, будто на расстрел. Как будто нет времени днем приехать! Удивительная тактика!

Все в церквах, а мы воздыхаем одни. Но духом все в Господе...

4 июня / 22 мая 1922 г. Воскресенье. День Св. Троицы. Около 7 час. вечера.

Сегодня день содержательный. Утром после чая прочитал по молитвослову всю литургию. Обдумывал защитную речь. Около 12 часов, когда готовился на прогулку, вызвали на свидание. Пришли Анечка с Ниной Никитиной<...>.

Аня подробно рассказала, что делалось за эти дни.

Вернувшись из Трибунала за вещами для меня, она застала трех субъектов, ожидающих меня с Гороховой. На заявление ее, что я уже арестован, они удивились, оставив красноармейца на кухне "в засаде". Обыска никакого не делали, хотя ордер на это был, и они отметили, что делали. Как объяснил после Бакаев, арест предполагался с Гороховой (вне зависимости от Трибунала), в связи с хоругвями. Засада утром была снята.

Днем Аня с Ниной были у Введенского, который принял их очень любезно, успокаивал, что ничто серьезное мне не угрожает, что если приговорят к принудительным работам, то прогрессивная группа возьмет меня на поруки. Оказывается, Преосв. Алексий уже говорил с Введенским о моем освобожде-

нии, указав на то, что он одинок, без советников, и что я своим тактом мог бы объединить обе стороны, и старую и прогрессивную...<...>

Здесь на прогулке увидел — Л. Парийского, И. М. Ковшарова, архимандрита Сергия и П. Левицкого. Дернова не видал. Пищулин и Бенешевич выпущены. Говорят, арестован в Лавре и о. Гурий. Преосв. Иннокентий будто бы не благословил о. Введенского на собрании архиереев в Лавре и теперь сидит за якобы какое-то восстание в Ладожском уезде, и, по словам Введенского, ему грозит самая тяжелая участь, может быть расстрел. Вот это нехорошо; тут непременно нужно не допустить этого в силу именно личного столкновения<...>.

5 июня /23 мая 1922 г. Понедельник. Духов день. Вечер.

Проверка прошла, все утихает. Я окончил (исп. текст. — *Ред.)*... Ужинать не хочется. Читал Тургенева, том 7. Думаю над своим положением и прихожу к мысли, как ко благу для меня все делает воля Божия. Даже вот этот арест.

1) На свободе сейчас настолько запутанное положение, и мое было бы так ответственно и рискованно, а натиск со стороны прогрессивной группы так несомненен, что отсутствие нас в данный момент, пока выяснятся обстоятельства, лично для меня —очень удачно: Сам Господь устроил. Жалею Преосв. Алексия. Сколько нареканий придется ему перетерпеть!

2) Самый арест мой в глазах всех меня реабилитирует, иначе могли бы быть всякие кривотолки и подозрения, почему именно и только я не сидел...

3) И все-таки лучше, что я сел сейчас, на какую-нибудь неделю, и именно на это время, а не раньше, со всеми, надолго, и когда многое еще было неясно.

4) И лучше, что меня арестовал Трибунал, а не Гороховая<...>.

5) К лучшему вышла и вся эта неприятная история с Бакаевым: он указал меня и про меня, и даже может оказать содействие, может быть.

Как все в конце концов и неприятное, и как будто скверное получается мудро ведущим ко благу. Поистине, слава Богу всегда за все, что бы ни случилось, ибо и дурное на наш взгляд, надо верить, всегда идет к нашему благу. Это несомненно, это верно.

24 мая /6 июня 1922 г. Вторник. Около 7 часов вечера.

...Сегодня прочитал послание еп. Алексия. Указывает на новые факты, вследствие которых подверг дело о Введенском пересмотру и снял отлучение. Тем не менее, по сообщению жены, вчера в Богословском институте было собрание духовенства Петрограда, на котором была вынесена резолюция:

1) Признать законность преемства еп. Алексия.

2) Поручить ему выяснить у Патриарха — полномочия Временного Высшего управления.

3) Поручить ему получить от Митрополита письменное выражение его взгляда на снятие Алексием отлучения.

4) Заявить лояльность и аполитичность духовенства и его непричастность к Карловацкому Собору.

5) Ходатайствовать пред Советской властью о взятии на поруки Митрополита и арестованного духовенства.

Как видно из резолюции, все-таки вопрос и после послания еп. Алексия взволновал. Да и конечно, все дело в документе от Патриарха. И я удивляюсь, что до сих пор Высшее управление не могло достать его<...>.

8 июня /26 мая 1922 г. Четверг. 9 ч. вечера.

Сегодня утром вручили обвинительный акт. Целиком помещено мое показание.

Нас 16 человек обвиняют сильно, других меньше, иных совсем слабо. Перемешаны и сбиты в кучу все: и организаторы, и агитаторы, и скрыватели... В общем, очень слабый акт, но статьи строгие: высшая мера наказания — расстрел<...>.

9 июня /27 мая 1922 г. Пятница. 10 ч. вечера.

Сегодня гуляли с двумя очередями. Я больше с отцом архимандритом Сергием — больше общего. Приходили ко мне Боря и Веруся.

Сообщили, что был Чепурин и рассказал, что следователь его спрашивал, насколько я близок к Митрополиту и влиянии на дела. Тот ответил, что — земляк и естественно близок, но что собственных дел у меня много и едва ли есть время заниматься сторонними. Спрашивал также, почему он, Чепурин, близок ко мне; известно, что в день ангела подарил мне 20 миллионов (!). Тот ответил, что не подарил, а поднес в день юбилея на Богословский институт и что вообще меня очень уважает.

Удивительная осведомленность. Меня, очевидно, подозревают во влиянии на Митрополита, отыскивая автора его обращений. Как удивительно ошибаются!<...>

Получил сегодня от Леонида Дмитриевича текст 62 и 119 статей, по которым мы привлекаемся. Статьи ужасные. 62 — влечет высшую меру наказания с конфискацией всего имущества; допускается при смягчающих обстоятельствах понижение до 5 лет строгой изоляции с конфискацией. При неосведомленности участника о конечных целях — 3 года.

119 статья — тоже высшая мера при военной обстановке, а иначе 3 года или, при неустановленности контрреволюционной цели, — 1 год.

Узнал и точную резолюцию Патриарха на доклады Введенского, Красницкого и Белкова об образовании ВЦУ и о современном положении Церкви.

Она такова:

"6/19 мая 1922 г. Поручается поименованным лицам принять и передать Высокопреосв. Агафангелу синодские дела при участии столоначальника Невского. Патриарх Тихон"<...>.

11 июня / 29 мая 1922 г. Воскресенье. Около 10 ч. утра.

Вчера был первый день суда, возвратились поздно, уставшие, и я, наскоро позакусив, уснул, отложив запись на сегодня. Официально суд назначен был в 3 часа дня; начался еще позднее, а между тем нас направили из тюрьмы (пешком, под конвоем) в 10 часов утра. Погода прекрасная, шли тихо (из-за сердечной болезни о. Союзова). По пути иные незнакомые кланялись, иные крестились, иные грустно качали головой, иные даже плакали. На площади перед зданием бывшего Дворянского Собрания уже собралась порядочная толпа, встретившая нас цветами (мне передали цветы и булку). Шум, плач. Увидел нескольких своих прихожан и взволновался.

Провели в общую. Там уже Митрополит и Преосв. Венедикт, которых привезли в автомобиле. Поздоровались. Несколько поговорили. Стали приходить из других тюрем, с "воли". В конце концов набралась целая комната....

Явились защитники, распределившие роли и подзащитных, беседовали с нами. Я с Юрием Петровичем попал к Гиринскому, который никаких указаний пока не озаботился дать<...>.

Явился суд, и начались предварительные формальности, отнявшие полдня. Всего 87 человек обвиняемых, 15 человек защиты, 4 обвинителя (Красницкий, Красиков, Лещенко и Драницын). Опрашивали каждого, и т. д.

Пока все шло прилично. Выделяются некоторые из адвокатов, как говоруны. Наш — слабоват, кажется. В один из перерывов, увидев Боярского, я коротко передал ему совет: непременно озаботиться получением полномочий от Митр. Агафангела. Он, по-видимому, уже думал об этом, потому что сразу сказал: "Да, да, хорошо". Это было бы примирение и некоторое разрешение вопроса, который, собственно, стоит в тупике и чреват большими последствиями: при неканоничности ВЦУ духовенство будет разделяться в его признании, а отсюда — раскол среди духовенства, раскол среди прихожан, соблазны, аресты и преследование непринимающих и многое тому подобное....

Окончилось все в девятом часу. Но мы до 10 часов толкались еще в комнате: все ждали автомобилей, ибо народу на улице — масса и идти — была бы манифестация. Говорят, Введенскому, который вышел из суда, толпа поранила камнем голову. Это скверно. Я говорил свободным священникам, чтобы в церквах сказали о вредности подобных эксцессов<...>.

13 июня / 31 мая 1922 г. Вторник. 8 ч. утра.

Вчера предполагали выехать в 10 часов, но из-за автомобиля вышли только в 11 часов и уже на полдороге сели. Суд начался около 1 часа и продолжался до 8 часов. Читали обвинительные акты, потом был опрос, признаем ли мы себя виновными, а затем в 6 часов 25 минут приступили к допросу Митрополита и допрашивали ровно час. Несомненно, не кончили и будут еще сегодня продолжать. На все вопросы он отвечал спокойно и дельно, никогда не запутываясь. Сущность ответов сводилась к тому, что он всегда власти подчинялся, стараясь постоянно быть в общении с паствой, он осведомлял и осведомлялся в Правлении, письма свои в Помгол оглашал к сведению, писал их сам... Председателю очень хотелось особенно сбить его на двух пунктах: сам ли он составлял и не было ли инспирирования от Правления, и не было ли распоряжения о распространении<...>.

14 / 1 июня 1922 г. Среда. 9 ч. утра.

Вчера поздно вернулись. Целый день мучили допросами Митрополита и только вечером, около часу, Юрия Петровича Новицкого.

Допрос Митрополита производили и суд, и обвинение, и защита. Приехавший из Москвы Смирнов (от обвинения) вел себя настолько хулигански, так издевался, так был настроен разбойнически, что я удивлялся терпению Митрополита. Защитник в одном месте прервал и указал на оскорбительность. После этого несколько тише стал<...>.

Юрий Петрович Новицкий очень подробно и хорошо осветил всю работу Правления. Что-то покажет сегодняшний день? Возможно, что после Новицкого могут вызвать меня, как товарища. Помоги, Господи!

15 / 2 июня 1922 г. Четверг. 10—11 ч. утра.

Вчера опять очень поздно приехали, около 11 часов вечера. Почти целый день допрашивали Ю. П. Новицкого. Потом Елачича. Первый — хорошо, второй — слабо показывал. Сегодня, пожалуй, меня. Как поможет Господь! Дал Гиринскому целый ряд вопросов для себя, чтобы на них я выявил все необходимое для своей защиты. Только неудачный защитник: размазня, вопросов кратко ставить не умеет и это все впечатление портит.

Обвинители несколько стихли, хотя иногда проявляют хулиганские выходки. Как-то поможет мне Господь?!

В суде масса передач, все что-нибудь дают. Третьего дня масса народа стала ждать выхода

Митрополита и, увидя его, запела молитву. Курсанты окружили, и всех, около 700 человек — на Шпалерную. Часть выпустили, часть — на принудительные работы... Вообще вечером, при нашем возвращении, по улицам масса войск и конных разъездов. А процесс — выеденного яйца не стоит.

16 / 3 июня 1922 г. Пятница. 10 ч. утра.

Вчера допрашивали меня. С утра продолжался допрос Елачича — слабо. Потом Ковшарова — порядочно, продолжался 2 с половиной часа. Затем блестяще прошел допрос Бенешевича, он поочередно своими ответами "усадил в лужу" каждого из четырех обвинителей, так что даже московские гастролеры стихли. Зал ожил, настроение приподнялось. В конце 8-го часа вызвали меня и полтора часа допрашивали. Волнуясь до допроса, я на самом допросе чувствовал себя совершенно спокойно, отвечал громко, с достоинством, уверенно, с обвинителями даже по временам резко, не давая спуску ни одному их замечанию<...>.

17/4 июня 1922 г. Суббота. 10 ч. утра.

Вчера пропустили довольно много. Особенно обрадовались обвинители, когда заполучили такого зверя, как архимандрит Шеин — действительный статский советник, член Думы, член Собора, националист. Драницын имел нахальство спросить, по внутренним ли искренним побуждениям он пошел в монахи. На это о. Сергий ответил: "Я считаю подобный вопрос для себя оскорбительным". Как ни возились, но ничего в сущности поделать не могли. Да и вообще, как выясняет следствие, ничего серьезного не вырисовывается.

Мое выступление накануне описано в "Правде" совсем не по правде; пристрастие настолько беспардонно, что я не ожидал: вместо того смелого, открытого и ясного выявления всего хода дела, какой я сделал, тут отпечатано, что я и смущался, и не отвечал, и "расплывался туманно" и т. п. Можно врать, но говорить совсем противоположное как будто и для советской "Правды" должно было бы быть зазорно<...>.

10 ч. вечера.

<...>Защитники (особенно Гуревич) очень умело ставят вопросы и освещают истинное положение дела. Конец сегодняшнего заседания оказался чрезвычайным. Говорил Кедринский. Пытали его, пытали, а в конце концов, когда речь зашла о "Живой Церкви" и отношении к ней, он взял да и выложил дословно фразу, сказанную Введенским на пастырском собрании, о том, что расстрел 5 священников в Москве был ответом на его отлучение, а здешний процесс в исходе будет зависеть от нынешнего пастырского собрания.

Поднялась суматоха, тем более что Кедринский сейчас же дал такое освещение делу, что это — клевета на Советское правительство. Слова занесли в протокол, обвинение заговорило о необходимости допроса Введенского, и т. д. Суд ушел для совещания, совещался полчаса. Обвинители вышли оттуда с видом, свидетельствующим о больших дебатах. Решено допросить — в свое время. Хорошо, что клин вбит в дело огромный.

18/5 июня 1922 г. Воскресенье. Около 8—9 ч. вечера.

Сегодня отдых; время проводим в тюрьме, отдыхая от сутолоки, табачного дыму и волнений, вызываемых нашими обвинителями, из которых Смирнов — какой-то дегенерат, нахал и по натуре и по виду — палач. Другой — Красиков, говорят, бывший помощник присяжного поверенного, алкоголик, пропивший совесть и потерявший стыд. Третий, Драницын — из духовного звания, бывший преподаватель, теперь "красный" профессор, дурак порядочный, чванный и тоже бессовестный. Четвертый, Крастин — наиболее приличный и приемлемый из всех<...>.

20/7 июня 1922 г. Вторник. 10 ч. утра.

Сегодня по случаю памяти Володарского и манифестации суда нет и мы свободны<...>.

Вчера суд продолжался целый день. С Правлением и благочинными покончено. Начались более мелкие дела. И подчас удивляешься, для чего люди привлечены, томятся по два месяца в тюрьме, часть из-за какой-нибудь глупой фразы, а то и вовсе без всякой причины.

Печальное зрелище представляют на суде наши старцы, вроде о. П. Виноградова: ничего не помнит, все перепутано, ничего не соображает. А тут еще Красиков специально занят только тем, что сбивает, не дает точно ответить, перебивает вопросы, а Смирнов расширяет смысл ответа, не дает уточнить. Словом, подтасовка и передержка идут во всем... И это-то называется отысканием истины!

Вчера узнал, что по распоряжению из района запрещается какое бы то ни было преподавание Закона Божия до 18 лет: беседы, лекции и проповедь — по представленному за три дня подробному конспекту (а проповеди — как было сказано на словах — и совсем); запрещаются без разрешения проводы покойников; требуется срочное представление описей оставшегося имущества; ежемесячное представление средней посещаемости мужчин, женщин и детей в церкви и ежемесячная отчетность о количестве браков, рождений и погребений. Словом, — стеснение до гонения, и это вопреки смыслу декрета об отделении Церкви от государства. Где же Введенский видит "блестящие перспективы" для Церкви при ее аполитичности и лояльности. Ведь и на "новую" — "Живую Церковь" так же будет распространяться это запрещение проповеди Закона Божия... Приходится только молиться и назидать богослужением<...>.

22/9 июня 1922 г. Четверг.

...Рассказывают невероятные вещи о поведении Белкова. Он с компанией явился к Преосв. Алексию с заявлением, что они — члены епархиального управления. Алексий на это заявил, что он никакого епархиального управления не знает, его не утверждал и на него не согласен. Произошло объяснение. При ссылке Алексия на верующий народ, с которым надо считаться, Белков заявил: "Духовенство мы подвергнем апробации, а народ — черт с ним!" Вот пастыри! Вот новая — "живая" Церковь. Как характерный штрих вчера сообщали из верных источников, что в распоряжение Белкова через Смольный переведено из ЧК 100 миллионов.

23/10 июня 1922 г. Пятница. Утро.

Вчера много пропустили подсудимых; иных спрашивали по 4—5 минут; к иным обвинение не нашло возможным ни одного вопроса предложить. Люди томятся по 2—3 месяца в тюрьме, а обвинение в конце концов не знает, что им предложить. Обнаружились кошмарные вещи: хватали направо и налево, кого вздумается, били рукоятками револьверов ни в чем не повинных людей, ругали отборной руганью только за то, что человек крестился на церковь, и т. д....

Жена сообщила вчера, что 62-я статья с меня снята будто бы, по словам Гартмана. Все-таки не улыбается сидеть 1—3 года в тюрьме без всякой вины<...>.

27/14 июня 1922 г. Вторник. 9 ч. утра.

Вчера в суде было дело с большими инцидентами. Допрашивался свидетель проф. Н. М. Егоров. Рассказал все прекрасно и обвинению не дал ничего. Обмолвился лишь в конце и, как оказалось, сам не сознавая, о воззвании к массам, о котором будто бы было решено на собрании 11 марта у Аксенова. Обвинение отождествило это с вторым письмом, и ввиду того, что Егоров был причастен всему делу приговоров, обвинило его и в активном участии в преступной организации и привлекло к суду, настояв на заключении под стражу. Сколько ни протестовала защита о невозможности такого рода перемены свидетеля в подсудимого, о терроре над священниками, ничто не помогло, и — Егорова арестовали.

Вторым допрашивался Заборовский, показывал хорошо, изложил всю правду относительно посещения Смольного, своей лекции. Обвинению тоже не дал никакого материала. Но в конце что-то намудрил относительно контрреволюционности в Церкви Русской, и хотя Гуревич его вывел потом и заставил объясниться, что он разумел Карловацкий Собор, но обвинение все-таки зафиксировало эту "контрреволюционность" Церкви в своих видах.

В конце произошел печальный инцидент. Обвинитель Смирнов (московский), нахал и хам, из булочников, натаскавшийся говорить, хотя и с большими неправильностями ("де́яния, коде́кс, в целя́х"), конечно, не воспитан и не разбирается в выражениях. Гуревичу он бросил обвинение в передергивании: тот, как и вся защита, протестовал, но ему все нипочем. Он не понимает оскорбления, заключающегося в этих словах, не понимает даже, что этот термин шулерский, как объяснил ему Бобрищев-Пушкин, и в сознании своей "невинности" нагло отстаивал свою правоту и свое право и в будущем прибегать к таким же терминам. Что поделаете с такой публикой...

Суд — сами коммунисты — конечно, в силу партийной дисциплины поддерживает своего, и вот — "справедливость"!.. Где тут святое имя правды? Возможно ли беспристрастие? И можно ли даже думать о том, что наша невиновность может обнаружиться на подобном суде?.. Конечно, нет. Совершенно ясно, что мы все, без тени вины, будем осуждены и осуждены жестоко, как враги пролетариата. И это я, я — вышедший из народа, сам все лучшие годы жизни употребивший на служение народу, на его просвещение...

Ну, значит, так надо для целей высших. Да будет воля Божия!<...>

1 июля / 16 июня 1922 г. Суббота. Утро.

Вчера нас позорили. Нарочно вход был без билетов, нарочно привели и командировали коммунистов на речь Смирнова. Этот московский гастролер ругался, кричал, стучал, грозил, в конце концов охрип. Кажется, натащил все ругательства. И лжецами, и обманщиками величал, и трусами, и чего-чего только не нашел в нас. Меня обличал в лицемерии и не простил мне правдивого и развязного тона, сказав, что я самым беспардонным, бесшабашным образом пытаюсь доказать то-то и то-то... В конце концов, разобрав Патриарха, Митрополита, Новицкого, Ковшарова, Шеина, Огнева, Чельцова, меня, Богоявленского, Карабинова, Зинкевича, Преосв. Венедикта, Петровского, Бычкова, Бенешевича, Парийского и Елачича, требовал ко всем этим 16 человекам высшей меры наказания. Половина зала аплодировала (что несколько раз делалось и во время речи). Председатель для виду позванивал и тихонько предупреждал о непозволительности аплодисментов...<...>

Крастин обвинял 54 человека. Говорил удовлетворительно, хотя не по-ораторски. Неожиданно я удостоился от него комплимента, который потом повторял и Жижиленко. Говоря об организации, Правлении, он приводил, какими силами кто обладал и — если бы эти силы пошли на другое дело, на службу народу?! "Вот Чуков — человек высокого ума, блестящий оратор, так тонко и красиво умевший показать здесь перед Трибуналом ход дела, что когда он садился на место, я задал себе вопрос, да за что же обвиняют этого человека?.. И вот такими силами обладала эта организация"...

После, вечером, Гиринский сообщил мне, что он беседовал с Крастиным и спросил, как понимать его — в худую или хорошую сторону? "Как угодно, — ответил он и добавил: — Вот действительно светлая личность, вот кому бы быть митрополитом, тогда не было бы таких процессов"... Вот где нашел себе почитателя и защитника!

Сегодня речи защитников, а там и наше последнее слово.

Вчера определенно сказал некоторым священникам — Тихомирову, Петровскому, — что ради спасения Церкви надо признать ВЦУ, надо принять резолюцию благочинных, надо войти в новый строй церковный. Просил пропагандировать<...>.

3 июля / 20 июня 1922 г. Понедельник. Утро.

Вчера суд продолжался с 12 до 7 часов. Выступали защитники<...>.

Новицкого и меня Равич очень хорошо защищал: без излишеств, в существенном, но ярко. В конце концов признал, что меня не за что судить, что в Правлении я — "блестящий оратор", никогда не выступал ("рта не раскрывал"), что 11 марта Владыка пригласил случайных лиц и в том числе меня, очевидно, разделяя взгляд обвинения на меня, как человека "высокого ума".

И больше о Правлении мне нечего приписать. Как священник, я честно и прямо сказал, что вывесил первое письмо, но указал и цель, и обстановку, и дальше ярко нарисовал, как я вел все дело для выполнения декрета. Как все духовенство, я был между молотом и наковальней, и надо было очень мудро провести это дело, "что и сделал". В результате не в чем обвинять<...>.

5 июля / 22 июня 1922 г. Среда. 1 час дня.

Вчера с утра отвечал Гуревич на реплики обвинителей, сказал сильно и красиво. Затем было предоставлено "последнее слово" подсудимым. Владыка сказал просто и хорошо. Ю. П. Новицкий предложил себя в жертву, если она нужна, чтобы не гибли другие. Бенешевич хорошо ответил Смирнову. Я очень горячо и с волнением сказал свое, так что когда сел, то сразу ударило в голову и началась сильная мигрень, продолжавшаяся до позднего вечера, пока в тюрьме не принял пирамидон. Так что с трудом слушал дальнейшие речи, из которых Кедринского и Акимова были удивительно неуместны: говорили о плодотворности своей пастырской работы, забывая, что эта-то работа коммунизму и нежелательна...

Перерыв до 6 часов вечера сегодня. Суд удалился на совещание. Забрали в тюрьму и всех тех, кто был на свободе. Защита готовится к выезду в Москву для перенесения дела в Кассационный трибунал, не смотря на то, какое будет вынесено решение, потому что вообще нет состава преступления<...>.

6 июля / 23 июня 1922 г. Четверг. 8 ч. утра. 1-й исправдом.

Совершилась великая несправедливость: мы — 10 человек — осуждены на расстрел...

Взяли нас из 3-го исправдома в 3 часа дня. Ждали мы до 9 часов вечера. Защитники приходили много раз, успокаивали, советовали "не бояться бумаги", "не бояться сегодняшнего дня", убеждали, что "окончательный итог будет более или менее благополучен"...

Наконец, в 8 3/4 часа вечера нас пригласили в зал. Там была масса народа, много охраны. Мы на этот раз тоже вышли не как обычно, а сначала во главе с Митрополитом духовенство, потом миряне...

Трибунал долго читал обвинительный приговор. Уже по началу, по мотивировке было видно, что осудят. Вопрос был только в том, кого и как. Наконец, председатель дошел и до этого. Сначала обмотивировал отдельно — Владыку Митрополита, Новицкого, Ковшарова, Богоявленского и Чельцова. Потом перечислил сразу всех других — Чукова, Плотникова, Елачича, Огнева, Шеина, Петровского и Бычкова, и в качестве обвинения указал, что мы: 1) составляем активную группу членов Правления, 2) принимали активное участие в Правлении, 3) разрабатывали там вопросы о противодействии изъятию церковных ценностей, с целью возбуждения народных масс до ниспровержения Советской власти. И в заключение — сообщил определение Трибунала, что Митрополит, Новицкий, Ковшаров, Богоявленский, Чельцов, Чуков, Плотников, Елачич, Огнев и Шеин — подлежат высшей мере наказания — расстрелу. Другие — кто на 5 лет (Парийский), кто на 3 года (Бычков, Союзов, Кедринский), кто на 6 месяцев. И целая большая группа, в том числе Бенешевич, Карабинов и Зинкевич — или оправданы, или осуждены условно (как Левицкий) и отпущены на свободу.

В зале заседания истерика. Трибунал добавил еще о 48-часовом сроке и прочее тому подобное, и удалился, а нарочно приглашенные разные члены коммунистических курсов и т. п. стали неистово аплодировать смертному приговору! Боже! Надо потерять все высшие человеческие чувства, чтобы приветствовать осуждение на смерть... Вот что воспитывает в массах коммунизм, хвалящийся идеями равенства и братства! — воспитывает чувство гнева и ненависти, отравляет ими нацию (с той и другой стороны), и думает, что этим путем достигается благополучие!..<...>

В зале были Аня, Коля и Боря. Я знаками показывал Анечке держаться твердо. Но, по-видимому, от нее исходил потом крик "папа, папа", когда мы пошли уже в свою комнату. Бедная девочка! Бедные, дорогие мои! Как им тяжело переживать все это! Я сам спокоен, совершенно спокоен, потому что на совести нет ничего преступного, потому что знаю, что я совершенно невиновен в том, в чем меня обвиняют, что даже стыдно получать ореол какого-то мученичества за то, что ничего не сделал...<...>

Нас — "смертников" — взяли отдельно и отвезли новой дорогой в 1-й исправдом. Сопровождали два автомобиля — с вооруженными солдатами и чекистами. Здесь нас записали, опросили, обыскали и усадили в камеры смертников, в первом этаже, по двое. Мы — с Юрием Петровичем.

Вот провели и первую ночь. Беседовали об этом кошмарном деле, о всей искусственной его вздутости, о полной невинности, о бесполезности всей процедуры суда: ведь в обвинительном приговоре упомянуто все, что опровергнуто показаниями, сохранены даже все опечатки и ошибки в датах, в наименовании отдельных лиц (Богоявленский — "благочинный, распространявший по своему благочинию письма Митрополита"!). Словом, полное невнимание ко всему, выявленному в пользу подсудимых, и, наоборот, внесение в приговор того, что не в их пользу — с точки зрения обвинения, — это — членство в думе Шеина, сенаторство Огнева и тому подобные глупости, которыми, хотя бы для виду, надо было вздуть обвинение и процесс.

Положительно не ожидал подобного пристрастного одностороннего отношения Трибунала. Зачем тогда было создавать процесс, вести его 25 дней? Инсценировать подобное "правосудие"? Как это недостойно, как это унижает власть...<...>

Первые дни после приговора. Перевод на Шпалерную.

<...>Утром из дому (6-го) мне принесли передачу и вещи из 3-го исправдома (я из суда написал об этом жене заранее), установили кровать, и мы зажили... Сразу же предложили каждому из нас написать "кассацию" в Верховный трибунал, потом принесли копию приговора, который мы по очереди и читали. Прошла и вторая ночь. Наступила пятница, 7 июля /24 июня. Мы уже поуспокоились. Я записал в дневник все свои впечатления и думы, свои завещания и прощальные пожелания и, кстати, все свои бумаги и дневник отправил с обратной передачей домой, решив пока ничего не писать. И хорошо сделал, как потом оказалось.

Не успели мы пообедать, как появился отделенный Демин и предложил нам собирать вещи и отправляться. Куда? — Неизвестно. Юрий Петрович несколько растерялся, спрашивает: "На полигон? Но ведь днем не возят туда, да и 48 часов еще не истекло, да и кассация подана"... Демин сначала как будто сказал "нет", потом, видимо, сам, растерянный, не знал, что говорить. На вопрос Юрия Петровича "брать ли вещи?", даже сказал: "Да оставьте вещи". Видимо, думал, что уже все кончено... Я тем временем собрал все свои вещи, сложил частью и вещи Юрия Петровича, завязал. Пришлось торопиться, ибо Демин все понукал. Наконец, все собрано; вышли. Оказывается, комендант Трибунала в закрытом автомобиле приехал, чтобы перевозить нас всех по двое на Шпалерную<...>.

Привезли. Сняли в канцелярии опрос и направили нас в "особый ярус" к отделенному. Тут нас раздели, тщательно обыскали, пересмотрели все вещи со всею скрупулезностью, сняли все неполагающееся: лекарства, карандаш, бумагу. Конечно, ножницы и нож, и мы простились с Юрием Петровичем. Он дважды благословился у меня, расцеловались. "Ну, дай Бог встретиться при более благоприятных обстоятельствах", — сказал он, и мы расстались...

Меня отвели в 134 камеру<...>.

Слышно было, как приводили и рассаживали по камерам остальных. Но я так и не узнал, в какой камере кто поместился, кроме о. Сергия, о котором случайно узнал, что он в 138-й. Наступила ночь. Прошло ведь 48 часов со времени произнесения приговора. Возможно приведение его в исполнение. И вот при каждом шуме на коридоре, при каждом громком приближении шагов, — ждешь, не к тебе ли, не за тобой ли? Не на полигон ли? Жутко было. Особенно было больно и тяжело, что даже и тела не найдут родные, даже и места знать не будут, не придут, не помолятся над могилой<...>.

Так часов до 2-х ночи тревожно лежал я, ожидая каждую минуту, что откроют дверь и — позовут...

Я знал, что отвозят на полигон только около полуночи. Потому под утро я уже засыпал спокойно, зная, что на эту ночь чаша сия пока миновала...

Так прошла первая ночь на Шпалерной. В субботу, 8/25, утром принесли и дали под расписку печатный экземпляр приговора, которым и занялся. После обеда вдруг неожиданно к форточке подбегает потихоньку один надзиратель (кажется) и сообщает по секрету: "Приговор остановлен, расстрела не будет, из Москвы получена телеграмма; только никому ни слова, здесь каждый шаг известен". И скрылся... Господи, какие слезы благодарности я пролил пред иконой, что еще не погибла надежда, что еще возможна жизнь для семьи, для Церкви... На душе стало спокойнее<...>.

14 / 1 августа 1922 г.

Мы сидим в строгой изоляции, и потому все время проводим в камере, лишены прогулок, книг, газет и даже пользования карандашом и бумагой<...>.

Некоторое разнообразие вносили понедельники и пятницы, когда приходила "передача". "Передача" эта обыкновенно доставлялась нам к вечеру, иногда часов в 7—8. Сначала мне ее приносили, а потом вдруг стали приглашать за ней самого. Тут я догадался, что в судьбе моей, вероятно, произошла перемена. Это и подтвердилось: 20-го июля (старого стиля), вечером, какой-то незнакомый надзиратель открывает форточку и сообщает по секрету, что нас 6 человек помиловали, а о 4-х еще неизвестно... Добрая душа<...>.

25 / 12 августа 1922 г.

Со вторника, 22/9 августа, мы уже не на Шпалерной, а в Пересыльной, на совершенно новом положении<...>.

14/1 августа, в понедельник, около 5 часов помощник начальника Бекетов приходит в камеру и читает, что по представлению Верховного трибунала Президиум ВЦИК заменил расстрел заключением на 5 лет. Конечно, радость понятна, но сейчас же хотелось узнать, всем ли 10 человекам это заменено, или нет. Вечером, при передаче, справился у надзирательницы, объявлялось ли Новицкому и Митрополиту; оказывается, что их уже нет с субботы... Где?.. Тут я вспомнил, что около 11 часов вечера в субботу я слышал, как кого-то выводили из камер наших, как один кто-то очень долго справлялся. Вероятно, тогда их и взяли...

Публикация
В. АНТОНОВА и Л. АЛЕКСАНДРОВОЙ.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ГКЧП-3

КАК ПРОВОЦИРУЮТ БОЙНЮ

1

"НЫНЧЕ ИЛИ НИКОГДА". ПОСЛЕДНИЙ ШАНС РАДИКАЛЬНЫХ "ДЕМОКРАТОВ"

Разговор в приемной:

— Хапают деньги, мерзавцы, а страна в нищете живет!

— Ну хапни, хапни! Сам-то чего не хапаешь, кишка тонка?

— Так ведь и у хапнувшего можно хапнуть — с пистолетом!

— А на пистолет — автомат, автомат найдется!

Наверное, по всей стране, действительно, в нищете живущей, слышны такие разговоры. Что ни очередь в какой-нибудь конторе, то спор. Хапнувшие чувствуют силу, спайку, власть. Кажется, можно бы успокоиться. К чему избыточная артикуляция? Не хватает главного — уверенности, что все это сохранится. Сомнительно, непрочно уворованное благополучие. Ибо не прошло испытания кровью.

Кровью и порохом утверждается право собственности — окончательно. Оружием закрепляется — навеки.

В октябре им казалось: желанный час пробил. С восторгом глядели на трупы у Дома Советов. Ликуя, аплодировали каждому танковому выстрелу — поистине золотому для них. Тревожились: "Десятки тысяч человек, которые поддерживали бывший Верховный Совет в Москве, ходят по улицам, они не убиты" (телепередача "Тема". 05.10.1993).

Декабрь показал, сколь эфемерна власть хапнувших над страной. И вот преддверие весны 1994 года.

"... Ситуация, остро запахнувшая вновь гражданской войной," — жадно втягивает воздух смуты А. Нуйкин ("ЛГ", 1994.№9). "Нас всех умоют кровью", — срывается на крик "Московский комсомолец" (25.02.1994). "Разминка перед третьим кровавым мятежом", — взвизгивает он же вдогон (27.02.1994). В газетах, на радио, на телеканалах — вопль и скрежет зубовный.

Что произошло? В конце февраля Государственная дума приняла постановление об амнистии политических заключенных. Акт милосердия был подкреплен Меморандумом о согласии, вошедшим в единый пакет одобренных документов. Перед Россией, истерзанной многолетней смутой, приоткрылся путь национального примирения, по которому не столь давно прошли народы Испании, Аргентины, Чили, — к созданию гражданского общества, где есть место правым и левым, демократам и патриотам, всему населению.

Но это значит, что хапнувшие должны умерить аппетиты. Быть может, даже вернуть часть награбленного. Не грозить, не тыкать в грудь расчехленным автоматом — сесть за стол переговоров со своими согражданами.

На призывы к согласию, раздавшиеся из Думы, прозвучал поразительно циничный ответ: "Согласие бывает, когда передел власти и собственности завершился" (А. Мигранян. "Вести". 26.02.1994). Иными словами, отдайте нам всю страну: власть, деньги, недра — и признайте это нашим навеки и преклонитесь перед нами — вот тогда (и не раньше!) наступит согласие.

А пока вся пропагандистская рать: телестервятники, гиены прессы, выхоленные мэры и полицаи с волчьим блеском в глазах в один голос кличут кровь, готовят кровь, ибо нуждаются в крови.

Разумеется, амнистия только внешний повод. Не было бы ее — нашли бы другой. Сразу после выборов в декабре поползли слухи: весною начнется смута. Генераторы ненависти запустили в срок — с точностью до секунды...

Ситуация страшно напоминает сентябрь прошлого года. Те же проблемы — еще бы: куда им деться? Ни одна не решена, только загнаны вглубь.

Экономическая катастрофа. За последние три года объем производства упал на 40-45 процентов ("Век". 1993. № 49). Новая налоговая система, введенная Указом президента № 2270, по мнению производственников, остановит даже те предприятия, что до сих пор приносили прибыль ("Деловой мир". 26.02.1994). "Общая численность тех, кто не имеет работы или вот-вот ее потеряет, составила в конце прошлого года 7, 8 миллиона человек, или 10,4 процента экономически активного населения" ("Век". 1994. № 6). В республиках Поволжья, в Ярославской, Ивановской, Псковской областях "на одно вакантное рабочее место претендуют от 11 до 33 человек" (там же). В небольших городах, где население связано с двумя-тремя предприятиями, после их остановки наступает повальная нищета.

Показательно сообщение, опубликованное в газете "Сегодня": "За сто граммов донорской крови в городе Черногорске (Хакасия) платят 1450 руб. Жители города семьями приходят на станцию переливания крови. Массовое донорство началось здесь после остановки ряда промышленных предприятий, школ, детских садов и других бюджетных учреждений. Черногорцы начинают забывать, когда в последний раз получали зарплату" (03.03.1994). Новый порядок тянет из людей кровь — в прямом и в переносном смысле слова. "За годы перестройки и реформ, — сообщает еженедельник "Век", — россияне стали жить на 3 года меньше" (1994. № 6).

Подчеркну: приведенные сведения взяты из газет, издающихся для деловых кругов. Здесь нет никаких эмоциональных преувеличений. Только цифры и факты.

Еще одна параллель с ситуацией сентября 1993 года — рост влияния оппозиции. Это показали декабрьские выборы. Дееспособность Думы, подтвержденная в условиях немыслимых (отсутствие помещения, не урегулирован вопрос с окладами — зарплату несколько месяцев не выдают, травля в прессе), — еще одно трудное сражение, выигранное оппозицией.

И для полного сходства — та же склока на верхних этажах власти. Между своими (а разве в сентябре — между чужими? разве не Ельцин посадил Хасбулатова в Белый дом?). Новые обитатели рокового дворца — министры Черномырдина — стали объектом бешеных атак радикальных "демократов". Тех самых сил, которые привели к крови в октябре. "Известия" прямо пишут, что Черномырдин занял "остававшееся вакантным после ухода с политической сцены Руслана Хасбулатова место всеобщей мишени для критики"... (27.01.1994). Ныне Гайдар, Федоров, Памфилова — вся команда радикал-"демократов" сочла более выгодным покинуть премьера, вынужденного расплачиваться как раз за их деятельность.

На ключевых постах оставлены только Козырев и Чубайс — последний в предвидении решающего передела госсобственности, грандиозного хапка, призванного прихватить всю Россию с ее землями и недрами. Полторы сотни иностранных советников в ведомстве Чубайса зорко следят за тем, чтобы имущество попало в нужные руки. Характер деятельности этих "специалистов" недавно прояснила газета "Век" со ссылкой на источник, "близкий к правительству РФ". "Осенью 1993 года, — говорится в сообщении, — сотрудники МБ подготовили для правительства РФ справку, в которой утверждалось, что американские советники в Госкомимуществе и других правительственных структурах (около 150 человек) являются не экономистами и специалистами в области приватизации, а штатными сотрудниками ЦРУ... Американские советники преследуют цель изучить и (внимание! — А. К.) подорвать экономический потенциал российских конкурентов и сделать все для того, чтобы бизнесмены США по демпинговым ценам приобретали наиболее значимые и важные предприятия России" (1994. № 6).

Понятно, Чубайс — даже если бы и захотел — не имеет права покинуть столь важный пост, где он служит прикрытием (если верить газете) для полутора сотен американских шпионов. Тем более накануне распродажи главного богатства России — земли.

Этот бой за ресурсы России — последний. И как всякий финал, он многое проясняет. Спадают броские пропагандистские стереотипы, служившие прикрытием жестокой битвы за собственность. Помните — в 1991 году уверяли: борются против коммунистической системы. В 1993-м утверждали: бой против Советов. Против кого направлено острие удара весной 1994-го? Против государственников. Против самого государства Российского.

Собственно, это с самого начала было ясно: целью агрессии является Россия. Но вот и слово произнесено.

Элла Памфилова, перед тем как хлопнуть дверью в кабинете Черномырдина, заявила программе новостей НТВ (16.02.1994): существует заговор государственников, стремящихся разрушить всю выстроенную (Гайдаром?) систему хозяйства. Зачем государственникам разрушать хозяйство — до таких объяснений, предполагающих логические увязки, столичное телевидение, понятно, не опускается. Формула обнародована — и достаточно.

Кому же адресованы страшные обвинения, "черная метка" — с точки зрения московского истеблишмента? Ответ поначалу ошеломляет: правительству Черномырдина. Правительству, которое в октябре 1993 года ради властных амбиций президента поставило страну на грань распада. Впрочем, это уже не то правительство, что было осенью. Заявление Памфиловой прозвучало после того, как из него ушли Гайдар и Федоров. Любопытное, между прочим, признание воинствующей "демократки": что такое правительство государственников? — это кабинет Черномырдина минус министры "Выбора России".

Феномен Черномырдина и трансформация его кабинета — тема, заслуживающая особого исследования. Она настолько важна, что Горбачев в своем фонде провел специальную дискуссию, обнародованную потом в "Независимой газете" (24.02.1994).

Главного там все-таки не сказали. Черномырдин удачно использовал игру экономической и политической конъюнктуры. Его выдвинули наверх тектонические сдвиги в недрах российской экономики: борьба промышленного и ростовщического капиталов. Ставленник госмонополий, Черномырдин терпеливо переждал наступление банков, и как только оно захлебнулось, реформировал кабинет, создав правительство, способное (хотелось бы надеяться) работать. В политике он без излишнего шума, — но с цинизмом немалым, —занял нишу, опустевшую после штурма Белого Дома (проведенного при его прямом участии!). Ему во многом удалось переключить на себя внимание прагматиков и государственников, связать их надежды на стабилизацию со своим курсом. В начале нынешнего года премьер еще более упрочил позиции, заручившись, после важного визита в Орел, хотя бы частичной поддержкой областной номенклатуры.

Теперь даже непримиримый оппозиционер А. Проханов с изумлением отмечает, что Черномырдин, "изгнав из своего окружения чикагских толстячков, вдруг обнаружил свою национальную природность, уральскую такую коренную русскость, прагматизм, связь с индустриальным строительством СССР. И вот мы имеем русский кабинет, и под него будет провозглашен русский курс" ("Завтра". 1994. № 17).

Конечно, "русский кабинет" — о правительстве, где присутствуют Чубайс и Козырев, — это громко сказано. Да Проханов и не скрывает некоторой ироничности, говоря о правительстве. Однако курс и впрямь становится более русским — разумеется, в жестких пределах концепции развития РФ, обозначенной Ельциным еще в 1991 году (а она, как известно, в основе своей ориентирована на Запад).

Столкновение Черномырдина с радикальными "демократами" из группы Гайдара — это борьба двух фракций правящего истеблишмента. Одна делает ставку на сохранение дееспособного государ-

ства, в котором видит источник власти и обогащения, другая, однозначно связав свои интересы с Западом, стремится к окончательному разрушению страны и распродаже ее иностранному капиталу.

Патриотической оппозиции как будто остается взирать на битву монстров со стороны. Именно таково мнение автора серьезного анализа различных сценариев борьбы за власть, опубликованного в газете "Завтра" (1994. № 7). Однако безучастно наблюдать, как решается судьба России, — позиция не слишком достойная. А главное — патриотам никто не даст возможности остаться вне схватки. Прежде всего радикальные "демократы". Если уж они своих бывших коллег по кабинету обвиняют в государственном уклоне, то можно представить, по каким статьям УК они будут судить истинных патриотов!

Со своей стороны, правительство Черномырдина заинтересовано получить поддержку патриотических сил. Учитывая влияние патриотов в Думе, она могла бы дать премьеру относительную свободу маневра и независимость — как по отношению к президенту, так и по отношению к радикальным "демократам". Не случайно именно министерская партия ПРЕС внесла в Думу проект Меморандума о согласии. Понятно, не обошлось без "перетягивания каната" — документ призван связать патриотов клятвой лояльности. И все-таки стремление кабинета к согласию не подлежит сомнению.

Отношения между правительством и патриотической оппозицией можно определить как динамическое равновесие. Ни та, ни другая сторона с е й ч а с пересилить не может. Более того, они нуждаются во взаимной помощи для стабилизации государства.

Конечно, стабилизация в представлении правительства и оппозиции отнюдь не одно и то же. Патриоты не заинтересованы в сохранении положения, при котором жителям того же Черногорска приходится, чтобы не умереть с голоду, продавать собственную кровь. С о г л а с и е между правительством и Думой, правительством и оппозицией, продемонстрированное в феврале—марте, — в ы н у ж д е н н о е. Однако его цель возвышается над политической конъюнктурой: это сохранение государства. Спасение России.

Сегодня в лихорадочном кипении политических сил обозначилась ясная разграничительная линия: силы национальные и антинациональные. Она пронизывает всю общественную вертикаль от социальных низов до верхов, впервые захватывая правительство — то есть структуру, имеющую в руках р е а л ь н у ю в л а с т ь (в отличие от бывшего Верховного Совета).

Согласие между кабинетом и патриотической оппозицией оказывается препятствием для радикальных "демократов" в их стремлении к переделу собственности и власти. Препятствием поистине роковым, так как 1994 год — это последний срок, когда радикалы имеют хоть какой-то шанс вернуть утраченные позиции. "Именно в этот период, до конца 94-го года, — отмечают специалисты, — экономика будет находиться в тяжелом положении, но все-таки не безысходном. И на этой волне вполне еще можно выиграть выборы" ("Независимая газета". 24.02.1994). Понимают это и сами "демократы". В характерном для них истерическом стиле провозглашают: "...Остался практически последний шанс спасти ситуацию" ("ЛГ". 1994. № 19).

"Нынче или никогда" — этот клич брокенской нечисти из "Фауста" вполне может характеризовать ситуацию, в какой оказались радикальные "демократы" нынешней весной.

Амнистия пришлась как нельзя кстати. "Амнистия, конечно, не путч", — вздыхает демпресса ("Куранты". 1994. № 38), но делает все, чтобы представить это событие как явление не менее страшное и кровавое. "Дума полностью выявила себя этой акцией как сила социально опасная, нацеленная на разжигание гражданской войны", — неистовствует в "Литгазете" А. Нуйкин и, пользуясь случаем, проталкивает вожделенное: "При первой же конституционной возможности эта Дума должна быть распущена" ("ЛГ". 1994. № 9).

2

АМНИСТИЯ. "ЕСЛИ ЗВЕЗДЫ ЗАЖИГАЮТ, ЗНАЧИТ, ЭТО КОМУ-НИБУДЬ НУЖНО"

Амнистия была нужна всем. Для достижения зачастую прямо противоположных целей.

Нужна сотням тысяч "простых" людей, видевших в освобождении узников Лефортова торжество справедливости. Сомневаюсь, правда, чтобы кто-то учитывал мнение этого "молчаливого большинства".

Нужна Думе — позволила ей чуть ли не впервые заявить о себе как о реальной политической силе.

Нужна патриотической оппозиции (в Думе и за ее пределами). Освобождение Руцкого усиливало ее ряды, давало возможность рассчитывать на победу на президентских выборах. К тому же это был прецедент мягкого, но успешного давления на Ельцина в союзе с правительственной партией ПРЕС.

Но и президент в какой-то момент, видимо, связывал с амнистией свои особые расчеты. Средства массовой информации, находящиеся в руках радикал-"демократов", этого поначалу не поняли (не захотели поверить в это). Ельцина обвинили в трехдневном промедлении, позволившем политзаключенным выйти на свободу. "Это не паралич, — восклицал "Московский комсомолец". — Это распад. Это сюжет не для боевика. Это сюжет для фарса" (01.03.1994). Не очень-то проницательно для газеты, которая претендует играть роль политического ментора! В тот же день "Независимая газета" выдала куда более серьезный вариант анализа: "Нежелание президента обращаться в Конституционный суд (единственную инстанцию, правомочную отменить постановление Думы) позволяет предположить, что его отношение к решению об амнистии не столь безусловно негативно, как это представляют некоторые его соратники... В пользу такой версии свидетельствует и то, что все меры по предотвращению исполнения сакраментального постановления были предприняты с большим опозданием" (01.03.1994).

Сказано осторожно, но это уже ближе к истине. Обнаружив, что отношение Ельцина к постановлению Думы "неоднозначно", услужливые журналисты тут же принялись искать высший смысл в действиях президента и в меру своего разумения свели все к персонам. Мол, Руцкой в качестве оппонента на выборах удобнее Ельцину, чем "более интеллектуальные" соперники.

Откровенная чушь! Интеллектуализм — далеко не самое привлекательное для избирателей качество (если бы дело обстояло иначе, кому-кому, а такому "интеллектуалу", как Е. Б. Н., век не видать бы президентского кресла). Нет, в сегодняшней России спор за место в Кремле — это "серьезный разговор" крутых мужиков. А такой спор н ы н е ш н и й Руцкой (получивший вдобавок к

афганской биографии еще и лефортовскую — нары вместо козеток в Кремле, мужество на допросах, все мыслимые и немыслимые зигзаги судьбы, изумляющие ротозеев и вызывающие уважение людей достойных) у Ельцина выигрывает. Ибо за Борисом Николаевичем ничего серьезнее давнего выступления на Пленуме ЦК КПСС нет.

Как раз Руцкой как соперник Ельцину не удобен. И тем не менее президент на амнистию согласился. Почему? Об этом с непривычной прямотой высказался в "Московских новостях" Г. Попов. Он указал на несколько факторов. Первый: "Президентская команда думает, как бы чужими руками создать выход из того болота, в котором по ее вине увязли оба процесса: и гекачепистов, и октябристов". Фактор второй: "Ее волнует и возможный рост авторитета заключенных". "Возможный" — это Гавриил Харитонович поосторожничал. Один журналист в начале февраля сказал цинично, но точно: "Руцкой в Лефортово как доллар в банке — лежит и с каждым днем растет в цене".

Под занавес Попов называет основную причину: "Но самое главное... восстановить ту ситуацию противоборства двух лагерей — сторонников и противников реформ, которая спасала президента в прошлом. Если создать в стране и за рубежом обстановку истерии и страха перед реваншем, то это заставило бы демократов всех раскладов броситься к президенту без всяких условий и требований" ("МН". 1994. № 9).

Хорошо знающий кремлевскую закулису комментатор называет амнистию "согласованной акцией думской и президентской сторон". По поводу запоздалых сетований советников Ельцина он пишет, не скрывая сарказма: "Спектакль разыгран по лучшим стандартам психологической войны: "измена" одной из президентских партий, "драматическая" отставка генпрокурора, истерические призывы "ДемРоссии", настойчивый показ по телевидению тех, кто призывал к погромам, и т. д. и т. п. Но шила в мешке не утаишь. Ведь саму проблему амнистии внес в Думу президент. Разве не было ясно, что сразу же встанет вопрос о гекачепистах и октябристах? И все же вопрос внесли. Следовательно..."

Профессиональный анализ. Но и он далеко не точен. Попов, похоже, не слишком внимательно следил за развитием ситуации в стране. Предложенная схема идеально подходила бы для объяснения действий Ельцина до октября. Ныне он пытается разыграть более сложную партию. Утверждается в качестве "президента всех россиян". А это ему не по силам. Масштаб не тот. Он был на своем месте (плох или хорош — другой вопрос), пока возглавлял партию непримиримых. Его темперамент, поступки, жесты, речь — все соответствовало этой роли. Дистанцировавшись от партии, он потерял и свое место, и свое лицо. Стал неинтересен — всем! "Вокруг президента образуется вакуум", — это отметила даже демпресса ("Новая ежедневная газета". 02.02.1994).

Маневр с амнистией, разработанный командой президента, призван был вернуть и всеобщий интерес, и политический капитал. Понятно, советники вынуждены были исходить из жестокой реальности: непреклонной решимости Думы (не сломленной несколькими турами неудачных голосований) и осознания абсолютной юридической незаконности содержания лефортовских узников под стражей. Имея на руках большую неприятность, президентская команда попыталась сделать из нее изящную конфетку. Утвердить Ельцина в новом качестве.

Инициируя противоборство, апеллировали не только к "демократам" — тут Попов ошибся, но и к противоположному лагерю. Это же очевидно: Думе нужно было высочайшее согласие на освобождение политзаключенных, и она (в явной и неявной форме) выпрашивала его. Баланс сил изменился — и "демократы" бросились к Ельцину за поддержкой (здесь Попов точен). А далее — борьба у трона и своеобразное единение вокруг него. С разных сторон. Единение, обессиливающее противников, но укрепляющее трон. Видимо, примерно таким был план президентской стороны, если предположить, что в ее действиях имелась какая-то логика. Впрочем, в ситуации, когда на президента работают сразу три аналитических центра, наличие логики и скоординированных действий не более чем гипотеза[1].

Амнистия, похоже, устраивала и правительство. С. Юшенков, ультрарадикал в "демократическом" стане, прямо обвинил Черномырдина в причастности к постановлению Думы. "Министры... — ябедничает он в "Литгазете", — проголосовали за амнистию, сделали это также те чиновники, которые имеют отношение к правительству. Есть также косвенное свидетельство того, что документ просматривался юридическими службами правительства. То есть правительство бросило, можно так сказать, открытый вызов президенту" (1994. № 9).

Обвинение в "вызове президенту" после объяснений Г. Попова звучит не очень убедительно. Зато степень вовлеченности кабинета в принятие постановления выявлена вполне. Зачем оно Черномырдину? Первая причина бросается в глаза: отвлечь внимание сторон (и в первую очередь кремлевского патрона) от деятельности правительства. Пусть стратеги бьются, а мы поработаем — девиз примерно таков. Действительно, обсуждение бюджета, которое министры ожидали не без трепета (ходили слухи о предстоящей "рубке"), на фоне лефортовских страстей прошло почти незамеченным.

Другие причины менее очевидны. Отчасти потому, что неясны планы самого Черномырдина. Сумеет ли он подтянуться на полступеньки вверх, став кандидатом в президенты, или удовлетворится ролью вечно второго. И в том и в другом случае Руцкой для него довольно удобная фигура (быть может, более удобная, чем нынешний президент, чересчур жестко "опекающий" кабинет). Руцкой приемлем для премьера в качестве соперника. В предвыборных дебатах премьер мог бы выступить в выигрышной роли трезвого прагматика, знающего экономику намного глубже, чем его оппонент.

Возможен и альянс, сильных хозяйственников у оппозиции, за исключением Скокова и Глазьева, нет. Черномырдин был бы полезен будущему президенту — он мог бы обеспечить безболезненную преемственность власти, сохранить хоть какую-то управляемость экономикой, а заодно решить множество других проблем, облегчая Руцкому вхождение в Кремль. Между прочим, в октябре генерал не спешил назначать своего премьера, очевидно, давая понять Черномырдину, что тот его вполне устраивает. Но тогда у Руцкого не было реальных шансов, и хитроумный Черномырдин, поколебавшись, выбрал Ельцина. Конечно, тень Белого Дома будет долго лежать между этими незаурядными людьми. Однако в политике приходится перешагивать через чувство мести (даже справедливой). Как бы то ни

---

1 В команде президента сильны и другие настроения — любой ценой устранить Руцкого со сцены (они особенно укрепились после встречи Р. Никсона с опальным генералом, показавшей, что американцы серьезно относятся к политическому будущему Руцкого). Выходец из президентской гвардии Ильющенко, поспешно назначенный преемником А. Казанника, придерживается именно такой точки зрения.

было, эксперты не исключают вариант, при котором в команде Руцкого пост премьера останется за Черномырдиным.

Вероятно, кандидатура Руцкого на президентских выборах до некоторой степени устраивает и Запад. Один молодой прагматик из Думы проницательно заметил: Руцкого освободили потому, что Запад предпочел иметь дело с ним, а не со слишком эксцентричным Жириновским. Жириновский нужен как локальный фактор нестабильности, бунтарь из парламентской массовки, чьи боевые лозунги позволят оправдать в Конгрессе высокие военные расходы. Но в качестве партнера в Кремле его не пожелает себе ни один американский президент.

О том, какой находкой стала амнистия для радикальных демократов, я уже говорил. Она была выгодна и криминальной среде — силе, в нашей политической жизни влиятельнейшей. На это обратил внимание профессионал из МВД. "...Амнистия, — делится он богатым опытом на страницах "Московских новостей", — инициируется и потом используется в своих целях мафиозными и криминальными структурами, прежде всего для того, чтобы выпустить на свободу своих людей". Затем автор указывает, что сегодня в условиях уличного беспредела трудно было бы убедить общество согласиться на освобождение уголовников. И тогда предпринимается гениальный ход: "Руцкой, Хасбулатов, Константинов и пр. использованы в качестве тарана и отвлекающего пугала". Вот почему Артем Тарасов и его единомышленники в Думе не возражали против пакета документов, увязывающих все амнистии (уголовную, экономическую, политическую) в одно целое. Более того, окончательный вариант внес на голосование депутат Шейнис.

"Джентльмены удачи" выйдут на свободу как раз вовремя. Автор статьи в "Московских новостях" предупреждает: "1994 год будет ключевым с точки зрения раздела сфер влияния в России и на просторах СНГ между мафиозными структурами... Газ и нефть уже схвачены. Остается главное — земля, недвижимость, крупные промышленные предприятия (в том числе ВПК), наркобизнес... Дележ будет жестким и жестоким. Для этой войны нужны командиры и бойцы, стратеги и аналитики" (1994. № 9).

Амнистия была выгодна всем, и потому ее провели успешно и практически мгновенно. Однако ни одна группа не удовлетворила свои ожидания вполне. Да и не могла удовлетворить.

Дума оказалась скованной политической ответственностью за амнистированных (в случае с Анпиловым, например, такая ответственность может стать роковой для парламента).

Оппозиция получила новых лидеров — предстоит передел власти. Тем более болезненный, что место во главе движения достанется одному из вновь пришедших — Руцкому.

Президенту не удалось, "отдав фигуру, выиграть качество". Он обрел сильного соперника. После того как к Руцкому, только что выпущенному из тюрьмы, пожаловал экс-президент США, Ельцин в полной мере осознал масштаб угрозы, что и определило его конвульсивную, плохо продуманную реакцию на эту встречу.

Радикальные "демократы" также не смогли пока в полной мере воспользоваться жупелом "красно-коричневой" угрозы и подтолкнуть — как в сентябре — общество к открытому противоборству.

Даже криминальные структуры не вполне удовлетворены. В перспективе реально установление сильной власти, способной навести порядок в стране.

Я специально столь подробно знакомил читателей со сложным и противоречивым конгломератом партийных интересов, которые с трудом поддаются балансировке. Надеюсь, этот анализ будет полезен не только для более полного уяснения ситуации, но и для того, чтобы преодолеть наивную однозначность в оценке сегодняшних политических процессов.

"Так кто же победил?" — спрашивают постоянно. К сожалению, в современной политике безусловных побед не бывает. Ситуация с амнистией характерна. Ни одна сила не смогла получить от нее желаемых выгод. Вместо активной игры с прорывами к новым рубежам участники вышли на еще один этап вязкого позиционного противоборства, осложняемого быстрым ростом температуры внутри системы. Повышением подспудной напряженности, вызванной во многом их собственными действиями.

3
СМУТА. С ПРЕЗИДЕНТОМ ИЛИ ПРОТИВ НЕГО

Радикальные "демократы", несомненно, предпримут активные усилия, чтобы изменить обстановку. Воспользовавшись ростом напряженности, они попытаются дестабилизировать ситуацию. У них две возможности.

Первая — поссорить президента с правительством и сделать Ельцина союзником. Казалось бы, все условия в наличии. Свои люди в окружении президента (В. Костиков). Память о недавнем партнерстве, основанном на общности темпераментов (упоение пафосом перманентной борьбы) и единстве — до последнего времени! — политических целей. Трагедии августа 91-го и октября 93-го — наиболее яркие примеры их сотрудничества.

С декабря демпресса заполнена публичными апелляциями радикалов к "своему" президенту. Наивысшей точки эта кампания достигла в связи с амнистией. Забыто все — оглядка на публику, стыд. На глазах читателей разыгрывается семейная драма, до отвращения напоминающая шумные разборки Бени Крика со своими родственниками. С. Юшенков, пользуясь рупором "Литгазеты", пытается открыть Ельцину глаза на неверность правительства. Заглавие его выступления интригует: "Роль правительства в обоих вопросах загадочна". Но для самого Юшенкова загадок не существует — постановление об амнистии он буквально "шьет" Черномырдину и тут же восклицает: "Думаю, президент должен это заметить" (1994. № 9).

Однако в конце февраля эти публичные доносы не возымели должных последствий. Доносители, обнаружившие тщету своих усилий, оказались в глупейшем положении.

Радикалы не учли (не пожелали принять к сведению) новую роль Е. Б. Н. Они требуют от него безусловной солидарности. Что не совместимо с позицией "президента всех россиян". А если отбросить демагогию, попросту невыгодно! После декабрьских выборов, где 9 из каждых десяти избирателей сказали "нет" Гайдару и его команде. Да и сам Гайдар не мечтает теперь об электорате, превышающем 8—10 миллионов человек ("Сегодня". 22.02.1994). Поддержка такой группы не помешает и Ельцину. Но делать ставку только на эти 10 миллионов в стране со 150-миллионным населением означало бы для президента самоубийство. Поэтому он охотно демонстрирует "демократам" свои симпатии, но упорно уклоняется от однозначного отождествления с ними.

Его сдержанность имеет еще одну причину. В дискуссии о феномене Черномырдина в "Независимой газете" гайдаровцы были названы "хаотами". "Это люди, сделавшие ставку на хаотизацию старой системы". Они помогли Ельцину одержать победы в августе и октябре, но не сумели закрепить достигнутого "именно потому, что были хаоты" (24.02.1994). Радикалы по природе своей бесплодны в стадии стабилизации. А президенту после октября нужен уже не прежний хаос, а стабилизация. Создание прочного основания для своего господства.

Получив единоличную (как ему представляется) власть над государством, Ельцин стал — конечно же! — государственником. Что вы ему прикажете: разрушать собственную кормушку, размером в одну восьмую земной суши, и ради кого — какого-то Гайдара?!

Нет и еще раз нет! В ответ на вопли "демократов" президент зачитывает послание Федеральному собранию — установочный документ, призванный определить курс государства в обозримом будущем. Депутаты и журналисты, первыми ознакомившиеся с текстом, были изумлены, найдя в нем множество тезисов из программных материалов оппозиции. В. Исаков в "Советской России" (01.03.1994) не отказал себе в мстительном удовольствии выстроить в столбец цитаты из речей Ельцина 1994 года и Хасбулатова 1992-го — они совпали почти дословно! "Независимая газета" во всеуслышание заговорила о "плагиате".

Нельзя сказать, чтобы журналисты поверили в искренность президента. Редактор "Независимой газеты" в специальной передовой отметил, что "щедро разбросанные по нему (посланию. — А. К.) призывы к национальному согласию и примирению не подкреплены пока ничем ни в жизни, ни в тексте послания". Он с иронией отметил, что президент просто признал существование множества проблем "чуть раньше Гайдара, но несколько позже Зюганова, Явлинского, Шахрая и — главное — избирателей" (26.02.1994).

Как бы то ни было, Ельцин провозгласил новый курс. Его основной линией стало укрепление государственности. Послание так и озаглавлено: "Об укреплении Российского государства". Ни этот курс (пусть только декларированный), ни этот президент "демократам" не нужны. Что и было продемонстрировано со всей очевидностью[1].

Первой жертвой их гнева стало само президентское послание. Припомните, что россияне узнали о содержании документа, который вся пресса, все телепрограммы задолго до обнародования преподносили как эпохальное событие? Ничего практически. Скромная заметка, пренебрежительно названная "Умиротворение демократов длиною в сто страниц", и откровенно ернический комментарий — вот и вся реакция "Московского комсомольца" (25.02.1994), еще недавно считавшегося "газетой президента". Разоблачению какого-нибудь подпольного спиртзавода "МК" уделяет и то больше внимания!

Анализируя реакцию демпрессы на выступление президента, "Правда" прямо указывает, что "его вытесняют из общественного сознания... вытесняют вполне сознательно и целенаправленно". Причина — неприемлемость основного пафоса речи. Материал в "Правде" озаглавлен выразительно: "Приказано забыть" (01.03.1994).

Радикалы жестко и наглядно продемонстрировали, что у них достанет сил заставить с собой считаться. Информационный вакуум, на мгновение созданный вокруг Ельцина, не предвещает ему — в перспективе — ничего хорошего.

"Демократы", видимо, выбрали второй вариант дестабилизации. Они будут "валить" президента вместе с правительством и патриотической оппозицией. Для рядовых обывателей это означает больший хаос, бóльшие лишения, бóльшую кровь. Ибо в случае успеха радикалов всякий контроль над ситуацией из государственных центров будет на какое-то время утрачен.

Первое открытое предупреждение президенту (закулисная возня началась давно) прозвучало в середине февраля. Это не был прямо брошенный вызов — непосредственным адресатом являлся Борис Миронов, молодой сподвижник Ельцина, которому тот доверил возглавлять ключевое пропагандистское ведомство. В феврале только что назначенный Миронов встретился с журналистами в телепрограмме "Без ретуши". Он недвусмысленно высказался за укрепление государственности. По-видимому, его выступление было своего рода пробным камнем, призванным загодя выяснить реакцию демпрессы на идеи, определившие новый курс президента. Тогда-то и были сказаны слова, которые могут стать приговором самому Ельцину. Один из членов "малого синедриона", рассевшегося перед телекамерами, надменно произнес: вы нам мешаете.

Затем о заговоре "государственников" заговорила Э. Памфилова. Затем в "Литгазете" (в том самом номере, где Юшенков еще взывает к президенту) появилась предельно жесткая оценка нового курса: "...Президент предложил единственно возможный путь так называемого национального примирения на базе великодержавного гниения. Но в таком случае он (Ельцин. Далее разрядка моя. — А. К.) абсолютно никому не нужен, с ним не будут договариваться".

Полоса "Литгазеты", напечатанная под шапкой "Гражданский мир или приговор реформам?" (1994. №-9), представляет собой целостный и весьма любопытный документ. По существу, здесь дана развернутая программа развязывания гражданской войны в России. Ее авторами наряду с малоизвестной шушерой являются бывшие сподвижники Ельцина — А. Нуйкин, С. Юшенков, В. Шейнис и другие (справедливости ради отмечу — авторитеты из стана "демократов", как и положено, держатся более чинно, чем малоизвестные коллеги типа Д. Шушарина).

Президенту указывают условия, на которых он мог бы удержаться у власти: "Ельцин имел возможность (характерно это прошедшее время! — А. К.) сохранить власть только при условии проведения самой радикальной реформистской политики" (разрядка моя. — А. К.).

Между прочим, из этой посылки следуют, по крайней мере, два вывода. Первый: Ельцин нужен гайдаровцам не как равноправный партнер, а как безгласный инструмент для осуществления их курса. Они уже и так говорят о нем, как о каком-то неодушевленном предмете. Популярная острота В. Костикова: "Его, как примус, надо все время подкачивать" ("Кто есть кто". 1994. № 4). Вывод

---

1 Впрочем, тактические альянсы между "демократами" и Ельциным не исключены, на что намекает Гайдар ("Известия". 03.03.1994). Не оставлены и попытки рассорить президента с правительством, на что указывает провокация с так называемым "вариантом 1". Тактика запугивания президента оправдала их ожидания. Следовательно, ее еще не раз применят. С одной стороны, будут пугать "заговором" правительства, с другой — угрозой лишить Ельцина поддержки "демократов" в случае, если он не разорвет с Черномырдиным и не обрушится на оппозицию.

второй: радикалы, похоже, решили отказаться от легитимных демократических форм правления. Осуществление "радикальной реформаторской политики", предписанное ими президенту, означает окончательный разрыв с интересами избирателей, недвусмысленно продемонстрированными в декабре. С такой программой победить на демократических выборах невозможно.

Констатировав, что президент уклоняется от проведения выбранной ими линии, авторы "Литгазеты" заключают: "Настало время прямого действия (здесь и далее разрядка моя. — А. К.). Если президент потерял инстинкт самосохранения, не хочет или не может защитить общество от политических уголовников, то мы должны сами защитить себя".

Обычный газетный лист пахнет типографской краской. Полоса "Литературки" пахнет порохом, кровью, танковой солояркой — той отвратительной смесью, что привычно сопутствует у нас государственным переворотам.

Как же мыслят себе "защиту" столичные интеллектуалы? Приведу большую цитату: "Поскольку общественное сознание чувствует опасность гражданской войны и кровавых разборок (амнистия же показала, что все можно); поскольку действия прокуратуры наводят на мысль о предательстве интересов демократии; поскольку нет ни малейшей уверенности в так называемых государственных силовых структурах, хотя значительная их часть останется на стороне демократических преобразований. Поскольку нет (может быть, пока) дееспособных демократических политических сил, есть все основания предполагать, что мы скоро увидим начало того, что можно назвать гражданским сопротивлением угрозе реставрации коммунизма или установления фашизма.

Можно с хорошей уверенностью предполагать, что очень скоро найдутся группы граждан, которые независимо от государства начнут то, что можно будет назвать самообороной, то есть активными действиями против коммунистических и фашистских сил. Наверное, последние не останутся в бездействии".

Как говорила в таких случаях тележурналист Ирина Мишина: "Без комментариев".

Впрочем, комментарии все-таки необходимы. Мне, филологу, нестерпимо насилие будущих революционеров над русским языком. "Самооборона" — это защита от нападения. Из приведенного отрывка (о реальной политической ситуации уж и не говорю) явствует, что на радикальных "демократов" никто не собирается нападать. "Не останутся в бездействии" — фраза, сказанная об оппонентах, ясно показывает, кто нападет первым. Авторам следовало бы иметь смелость, не насилуя слова, прямо сказать, что они готовятся не к "самообороне", а к агрессии против значительной части общества. Вспомним, сколько процентов избирателей проголосовало за коммунистов и "фашистов" (как на "демократическом" сленге именуются члены ЛДПР), и получим внушительную цифру — 40 процентов. Это не бездушная цифра — живые люди, именно им предстоит стать жертвами "демократического" террора.

О том, как действуют "группы граждан", мы получили представление 3—4 октября. Газета "Завтра" опубликовала серию материалов, из коих явствует, что все кровопролитные столкновения (и у Останкина, и у Белого Дома) спровоцировала некая "третья сила" — террористы, не принадлежащие ни к правительственным силам, ни к защитникам Конституции. Обстреливая тех и других, они разжигали ярость и, добившись желаемого эффекта, стремительно исчезали.

В октябре этим людям удалось не раскрыть себя. Теперь "Литгазета" хотя бы отчасти "засвечивает" их, давая выразительную социальную характеристику: "Миллионы людей, поверивших в реформы, и испуганы, и разочарованы. Назад им дороги нет, единственная логика — вперед, причем как можно быстрее".

Узнаете? Да это те самые хапнувшие, о которых мы говорили в начале статьи, нувориши, грезящие об автомате. Радикалы, выступающие в "Литгазете", готовы дать им в руки реальное оружие. Сразу за пассажем о миллионах, которым "назад дороги нет" (прямо как из фильмов о воровской малине!), следует выразительное признание: "Самоорганизация общества перешла критическую фазу, при которой вооруженные столкновения возможны".

Отчаянное признание. Правда, это всего лишь текст в газете столичных литераторов. Но когда, по существу, в том же духе высказывается представительный форум демократов (см. "Советская Россия". 26.03.1994), когда Гайдар в "Известиях" заявляет: "Только язык силы доступен нашим идеологическим оппонентам" (03.03.1994), когда гайдаровцы выступают против всего парламента, призывающего к гражданскому миру, становится очевидным — радикалы провоцируют бойню: "Они открыто выставили себя как "партия войны", — пишет в "Советской России" депутат Думы В. Исаков, — единственная в парламенте партия ненависти, готовая идти до конца, до полного уничтожения "врага" или самоуничтожения" (01.03.1994).

Конечно, то, что события вынудили радикалов сбросить "демократическую" маску и предстать в своем подлинном обличье — в качестве "партии войны", партии ненависти, — прекрасно. Но уже это саморазоблачение показывает, что гайдаровцам терять нечего. Что они отказались от всякой добропорядочной политической чепухи, и теперь осталась единственная возможность: "Вперед, причем как можно быстрее". Даже если по трупам — вперед!

Однако спешат, слишком спешат радикалы. "Группы граждан", "активные действия", "вооруженные столкновения" — в жизни нет места такому галопу. Если "демократы" и впрямь сделают ставку исключительно на террор (каково сочетание: ставка "демократов" — террор!), они оттолкнут от себя все социальные группы и будут раздавлены обыкновенной милицией.

Следует предполагать, что главные организаторы кризиса опытнее и трезвее крикунов, выбалтывающих их программу. Первый шаг к провоцированию смуты будет сделан с помощью средств массовой информации, почти полностью контролируемых "демократами". СМИ и так взвинтили истерию до немыслимых пределов. Очевидно, в ближайшее время этот шум будет нарастать. В одно целое смешают все проблемы — амнистию политическую и уголовную, экономический кризис, новый курс на укрепление государства (снова и снова его будут представлять как "великодержавное гниение"). И весь этот наэлектризованный страхом, отчаянием и ненавистью клубок средства массовой информации метнут в государственников.

Особая ставка на экономическую катастрофу. Вызвавшие ее Гайдар и команда уже сейчас пытаются свалить ответственность за дело рук своих на Черномырдина. Справедливое недовольство рабочих, невыполненные обязательства, невыплаченные триллионные суммы — все это идеальные компоненты для производства "адской машины", способной разнести вдребезги любой режим. Задача радикалов направить взрыв таким образом, чтобы он проложил им путь к власти. Тут, без

сомнения, пригодятся карманные профсоюзы вроде Независимого профсоюза горняков — лозунги от "демократов", деньги от американцев (смотри информацию в газете "Век", 1994, № 6). Забастовки будут организованы в то время и с такими требованиями, какие нужны Гайдару. Тысячи простых рабочих вновь станут "пушечным мясом" в пропагандистской войне[1].

Не исключены и провокации, призванные втянуть в борьбу государственные силовые структуры. Как раз во время объявления амнистии демпресса с наигранным ужасом заговорила о "террористах", арестованных в Питере (показательно: арест был произведен в самом начале февраля — 2-го числа, а зашумели о нем в самом конце месяца, подгадав к амнистии). Газетные заголовки намекали на некую связь между событиями: "Разминка перед третьим кровавым мятежом?" ("МК"); "От слов к террору? В Петербурге, в отличие от Москвы, политавантюристов не отпускают, а задерживают" ("ЛГ").

Броскими заголовками дело и ограничивалось — далее следовали крошечные заметки, сообщавшие скупые сведения: арестована группа из пяти человек, вооружение — пять пистолетов, планы — покушение на А. Собчака и налет на Дом правительства в Москве (это с пятью-то пистолетами!). Только более пространная корреспонденция в "Литгазете" позволяет узнать, кто же замешан в этом таинственном деле. Сообщается всего одна фамилия, но и она наводит на серьезные размышления. "Саша Богданов, как его все называют, начинал как безработный и активный член "Демократического союза", был участником всех демократических митингов, затем издавал радикальную газету "Антисоветская правда". В последнее время вдруг встал на защиту Советов, стал ратовать за национальную идею и участвовать уже в краснознаменных митингах" (1994. № 9). Сообщив эти сведения, журналист вынужден добавить: "Есть некоторое основание считать Богданова профессиональным провокатором".

Если таким путем обеспечить вовлечение силовых структур в смуту не удастся, будет реализован объявленный в "ЛГ" сценарий — "группы граждан" начинают заниматься "самообороной", оппоненты "не останутся в бездействии" — и готово: танки, чадя, выползают на площади. А там несколько выстрелов таинственных снайперов по броне, и вновь в центре города раздастся орудийная пальба.

Что даст радикалам организация полномасштабного кризиса? Многое. Экс-министрам из "Выбора России" он позволит уйти от личной ответственности за экономическую катастрофу. Позволит переложить ответственность на правительство государственников и свалить его. Распустить Думу, которую обвинят в развязывании войны, выдав за первопричину постановление об амнистии. Уничтожить оппозицию, сочетая террор "гражданских групп" с государственным. Используя н а р о д н ы й протест, установить самый жесткий вариант а н т и н а р о д н о й власти. Породить в обществе ощущение бессмысленности протестов (вариант, использованный в Румынии: после очередной смены кабинета, произведенной руками рабочих, те признавались корреспондентам: "Если бы знали, что в результате к власти придут эти люди, мы бы никогда не поднялись на борьбу").

Помимо радикалов из команды Гайдара еще несколько групп могут воспользоваться смутой. В газете "Завтра" (1994. № 7) перечислено четыре "партии". Особого внимания заслуживает стремительно набирающая вес "Московская группировка" (Ю. Лужков, Ю. Гусинский, А. Смоленский. А. Панкратов). Она обладает — цитирую — "неограниченными финансовыми и вместе с тем пропагандистскими (НТВ, Московский канал) возможностями. Она также контролирует некоторые силовые формирования (ГУВД Москвы, около 120 тысяч человек личного состава; неформальные вооруженные группы, подчиненные коммерческим структурам, около 30 тысяч человек). Характерно, что "московская" группировка в обход руководства МО РФ налаживает собственные связи в МВО, оказывая финансовые услуги руководству частей".

Несмотря на этот колоссальный потенциал, "московская группировка" не имеет ни общественного лидера, ни значительного влияния в провинции и потому не может рассчитывать прийти к власти законным выборным путем. Единственное, на что она м о ж е т надеяться, — воспользовавшись смутой, захватить Москву и попытаться распространить контроль на возможно большую территорию в расчете на то, что впоследствии регионы волей-неволей примут власть, установившуюся в столице. Прямо скажу: перспектива призрачная. Куда реальнее распад России при попытке осуществить этот план. Впрочем, почему бы и не это? Мэр другого крупнейшего города А. Собчак публично заявляет, что в случае победы патриотов он "сделает все, чтобы Петербург отделился от России" ("ЛГ". 1994. № 9).

Из числа претендентов на власть еще не выбыл Г. Явлинский, считающийся креатурой Горбачева. Хотя, не сумев оправдать высокие ставки на выборах, он, похоже, разочаровал многих. Во всяком случае, демпресса — основной электорат Г. Явлинского — переменила благосклонный прежде тон и пишет о бывшем кумире, не скрывая насмешки: "Явлинский, национальный герой московской интеллигенции" ("МК". 02.03.1994); "Григорий Явлинский все ждет. Ждет победы в конкурсе "Мистер-президент" или "Мистер-премьер" ("Сегодня". 22.02.1994). Видимо, инфантильный экономист не слишком подходит для грядущих кровавых разборок (хотя то, что и он любит кровь, неожиданно подтвердило его участие в попытке ареста Пуго). В то же время стоящий за Явлинским Горбачев сам рвется вернуться в большую политику. Нельзя сбрасывать со счетов и В. Шумейко. Вот кому терять нечего! Недаром он (в один голос с Лужковым) сразу же после объявления амнистии закричал о введении Чрезвычайки. Позднее он лукаво связал Чрезвычайное положение с необходимостью предотвратить экономическую катастрофу. Есть малоизвестные фигуры в окружении президента — эти готовы на все, чтобы удержаться у власти.

Их много, тех, кто готов воспользоваться кровью. И тем вероятнее бойня.

4

ПАТРИОТЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВО. УСЛОВИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Что может противопоставить этим силам патриотическая оппозиция? Боевых групп у нее нет. Помню, в сентябре юнцы, игравшие в военспецов, храбрились: у нас достаточно возможностей для сопротивления. Где были их легионы 4 октября? И где теперь сами эти "командиры" без войска:

---

1 Один из лидеров "Выбора России" Михаил Полторанин, по сообщениям газет, проронил, что "в мае забастовки свалят правительство Черномырдина и к власти вернутся "реформаторы" ("Независимая газета". 01.04.1994).

расстреляны на пресненском стадионе? Разбросаны по больницам? Распылены по России?

У нас (в отличие от противников всех мастей) нет финансовых возможностей. А ныне политика дорого стоит. Как не помянуть задушевным словом отечественных бизнесменов, которым не хватает ума даже для самосохранения. Об интересах России не говорю (и м — б е с п о л е з н о!), но свои-то кровные, шкурные, они понимать должны. Возвращение к власти тандема Гайдар—Федоров поставит крест на отечественной промышленности. А в случае усиления позиции Федорова — и на российских банках: они будут брошены на съедение иностранным гигантам.

У нас нет информационных каналов. Даже десять ежевечерних минут на питерском (далеко не везде доступном) канале и те отобраны. Пятьдесят минут (неполный час) патриотического телевещания в неделю показались чрезмерной роскошью на фоне десятков часов эфира, политически ориентированного на "Выбор России".

Самое печальное — у нас нет а к т и в н о й поддержки широких масс. Признаемся в этом, чтобы не совершать более опрометчивых поступков. Есть "молчаливое большинство", желающее своей стране и, конечно же, самому себе благоденствия и процветания. Но это п а с с и в н о е большинство, отчасти деморализованное шоковой терапией Гайдара, отчасти развращенное тем же Гайдаром, во многом запуганное октябрьской бойней и почти поголовно разочарованное в политике как таковой. Разочарованное, несмотря на то, что его и на дальние подступы к реальной политике не допускали. Просто людям внушили, будто они принимали деятельное участие в решении судьбы страны, когда голосовали за кабинет Ельцина—Гайдара. "Не нравится, как обернулось дело? Ну и плюньте на политику", — настойчиво подсказывают им. Развлекайтесь, занимайтесь своим делом, только не суйтесь в политику! Доходчивая проповедь. Не сунутся. Случись в Москве очередная замятня — головы не повернут. На выборы, пожалуй, еще пойдут. На защиту какого-нибудь очередного Дома — не думаю.

Все, что есть у патриотов сегодня, — Идея. Идея, рожденная любовью к России, сбереженная в многолетних пропагандистских схватках, закаленная в настоящих боях. Сегодня, по мере того как страна все глубже втягивается в кризис, преодолеть который можно только путем мобилизации всех ее резервов, в первую очередь г о с у д а р с т в е н н о г о и н с т и н к т а, сегодня эта идея оказывается нужной всем. Президенту, правительству и — совсем уж анекдотично! — "московской группировке". Пожалуй, только "Выбор России" остался в стороне. Хотя посмотрите на Полторанина — и он за последние полгода стал патриотом.

Если животворную идею соединить с т а к т и ч е с к и м м а с т е р с т в о м, можно будет побороться и в условиях смуты. И даже не допустить смуты!

В одиночку — не получится. Тут нужен если не союзник, то хотя бы партнер. Лучше честный. Но поскольку такие в политике редко встречаются, по крайней мере связанный определенными обязательствами. Именно о п р е д е л е н н ы м и, то есть заранее обговоренными и зафиксированными.

Я специально останавливаюсь на этом, потому что в последнее время наметилось сотрудничество между патриотической оппозицией и правительством. Оно осуществляется в основном в рамках думской работы. Однако это н е г л а с н о е партнерство. Обе стороны как будто стыдятся взаимодействия и опасливо оглядываются: не заметят ли чего со стороны.

Поведение в высшей степени неумное. И в обычной-то ситуации такие альянсы скрыть невозможно, не то что в нынешней, критической, когда все политические силы в предчувствии столкновения производят смотр рядов. Оно вдвойне неумно потому, что не сегодня, так завтра потребуется мобилизация всех ресурсов, и каждый активист в самом дальнем сельском районе должен будет твердо знать: кто союзник и кто — враг.

Понимаю, как тяжело правительству внятно продекларировать свою позицию (особенно учитывая переменчивый, капризный характер Е. Б. Н.). Что же, п у с т ь п а т р и о т ы п е р в ы м и п р о я с н я т: н а к а к и х у с л о в и я х, д о к а к и х п р е д е л о в и — г л а в н о е — в о и м я ч е г о о н и г о т о в ы с о т р у д н и ч а т ь с п р а в и т е л ь с т в о м.

Для меня вопрос ясен: пока правительство стремится сохранить и даже укрепить государство (пусть и во имя с в о и х корыстных интересов), я буду поддерживать его усилия в этом направлении. Т о л ь к о э т и у с и л и я. И т о л ь к о в д а н н ы й м о м е н т, когда существует угроза насильственного захвата власти со стороны сил хаоса и дезинтеграции[1].

Но хотелось бы услышать мнение лидеров патриотической оппозиции. Я не требую выдачи тайн: о чем они беседуют с Черномырдиным и его министрами. Достаточно объяснить, з а ч е м беседуют. Какие цели преследуют, поддерживая кабинет. Полагаю, ответ интересен не только мне — тысячам и тысячам рядовых сторонников оппозиции.

Но и правительству какую-то ясность внести придется. Если и не провозглашая программу, то, во всяком случае, обозначая у с л о в и я сотрудничества. Какими они могут быть? Изменить социально-экономическую линию, к чему справедливо призывают коммунисты, в одночасье не удастся. Не думаю, что сегодня Черномырдин (и особенно Ельцин) готовы поделиться властью. Хотя завтра, по мере нарастания кризиса, они будут лихорадочно пытаться разделить ответственность, а сделать это, не поделившись властью, невозможно. Как бы то ни было, сегодня вопрос о власти не стоит. Разве что о разграничении компетенций правительства и парламента, о создании нормальных условий для работы Думы.

Что же может предложить правительство патриотам? У ч а с т и е в и н ф о р м а ц и о н н о й п о л и т и к е. Пусть министры остаются в своих кабинетах, но позиции патриотов в средствах массовой информации должны быть укреплены. Для правительства это условие тем легче выполнимо, что оно будет делиться фактически чужим достоянием. Более того, достоянием своих сегодняшних противников. Практически все СМИ находятся в руках "Выбора России". В том числе два государственных телеканала, которые Черномырдин оплачивает из своего бюджета. Притом, что телеобозреватели представляют его кабинет, как сборище некомпетентных сторонников реставрации прежней государственной системы.

Сразу же уточню: речь не идет о каких-либо кадровых чистках. Все, что требуется от правительства, — восстановить в своих правах людей, ставших ж е р т в а м и политических чисток, проведенных на телевидении комиссарами "демократов". Вернуть в Информационное агентство "Останкино"

---

1 Альтернативой сотрудничеству гражданских сил станет введение чрезвычайного положения с запретом политической деятельности. Это нанесет удар по всем, но более всего вреда принесет Ельцину, окончательно изолировав его.

блестящих комментаторов Ирину Мишину и Бориса Костенко, восстановить программу "Парламентский час" на Российском телевидении, возродить "Русский дом" Александра Крутова на Московском канале, возобновить самую популярную информационную передачу Петербургского телевидения "600 секунд" Александра Невзорова.

Для патриотических сил это вопрос принципиальный. Поясню, почему. Борис Ельцин уже позаимствовал однажды лозунги патриотов: суверенитет России, возрождение ее государственных институтов, традиций и пр. Именно под этими лозунгами он привел "демократов" к власти в 1990 году, стал президентом в 1991-м. Некоторые наши сторонники до сих пор упрекают нас в том, что мы дали в руки Ельцину пропагандистское оружие. Упрекают несправедливо, ибо "оружие" было попросту украдено. У нас не хватило организационных и финансовых сил, чтобы донести эти идеи до избирателей, а "демократы", использовав всю финансовую мощь Запада и всю пропагандистскую мощь цековского Агитпропа, сумели привлечь народ нашими лозунгами на свою сторону. А потом на стадии воплощения в жизнь чудовищно извратили их, направили во вред (а не во благо) России.

Сейчас ситуация иная. Патриотов как будто приглашают к сотрудничеству. Усаживают за стол переговоров, предлагая поставить подписи под Меморандумом о согласии и подобными документами. Предпринимаются попытки глубже интегрировать патриотическое мировоззрение в идеологическую базу официального нового курса. В Кремле штудируют нашу прессу. Мне известно, что статьи из "Современника" ксерокопируют и кладут на стол высшим сановникам государства — не для доноса, для изучения.

Прагматикам, сидящим в правительстве, я хотел бы пояснить очевидную для каждого пишущего истину. Идеология — это не просто сумма тезисов. Это судьба. Выстраданное всей жизнью человеческое мировоззрение, возвысившееся до величественных обезличенных формул. Но под этой непроницаемой для постороннего взгляда оболочкой — живые страсти, конкретная жизнь. Идеологемы не импортируют, как западную оргтехнику. Их надо п р и ж и в л я т ь! Если, конечно, правительство и впрямь заинтересовано в создании государственной идеологии, а не стремится очередной раз пустить пыль в глаза доверчивым согражданам.

Поймите, вы и под пистолетом не сможете сделать государственников из телекомментаторов "Вестей". Даже если они усвоят казенную лексику, они сделают из нового курса такое же посмешище, как из теории "развитого социализма" при Брежневе. Помните, дикторы с невозмутимыми лицами зачитывали официальную чушь, а страна покатывалась со смеху? Вы этого хотите? Если нет, не насилуйте ни людей, ни идеи. Пусть Сорокина озвучивает установки Гайдара, дайте другому комментатору бороться за укрепление государства Российского.

Здесь нужна полная определенность. И дело не только в честности по отношению к оппозиции, но и в искренней верности самому провозглашенному курсу. Если вы в с а м о м д е л е г о с у д а р с т в е н н и к и, дайте возможность пропагандировать эту идею людям, выстрадавшим ее.

Пока ясности нет. Более того, кадровая политика президента в информационной сфере заставляет усомниться в искренности его намерений. Или в его способности контролировать ситуацию. Работать с прессой он поставил убежденного государственника (и кстати, талантливого журналиста) Бориса Миронова. Но как раз эту сферу правительство контролирует опосредованно — учредителем газет является не оно, а трудовые коллективы. Стремясь проводить новый курс в этой — враждебной в значительной мере — среде, Миронов набьет себе много шишек и вызовет массу конфликтов. Куда проще и надежнее контроль над государственным телевидением. Но сюда был назначен Александр Яковлев. Всем памятна его роковая роль в развале союзного государства. Можно ли предположить, что он станет усердствовать в укреплении государства Российского?

Телевизионщикам известно, что до самого последнего времени на пост руководителя "Останкино" претендовал Лазуткин, профессионал, работавший первым заместителем у политкомиссаров, поставляемых один за другим в телекомпанию. Говорят, что после отставки Брагина он был вызван к Ельцину для вручения приказа о назначении его на вожделенный пост. Вместо этого Лазуткин получил приказ об увольнении. По слухам, Черномырдин, активно поддерживавший его кандидатуру, на следующий день лег в больницу. А еще через день Лазуткин был восстановлен на работе, но главой "Останкино" стал А. Яковлев.

Что происходило в эти дни за кремлевской стеной? Какие силы давили на президента и премьера, какие цели они преследовали? Все покрыто тайной.

А там, где дело касается державного курса России, где требуется всеобщая политическая поддержка этого курса, нет ничего опаснее скрытности и неопределенности.

Патриотическая оппозиция, вступая на новый для себя путь сотрудничества с правительством, многим рискует. Она ставит на карту свой престиж, в известной мере свое будущее. Поэтому она должна твердо застраховать себя от обмана и предательства со стороны партнера. Ни при каких обстоятельствах не допустить, чтобы ее готовность к компромиссам во имя сохранения законности и государственности была использована во вред ее политическим интересам, во вред миллионам избирателей, поддержавших ее в декабре.

Добиться этого патриоты смогут только при одном условии — единстве. Последняя тема статьи. Вечная тема патриотической публицистики. Единство.

Ясно, что равноправно сотрудничать с правительством патриотическая оппозиция сможет только тогда, когда соберется в кулак. Иначе отдельные группировки будут использованы властями в своих целях, а затем за ненадобностью отброшены. Еще нужнее единство при подготовке к выборам. Сегодня у нас четыре бесспорных лидера — Руцкой, Зюганов, Бабурин и Жириновский (как бы ни относиться к его прошлому и тем силам, которые обеспечили его успех). Им предстоит договориться о скоординированных действиях. При этом следует помнить, что в условиях, когда страна на грани смуты, "отдельные списки" — любимая игра наших вождей — приведут их не в Кремль, а в Лефортово. На этот раз надолго.

Манифест левоцентристской оппозиции — первый шаг в нужном направлении. Но именно первый. Жизненно важно привлечь к коалиции в е с ь с п е к т р патриотических сил. К сожалению, составители документа не сочли нужным получить подписи тех, кто занимает позиции правее центра — Ю. Власова, М. Астафьева, В. Аксючица, И. Шафаревича, В. Осипова. Понятно, в отличие от левых коллег, они не располагают многочисленными дееспособными структурами. Однако выборы можно выиграть только под о б щ е н а ц и о н а л ь н ы м и, а не партийными лозунгами, какой бы влиятельной группировке они ни принадлежали.

Как бы то ни было, первый шаг сделан. Удастся ли расширить политический спектр коалиции, зависит от дипломатического такта наших лидеров, их готовности послужить России и от их ума. А

что можем сделать мы, рядовые патриотического движения? Что может сделать патриотическая печать? Мы должны дать ясно понять нашим вождям, что отвернемся от любого, кто личные амбиции поставит выше интересов общего дела. Тот, кто капризно отречется от сотрудничества, будет заклеймен как отступник и навсегда лишен народной поддержки. У нас нет иных рычагов давления, поэтому надо решительно воспользоваться этим, чтобы добиться спасительного согласия.

Я убежден, что, продемонстрировав единство, патриотическая оппозиция создаст новый центр притяжения, Центр Силы, столь необходимый в нашем децентрализованном обществе. Он привлечет к себе политические симпатии самых широких слоев населения. Заставит правительство считаться с собой и еще активнее искать поддержки у патриотов.

Тогда тщетными окажутся лихорадочные попытки радикалов накалить ситуацию и спровоцировать бойню. В сущности, если исключить крикливые СМИ, у них не так много сил. В октябре они действовали в основном чужими руками. Теперь на их стороне не будет омоновцев Ерина. Не будет прежней финансовой мощи (Гайдар уже не первый вице-премьер). Останется злоба и страх. А это дрянное оружие. Натолкнувшись на монолит патриотической воли, бешеная атака радикалов должна захлебнуться.

ТРИЛОГИЯ АКАДЕМИКА ТРОИЦКОГО

Вышла в свет книга доктора философских наук, основателя и председателя Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН) академика Евгения Сергеевича Троицкого "Что такое русская соборность?" Тем самым завершена давно задуманная им трилогия, посвященная основным, опорным национальным понятиям нашего народа. Предшествующие работы автора: "Русская нация" (М., 1989, Изд-во "Советская Россия") и "Возрождение Русской идеи" (М., 1991) раскрывают смысл и содержание Русской идеи, пути формирования неповторимой цивилизации Невидимого Града Китежа. Именно в возрождении великих понятий и ценностей нации, утверждает автор, — заветный ключ к возрождению России.

"Народы забывают иногда о своих национальных задачах, но такие народы гибнут... они превращаются в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы", — писал выдающийся государственный деятель и подлинный реформатор П. А. Столыпин. Стремясь воспрепятствовать превращению родного народа в удобрение для других этносов, Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН) выступает за формирование здорового национального чувства, анализирует важнейшие научные категории русского народа: нацию, русско-славянскую цивилизацию, национальную идею, русский путь в экономике, соборность, русскую духовность, показывает необходимость духовно-нравственного очищения общества.

АКИРН — прочное национальное научное объединение, она организует ежегодные декабрьские конференции с 1983 г., издает литературу. Укажем на сборники "Русская нация и обновление общества" (1990), "Русская идея и современность" (1992), "Русский путь в развитии экономики" (1993), Литвинова Г. И. "Русские американцы" (1993), "Иван Ильин. Родина. Русская философия. Православная культура" (1992), сб. "Питирим Сорокин. О Русской нации. Россия и Америка" (1992) (готовится дополненное новыми интересными материалами издание), книгу Сергея Солдатова "Россия в поисках исцеления" (1993), сборник научных и публицистических статей Г. И. Литвиновой "Для блага России" (1993).

Книги АКИРН обычно продаются в отделах распространения "Нашего современника", "Русского вестника", в некоторых книжных магазинах г. Москвы, например, в Московском доме книги. Иногородние могут обращаться с заказами по адресу: 129336, Москва, до востребования, Е. С. Троицкому. По этому же адресу направлять предложения о сотрудничестве, по поводу участия в конференциях и о столь необходимой духовной и материальной поддержке АКИРН.

Тема двенадцатой традиционной декабрьской встречи
"Русская нация: прошлое и настоящее".
Подготовка конференции уже ведется.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
В 1994 году на страницах нашего журнала вы прочтете:

— повесть Петра АЛЕШКИНА "Я — убийца", написанную от лица омоновца, принимавшего участие в кровавых событиях осенью 1993 года;

— новое произведение Владимира БОГОМОЛОВА, автора полюбившегося широкому читателю бестселлера "Момент истины" ("В августе сорок четвертого..."):

— новый, вдвое расширенный, вариант нашумевшей книги Станислава ГОВОРУХИНА "Великая криминальная революция";

— педагогические размышления об искусстве стать писателем ректора Литературного института, писателя Сергея ЕСИНА "Отступление от романа";

— повесть Владимира КРУПИНА "Слава Богу за все";

— документальный роман Станислава КУНЯЕВА "Сергей Есенин";

— продолжение романа Владимира ЛИЧУТИНА "Раскол";

— роман Александра ПРОХАНОВА "Дворец", в котором легендарный штурм дворца Амина в Кабуле мистическим образом совмещается с недавним разгромом Российского Дома Советов;

— книгу воспоминаний Александра РУЦКОГО "Обретение веры". 1993-й год: от Кремля до Лефортово;

— роман Александра СЕГЕНЯ "Страшный пассажир";

— рассказы В. ГУСЕВА, Ю. КУЗНЕЦОВА, В. МАРЧЕНКО, Г. НЕМЧЕНКО и др.;

— статью Сергея БОНДАРЧУКА о положении в современном кинематографе;

— очередную статью Вадима КОЖИНОВА "Сталин и Госбезопасность в послевоенный период" из цикла "Загадочные страницы истории XX века";

— материалы "круглого стола" в Свято-Даниловом монастыре по проблемам русской школы. Ведущий — В. Ганичев;

— материалы "круглого стола" медиков и публицистов под общим названием "Великие мистификации медицины". Ведущий — академик Л. ХУНДАНОВ.

Все это и многое другое предложит вам в 1994 году журнал "Наш современник"

Цена договорная Индекс 73274

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Как и было обещано, мы приступаем в апреле с. г. к публикации романа старейшего русского писателя Леонида Леонова "Пирамида". Правда, к сожалению, в необычном варианте. Дело в том, что издание этого романа из-за его внушительного объема по обычной схеме — из номера в номер — растянулось бы более чем на год. Поэтому редакция приняла решение о его выпуске четырьмя дополнительными приложениями — в формате и объеме журнала. Все четыре приложения планируется выпустить в апреле — июне 1994 года.

Распространение издания будет осуществляться в розницу по договорной цене, в том числе в самой редакции.

В случае поступления ваших заявок на новый роман классика русской литературы Л. М. Леонова редакция будет готова заключить соответствующие договоры с местными книготорговыми организациями, МП и кооперативами.

* * *

Вниманию книготорговых организаций, малых предприятий и кооперативов!

По вопросам, связанным с закупкой части тиража упомянутого издания нового романа Л. М. Леонова "Пирамида", обращаться в редакцию журнала "Наш современник" по адресу:

103750, ГСП, Москва, Цветной бульвар, 30
телефоны: (095) 200-24-24, 200-23-54
факс: (095) 200-23-05